

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Союз писателей России
ООО "ИПО писателей"

Международный фонд
славянской письменности
и культуры

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЬЯВ

Общественный совет:

В. И. БЕЛОВ,
Ю. В. БОНДАРЕВ,
В. Г. БОНДАРЕНКО,
А. В. ВОРОНЦОВ,
В. Н. ГАНИЧЕВ,
Г. Я. ГОРБОВСКИЙ,
Г. М. ГУСЕВ,
Т. В. ДОРОНИНА,
С. Н. ЕСИН,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
М. П. ЛОБАНОВ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
В. Д. ПОПОВ,
В. Г. РАСПУТИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
С. Н. СЕМАНОВ,
В. В. СОРОКИН,
С. А. СЫРНЕВА,
А. Ю. УБОГИЙ,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ

Проза

Владимир САЛАМАХА Лица и лик. Повесть	7
Георгий МАРЧУК Марточка. Рассказы	47
Алесь БАДАК Побег на край дождя Рассказ	55
Василь ТКАЧЕВ Дорога. Рассказ	66
Александр ИВАНОВ Канувший род. Рассказ	72
Леонид ЛЕВАНОВИЧ Сериал. Рассказ	82
Наталья КОСТЮЧЕНКО Две половинки любви. Рассказ	90

Поэзия

Юрий КЛЮЧНИКОВ Воспоминание	3
Валентина ПОЛИКАНИНА Над Белой Русью белые снега	45
Анатолий АВРУТИН То ли Родина, то ли печаль	52
Тамара КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО Светились яблони в саду	61
Георгий КИСЕЛЕВ Что ж я не скурвился?	69
Геннадий ПАШКОВ Утренняя поэма	77
Татьяна ЛЕЙКО На русском костяке	86
Поэтическая мозаика	97
Андрей ШАЦКОВ Возвращение к себе	113
Абдулла ДАГАНОВ Льется песня, тревожно звения... ..	117

Парнас смеется

Сергей ТРАХИМЕНОК Свобода слова	109
--	-----

Очерк и публицистика

Рой МЕДВЕДЕВ Александр Лукашенко как политический лидер.....	121
--	-----

Редакция

Приемная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
зам. главного редактора —
(495) 625-01-81

Е. В. Шишкин —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47

С. С. Куняев —
*зав. отделом критики,
отдел поэзии* —
(495) 625-02-81

Отдел публицистики —
(495) 625-30-47

Н. С. Соколова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71,
факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —
зав. техническим центром —
(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Юрий ГОДИН
Союзное государство —
сказка для взрослых 134

Чеслав КИРВЕЛЬ
Регионализация мира
и восточное славянство 148

Лев КРИШТАПОВИЧ
Зачем нам чужая история,
когда у нас есть своя? 168

Яков АЛЕКСЕЙЧИК
Маршал и маршалок 174

Александр и Максим
АНДРЕЕВЫ
Битва 194

Александр ЧЕРНЯК
Тайна первой революции 201

Николай РЫЖКОВ
СССР и Германия:
битва экономик 208

Критика

Кирилл МЕЛЬНИК
Феномен Савицкого 224

Владимир БОНДАРЕНКО
Простодушный сибирский мудрец
Юрий Клочников 234

Сергей КУНЯЕВ
Есенин и “альфреды” 239

Патриотика

Валентин СВИНИННИКОВ
Бесценен опыт Кедрогграда 268

Вячеслав МОРОЗОВ
“Самое святое,
что у нас осталось” 273

Георгий КАРЕЛИН
Крестьянская война 20-х годов
в современных исследованиях .. 277

Александр КАЗИНЦЕВ
Живой 279

Содержание журнала
за 2010 год 283

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией при условии, что объем рукописи по прозе — не менее 10 а. л., поэзии — 5 а. л., публицистике — 3 а. л. Срок хранения рукописей прозы 2 года, поэзии и публицистики — 1,5 года. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов

Операторы: Ю. Г. Бобкова, Е. Я. Закирова, Н. С. Полякова

Корректор: С. А. Артамонова

Зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.

Сдано в набор 10.11.10. Подписано в печать 01.12.10. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,3. Уч.-изд. л. 23,7. Заказ № 4133. Тираж 9500 экз.

Адрес редакции: Москва, 127051, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

Адрес журнала в интернете: www.nash-sovremennik.ru

E-mail: n-sovrem@yandex.ru

(Рукописи по e-mail не принимаются)

Отпечатано в типографии ОАО “Издательский дом “Красная звезда”,

123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38. www.redstarph.ru

ЮРИЙ КЛЮЧНИКОВ

ВОСПОМИНАНИЕ

В той степи глухой замерзал ящик.

Отключили свет и отопление,
тихо мерзну ночью у свечи.
Песня вдруг пришла из отдаления,
пирогом запахло из печи.

Непогодой ли в окне чернильном,
дождиком, что в подоконник бьет,
песней или запахом ванильным
возвращаюсь в сорок первый год.

Не налеты вражьей авиации,
не лишения тех горячих лет —
вспоминаю дни эвакуации,
степь за Волгой, деревенский хлеб.

Желтый, словно масло.

Благодати
я такой не видел никогда.
Помню, как колхозный председатель
конные вручил мне повода.

КЛЮЧНИКОВ Юрий Михайлович родился в 1930 году в г. Лебедине Сумской области. Окончил филологический факультет Томского университета. Работал учителем русского языка и литературы, завучем и директором средней школы в нескольких деревнях Кемеровской области. В Новосибирске работал радиокорреспондентом, главным редактором радиокомитета, Западно-Сибирской студии кинохроники, Сибирского отделения издательства "Наука". С середины 80-х годов начал печататься в местных и столичных журналах и издательствах. Живет в Новосибирске.

Подвозить харчи крестьянкам в поле
он на месяц обязал меня.
Что мальчишке лучше взрослой доли,
собственной телеги и коня!

Степь да степь, пустынная громада
вся в цветах, как праздничная шаль.
Первозданным хлеба ароматом
расписной простор ее дышал.

Топчется по ней моя лошадка,
над лошадкой — синие орлы.
Этим всем взволнованно и жадно
я дышу до нынешней поры.

Но живу давно уже в Сибири,
греюсь у живого огонька.
В грозном, но таком прекрасном мире,
да еще в нетопленной квартире
вспоминаю степь да ямщика.

* * *

На алтайской горе Филарет
в соснах прячется птица-поэт.
Спой мне, певчая горная птица,
о мечте, что должна воплотиться,
о сверкающем в синем эфире
нам завещанном предками мире,
где не будет вражды и тревог,
спой мне, вещая птица вьюрок.
Спой о чудных закатных разливах,
спой о звездах больших, точно сливы,
спой о нежности и чистоте,
об отшельниках новых в Мульте,
о тебе подпевающих немо
белых водах святого Аккема,
где однажды до Божьего гнева
окрестили Адама и Еву.
Спой мне, птица, и душу встряхни
в наши песню забывшие дни.

* * *

В моем окошке даль мутна,
на дачных стеклах первый иней.
А где-то есть село Мульта
в горах Алтая вечно синих.

Там рота сосен у реки
дозор осенний с небом делит.
Хранят зеленые штыки
недавно выстроенный терем.

Я не попал в него.
Нога
Споткнулась на пороге новом.

Спросила бабушка-яга
с крыльца высокого:
— Кого вам?

Кого мне? Что я мог сказать,
узрев в глазах ее опаску...
Глядел в поблекшие глаза
и отвечал:
— Былую сказку.

ШПАЛЫ ДЕРЕВЯННЫЕ

Лежим без дела рядышком с вагонами,
где в штабеле, где грудой, где вразброс.
Нас заменили на путях — бетонными
и бросили надолго под откос

в соседство с лопухами и с осотом.
Нам их порядок жизни не знаком.
Ведь мы таким промыты креозотом,
что справимся и с грустью, и с грибком.

Считай, Россия вся по нашим спинам
промчалась из величья в никуда.
Могла бы удостоить хоть распилом,
лежать мы не привыкли без труда.

Из нас избу немудрено сварганить
или надежно погреб подпереть...
В конце концов, мы можем в русской бане
по-черному
безропотно сгореть

на языках краснознаменно-алых
недолгого веселого огня...
Ты спросишь, почему пишу о шпалах?
Да потому что с детства им родня.

УЛЫБКА ПОЭТА

Н. Шпилову

Кирпич провинциального журнала.
Обложка — золотые купола.
Внутри стихи о боли после бала,
той самой, что его оберегла

от зыбких истин и улыбок щучьих.
Он мне напоминал улыбкой Че...
Еще в нем жил бездомный облик чукчи
с гитарой, как ярангой, на плече.

Такого не уложишь на полати,
такой патроном ляжет в автомат.
Мы с ним сошлись,
по-русски не поладили...
И, каюсь, я один был виноват,

что за его улыбкой синеокой
не разглядел печального огня,
не оценил души его высокой
в балах-загулах дома у меня...

Расстались мы. В столицу он уехал.
Прославился. И точка бы на том,
когда б в Сибирь не докатилось эхо,
что он погиб в боях за Белый Дом.

Однако оказался не последним
в его судьбе тот сумасшедший бал...
Святой Руси несломленный наследник
в псаломщики небесные попал.

Теперь, покинув наше бездорожье,
оттуда служит будущей Руси:
— Да снизойдет на землю Слава Божья
и утвердится яко в Небеси!

ПИСЬМО СВЯЩЕННИКУ

Вы Родине нашей вменили в вину
публично, с амвона, ни мало, ни много,
что страшную мы заслужили войну
за власть коммунистов, отвергшую Бога.

Ну что ж, и церковный, быть может, погром
в семнадцатом тоже был горьким лекарством
за не сохраненный Синодом Покров
Святой Богородицы над государством.

Но я-то в стихах не виню никого
за нынешние и за былые невзгоды,
нам вместе бы с вами вернуть торжество
священной весны сорок пятого года.

В ту пору связать нас сумела беда,
сегодня же беды разводят в тумане.
Вы ждете повинной? Примите тогда
за всех коммунистов

мое покаянье.

Простите, что манны не ждали с небес,
что, Бога не помня, творили молитву,
что строили вместо церквей ДнепроГЭС,
колхозы, метро, Комсомольск и Магнитку.

Что был, не мерещился классовый враг,
что с ним воевали, не прячась по затишкам,
что гибли за цвета кровавого флаг
и верили батьке с усами — не батюшкам.

Но если вернется на Родину Свет
и Знамя победное вновь будет поднято,
я верю — допишется в Новый Завет
апостольский грех большевистского подвига.

ВЛАДИМИР САЛАМАХА

ЛИЦА И ЛИК

ПОВЕСТЬ*

1

Первого ребенка Веры и Николая звали Гришкой. Мальчику было девять лет.

В тот день, когда семья пополнилась еще одним человеком, Гришка так и не узнал, кто это: братик или сестричка. Да и вообще Гришка ничего определенного не знал: еще затемно, утречком, родители как уехали на “скорой”, так их и не было, и мальчик поздно вечером лег спать без них.

Гришка учится в четвертом классе. Недавно было родительское собрание. Мама, придя домой, сказала, что учительница хвалила Гришку: хорошо учится и вообще самостоятельный мальчик.

Гришка уверен, родителям приятно, что сын такой. Но вместе с тем ему немного и обидно: учительница же не знает, что он не боится один оставаться дома! Она также не знает, что он всегда помогает маме мыть пол, вытирать пыль со шкафа. А самое главное — Гришка умеет зажигать газ на плите и разогревать обед! Интересно, если бы знала, что бы тогда сказала Анна Кузьминична?..

САЛАМАХА Владимир Петрович родился в 1949 г. в д. Бересневка Кировского района Могилевской области. Окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета. Прозаик, публицист. Автор книг прозы “Прывід у скураным крэсле”, “Напрадвесні” и др. Лауреат Государственной премии Республики Беларусь. Работает главным редактором издательства “Белорусская Энциклопедия им. П. Бровки”. Живет в Минске.

* Журнальный вариант.

Учится Гришка в первую смену. Школа далековато от дома, где они сейчас живут. За три года родители трижды переезжали из квартиры на квартиру. Немного поживут в одной, хозяева или скажут, чтобы платили больше, или сошлются на то, что сейчас самим понадобилась жилплощадь, — освобождайте!

Две прежние квартиры, что снимали Гришкины родители, были ближе к школе. Плохо, конечно, — школы приходится так часто менять: не успеешь привыкнуть к одной — следующая... И в каждой нужно заново со всеми знакомиться, заводить новых друзей.

Эта школа — за противоположным краем большого пустыря, разделяющего два микрорайона. Недалеко от дома пустырь спускается в низину. С этого края он порос кустарником. Но ни пустыря, ни школы из окна квартиры не видно: оно выходит во двор. Двор большой, обрамлен старыми липами, между ними — густой кустарник.

Этот двор хорошо знают мальчишки из ближайших домов. Во всем микрорайоне только здесь такая большая спортивная площадка. На ней — футбольные ворота, турники, лестницы, вкопанные до половины в землю старые мазовские колеса: чтобы пробежать по ним и не упасть — нужно быть таким ловким, как Гришка.

А еще двор нравится пенсионерам: здесь под липами стоит длинный, сколоченный из досок стол. Вечерами по нему любители домино громко стучат костяшками — “забивают козла” или “ловят рыбу”.

Но Гришке во дворе неинтересно: местные мальчишки не берут его играть в футбол. И вообще они зовут его малым или чужаком. Когда выйдет во двор, где мальчишки гоняют мяч, только и слышит: “Малый, подай!.. Малый, отойди и не мешай!.. Малый...”

Гришке нравится пустырь. Летом, пока мальчик не работал, там, в маленьком озере, он ловил карасиков. А еще однажды он нашел в кустах птичье гнездышко, о котором никто, кроме него, не знал.

Мальчик гнездышко не трогал. Иногда, спрятавшись в густой траве недалеко от гнезда, он наблюдал, как маленькая серенькая птичка высиживала птенцов. Видел также, как она внимательно посматривает на него, наверное, готовая в любое мгновение, если он попробует протянуть к ней руку, вспорхнуть и улететь. Гришка знал, что делать этого нельзя: птичка может навсегда покинуть гнездо, и тогда яйца остынут, птенцы не выведутся,

А через несколько дней в гнездышке появились птенцы — четверо серых живых комочков. Каждый раз, когда их мать прилетала к гнездышку, принося им еду, они поднимали невообразимый писк. Он видел, как птичка поочередно кормила птенцов, передавая из своего клюва в их маленькие клювики каких-то козявок. Гришка радовался, что мальчишки о гнездышке ничего не знают: они такие, могли бы разорить его — бросают же камни в кошек, живущих в подвале дома. А когда кому удается попасть в кошку, неистово орут, радуются и начинают бросать в нее камни с еще большей ожесточенностью: даже взрослые не всегда могут остановить их.

Вскоре птенцы улетели, гнездышко опустело. Мальчик одновременно печалился и радовался. Печалился потому, что оставался на пустыре один, а радовался, понимая, что птенцы уже стали птицами и сейчас их жизнь зависит только от них самих: “взрослые”!

Да, пустырь ему нравится. Летом там цвели разные травы. На них звенели пчелы и шмели. Там пели птицы. Сейчас пустырь засыпан глубоким снегом.

Осенью, в холода, когда часто шли дожди, а на пустыре пожухла, полегла на землю трава, строители на “КрАЗах” привезли сюда плиты, трубы, гравий, кирпич. Их выгрузили где попало да так и оставили. От дома, в котором живет мальчик, до школы и до ближайшей — она недалеко от школы — автобусной остановки протоптана глубокая тропинка. По ней до школы намного ближе, чем по улице. Но на тропинке ребят встретишь не часто: родители запрещают им по ней ходить, так как здесь постоянно бродят любители выпить и бомжи — говорят, от них можно всего ожидать.

Случается, здесь слышатся ругань, крики, кто-то грозитя кого-то прибить. Но Гришка все равно не боится здесь ходить. И Витька, его единственный дружок, бегаёт по этой тропинке. Правда, только через день, на большой перемене, — когда Витькина очередь покушать в булочной хлеб. Магазин же недалеко от дома, в котором живет Гришка.

У мальчишек есть тайна: каждый день они сбрасываются из тех денег, что дают им родители на обед, покупают полбатона на двоих — экономят. Едят где-нибудь в уголке, чтобы никто не видел, потом пьют воду из-под крана. Мальчишки хотят до конца учебного года собрать побольше “зайчиков” — деньги очень нужны и Гришке, и Витьке...

От этой грязно-рыжей, скользкой после оттепели в мороз тропинки во все стороны растекаются узенькие тропки, усыпанные разноцветными пробками от бутылок, битым стеклом, обрывками газет, остатками еды. Тропки ведут за плиты и трубы, где собираются любители выпить. Те отираются там с самого утра — как только откроется магазин. Это сейчас, а летом, наверное, некоторые люди на пустыре и ночуют. И сейчас, зимой, если присмотреться, видно издали, как из-за плит и труб время от времени высовываются головы, когда ко ртам прикладывается бутылка.

Гришка и Витька тех людей меж собой называют “горнистами”. Мальчишки слышали, что так их называли милиционеры: те однажды осенью приехали сюда на машине и гонялись за ними. Но где там! “Горнисты” убежали через болото-озерцо в кусты, милиционеры походили возле воды, да ни с чем и поехали.

С этими “горнистами” Гришка и Витька ладят. Случается, когда мальчишки идут по тропинке в школу или из школы, “горнисты”, заметив их, высовываясь из своих укрытий, просят:

— Ребятишки, посмотрите, не видно ли где поблизости ментов?

Ребята с готовностью смотрят: “Нет”. А если вдруг на тропке появляется человек в форме, с радостью предупреждают: “Есть! Прячьтесь!”

Конечно, будет очень жаль, если весной пустырь начнут застраивать. Все исчезнет: и птиц не будет, и озерца-болотца, и тропки, и этих людей, жизнь которых Гришке непонятна. Иногда он думает, что у этих дядей нет квартир, семьи, работы. И ему становится страшно: неужели когда-то такое может быть и с ним?... Хотя квартиры у них своей нет, но папа работает. У папы есть он с мамой. Папа о них заботится, а они с мамой о нем. Гришка помогает маме, старается хорошо учиться... Нет, такое, как с этими дядями, с ним не может быть... Да и с Витькой, его другом, с которым сидят за одной партой, — тоже. У Витьки нет отца, только мама да сестренка, и он, как взрослый, заботится о них. Витька даже умудряется зарабатывать деньги не только на сладости для сестрички, но и на еду семье. Гришка тоже хочет зарабатывать деньги, но пока ему это не удается. Мальчишки понимают, что, экономя на обедах, им много денег не собрать, но все же... Может, когда вырастут, смогут стать коммерсантами — тогда иное дело. А сейчас даже все взрослые, кого они знают, почему-то никак не могут хорошо заработать. Вон Гришкин отец, к примеру, как ни работает (часто приходит домой за полночь), а заработать денег столько, чтобы семья жила беззаботно, не может.

Но как бы там ни было, мальчишки не теряют надежды к летним каникулам собрать столько денег, чтобы родные порадовались, когда узнают сколько. А пока...

В этот день Гришка, расставшись после занятий с Витькой — друг жил в микрорайоне недалеко от школы, сразу побежал домой. Еще бы не спешить: отец обещал, что возьмет его с собой навестить маму в роддоме.

Утром отец, подняв Гришку с постели, сказал:

— Будешь хозяйничать один. Мы с мамой поедem — она за сестричкой или братиком, а я — на работу. Сразу после занятий жди меня.

Папа разбудил Гришку очень рано. Как только глаза привыкли к свету, мальчик понял, что остается дома один — мама была в пальто, а возле нее стояла женщина в белом халате, наброшенном поверх шубки.

Гришка понял, что сейчас маму повезут в больницу, в ту, где рождаются дети. Мама говорила ему, что скоро у него будет братик или сестричка.

Почему-то ему стало очень страшно, он еле сдержался, чтобы не заплакать, — только этого ему сейчас не хватало!..

Он хотел отвернуться, чтобы мама не увидела его слез, но она все поняла: подошла к нему, вновь улыбнулась, ласково посмотрела на него, поцеловала и сказала:

— Не бойся, сыночек, я поеду, а ты после школы побудь один дома. А вечером с папкой приедете ко мне. У нас все будет хорошо.

— Идемте, идемте, — торопила врач.

Мама, папа и врач ушли. Гришка остался один.

Как только за ними закрылась дверь, он подбежал к окну, прилип лицом к темному холодному влажному стеклу.

Возле подъезда, освещенного фонарем, стояла “скорая” с включенными красными подфарниками. Возле машины мама медленно (отец поддерживал ее под руку) повернулась, помахала рукой сыну. (Откуда она знала, что он смотрит?) Мальчик попробовал улыбнуться ей в ответ, но почувствовал на губах что-то соленое. Он начал торопливо махать маме рукой и махал, пока она не скрылась в машине. Тогда у него в горле защекотало, губы передернулись, но он сдержался, не заплакал.

Машина уехала, а Гришка еще долго смотрел ей вслед. Он отошел от окна, когда заметил, что снег стал зеленовато-желтым, а покрытые инеем веточки липок засеребрились. Тогда Гришке почему-то стало холодно, плечи его задрожали.

Он соскочил с подоконника, подбежал к раскладушке, лег, свернулся калачиком, словно хотел вытиснуть из тела озноб. В горле по-прежнему щекотало, разгоряченные щеки покрылись потом.

Будто через туман Гришка увидел на тумбочке будильник — половина шестого. В школу ему к восьми, значит, еще можно поспать. Но заснуть мальчик уже не мог. Слезы сами по себе текли из его глаз: он не плакал, нет — какие-то чужие слезы. Он всхлипывал и думал: “Кто лучше: сестричка или братик?..” Но сколько Гришка ни размышлял об этом, так и не решил — зазвенел будильник. Выбираясь из-под теплого одеяла, подумал: “Кто будет, пусть тот и будет. Как говорит мама, наше, никому не отдадим”.

2

Придя из школы домой, Гришка обедать не стал. Есть не хотелось, они с Витькой, как всегда, неплохо перекусили батоном, попили воды из-под крана: полные животы! Он сразу же принялся за уроки: а как же, учеба — это Гришкина работа, а работать плохо нельзя. И вообще, как говорят родители, любой работой надо дорожить. Вон после того, как отец на заводе остался без работы и долго не мог нигде устроиться, как им тяжело было! Мальчик видел, как отец переживал: почернел, сильно похудел, стал задумчивым. Одно время с такими же, как сам, безработными мужчинами он ездил в колхоз, что-то там делал. Потом кому-то строил дачу, разгружал на станции вагоны и даже некоторое время на стадионе продавал шмотье соседа Дунина. “А с Дуниным — совсем беда, — говорила мама, — отец так напродался, остался столько должен хозяину, что хоть иди просить милостыню!” Но, как говорит мама, мир не без добрых людей, их выручил папин школьный товарищ отец Василий. Сейчас у папы есть работа, он возит какого-то начальника.

Мальчик знает, что отец очень боится потерять свою работу: всякое может быть, говорят взрослые, время такое. Он слушается своего начальника, хотя часто обижается на него. Мама предостерегает отца: “Терпи, Николай, терпи. Без него мы пропадем. Где ты устроишься?”

Гришка старается слушаться родителей, особенно он понял, что не надо ничем их огорчать, после того, что случилось с ним летом...

Летом отец очень рано спешил на работу. И поздно возвращался, когда Гришка уже спал. И мамы также днем дома не было. Утром, накормив сына, приготовив обед, она брала тяжелую сумку, заходила за соседкой Артимоновой, и они спешили к метро.

Сын знал, что в сумке сигареты. Их маме и Артимоновне давал Дунин: “Продавайте!” Знал также, что Дунин вечером заплатит маме за работу: три процента от выручки. Мама говорила, что день на день не приходится, иногда она зарабатывает на ужин семье, а иногда — только на дорогу туда и обратно. Она также сетовала на то, что продавать сигареты ей стыдно и страшно: кажется, что на тебя смотрит весь мир, что все знают — спекулянтка. Но у нее и Артимоновны, пенсионерки, нет иного способа хоть как-то заработать на жизнь. И когда мама уж очень боится, соседка успокаивает ее тем, что у Дунина где-то есть “крыша”, а это означает, что никто не может обидеть работающих на него людей.

Гришке очень хотелось помочь родителям, но как и чем, он не знал. И когда они уходили из дома, он бесцельно бродил по улице, по пустырю. Родители знали, что их сын иногда ходит к озерцу-болотцу, где, случается, и взрослые сидят с удочками. Папа и мама разрешали ему гулять там, но предупреждали, чтобы был осторожен и, если вдруг кто-то из взрослых мужчин или женщин попробует его чем-нибудь заманить, пригласит идти с ними, то ни в коем случае этого нельзя делать: мало ли сейчас плохих людей.

Отец купил ему бамбуковую удочку. Гришка ловил карасиков, а когда собирался домой, выпускал — пусть живут... Здесь Гришка и познакомился с Витькой, тот тоже рыбачил. Мальчишки быстро подружились. Оказалось, что Витька ходит в ту же школу, в которой будет учиться Гришка, и даже классе у них один — четвертый.

Вскоре Гришка узнал, что у Витьки нет отца. Живет с матерью и маленькой сестричкой, о которых он заботится. Тогда Гришка отдал Витьке своих карасиков, солгав, что вчера дома у них была уха: каким-то необъяснимым образом почувствовал, что иначе тот не взял бы.

Витька, как считает Гришка, совсем взрослый. Он многое знает. Это Витька подсказал Гришке, где и как можно неплохо заработать: надо пристроиться возле гостиницы мыть машины. Оказалось, что многие мальчишки в разных районах города так зарабатывают деньги. Конечно, самые лучшие места — возле “классных” гостиниц. К примеру, возле “Юбилейной” или “Садовой”. Там даже можно получить доллары. Но там Витьке и Гришке делать нечего: там местные мальчишки работают и чужаков гонят взашей. Да и ребята постарше смотрят, чтобы никто посторонний туда и близко не подходил. А те, кто моет, отдают им часть денег.

Но Витька нашел выход. Недалеко от их микрорайона была небольшая гостиница. А почему бы не попробовать, если возле нее еще никто машины не моет? Да они будут первыми!.. Вот и забегал Витька за Гришкой, когда родителей уже не было дома. У мальчиков на пустыре были спрятаны ведра и тряпки. До гостиницы было всего три остановки. Она рядом с частным сектором. Там среди нескольких деревянных домиков, утопающих в сени садов, возвышались новые двух- и трехэтажные кирпичные коттеджи.

Мальчишкам повезло: возле одного, обитого желтой дощечкой домика, у забора со стороны улицы была колонка. Мальчишки набирали воду в ведра, шли к гостинице. Как только рядом останавливалась какая-нибудь грязная иномарка — их с каждым днем становилось в городе все больше — Витька и Гришка подходили к ней и начинали старательно смывать с нее пыль и грязь.

Интересно, но никто из хозяев не гнал их прочь, иногда только предупреждал, дескать, не очень трите, чтобы не порезать песком краску.

Когда через некоторое время владелец машины подходил к своему авто и видел, что она блестит как новенькая, то давал мальчишкам деньги. Правда, немного. Все рассчитывались исключительно “зайчиками”. А друзья складывали бумажки в целлофановый мешочек, и Витька, чтобы не отобрали ребята постарше, прятал его под ремень штанов, прикрывал рубашкой.

Вечером делили деньги поровну. Витьке хватало на молоко, хлеб, иногда даже на кусок колбасы, как говорил, своим женщинам — матери и сестричке. Гришка свои деньги не тратил, прятал дома на антресоли — копил.

Все шло хорошо. Им никто не мешал. Правда, каждый раз, когда мальчишки останавливались возле колонки, из калитки, обитой старой ржавой же-

стью, выходила худощая, вся в лохмотьях, в больших тяжелых резиновых сапогах старуха. Пока наливали воду в ведра, она молча наблюдала за мальчишками. Как только они шли к гостинице, не спеша возвращалась во двор. А через несколько дней, когда мальчики перестали обращать на нее внимание, старуха незаметно подошла к ним, схватила Витьку сзади за ворот рубашки и, повернув к себе, просипела в лицо, что колонка “приватная”, принадлежит какому-то Серому, и если они хотят здесь работать, то должны отдавать ей треть денег, а она — хозяину.

Витька сразу же согласился, и каждый вечер друзья отдавали старухе треть своих денег. А она, даже не посчитав, быстро прятала их за пазуху, приговаривая:

— Не вздумайте меня обманывать! Узнает хозяин — на одну ногу станет, за вторую каждого по отдельности располовинит.

Предупредив, старуха молча поворачивалась и, что-то бормоча себе под нос, уходила.

Когда Гришка спросил у друга, кто такой Серый, Витька, с опаской поглядывая вокруг, прошептал:

— Хозяин района. Чтобы ты знал — все давно вокруг поделено между ними. Все — кто хоть что продает или, как мы с тобой, зарабатывает своим трудом, должны давать им дань. Иначе будет плохо. Серый — здесь хозяин!..

В слове “хозяин” Гришка услышал что-то уж больно грозное, страшное, беспощадное, дескать, знай, кто ты перед ним. Раньше, когда слышал это слово, хозяином Гришке представлялся дяденька, у которого они снимают квартиру и перед которым отец всегда стоял растерянным, когда тот в конце месяца приезжал за деньгами. Реже представлялся Дунин. Хотя родители боятся и того, и другого. Первый в любое время может их выгнать из квартиры или повысить плату за нее, а Дунин все еще требует рассчитаться с долгами, которые якобы наделал отец. Родители рассчитываются понемногу: нет у них возможности отдать все сразу.

Серый же может избить. Если не сам, то его помощники. Тогда Гришке стало страшно: заступиться за них некому — не скажешь же родителям, что такое может быть. Они не похвалят, что сын втайне от них работает. И если узнают — запретят: рано еще, мал!..

Гришка сказал об этом другу. Витька успокоил:

— Нас он не тронет. Думаю, его люди знают, что мы много здесь не зарабатываем. Да и отдаем столько, сколько велено — треть. А вот если бабуля себе что-то прикарманивает, так мы скажем, сколько даем каждый день: я помню. Пусть попробует соврать!..

Сейчас мальчик уже Серого и его людей не боялся. Он побаивался другого: на руках появились язвочки, нарывы — не увидели бы родители. Пока они не замечали этого: мама была занята своим — все еще продавала сигареты Дунина, а отец по-прежнему рано уходил из дома и поздно возвращался.

Деньги свои Гришка пересчитывал ежедневно. Вскоре их невозможно было сосчитать: не складывали еще таких цифр в школе! Он думал, что родители очень обрадуются, когда в конце лета, ближе к сентябрю, отдаст им деньги. Может, денег хватит не только ему на школьную форму, но и рассчитаться с Дуниным, заплатить за квартиру.

Неизвестно, удалось бы Гришке собрать столько, чтобы хватило на все задуманное, если бы недели через две местные мальчишки не прогнали их с Витькой отсюда. Сказали, что Серый ставит сюда своих, а чужакам здесь делать нечего. А придут — хорошенько наостылляют по шеям.

В тот день, когда отец пришел с работы, Гришка достал с антресолей целлофановый мешочек, напакованный деньгами. Высыпал на стол целую горку “зайчиков”:

— Мама, папа, смотрите!

Мама, увидев деньги, схватилась руками за голову, заплакала. Отец, как ужаленный, подхватился с места, по слогам отчеканил:

— Где ты их взял? Сейчас же отнеси назад!

Плача, утирая руками в болячках мокрое грязное лицо, Гришка рассказал родителям, откуда у него деньги. Мама, заметив, какие у него руки, запричитала: “Дожили... Из-за чужого богатства не заметили, как свой ребенок увечится...”

Она взяла в ладони руки сына, долго гладила их и плакала. Отец принялся успокаивать жену и сына, стал просить Гришку, чтобы тот не обижался, что такое мог о нем подумать, а мальчику от этого стало еще обиднее. Он никак не мог успокоиться. По его лицу текли слезы, казалось, внутри вспыхнул пожар — там все горело, начала болеть голова. И только час спустя, когда, казалось, и отец заплачет, мальчик и мать начали успокаиваться. А успокоившись, все трое долго сидели молча, каждый думая о чем-то своем, потом решили посчитать, сколько же он заработал. Оказалось, что Гришкин бизнес “прогорел” (отцовское слово). Инфляция “съела зайчики” (тоже его высказывание). Ну и пусть, главное — Гришка никому ничего не должен. Потом отец начал вспоминать, как когда-то сам в Гришкином возрасте зарабатывал хлеб — был подпаском у деревенского пастуха деда Евтехи. (Ему, отцу и матери очень трудно жилось.) Отец также говорил, что ему нравилось быть пастушком. Еще бы, целый день в лесу, да и кормили люди пастушка хорошо: а уж дед Евтеха... За лето он, отец, ухитрился растолстеть, как поросенок. Так что...

— Да не сравнивай ты свое и Гришкино детство, — сказала мама. — То разные времена, да и деревня не город. Люди разные.

— О людях ты так зря, — не согласился с ней отец. — Везде есть и хорошие, и не очень.

Руки его зажали быстро. Мальчик по-прежнему думал, как помочь родителям. Вскоре стало еще труднее: мама перестала носить сигареты к метро, а другой работы Дунин ей не дал. Папа же учился или переучивался на шофера: отец Василий оплатил учебу. В долг, иначе отец не соглашался.

Как понимал Гришка, отец Василий им помогает: они исправно платили за квартиру, да и с Дуниным рассчитывались.

Мама говорила, что друг отца совестливый человек: “сейчас таких мало”... По выходным она стала ходить в церковь. А однажды принесла оттуда икону в золоченой рамке, отец повесил ее в угол. Но Гришка не видел, чтобы родители при нем крестились...

После всего случившегося Гришка далеко от дома не отходил. Разве что стал чаще ходить на пустырь, туда, где в начале лета нашел птичье гнездышко. Почему именно туда — он и сам не знал: тянуло.

Во дворе мальчишки по-прежнему не принимали его в свою компанию: чужак, малый... Куда ему было податься одному? Витьки уже не было в городе. Мать отвезла его и сестричку в деревню к бабушке. До начала занятий в школе друзья не виделись. Встретились в одном классе — четвертом “В”. Учительница, наверное, поняв, что они дружат, посадила их за одну парту.

Хотя у Гришки всего один друг, есть и неприятели. Это Гарик и Альбертик, одноклассники. Как говорит Витька, мамкины сынки. Их отцы привозят в школу на лимузинах. Они смелые показывать мальчишкам языки и фиги из машин, а так все около учительницы крутятся. Ни с кем не дружат. На уроках отвечают плохо, но почему-то учительница плохих оценок им не ставит.

Вообще-то Гарик и Альбертик хвастуны. Хвастаются, что летом были в Италии. Говорят, что в следующем году поедут в Америку. Может быть, и поедут, родители у них богатые. Гарик и Альбертик говорят, что скоро пойдут в другую школу. Элитная называется. Пусть. Надоели они всем. Вот сегодня на большой перемене они встретили на пустыре Витьку и вываляли в снегу. Храбрецы — вдвоем на одного! Отобрали хлеб, футболили им как хотели. Неизвестно, чем бы это окончилось, если бы за Витьку не вступились “горнисты”. Гарика и Альбертика они, конечно, не догнали, но те, убегая, орали на всю округу: “Мама!” “Горнисты” стыдили их, говорили, что пойдут в школу и расскажут учительна, чем занимаются их ученики, но почему-то не пошли.

Побитый, вывалянный в снегу, Витька притащился в класс перед самым уроком. Одежда мокрая. Рукав в курточке оторван, зуб на зуб не попадает, сбитый в ком хлеб он держал за пазухой.

Учительница, увидев его таким, ругала перед всем классом, говорила, чтобы не бегал на переменах неизвестно где: свернет себе шею, а ей — отвечать!

Витька не оправдывался и не жаловался, что на него напали Гарик и Альбертик. А те сидели и хихикали.

Потом уже, когда мальчики ели под лестницей холодный мокрый хлеб, Витька рассказал Гришке, что с ним случилось. Сказал, что Альбертик и Гарик требовали денег. Сожалел, что налетели они на него неожиданно: выскочили из-за трубы, сбили с ног, а так он показал бы!.. С деньгами, конечно, надо быть поосторожнее: мальчишки постарше отбирают деньги у младших.

Витька и Гришка решили пока мамкиных сынков не трогать — будут неприятности. А неприятностей у Гришки и так хватает. Ему и сегодня неприятно, что не удалось летом заработать, что мама плакала и отец был недоволен.

Сейчас мальчишки экономят на обедах, Витька придумал это. Гришка рассчитывает, что к лету, к окончанию учебы, у него соберется немало денег. И тогда родители не станут ругаться: он же машины не мыл, не воровал, ни у кого не отбирал — сэкономил. Отец экономит на обедах, сам иногда говорит об этом маме.

3

Гришка сделал уроки, прошло часа два, но есть и сейчас не хотелось. Да и какая еда сейчас пойдет, когда живот был как никогда полный, тяжелый, будто там — камень. Наверное, переел хлеба под лестницей, хотя, как всегда, у мальчишек было полбатона на двоих... Ну ничего, вот только что-то знобит. Да и живот болит. Как-то непривычно: раньше поболит-поболит да и перестанет. А сейчас... Наверное, неплохо было бы поесть чего-нибудь горячего. Сегодня дома еды хватает. Вчера мама целый день варила, жарила, тушила, говорила, что нужно наготовить впрок, чтобы мужчинам (это отцу и ему) хватило на все дни, пока ее не будет дома.

Мальчик знает, что на балконе завернута в фуфайку большая кастрюля голубцов. На подоконнике на кухне стоят тарелочки холодца, а также какая-то еда в холодильнике у соседки Артимоновны. Есть у них еще одна очень вкусная еда — язык проглотишь — приличный кусок промерзшего, с прослойками мяса, сала. Тоже на балконе. Сейчас, если бы не болел живот, Гришка отрезал бы ломтик. Сало из командировки привез отец, и мама дает ему понемногу на обед. Отцу нужно хорошо питаться, ибо время от времени у него в глазах помутнение и кружится голова. Мама говорит: “Не дай Бог, потеряешь сознание за рулем — разобьешь машину или сам себя покалечишь: как тогда жить?”

Размышляя так, мальчик не заметил, как наступил вечер. Осмотрелся: показалось, что вокруг него сжимается темнота, угнетает. За окном уже не было слышно, как раньше, голосов его ровесников — те, как придут из школы, так и катаются с горки — ее залили их родители. Гришка туда не ходит: его отец горку не заливал, ему было некогда.

Гришка вновь, как утром, взобрался на подоконник. Мальчика по-прежнему пробирало озноб. От окна веяло колючим холодком, но Гришка решил не набрасывать на плечи курточку: надо закаляться.

Он смотрел в окно, с нетерпением ожидая, когда же из-за угла дома выедет отцовская “Волга”. Такая машина здесь одна: с антенной радиотелефона наверху... Но уже давно стемнело, а папы все нет. Вот из-за угла показалась круглоносая дунинская иномарка. Такой здесь тоже нет ни у кого: джишом зовется.

Как всегда, машина этого коммерсанта остановилась напротив подъезда. Стукнула дверь. Из салона выкатился кругленький Дунин. Как обычно, он несколько раз обошел свой джип, по очереди потянул за дверки: закрыты. Убедившись, что все нормально, пошел к подъезду.

Дунин — в подъезд, а из подъезда — огромный черный кашлатый Рекс. Собака, как всегда в такое время, тянула на поводке свою хозяйку, старую

Артимонову. Наверное, Артимоновне очень не хотелось таким холодом идти на прогулку, но Рекс был сильнее ее, легко тянул хозяйку за собой, и вот уже она в больших валенках, словно на лыжах, суется по укатанному снегу. Рекс подтянул ее к джипу, пометил сначала заднее, потом переднее колесо, завилал хвостом и, смилостивившись над старушкой, не спеша пошел к подъезду.

Уже совсем стемнело, а отца все еще не было. Может быть, сегодня, а так нередко случается, у его шефа много работы, и он не отпускает отца.

Ну что ж, Гришке не привыкать ложиться спать, когда отца еще нет дома. Но раньше всегда рядом была мама. Сейчас же мальчик совсем один. Только не надо бояться...

В девять, изрядно замерзнув, мальчик слез с подоконника. Пока сидел, в животе не сильно болело, можно было терпеть. А как соскочил на пол, так еще и закололо, да так, что заболели пятки и стало горячо в висках — словно их огонь лизнул. Перед глазами посыпались искры, в голове зашумело, она закружилась, и, чтобы не упасть, мальчик надолго закрыл глаза, а когда открыл — вокруг все качалось... Еле дошел до раскладушки, упал на нее, накрылся ватным одеялом. Вскоре согрелся. Боль немного утихла, холодный камень внутри начинал таять. Гришка свернулся калачиком, подтянул колени к подбородку, и удивительно: внутри совсем перестало колоть, полегчало.

И он вновь, как утром, стал думать, кто же лучше: братик или сестричка? Долго думал, но так ни к чему и не пришел. Незаметно для себя заснул.

...К этому времени его еще безымянной сестричке было ровно десять с половиной часов от роду...

4

На следующий день Николай, водитель служебной машины одного из очень важных в масштабе города и даже района некоего Эдуарда Ивановича, как было велено вчера, без пяти шесть “подал” черную “Волгу” к подъезду дома, в котором тот жил.

Настроение у шофера было — хоть вой: дома сын один, жена в роддоме, а он и не навестил...

Когда поворачивал с улицы во двор, не заметил присыпанный снегом бордюр и наехал на него правым передним колесом. Машину тряхнуло, потом днище “проехало” по бетону — хорошо, что не сорвало глушитель. Николай разочарованно подумал, что ему не повезло с этой добитой колымагой. “Ну, почему шефу не дают новую машину?..” На должности он временно? Простачок? Знают это?.. Да, есть такое, простачок: может загнать при людях матом. Или пройти возле женщин с расстегнутой ширинкой. Может выпить водки больше, чем последний сантехник. Бывает, не обращая ни на кого внимания, может похлопать по заднице свою секретаршу старую холостячку Альбрехтовну.

Конечно, шеф не виноват, что предшественник оставил ему не машину, а настоящую рухлядь. На ней стыдно к какому министерству подъезжать. Сейчас на таких колымагах даже печники не ездят на работу (видел, на чем приезжал к шефу на дачу печник — “мерс”).

Удивительно, но подчиненные Эдуарда Ивановича хорошо отзываются о том человеке, который до него руководил учреждением, — обычно все охивают свое бывшее начальство. Хороший, поэтому и погнали. Да так, что остался вообще без работы. А в наше время без хлеба, как говорят, — труба!.. Это Николай по себе знает.

Поговаривали, что Эдуард Иванович хитростью воссел в кресло предшественника. Общественник: он состоял во всех организациях, которые только могут быть: профсоюзная, рыболовов, общество трезвости и т. д. и т. д. Всегда выступал на собраниях, никогда никого не критиковал, но разносил в пух и прах тех, кто был ниже по должности. Всегда был на виду у начальства, подхалимничал.

Знали, что у Эдуарда Ивановича есть “волосатая” рука — один якобы большой руководитель — друг детства. Эдуард Иванович неожиданно для

всех, “поболтавшись” здесь, в управлении, перешел к тому в помощники. Немного поработал там, вернулся сюда, сменив своего бывшего шефа. Сотрудники недоумевали: что за времена, что за нравы?.. Да этого Эдьюку (так они его звали) раньше выгоняли из всех организаций, куда только устраивался: бездельник. А из одного учреждения уволили как “профессионально не пригодного”. И вдруг!..

И все же, наверное, зря так о шефе. Как бы там ни было, Эдуард Иванович все же шишка. Однажды его даже по телевизору показывали! Присутствовал на одном большом совещании: может быть, с полминуты держали в кадре вдумчивое лицо, потом показывали руку — старательно записывал, что говорили умные люди.

Да, неплохо было бы, если бы Эдуарду Ивановичу дали новую машину. Есть у Николая в связи с этим мечта: однажды приехать в свою деревню на хорошей иномарке. Да чтобы на ней красовался маячок радиотелефона.

Вот такое, на первый взгляд, несерьезное желание у Николая. Откуда оно, он пока не задумывался: но уж очень хочется, чтобы один односельчанин увидел, каков сейчас он, Николай. А тот человек — обидчик его давний...

...Николай “подал” машину, как любил шеф, к самому подъезду. Выключил мотор. В салоне тепло. Естественно, он будет ждать шефа столько, сколько потребуется.

Он посмотрел на окно спальни шефа на девятом этаже — темный прямоугольник. И на кухне света нет. Проспал? Шефу можно. Элита. И дом элитный. Впрочем, таких домов тут несколько.

В этих домах живут начальники. Хотя есть и простые люди. Обслуга: сантехники, дворники, лифтеры... И даже некоторые деятели разных искусств, что ли. Те, кто в своих произведениях на то время, когда лет двадцать тому строились эти дома, “достигли наибольшего успеха в отображении бессмертных идей партии”.

В те времена, если ты хотел увидеть какую-нибудь официально признанную величину, нужно было прийти в этот район, лучше вечером, когда начальство возвращается домой. Тогда нередко можно было заметить, как по скверу прохаживается какой-нибудь важный деятель, ожидая, когда к дому завернет машина с властной персоной. Хорошо, если такой деятель прогуливался один — тогда он без препятствий мог оказаться рядом с большим начальником, засвидетельствовать тому свое почтение. Когда деятелю отвечали на приветствие да еще при этом пожимали руку, не говоря уж о том, что вдруг могли похлопать по плечу, он был на седьмом небе от счастья. А если все это видел кто-нибудь из творческих соперников — тем более.

Случалось, что за одним “вождем” “охотились” сразу несколько деятелей. Конечно, нужно было иметь сноровку и хитрость, чтобы успеть первому добежать до него, чтобы убедить: начальство тебя замечает здесь. А если так, то дела твои неплохи. Значит, ты кое на что можешь рассчитывать из партийной кормушки, и деятельность твоя будет оценена иначе, чем у других, пусть даже более талантливых коллег.

Но, как у нас случается, стоит только произойти каким-нибудь переменам, найдется немало людей, ранее зависевших от власти, а сейчас ее охаивающих. Ох, как они начинают поносить своих бывших патронов! Кто-то успевает сориентироваться и быстро занять новые руководящие кресла, кто-то оказывается не у дел, а мир делится на заклятых врагов. (А вчера-то они были сплочены общими идеями!)

Да, дом интересный. И Николай знал, что для шефа было огромным счастьем поселиться именно в нем, именно среди этих людей. Когда Эдуард Иванович получил сюда ордер, не сдержался, поцеловал его и заплакал. А до этого у него была неплохая трехкомнатная квартира, в которой он жил с женой и сыном. Но была-то она не здесь, а где-то в Заводском районе.

Случается, иногда радость у Эдуарда Ивановича омрачается. Обычно, когда к его жене приезжают подруги — жены иных руководителей. Обязательно среди них найдется такая, которой уж очень захочется заметить жене шефа, что она живет на девятом этаже!.. Дескать, какой же твой Эдик

начальник, если вас загнали на самую верхотуру? Настоящие начальники живут низко, но летают высоко.

После жена шефа, Катерина Порфирьевна, товаровед по профессии, клевет своего “полудурка” (ее определение мужа).

— Людей стыдно в гости пригласить: девятый этаж и четыре клеточки! Себе похватили лучшее, а тебе, дураку, дали то, что осталось.

— Хорошо, что хоть такую дали в этом доме. А то могли бы загнать в какую-нибудь Вербовку (микрорайон, в котором Николай снимал квартиру), — говорил шеф.

— Чмо! — плевалась Катерина Порфирьевна, женщина крепкая, в одежде пятьдесят шестого размера. — Чмо! — как эхо вырывалось хлестко из ее горла. — Вон Б. (она называла фамилию) вместе с тобой назначали. И должности одинаковые, а квартиру получил, как человек — на третьем этаже. А его дура мне глаза колет: так кто ж вы такие...

— Ну и пусть! — говорил шеф, поглядывая на шофера (разговор-то этот был при Николае). — Всему свое время, и нам дадут. Наверное.

Шеф замолчал. Видимо, не знал, что еще сказать в свое оправдание. Николай же, понимая, что сейчас как раз тот момент, когда можно заступиться за Эдуарда Ивановича (в конце концов, мужчины мы или нет?), осторожно произнес:

— Вы меня, Катерина Порфирьевна, простите, пожалуйста. Может быть, это не мое дело. Но позвольте сказать. Той женщине до вас далеко, а гонору — ого-го!.. Да вы, Катерина Порфирьевна, посмотрите на себя, а потом на нее. Она даже одевается, как самая обыкновенная баба. Завидует она вам, поэтому и несет всякий вздор.

В это время он и сам не мог себе толком объяснить, почему так кривит душой и говорит глупости. Рассчитывал в подсознании, что это ему зачтется.

Катерина Порфирьевна, дорого и неряшливо одетая, всегда сидела рядом с водителем. После такой речи Николая она расправляла и без того широкие плечи, всем грузным телом пыталась тянуться к зеркалу над ветровым стеклом. Лицо ее в зеркало не помещалось. Катерина Порфирьевна рассматривала себя в нем долго и по частям. А шеф, воспользовавшись моментом, осмелев, шел в наступление:

— Катюшка, послушай, что человек говорит: кто она против тебя?

— Сама вижу, — налюбовавшись собой, говорила Катерина Порфирьевна. — Действительно, кто она такая? Буфетчица!

Николай же понимал, что он должен был и дальше петь ей дифирамбы, продолжал:

— И на Эдуарда Ивановича посмотрите. А потом на ее, как она говорит, начальника (последнее слово он произносил ухмыляясь, дескать, настоящим руководителем ее муж никогда не будет).

Женщина тяжело поворачивалась, свысока изучающе поглядывала на мужа, словно видела его впервые. Тот вытягивался, замирал: смотри!

— Ну, кто таков тот, я знаю, — говорила Катерина Порфирьевна. — А мой... Если бы не свой, то сказала бы, что ничего себе. Даже красивый. Да, самостоятельный мужчина, похож на настоящего руководителя: и шляпа, и галстук, и бостоновый костюм — я же сама ему одежду подбираю. Разве такой охламон сам что может?

— О! — восклицал Николай. — Сами видите, кто есть что. Да вы, Катерина Порфирьевна, как-то ей честь оказали — пригласили в машину (было, вез). Ладно, села. Увидела радиотелефон и сразу: “Ой, да такой, как в фильме “Укрощения огня”. Помнишь, Катя, там главный конструктор едет и говорит своей крале, мол, хочешь, я сейчас прямо из машины позвоню. Может быть, двадцать лет прошло, как фильм тот видела, а все думала: неужто так может быть, чтобы прямо из машины звонить? Оказывается, может. А у моего в машине телефона такого нет...” Так что, как говорят, здесь и дураку будет понятно, кто какой начальник — ее муж или Эдуард Иванович.

— Да, Коля (так она называла его тогда, когда говорил то, что ей нравилось), и я заметила: как она села ко мне в машину, так глаза на лоб полезли. Ну, думаю, сука, сейчас я тебе покажу, у кого муж настоящий на-

чальник, а у кого — замухрышка. Помнишь, Коля, говорю: “Какой тебе номер набрать?”

— Помню, помню, Катерина Порфирьевна. Набрали, трубку взяла и говорит своему: “Я тебе из машины Эдика звоню...” Да так растерянно, будто сама себе не верит, и больше ничего не может сказать.

— Да, да, так и было, за-ко-ло-ло ей в задницу, что у ее мужа такого нет, — засмеялась Катерина Порфирьевна. — Вот так...

Она вновь расслаблялась на сиденье, изображение частей ее лица исчезало из зеркала. И Николай, посматривая в него, видел, как шеф, сидя за женой, осторожно улыбался:

— Слышишь, Катюшк, что говорит человек?

Да, второй раз шеф называл шофера человеком — редкая награда от руководителя за время Николаевой работы. Ну что ж, всякое может случиться: а вдруг Эдуарда Ивановича оставят в его должности и когда-нибудь в учреждении вспомнят, что здесь немало людей, не имеющих жилья, да задумаются об этом? Смотришь, и Николай попадет в какие-нибудь списки на получение квартиры. А вообще-то нет, не второй раз назвал человеком, третий. В этот день дважды, а первый раз осенью, когда ездили на шефову дачу. Катерина Порфирьевна все пилила мужа: “Делай скорее камин! У всех есть, а у нас — нет. У нас в полу дыра, как для туалета”. — “Делай. А как, если дач — тысячи, а печников — единицы?”

В конце концов где-то нашел печника. Тот приехал на довольно новом “Мерседесе”. Презрительно посмотрел на их “Волгу”. Потом походил, сделал замеры — готовь материал, звони через неделю. Сел в иномарку — только его и видели.

Через неделю Катерина Порфирьевна звонит из машины печнику домой. Кому-то, кто поднял трубку, говорит, мол, так и так... Затем лицо ее наливается краской, она растерянно называет свою фамилию, губы ее дрожат, вдруг бросает трубку.

Шеф:

— Катеринчик, что с тобой, дорогая?

Катеринчик:

— Да та дура спрашивает фамилию, а потом говорит, что надо еще посмотреть, есть ли мы в списке. Представляешь? Ты у какого-то печника должен быть в списках!.. Дожили! Да раньше, сам знаешь, чтобы купить кофточку или юбку, заходили, постучав, ко мне на склад жены чуть ли не самих министров... А теперь...

Николай видел, как шеф сжался, убрал голову в плечи, словно знал, что вот-вот на него обрушатся гром и молния. Видел, как на лице женщины собиралась гроза: губы ее нервно задрожали, посинели, редкие белые брови сломались, глаза помутнели. Но в то мгновение, когда гроза уже должна была разразиться, шофер совсем осмелел:

— Бросьте вы, Катерина Порфирьевна, обращать на всяких внимание. Правильно говорите: “Дожили!” Дураков сейчас много развелось, каждый норовит показать себя большим и важным. Пройдет это, вот увидите, скоро все станет на свои места. Вишь, печник список завел, а она посмотрит... Это еще надо посмотреть, как все обернется. Да стоит Эдуарду Ивановичу пальцем только пошевелить, как завтра же тысячу раз того обалдуя на дороге проверят!

— Слушай, Катеринчик, что человек говорит, — осмелел шеф. — Список! Да я своим ребятам только шепну, так не рад будет, что узнал, кто такой!.. (Шеф назвал свою фамилию.)

Конечно, это было смешно: никто по шефовой указке к печнику придираться не будет, да и не такая Эдуард Иванович шишка, чтобы отдавать такие распоряжения.

Поговорили, поважничали, а камин на даче у шефа и по сей день нет. Тогда Николай понял, что у его начальника бывают такие семейные ситуации, когда ему нужно сочувствие, пусть даже шофера. И если Николай иногда по-своему защищает шефа от нападков жены, так что здесь плохо?

Впрочем, шофер уже неплохо изучил своего шефа. Знает, что и как в чиновничьем мире. Случается, когда шеф в настроении, может многое рассказать о своих коллегах.

Эдуард Иванович любит просматривать газеты. Но читает в них только официальные сообщения: назначения, отставки, интервью бывших и новых руководителей.

Если в какой газете вычитает, что его знакомого назначили на новую, более высокую должность, злорадствует:

— Вот сейчас мы и начнем тебя отслеживать! Вишь, должность — ему!.. Посмотрим, посмотрим, как долго ты на ней удержишься. Здесь, брат, нужно иметь голову не такую, как у тебя. Так что давай, давай!..

Николай знает, что означает “отслеживать”. Шеф ждет, когда его знакомый, новоиспеченный начальник, начнет давать газетам интервью и где-нибудь скажет глупость и таким образом сам себя выставит на посмешище.

И в самом деле, случается, чего только не обещают, заранее зная, что ничего этого не сделают. Тогда шеф радуется еще больше:

— Вот дурачок!.. Неужели не понимает, что рано или поздно нужно будет за все отчитаться?

Как ни удивительно, но здесь шеф был прав. Случалось, открывает газету и кричит, как мальчишка:

— Ну вот, доукарекался. Я так и знал!

В такие минуты Эдуард Иванович почему-то звонил не жене, чтобы сообщить приятнейшую для себя новость, а своей секретарше, Альбрехтовне.

— Дорогая, ты слышала, Н. (шеф называл фамилию) спекся!

Наверное, “дорогая” уже слышала, ибо шеф долго молчал, держа трубку возле уха и время от времени согласно кивал головой. Когда клал трубку, говорил то ли шоферу, то ли себе:

— Конечно, бабеха она неглупая, что, впрочем, для женщины не так уж и плохо. Но опасная: много знает. Но и мы не лыком шиты, знаем, знаем, с кем, где и когда...

Альбрехтовна считалась секретарем-референтом шефа, хотя по штатному расписанию такой должности в учреждении не было. Говорили, что эту не известную никому женщину Эдуард Иванович взял на работу сразу же, как только его назначили начальником. Сплетничали, будто она — шефова подруга еще с армии, где он несколько лет служил прапорщиком, кажется, на каком-то вещевом складе. Она, вольнонаемная, была у него в подчинении.

Сплетням Николай не верил. Во всяком случае, он никогда не подвозил шефа к ее дому. Женщина одинокая — это так. Николай иногда приезжал к ней, заносил в квартиру покупки. Видел: живет в однокомнатной квартирке, где, кажется, мужчиной совсем не “пахнет”. Правда, как-то заметил за дверью в ванной точно такой халат, как однажды они кушили шефу, — мало ли совпадений. А так повсеместно по квартире были разбросаны женские принадлежности, пахло духами и кошачьей мочой. У Альбрехтовны был очень дорогой кот Мартин, к которому время от времени Николай привозил ветеринара.

Альбрехтовна — женщина своеобразная. Николай знал, а сотрудники, наверное, догадывались: шастая по кабинетам, она запоминала все, что те говорили об учреждении и шефе, и доносила ему. И вообще она хотела Николая сделать своим осведомителем, ссылаясь на то, что здесь у нее и у шефа хватает недоброжелателей, от которых нужно избавляться. Пусть так, но когда она однажды спросила у него, не скажет ли он ей, что о ней говорит шеф, опешил:

— Что говорит? Говорит: “Наша Альбрехтовна — умница!” Говорит, что вы ему очень помогаете.

— А как о женщине?

— Ничего.

— Не врешь?

— Как можно?

— Вообще-то, он без меня — никуда. Однако же, собака, не знает, что сказать обо мне как о женщине. Вроде я и не женщина, Николай?

— Это почему же? — удивился он, словно ничего не понял. — Еще какая! Но, наверное, Эдуард Иванович прежде всего видит в вас умницу, помощницу.

На этом их разговор прекратился. Татьяна Альбрехтовна сказала:

— Смотри, скажешь ему о нашем разговоре, мало тебе не покажется.

— Ну что вы...

И шеф часто спрашивал у него, что о нем говорят люди. Николай отвечал, что не знает, так как ни с кем не общается.

5

Вчера эта женщина хорошо испортила нервы Николаю. Шефа он отвез домой поздно: тот очень долго сидел в своем кабинете. Как всегда, выходя из машины, Эдуард Иванович на завтра никакого задания не дал, потянулся к подъезду, насушенный, как сыч. Николай понял, что за сыном уже нет смысла ехать да и к роддому тоже: скоро полночь. Он решил заехать в дежурный гастроном, чтобы купить пару бутылок водки, закуски. Намеревался как-то угостить ребят из гаража: дочь родилась. Что дочь, он знал еще днем, звонил в роддом.

Только повернул к стоянке возле гастронома — в машину звонок. Николай не хотел снимать трубку, шеф же — дома, а поздно он никогда не звонит, но снял. Еле сдерживая себя, сказал:

— Да, слушаю...

— Что такое: “Да, слушаю”? — услышал раздраженный голос Альбрехтовны. — Я тебе что?.. Надо говорить: “Слушаю вас...”

— Задумался. Весь по уши в заботах: у меня дочь родилась и сынишка один дома.

— Вы что, с ума посходили? — сказала Альбрехтовна. — Ни кола ни двора, а они все рожают!

— А вот это уже — не ваше дело!

— Но, но!.. Хорошенько подумали б с женой, как жить будете, прежде чем рожать. Ладно. Помой машину, и завтра без пяти шесть подашь ее Эдику. Да смотри не опоздай: будете встречать большого человека.

Не было ничего странного в том, что об этом ему не сказал шеф. У того какая-то непонятная особенность: везешь домой — ничего о планах на завтра не скажет. А вот едешь в гараж, обязательно позвонит секретарь и даст задание. Это что, для важности? Кто их, начальников, разберет...

После такого разговора — какой гастроном? Нужно скорее ехать в гараж, помыть машину, поставить, успеть на автобус, затем в метро и снова на автобус, и ты — дома...

Говорит, большого человека будут встречать. Не Владимира Трофимовича ли? Руководитель. Из одного провинциального городка. Человек хороший. Правда, иной раз уж очень хулиганистый. Но ничего, характер у него такой, веселый.

...И вот, ожидая шефа, Николай думал, что хорошо будет, если придет-ся его сегодня возить. А может, и не придется. Николай скажет Владимиру Трофимовичу, что у него родилась дочь, и тот, конечно же, отпустит его, чтобы ехать к жене: мол, обойдемся без тебя. Может быть, даже даст долларов десять-двадцать на подарок малышке. Гость — такой, он может. Этот умеет поздравить по-человечески с праздником (перед Новым годом подарил бутылку коньяка). А вот свое начальство даже не догадывается, что человека можно поздравить хотя бы на словах...

Когда первый раз встречали Владимира Трофимовича, шеф почему-то предупредил, что это его старинный друг из района, тоже начальник, но человек веселый, на что он, шофер, не должен никак реагировать. И еще предупредил, чтобы Николай ничего не говорил гостю об Альбрехтовне.

Тогда было морозное утро. Приехали на привокзальную площадь, а там машин — негде пристать. Николай рискнул, объехал по тротуару ограждение — бетонные плиты (вокзал реконструировался или достраивался), подрылся поближе к подземному переходу: отсюда выход — как на ладони.

Шеф, конечно, видел, что шофер нарушил правила движения, но промолчал, вышел из машины.

“Если подойдет милиционер, скажу, что встречаю наших московских друзей, — подумал Николай, — прости”.

Он видел, как удаляется от машины шеф — одновременно желая показать, какой он важный, и боясь опоздать: сначала, не торопясь, сделает несколько шагов вперед, а потом срывается с места, почти бежит. Вскоре его широкая спина в коричневом кожаном пальто и шикарная пыжиковая шапка затерялись в толпе.

Николай тогда не заметил, как шеф и его гость вынырнули из толпы. Когда увидел, растерялся: гость был в короткой матерчатой, расстегнутой курточке. Из-под нее выбивалась помятая белая рубашка. На шее — неопрятно повязанный цветастый галстук. И брюки помяты. На ногах — осенние туфли. А голова непокрытая, лысая.

В левой руке гость держал дорогой кейс. И когда они приблизились к машине, Николай еще раз внимательно осмотрел приезжего: неужели этот охламон начальник? Хотя, конечно, облик может быть обманчив.

Вблизи было видно, как блестит непокрытая голова гостя. От правого к левому уху через плешь зачесано несколько рыжих крашенных волос. На этом, можно сказать, пустом фоне в глаза бросались черные, тоже выкрашенные усы, покрытые по краям инеем. Взгляд гостя был печальный, под глазами мешки — болят почки, что ли? И вместе с тем через печаль пробиравалась слабая улыбка: усы то растягивались до ушей, то сжимались. Эдуард Иванович рядом с этим великаном казался колобком.

Когда подошли к машине, шеф попытался учтиво открыть гостю заднюю дверку, но тот грубо оттолкнул Эдуарда Ивановича, нервно рванул на себя ручку, напустил в салон холода. “Хозяин!” — подумал шофер. А тот безразлично бросил на сиденье кейс, потом всунулся сам и, расположившись за водителем, неожиданно ткнул Николаю руку:

— Владимир Трофимович. Старый друг твоего патрона.

Пока проговорил эту фразу, в салоне запотело стекло, в нос ударило тяжелым перегаром.

Николай растерялся. Сколько возил начальников, никто никогда не подавал ему руку: велика честь!

Слабо отвечая на довольно мощное пожатие холодной костлявой руки, он представился:

— Николай.

— Тогда я Володя, — засмеялся гость. — Безотцовщина, что ли?

— Да нет, отца Ильей звали.

— Тогда ладушки, — гость резко выдернул руку и, пока шеф, сопя, размещался рядом, бросил: — Вот что я тебе скажу, Ильич. Вези-ка нас быстрее туда, где можно согреться, — и никакого бутерброда! Дрожу, да и голова разламывается, как у того профессора, что праздновал с прапорщиком.

— Это еще какой такой профессор, и что за прапорщик? — насторожился шеф. — Может, про меня хочешь сморозить какую глупость?

— Да нет, — засмеялся Владимир Трофимович. — Есть такой анекдот. Пили они вместе. Наутро у профессора голова болит, а у прапорщика — нет. Когда профессор пожаловался об этом прапорщику, тот удивился: “Разве кость может болеть?”

Николай понял, что надо гостю. Обрадовался, нагнулся к “бардачку”, достал бутылку “Кристалла”, артистически взболтнул перед его носом.

— Ну, Эдик, молодец! Такого от тебя с утра я не ожидал. А не боишься, что окосею и все пойдет коту под хвост?

— Почему же? Боюсь, — словно огрызнулся шеф. — Но если ты сейчас не выпьешь, так будешь где-нибудь искать. Лучше уж здесь.

Николай видел, что шеф будто вырос от похвалы гостя. Он даже распрямил плечи, важно кашлянул в кулак. Шофер тоже был рад. Даже подумал, что можно рассчитывать на премию. А что? Шефа выручил. А вообще-то шеф скупой. За свои никогда не пьет. Знал, кого встречает, мог бы взять из дома.

Гость жадно схватил бутылку. Одним поворотом сбросил винтовую пробку. Николай чуть успел подать запотевшую посудину, задребезжало стекло о стекло, забулькала жидкость — половина стакана. И, не ожидая, пока шофер достанет что закусить, гость резко вбросил в широко раскрытый рот водку. И почти сразу же по его худой шее, по лицу, выдавливая из кожи нездоровую бледность, поползла краснота — ожил человек!

Николай также заметил, что шеф не обратил особого внимания на штучки гостя, наверное, хорошо их знал. Но когда через минуту Владимир Трофимович, не открывая глаз, протянул Эдуарду Ивановичу одной рукой бутылку, а другой стакан, шеф быстро спрятал поллитровку в нагрудный карман пальто, а посудину подал шоферу:

— Спрячь!

Николай спрятал все в “бардачок”. Он не знал: ехать или подождать, пока Владимир Трофимович полностью придет в себя. Тем временем от перехода к машине, тяжело ступая, шел милиционер. Был он в больших валенках, длинном, почти до пят, кожаном.

Сейчас гостю сидеть бы тихо, но он вдруг заорал:

— Эдик!.. Мой молодой генерал! Как говорил поэт: “В нашей буче, боевой, кипучей, и того лучше...” А помнишь, какими мы с тобой некогда молодцами были? Ты — прапорщиком на вещевом складе, а я — боевым лейтенантом?.. Я — что, я Афган прошел, а ты... — Владимир Трофимович начал злиться.

— Володя, брось. Зачем сейчас об этом? Все прошло. Мало ли что может шофер подумать, не шути зря.

— Ладно, Эдик, молчу, молчу. Сейчас до того, что было с нами, никому нет дела.

Гость смолк. Наверное, думал о чем-то своем, если еще был способен думать.

Милиционер, не доходя шага три до машины, остановился. Он внимательно посмотрел на нее. Его взгляд встретился с взглядом Николая. Милиционер погрозил ему пальцем, что, вероятно, означало — нарушение, братец. Потом постучал им по левому рукаву кожаных (часы), ткнул вверх, дескать, даю минуту.

Николай сначала в знак согласия кивнул головой, пожал плечами, потом развел руками: мол, я — подчиненный. Затем, показывая, что безоговорочно подчиняется милиционеру (службу уважаю), тоже поднял палец вверх — одна минута — и скрестил перед собой руки — уезжаю!..

Сейчас уже милиционер кивнул головой: хорошо.

— Да, поэт был прав, — вновь оживился Владимир Трофимович. — А прав в том, что сейчас и жить хорошо, и жизнь хороша! Ничего не скажешь. — Он погладил живот, помолчал, потом добавил: — Ты согласен со мной, Эдик?

— Какой еще поэт? — сдерживая себя, спросил Эдуард Иванович. — Юзя, что ли? Володя, ты знаешь Юзю-поэта? Откуда? Я же вас еще не знакомил. Он сам до тебя дошел? Это на Юзю похоже. Я всегда говорю, что такой талант не пропадет, даже в наше гиблое время. А как он хорошо пишет, послушай: “Юзя с Эдей пиво пьют, пиво пьют и никому не дают”. Талант, а?!

— Большо-о-й!.. — поморщился гость. — Талантливей не бывает. Только никакого Юзи я не знаю. А то, что я читал, написал один трибун. А что, Юзя хороший парень?

— Володя, не то слово! Сам увидишь. Я вас познакомлю, — почему-то обрадовался шеф. — Только не везет ему: наверное, десять книг написал, а никто не печатает. Говорят, спонсора ищи.

— Так дай ему денег, если талант.

— Дай, — развел руками шеф. — А как я их оформлю? На какие нужды? Я не могу. А ты — можешь. Ты — хозяин у себя на месте. А я...

— Хозяин. Так уж. Хотя можно подумать. Я... — гость не договорил, шеф неожиданно дернул его за рукав:

— Милиционер!

— Милиционер? — будто удивился Владимир Трофимович. — А ты со мной ничего не бойся. Помнишь, как мы с тобой гоняли из-за границы тачки, и ты рэкету на дорогах фиги показывал?.. Не боялся же, а те ребяташки и стрельнуть могли.

— Так ты же за рулем был, — сказал шеф.

— Впрочем, тот же поэт писал: “Моя милиция меня бережет...” — сказал гость и вдруг спросил: — Ты власть али нет?

Шеф не ответил. Он зло, как барин извозчика, ткнул шофера рукой в спину:

— Трогай!..

6

В тот день гость больше не пил. Они ездили по городу по неизвестным Николаю делам. Сначала навещали разные непонятные Николаю фирмы, где гость задерживался подолгу. Шеф же все время сидел в машине и почему-то с опаской посматривал по сторонам, и когда вдруг рядом останавливалась какая-нибудь неизвестная машина, нервно вздрагивал.

Гость уходил молча и возвращался молча. Правда, иногда подмигивал шефу: все в порядке. Тогда Эдуард Иванович нехотя улыбался.

Ездили они также и по частным адресам. Но на квартиры гость шел уже без кейса, оставлял его в машине.

За целый день ни из машины, ни в машину звонков не было: шеф еще на вокзале отключил телефон. Это не удивило Николая: наверное, друзья знали, что где-то там, куда идут радиоволны, могут слышать то, о чем говорится в машине. Но они же ни о чем крамольном не говорили, ни о каких делах.

Шофер заметил, что его патрон, когда гость вспоминает их прежнюю жизнь, настаораживается, поднимает палец, предупреждая, чтобы друг часом не сболтнул лишнего. Они, что, гостайны выдают? Водитель и так знает весь послужной список своего начальника: и прапорщик, и учитель труда, и инженер-снабженец, и чей-то помощник, а сейчас — хоть и не ахти какой, а руководитель! С шефом все ясно. А вот его друг, видимо, никакой не руководитель, а просто коммерсант. Хотя может быть, что он одновременно и руководит, и занимается коммерцией. Вот почему шеф такой осторожный — осенило тогда Николая, — чиновникам нельзя одновременно заниматься бизнесом и руководить!..

Случалось, разные начальники протирали сиденья Николаевой машины, но самый загадочный из них — Владимир Трофимович. Вообще-то интересно наблюдать за всеми друзьями Эдуарда Ивановича. Особенно, когда кто-нибудь из них начинает мнить себя чуть ли не властелином мира. Тогда, входя в роль, он важно откидывается на спинку сиденья, пыхтит, крепко держится рукой за поручень, посматривает в окно с высокомерной леню, свысока — сама мудрость и сила!

Иногда Николаю кажется, что такие люди словно вылеплены из одного теста. Да и на лицах их одни и те же маски — важность! Конечно, это не так, похожих людей нет. Хотя должность накладывает на человека свой отпечаток. А вот Владимир Трофимович не такой. И к шоферу обращается не иначе как “Ильич”...

Ближе к вечеру гость вспомнил, что целый день не ели. Сказал, что неплохо бы закусить.

— Давно пора! — обрадовался шеф. — Горло промочим. Тем более, я тебе, Володя, по этой части сюрприз подготовил. И знаешь, где? У костра. На природе — прелесть. Водочка холодная, рыбка речная, рыбка озерная, рыбка морская.

— Ну да? — не поверил гость.

— К Юзику! — приказал шеф.

— К твоему поэту, что ли? — спросил Владимир Трофимович и добавил: — Почему не знаю? У меня же знакомых — от Москвы до самых до окраин: дворники, проститутки, министры, генералы — и ни одного поэта. Интересно, интересно... — И он почему-то засмеялся.

Николай знал, где живет Юзя, шефов родственник.

Когда миновали пятиэтажный дом, украшенный множеством мемориальных досок, свидетельствующих, что здесь когда-то жило немало знаменитых людей, повернули во двор. Здесь их и должен был ждать Юзя. Он считал себя гением и, чтобы быть поближе к знаменитостям, пусть даже уже ушедшим из жизни, поменял свою большую квартиру на окраине города на меньшую в этом доме. Кроме того, Юзя заказал гипсовую доску, на которой было написано, что в этом доме живет поэт Юзафин К., правда, держал ее в квартире — приколотил к стенке в прихожей.

Николай не ошибся: поэт Юзик К. ждал их во дворе. Николай знал, что этот холостяк редко приглашал к себе в квартиру, в сортир, как говорил шеф (вечно не убрано), посторонних людей. Он сидел в старой, насквозь продуваемой беседке и был похож на брошенного на произвол судьбы пьяницу. Облезлый, изъеденный молью, приукрашенный инеем каракулевый воротник его пальто был поднят. На голове, втянутой в плечи, — тоже побитая молью заячья шапка. Чтобы хоть-то как согреться, Юзя, словно заведенный, хлопал в ладоши и молотил ногами по деревянному полу беседки. Рядом на скамейке стоял его знаменитый огромный портфель, с которым он никогда не расставался.

Окоченевший от холода поэт даже не заметил, как к беседке подкатила машина. Николай остановился рядом, коротко просигналил. Юзя, словно его укололи, подскочил с места, потом схватил свой портфель, бросился к машине.

Когда он, ввалившись в салон, упал на сиденье рядом с Николаем и судорожно непослушными губами промямлил "...астутя...", Владимир Трофимович, глянув на него, некстати засмеялся: "Ну, брат, ты словно пленный немец..."

Николай удивился такому бездушию гостя. Видимо, Юзя ждал их с самого утра. Впрочем, если им он нужен, то Эдуард Иванович должен был предупредить его, когда примерно они за ним приедут. Наверное, Юзя с самого утра ожидал их. Телефона у него не было, — видимо, боялся, что приедут во двор, а его нет, разозлятся и уедут. Такое уже однажды было: как-то явились сюда с одним гостем, а Юзи — нет. Шеф сказал, чтобы подождали в машине, дескать, я схожу за ним. Гость взревел:

— Я тебе, что, мальчишка? Хочешь угостить, так угощай, а не вози по всяким закоулкам да к каким-то неизвестным мне поэтам. Поехали!

— Возьмем на вооружение, — пролепетал тогда шеф.

Не исключено, что после этого Юзя получил указание ждать гостей на улице.

Николай отметил про себя, что ни один, ни другой руки Юзе не подали. Хотя сейчас это ему было не нужно: Юзя поставил на колени свой объемистый портфель, простуженно захлопал носом, застучал зубами.

Николай знал, что у Юзи в портфеле, как всегда, рыбные деликатесы. Откуда они у поэта, можно было только догадываться: раньше Юзя, когда еще не возомнил себя поэтом, работал в одной организации, занимавшейся то ли торговлей, то ли разведением рыбы, и там у него остались друзья (он окончил биофак университета). Они и подбрасывали Юзе по дешевке рыб-продукцию: тот нигде не работал, потихоньку приторговывал рыбой и писал стихи. Говорили, что поэтический талант Юзи то ли спьяну, то ли искренне открыл один начальник, которому Юзя на юбилей написал поздравительные стихи и прочитал их в учреждении во время чествования юбиляра. Тот прослезился, обнял и поцеловал Юзю взасос, как это раньше было принято в Политбюро, сказал, чтобы товарищи берегли Юзю, ибо всякий талант — народное достояние. Юзя уверовал в свой дар: не может же начальство сказать глупость!..

Николай видел, что гость пристально рассматривает Юзю. Как только выехали со двора, Владимир Трофимович заметил:

— Переслужился человек, случается. Такие служаки нужны. А как же?

Шутка ли здесь была, или издевка, Николай не понял. Но он знал, что Юзя не простой человек. А портфель с рыбой — неотъемлемая часть его образа. Куда бы он ни шел (ребята смеялись, однажды даже на правительственный концерт — шеф отдал свое приглашение), везде нес с собой портфель, набитый сырой, вяленой, соленой рыбой. Но просто так Юзя никого не угощал. Обычно, если видел, что ошибся и угощает не того, кто ему нужен, Юзя, как человек воспитанный, сразу виду не подавал и денег не требовал. Но через некоторое время он находил того человека в какой-нибудь компании или в учреждении и прилюдно осторожно дотрагивался рукой до его плеча, напоминал:

— Уважаемый, вы забыли, что до сих пор так и не рассчитались со мной за две вяленые плотки и спинку леща? Забыли... Ничего, бывает. Если сейчас денег нет, я подожду.

Как мог себя чувствовать при этом “должник”?..

То были времена, когда везде всего не хватало. И рыба из Юзиного портфеля была той своеобразной искусительной наживкой, на которую при разных обстоятельствах клевали многие нужные ему люди, среди них — далеко не простые. Однажды один старый литератор, весельчак и добряк, этакая щедрая душа, в своей статье назвал Юзю белорусским Пушкиным. Потом Юзя носился с этой газетой по всем известным ему учреждениям. Он заставлял людей читать то высказывание писателя о нем. Одни смеялись, зная настоящую ценность его “поэзии”, другие недоумевали: неужели этот прохиндей — талант? Ну и дела...

Дела-то, конечно, дела, но в то время ясно вырисовывались методы разрушения литературы: один из них — сами писатели разрешили приближаться к ней тем, кому по своей сущности заниматься литературой было противопоказано...

Сейчас, когда Юзя был в машине, Николаю стало жаль Владимира Трофимовича: и его этот прохвост заманит вонючей рыбешкой. Кроме того — гость не дурак выпить, так что поэт, как говорят, съест его с потрохами и не облизнется. А это означает, что он поживится деньгами Владимира Трофимовича, — судя по всему, они у него водятся.

Николай подумал, что они сразу, как бывает в таких случаях, поедут в лес. Там у них есть давно “обжитое” место, где можно, никого не опасаясь, выпить водки, поболтать. Но шеф сказал, что сначала надо заехать на Сельхозпоселок — старый район города, — там их ждет машина Владимира Трофимовича, пришедшая еще позавчера.

Николаю это показалось странным. Приехали в Сельхозпоселок. Владимир Трофимович приказал остановиться возле какого-то деревянного двухэтажного дома, огороженного плотным забором, из-за которого были видны крыши нескольких иномарок. Возле дома на улице стоял “уазик”. Оказалось, что это и есть машина гостя.

Владимир Трофимович из “Волги” не вышел. Наоборот, из “уазика”, увидев Николаеву машину, выскочил пожилой водитель и подбежал к “Волге”. Владимир Трофимович открыл окно, водитель сказал ему только одно слово: “Выполнено”.

Николаю приказали ехать туда, куда собрались. Он тронул с места. За ним — “уазик”.

По дороге Владимир Трофимович будто вскользь сказал шефу, что сейчас за границей есть телефоны — сотовые называются, очень удобная и надежная связь. Вскоре они и у нас будут, тогда жить станет легче: достал из кармана телефон, набрал номер — говори. Шеф не поверил: возможно ли такое? Гость сказал, что вообще-то уже кое у кого и у нас есть, сам видел.

Представить это было не так уж и сложно: есть же телефон в машине, так почему не может быть в кармане? Но вряд ли это будет хорошо: нигде ни от кого не спрячешься, если так, в том же лесу, куда едут: жена шефа может позвонить, друзья, начальство...

Николай всегда, когда привозил шефа и его друзей сюда, в лес, знал свое место: сидеть в машине, поглядывать вокруг, чтобы никто непрошенный не помешал, да ждать, пока господа выпьют и закусят.

Обычно гулянье начиналось с того, что на разостланную на земле клеенку (она всегда в багажнике) раскладывали еду. Это потом уже, когда разгорится костер, шеф и гость говорили о работе, начальстве, размышляли о том, как бы они руководили отраслью, а то и страной, если бы занимали соответствующие должности. Чаще всего гуляли до полуночи. Случалось, допивались до того, что шоферу приходилось выходить из машины и шарить по кустам, чтобы не забыли кого: замерзнет же человек! А если кто, изрядно выпив, не мог держаться на ногах, друзья смеялись: “Слабак!..”

Потом Николай развозил всех туда, куда кому было нужно. Последним вез домой шефа.

Когда приходилось после гулянья убирать полянку, нередко находил недоеденное, а вот чтобы недопитое — никогда. Хотя на завтра шеф мог спросить, не осталась ли “горючка”. Если же Николай говорил, что не осталась, шеф очень злился. Николай тут же доставал что-нибудь из своих запасов — нужно было у начальника снимать депрессию.

Хорошо, что он не пренебрегал ни дешевым вином, ни сахарным самогоном. Самогоном снабжала Николая интеллигентная Артимоновна — ей его для натирания спины привозила подруга из села, с которой она когда-то училась в институте. Подруга не скупилась, наверное, этого добра у нее было хоть залейся, и Артимоновна если уж давала, так трехлитровую банку.

Но раньше шеф никогда не приглашал с собой в лес Юзю: возьмет у него во дворе портфель и — будь здоров!

Вообще-то Юзя — личность удивительная. Попробуй пойми: он на самом деле такой или прикидывается? Ребята говорят, что Юзя — графоман, каких не сыскать. Но тогда непонятно, почему известный писатель сравнивал его с Пушкиным? Пошутил? Но как бы там ни было, простые люди верят тому, что пишут в газетах.

Николаю непонятно, почему человеку хочется, чтобы его называли поэтом. Тем более сейчас, когда писатели как растворились, будто их и нет. Да и живут они — не очень. Николай как-то вез Юзю и одного поэта в писательский бар. Оказалось, что поэт тот настоящий! Садясь в машину, он назвал свою фамилию: мать честная! Это же песни на его стихи часто звучат по радио. Юзя требовал, чтобы поэт переписал какой-то его стишок так, чтобы его можно было напечатать в журнале. Поэт отвечал, что никогда и ни за какие деньги не будет переписывать стихи за бездарность.

— Но меня вся республика читает! — орал Юзя, сунув под нос поэту какую-то районную газету. — Вот, смотри!

— Говорили мне, что ты на ксероксе в сотнях экземпляров откатал какой-то свой стишок и разослал его по всем газетам, какие только есть. Где-то даже печатают. Смотри, попадешь в Книгу рекордов Гиннеса.

— И попаду! — грозился Юзя, явно не понимая иронии.

— Литература должна быть совестью, — высокомерно пытался образумить Юзю поэт. — В ней должна быть хотя бы элементарная этика.

— Плевал я на твою совесть и этику! — кричал Юзя. — Мне отовсюду гонорары шлют. Назови хоть одного поэта, чтобы его стихи везде печатали!

Поэт не назвал. Он застонал. Затем вновь попытался что-то говорить о совести, но Юзя не слушал его, пригрозил:

— Да я вашу культуру и этику давно кушил! И тебя, дурачок. А ты и не заметил. Вы все падки на мою рыбку. Подожди, еще подо мной ходить будешь, вот стану большим начальником, тогда узнаешь!.. — вдруг успокоился Юзя.

— В этом мире все может быть, — ответил поэт. — А вообще-то, скажу тебе, полуколлега, имел основания наш земляк, великий Достоевский, когда о таких, как ты, сказал следующее... — Он на минуту смолк, прикрыл глаза, вспоминая. — Да, дословно Федор Михайлович сказал так: “Поставьте какую-нибудь самую последнюю ничтожность у продажи билетов на железную дорогу, и эта ничтожность тотчас же сочтет себя вправе смотреть на вас Юпитером, когда вы пойдете брать билет, чтобы показать вам свою власть...” Так и ты, дорогой мой друг, дай тебе только какую-нибудь должностную, и неважно где, но ее, ты и ее...

— Издевайся, издевайся, — не обиделся Юзя, — я давно привык ко всяким издевкам, и они меня не волнуют. Они — от вашего бессилия передо мной. Так что стишок ты мой перепишешь, и под ним будет стоять мое имя. Пройдет время, и ты будешь радоваться, что когда-то мне помогал. Будешь подолгу ждать, когда я тебя приму в своем кабинете. Вот увидишь.

— Ты — сможешь. Только знай, с голоду подыхать буду, а к таким, как ты, в услужение не пойду!

— Ну, смотри...

Разговор был вроде серьезный и несерьезный. Николаю было ясно одно: что-то вокруг не так.

И еще он думал о том, что как ни противится песенник, а Юзя давно его захомутал. Вместе они не впервой. И ругаются не первый раз. Часто, когда шеф давал Юзе машину для поездок по организациям по каким-то своим, Юзиным, делам, тот брал с собой поэта.

Юзя всегда садился рядом с Николаем, держа в руках свой провонявший рыбой портфель.

Из машины Юзя любил звонить в организации и учреждения. Обычно он представлялся сотрудником какой-нибудь газеты или журнала. Должностью называл, как понимал Николай, не самую большую: заведующий отделом, специальный корреспондент. И словно между прочим замечал тому, с кем разговаривал, что звонит прямо из своей служебной машины. Просил, например, будто для журнала “Малодосць”, три килограмма дешевых дрожжей, мешок крупы для “Польмя”, сахар для “Л Ма”, кирпич для какой-то газеты (в то время все это было страшным дефицитом). Но более всего Юзя любил выпрашивать в каком-то магазине дешевых кур, и не штуками, а ящиками. Кур, правда, уже не для редакции, а якобы для учреждения, которым руководил шеф.

Но в учреждении и в редакциях никто эти дефицитные товары и продукты не видел. Те люди, что давали их Юзе, наверное, считали, что в редакциях и в организациях, для которых якобы Юзя доставал продукты, — крохоборы.

Как-то песенник попросил Юзю, чтобы тот дал ему курицу в долг, Юзя обрадовался:

— А фигушки! Ты мне и так должен, как земля колхозу. Не дам! Заработай.

— Ну, погоди! — сказал песенник. — Вот получу гонорар — рассчитаюсь с тобой, и — знать тебя не знаю! Надоело.

— А это еще надо посмотреть, — ухмыльнулся Юзя, — хватит ли твоего гонорара рассчитаться со мной.

Однажды Юзя дал поэту тяжелую папку, сказал, чтобы тот отредактировал его книжку. Поэт, мельком взглянув на первый лист, застонал. Потом сказал Юзе, что потерял очки. И вообще — хватает своей работы.

— Я тебе привезу очки, — пообещал Юзя. — А твоя работа подождет.

И привез. С Николаем. На следующий день. Где-то откопал старые кругляшки с одним ушком, вместо другого привязал резинку. Поэт, увидев такую важную для редакторского труда вещь, улыбнулся, взял ее, напялил на нос и радостно закричал, что очки ему не подходят. “Здесь минус, а у меня — плюс три!” Хотел вернуть назад, но Юзя не позволил:

— Не выпендривайся! Тоже мне, господин нашелся! Минус, плюс... Работай! Я ведь тоже иногда для солидности ношу не свои и — ничего, жив.

Николай предполагал, что книжка та — поэма об угре. Об этой поэме Юзя много говорил. Дескать, какой-то Гусовский или Гусаковский несколько столетий назад написал поэму о зубре. Там ничего нельзя понять, и все почему-то ее хвалят. А я — об угре! А что? Это знаменитая и дорогая рыба, и он о ней много читал в университете. Кроме того, там говорится и про вес рыбы, и как она у нас разводится... Юзя надеялся, что за свой труд он может получить большую премию: кто-то из писателей то ли в шутку, то ли всерьез пообещал выдвинуть Юзино произведение на какой-то литературный конкурс.

...Тогда, когда разговаривали о Книге рекордов Гиннеса, Николай вез Юзю и поэта в писательский бар. Николай никогда не видел настоящих пи-

сателей, тем более не мог представить их пьющими и закусывающими. Ему казалось, что они такие, как герои их книг. Вот песенник, так он такой, как и его песни: и грустные, и веселые, и задорные. А другие писатели?..

— А мне можно зайти с вами? — спросил Николай, когда они приехали.

— Конечно, можно будет, если найдется место, — ответил поэт. — А пока подождите в машине. Мы сходим посмотрим.

Юзя и песенник исчезли в здании Союза, но вскоре вышли оттуда злые, оказалось, их не пустили: бар оккупировали какие-то коммерсанты то ли из Смоленска, то ли из Воронежа. Правда, Юзе и песеннику разрешили быстро выпить по стопке на кухне.

— Эх, — говорил после Юзя, — вот стану начальником, и коммерсанты передо мной плясать будут...

Тогда, когда ехали в лес, Николай думал о том, что такие, как Юзя, могут много плохого сделать людям, пусти их только в начальники.

...Вот он, Юзя, сидит рядом с водителем. Хлюпает сопливым носом, несет от него залежалой рыбой. Уже и гость морщится, принюхивается, никак не может понять: откуда в салоне такая вонь? Он вопросительно поглядывает на шефа, а Эдуард Иванович молчит. Он давно привык к этой вони.

В боковое зеркало Николай видел машину Владимира Трофимовича. Она, как говорят водители, висела у него на "хвосте".

Николай отметил про себя, что этот периферийный водитель чувствует себя в городе так, словно ездит здесь всю жизнь: не отстал ни на одном светофоре.

За кольцевой дорогой через пару километров съехали на узкую, как одной машине проехать, дорожку. Вскоре выехали на мостик, под которым бежал и дышал паром незамерзающий ручей. Через этот мостик не каждый осмелится не то что ехать — идти. Николай знал, что мостик довольно-таки крепкий, на бетонных сваях, но почему-то колышется: наверное, плахи рассохлись и не очень прочно приделаны к сваям. Шеф говорил, что когда-то здесь была дорога на хутор. Но хутор снесли, а дорога заросла, и сейчас по ней, кроме них, никто не ездит и не ходит.

Ручей, или речушка, начинается где-то в лесу, недалеко отсюда. Петляет среди холмов и холмиков, он бежит по березняку и ольшанику, не замерзает ни в какой мороз, здесь водится форель...

Николай про себя назвал эту дорогу именем товарища Эдуарда Ивановича Т. — шеф ее открыл давно, когда еще не был начальником и пешком ходил сюда по грибы.

Сгушались сумерки. В колеях, слегка присыпанных снегом, слабо отражался лунный свет. Небо на западе было еще красноватое. Обычно так бывает перед хорошими морозами. По обе стороны дороги, как изваяния, стояли заснеженные ели и березки с заиндевшими ветвями. В низинах чернели ольхи. Местами здесь встречались дубы с пожухлой, кое-где не опавшей листвой. Вершины у высоких деревьев были еще розовато-золотистые, а вот стволы — коричнево-черные.

Николай знал, что он околеет в машине: не будешь же весь вечер сидеть с включенным двигателем да с работающей печкой. Хотя ему было не привыкать мерзнуть: если уж очень проберет — он мог подойти к костру, чтобы погреться.

Но сидеть в машине ему вообще не пришлось. Как только остановились на полянке, гость, выходя из машины вслед за шефом и заметив, что Николай остается, словно попросил:

— Ильич, может, и ты выходи. Надо проветрить салон: чертом воняет. А пока они, — кивнул на шефа и Юзю, — будут сооружать ужин, так мы с тобой разложим костер. Люблю, брат, костер ночью: таинственным все вокруг кажется.

Конечно, Николай не мог послушаться Владимира Трофимовича. Решил, что шеф не будет ругаться, что шофер присоединяется к компании, — велено же! А вот своего водителя Владимир Трофимович почему-то в компанию не пригласил.

За дровами далеко не надо было ходить. Еще с осени здесь делали санитарную вырубку, вокруг поляны хватало валежника.

Костер разжигал гость. Видно было, что он в этом деле мастер — одной спичкой разжег валежник.

Николай стоял возле костра и не знал, что ему делать дальше: идти к машине или оставаться, — он принес валежник и сейчас не нужен. Шеф и Юзя не обращали на него внимания. На клеенку, разостланную на снегу, они выставляли бутылки, клали хлеб, вяленую плотву, копченого карпа, жареных окуней, соленого леща и даже баночку консервов “Угорь в желе”.

Пили они культурно. Перед каждой рюмкой — обязательно тост. А тост у них один. Его произносил гость: “Вперед!”

Первым после этого “мудрого” слова выпивал сам оратор. Шеф и Юзя ждали. Видимо, считалось, что этим они оказывают гостю глубокое уважение.

Сейчас гость пил иначе, чем утром. Тогда — одним глотком полстакана. Сейчас выпивал содержимое целого стакана в три глотка, и тело его не дергалось в конвульсиях.

Шеф выпивал сразу же после гостя. Пил он маленькими глотками, морща лоб. Оporожнив стакан, нюхал хлеб, но не закусывал им, клал на клеенку, ждал, пока выпьет Юзя. Юзя пил большими глотками, словно утолял жажду.

После каждого стакана начинался разговор. Сначала говорили спокойно. Потом, хорошо опьянев, начали орать, перебивать один другого, и наконец уже никто никого не слушал. Больше говорили гость и шеф. Юзя, очистив три плотвички, — одну положил возле себя, вторую — возле гостя, третью подал шефу, пристал к Владимиру Трофимовичу:

— Попробуйте! Нарочанская! Специально для вас, глубокоуважаемый Владимир Трофимович, такая вкусная! Кому иному я такую не дал бы!

Но гость не слушал. Юзя, наверное, вообще мешал Владимиру Трофимовичу отдыхать после нелегких дневных забот. Кроме того, человек ночью ехал в поезде, наверное, не выспался как следует...

Когда Юзя надоедал со своей рыбкой, гость легонько отталкивал его от себя, но это на стихоплета не действовало. Он вновь приставал со своим:

— Попробуйте! Совсем не воняет...

Николаю от всего этого было противно. Может, если бы тоже выпил (но он — за рулем) и был с ними на равных, ни на что не реагировал бы. А так...

Он уже завидовал шоферу шефа: наверное, человек, укутавшись в теплый кожаный плащ, давно спит и все ему нипочем. Здесь же...

Изярдно опьянев, гость и шеф несут вздор да нахваливают один другого. Время от времени Владимир Трофимович отталкивает от себя бедного стихоплета. А тому по-прежнему все было нипочем.

Конечно, что все так будет, можно было предвидеть: не первый раз Николай привозит сюда шефа и его гостей, всякое повидал на этой полянке.

Сейчас он сетовал, что легко одет: курточка, осенние туфли. Впрочем, пока у него нет добротной одежды.

Юзя с его рыбкой оттолкнули в очередной раз. Но теперь стихоплет обиделся. Он отошел от костра и, как настоящий поэт, посматривал на звездное небо, что-то бормотал себе под нос. Потом принялся размахивать руками, ходить вокруг костра. Наверное, слагал стих.

Юзя расстегнул пальто, но не снял его, не снял и шапку, сдвинул ее набекрень — видно, так за день промерз, что и сейчас еще не согрелся.

Разгоряченный же гость сбросил на снег свою легкую курточку, остался в белой рубашке. Сейчас он был похож на привидение: что-то непонятое бормотал, шатаясь возле костра. Огонь высвечивал его смуглое костлявое лицо, тонкий силуэт, совсем не похожий на тучный шефов.

Эдуард Иванович что-то хотел сказать гостю, но тот его не слушал. Было заметно, что Владимир Трофимович почему-то начинает злиться.

Постепенно костер догорал. Вокруг поляны сгущалась тьма. Березняк, окружавший ее, преобразился в сплошную темную стену. Казалось, снизу она подрезана острой розовой полоской.

Николай почти на ощупь сходил к куче валежника, принес большую охапку сухих ветвей. Пока он отсутствовал, мужчины еще выпили и совсем опьянели. Владимир Трофимович уже сильно шатался, но пытался стать по стойке “смирно”, щелкал каблуками, орал:

— Слушаюсь только вас, мой молодой генерал! За вас любому морду набью, мой молодой генерал!

Сначала Николаю показалось, что гостю стало плохо: перепил. Такое случается с теми, кого называют “слабаками”, любящими хорошо выпить. Но когда присмотрелся, то понял, что Владимир Трофимович, представляя себя военным, просто дурачится. Пусть, только бы не начал буяннить или драться: тогда неизвестно, кого надо будет спасать.

“Молодой генерал”, как понял Николай, его шеф, поддерживал игру. Он посмотрел на гостя, вытянул перед собой руку, наставил “пистолет” (палец) тому в грудь, заорал:

— Стоять, лейтенант! Упадешь — пристрелю!..

Юзя бегал вокруг них, словно подталкивал свояка на настоящее дело:

— Стреляй в него, Эдя, стреляй! Что-то не нравится мне этот длинноногий. Ты зачем меня сюда привез?

Услышав это, гость вдруг сорвался с места и неожиданно бросился на Эдуарда Ивановича. Но тот опередил, успел “выстрелить”. Тогда “лейтенант” неизвестно какой армии, падая, обхватил за шею “молодого генерала”, но тот удержался на ногах, — начали целоваться.

Юзя же упал на колени, принялся прихлопывать в ладоши, считая: “...пять, шесть, семь... одиннадцать...”

Гость, все еще целуя друга, одной ногой оттолкнул Юзю, на другой прыгал вокруг Эдуарда Ивановича.

Юзя упал, но продолжал считать. На счете “пятьдесят три” гость вдруг сильно оттолкнул от себя друга — тот упал спиной на снег, заорал:

— Эдя! Убери этого юридивого, а то убью!

— Его? — спросил шеф, пробуя подняться. — Так это же Юзик, поэт. Мой свояк... За что?

— Поэт? — удивился гость и внимательно, изучающе посмотрел на Юзю. Казалось, только сейчас он впервые увидел его. Изучив же, нагнулся, решительно схватил стихоплета за воротник пальто, приподнял, словно щенка, повернул лицом к костру, костер вновь вспыхнул, Николай подобросил веток, потребовал:

— Фамилия?

— Импетовский! — выкрикнул Юзя. — Если не слышали — вам минус.

— На каком языке пишешь?

— А на каком надо?

— Н-да, — сказал гость. — Даже так... Тогда кто же ты такой, Юзя Импетовский? Может, мой адрес не дом и не улица?.. Иль ты, как Паниковский, гражданин мира?.. Говорят, что настоящие поэты пишут на том языке, на каком думают, на каком душа поет... Хотя не знаю, не знаю, далеко я от этих дел.

— Володя, что ты к нему прицепился? — вмешался Эдуард Иванович. — Юзя хороший парень. Поэт. Но пока в госизданиях его не хотят печатать. Говорят, ему нужен хороший редактор. А частники согласны издать хоть вчера, но за деньги автора. Юзе спонсор нужен. Я не могу ему помочь. Нет у меня в учреждении возможности спонсировать. А вот если бы ты...

— Говоришь, поэт? — переспросил гость. — Думал, что меня можно рыбкой купить. Нет, братец, мелко берешь. Если хочешь знать, я сам могу любого купить. Я ведь такую жизнь прошел, что...

Гость приподнял Юзю от земли, затряс, словно щенка.

— Пусти, болит! — заорал стихоплет. — Удавишь... Рыбу жрал, а сейчас меня же за мое добро...

— Брось, брось, Володя! — закричал шеф. — Да ты его на самом деле задушишь!

— Брошу, — спокойно сказал гость и отпустил воротник Юзиного пальто.

Импетовский тяжело шмякнулся на землю и затих...

Все это вспомнилось сейчас Николаю и, как казалось, на некоторое время отвлекло от мыслей о жене, дочурке, которую он еще не видел, сыне... И было еще одно то ли воспоминание, то ли видение, но не сейчас, а раньше, когда вчера Николай, вымыв машину, опоздал на автобус, в метро и еще на автобус, не поехал домой, а заночевал в Ерофеевой сторожке.

8

...Каждое лето после обильных дождей на реке случается паводок — тогда вода срывает с нижнего склада, находящегося выше Буды, бревна, а то и целые плоты, и стремительно несет их по течению, пока здесь, возле деревни, где русло делает колено, не сталкивает с левым берегом. Тогда бревна перегораживают реку: здесь образуется своеобразная запруда. Держится она до тех пор, пока не придут плотогоны и не растянут баграми затор, свяжут кругляки в плоты, подцепят к маленькому буксиру, и тот потянет их к плотине Чернецкой электростанции, чтобы там через шлюзы спуститься с ними ниже и тащить древесину в город к лесокомбинату.

Такой порой буднянские кавалеры перебираются по бревнам на тот берег в соседнюю деревню Хвойницу на танцы — там девичье общежитие местного торфопредприятия и лесхоза. Не будут же женихи, как ребяшня да старушки, идти за три километра к плотине, а потом почти полтора по ней, чтобы попасть в Хвойницу. (Так малышня бегала в кино, а старушки ходили в церковь — в Буде нет ни клуба, ни храма.)

Когда-то в детстве Колька осмелился перебраться по круглякам с того берега реки на свой.

...По мокрым, скользким, крутящимся в воде бревнам с того берега на этот, где стоит Николай, бежит мальчишка. Так и мелькают его покрасневшие пятки, а за спиной ветер развеивает длинную, с чужого плеча, красную рубашку.

Николай видит, что мальчишка прижимает к груди что-то круглое, желтое, похожее на большую луну. Кажется, еще мгновение, и оно или она выскользнет из его рук, покатится по бревнам, а на самом глубоком месте нырнет между ними, и пока мальчик добежит до того места, исчезнет, закольшется из глубины бледным светом...

Николай не понимает ничего, что происходит вокруг, тем более не понимает, почему мальчик бежит через реку по скользким бревнам, если можно было перейти ее по плотине. Бежит он, как говорят в деревне, когда кто-то делал совершенно не то, что надо, а оно грозило опасностью, — на слом головы...

В то мгновение, когда Николай осознал это “на слом головы”, он ясно представил, какая беда надвигается на мальчишку. И сразу же, словно через туман, он разглядел: это же его сын, Гришка...

Николай закричал, чтобы сын, пока не поздно, возвращался назад, к тому берегу, и ждал там отца: ведь если кто сейчас и сможет перебраться через реку по скользким, танцующим под ногами бревнам, так это он, отец. И он все кричал Гришке, а тот не слышал его, бежал и бежал сюда, к своей деревне, домой. И тогда Николай с ужасом понял, что он сам не слышит своего голоса — из груди вырывается стон...

Тогда он попытался сорваться с места, броситься навстречу сыну, надеясь перехватить его возле того места между бревнами, куда нырнула луна (откуда она взялась днем?), но не смог — ноги словно вросли в землю. И вообще сейчас Николай был сам не свой. Единственное, что ему сейчас было подвластно, — только мысли. А между ними, самыми разными, одна — жуткая: он не может предотвратить беду, надвигающуюся на сына с катастрофической скоростью...

А сын по-прежнему бежал к фарватеру, где течение раздвинуло бревна. Там — омут. И было понятно, что Гришке его не перепрыгнуть и что остановиться он уже не сможет. И вот до омута остается один шаг. И в этот момент Николай закричал что есть силы, сорвался с места, бросился навстречу

сыну. Но было поздно. Гришка оттолкнулся от бревна, оно нырнуло под воду, взлетел над омутом, раскинув руки, замахал ими, словно крыльями: в то же мгновение круглый, как полная луна, хлеб исчез в бурлящей темной воде. А Гришка, на секунду задержавшись в воздухе, неистово закричал:

— Хлеб!.. Хлеб!..

То ли сон, то ли видение исчезло...

...Тогда Николай с трудом поднял от стола голову, словно налитую свинцом. Колело в висках, болел затылок, одеревенела шея. И сразу же, как открыл глаза, его ослепил яркий свет лампочки, висевшей низко над столом. Какое-то время Николай не понимал, где он и что с ним. Но вскоре стол, сколоченный из грубых досок, старая шинель без погон, висящая справа на стене, узкие деревянные нары вдоль нее и небольшое зарешеченное окошко напротив, лай собаки на дворе и яростный приказ: “Фас!.. Чужие!” — возвратили его в реальность — в сторожке.

Почему-то вольной показалась ему тьма за зарешеченным окошком, как и вольными казались мотыльки-снежинки за ним. Но чувство приснившегося страха еще долго владело им. Может, потому, что вновь до него долетел яростный лай овчарки и идиотски-радостная команда: “Фас! Чужие...” Подумалось, что сейчас прозвучит выстрел... Николай вздрогнул... Ему захотелось подхватиться, вышибить тяжелую железную дверь, броситься в темноту, подбежать к хозяину пса, схватить того за грудки, заорать на весь мир: “Люди, что же это такое...” Но не бросился, он даже не пошевелился на табуретке — Ерофей тренирует пса, есть такое хобби у бывшего охранника ГУЛАГа... Верит человек, что вернется то далекое страшное время.

Беда это: большой, несчастный старик. Наверное, то время сломало его жизнь, заставило видеть мир, полный врагов, убедило, что с ними надо бороться ежедневно, ежечасно, беспощадно уничтожая...

Беда и в том, что ночные забавы старого отставника далеко не безобидны. Еще бы: вдоль высокой, похожей на тюремную ограду из бетонных плит стену, сверху оплетенную колючей проволокой, между двумя столбами он натянул шнур, закрепил его на шарнирах и коловороте. На этом шнуре болтается набитый опилками комбинезон. Когда Ерофей крутил коловорот, муляж человека начинал “убегать”, и волкодав по команде “фас!” бросался на него.

Старые комбинезоны сторож выпрашивает у водителей. Ему нужно, чтобы одежда пахла теми людьми, которые здесь работают. Мужчины смеются, дескать, пусть забавляется старикан, а Николаю в этом видится нехорошее...

Сегодня, точнее, вчера, вернувшись в полночь в гараж, чтобы утром, как было приказано, “подать” шефу без пяти шесть машину, Николай с разрешения Ерофея решил скоротать ночь в его сторожке. Ужасное место, ужасный сон, приснилось, будто это не он мальчишкой бежит по бревнам через реку, а сын.

...Тогда Николаю было столько же, как сейчас Гришке, — девять лет. Колькина мать лежала в больнице в райцентре. За мальчиком присматривали соседи, дед Федор и бабушка Полина. А чтобы он не шлялся без дела, хвойницкий пастух, старый Евтеха, друг деда Федора, взял мальчика к себе в пастушки.

Мальчику было тяжело подниматься рано утром, чтобы не опоздать. Дед Федор всегда будил его стуком в окошко. Когда же Колька вставал, приводил себя в порядок, старик не преминал напомнить ему, чтобы он аккуратно, без баловства, переправлялся через реку на его челноке. И пока Колька плыл к тому берегу, дед Федор стоял и наблюдал за ним.

Переправившись через реку, Колька привязывал к вербе челнок и бежал в деревню. С этого ее конца он собирал стадо и по длинной улице гнал на тот конец, где его ожидал живший там дед Евтеха.

Двоем они гнали стадо за деревню. Сразу же за последними избами начинался колхозный луг. Надо было смотреть в оба, чтобы стадо не вошло в луг, тогда беды не миновать — пастухов оштрафуют за потраву: коровы-то не колхозников, а лесочастковцев из нижнего склада. (У колхозников было свое стадо.)

Колька как угорелый носился за коровами, справлялся. Конечно, Евтехе без мальчишки никак нельзя.

Когда по пыльной дороге, минуя луга, входили в лес, можно было отдышаться. Коровы начинали есть лесные травы, разбредались по полянкам. Евтеха садился на пенек, звал Кольку. Когда тот прибежал, старый пастух говорил, что сейчас буренки никуда не денутся, разбредутся по своим полянкам, а к полудню, как всегда, потянутся в глубь леса к ручью на водопой и отдых. Так что — в самый раз пастухам перекусить.

Старик клал на колени полотняную торбочку, будто спрашивал:

— Ну как, раб Божий Николай, посмотрим, что собрала нам моя Невдашечка.

Он важно, не спеша, развязывал торбочку, доставал из нее хлеб, яйца, сало, бутылку молока. Затем все перекрещивал, приглашал Кольку завтракать.

Евтеха как никто в деревне был набожный. Взрослые говорили, что он еще до войны где-то принял старую веру. Вспоминали, что когда его раскулачили (хотя никто не знал — за что?) и гнали по деревне, Евтеха, кланяясь людям, крестился тремя пальцами. Но после войны, когда в пятидесятые годы возвратился, крестился уже двумя перстами. Пришел он из ссылки не один, привел с собой хрупкую, маленькую, ну совсем девчонка, жену, которую почему-то звал Невдашечка.

Николай и сейчас не знает, что связывало старого солдата и героя деда Федора, любителя хорошо выпить и покурить крепкий самосад с богомольным Евтехой: этот водки не замечал и на дух не переносил табак. Более того, он никогда не пил воды из одной кружки с иноверцами — так он звал всех буднянцев и хвойничан. Но говорили также, что в молодые годы Евтеха и Федор якобы дрались за Полину: тем более непонятной была сейчас их дружба...

Сначала Колька отказывался от чужой еды. Он говорил, что дома позавтракал. Евтеха сказывал, что это в его, Колькину, оплату не входит, да и негоже врать старшим, мол, я все о тебе знаю: и что один, и что мама в больнице, и что парень ты неплохой...

Старик доставал из торбочки две одинаковые кружки. Одну себе, другую, ручка которой была перевязана веревочкой, подавал Кольке, и объяснял:

— Ты, Николай, не обижайся. Вера у меня такая, запрещает пить-есть из одной посуды с иноверцами.

Колька ничего не понимал, но не обижался на Евтеху: что возьмешь с этого старика с седой длинной бородой, который верит в Бога. Он же, наверное, в школе не учился. А какая школа при царе была, Колька знал из учебников: да в ней закон Божий преподавали, вдальбивали детям в голову всякую ерунду. Тогда даже пионерской организации не было! Колька же готовился вступить в пионеры: а как же!..

Но и иное слышал мальчик от старого богомольца: “Если человек обижает другого, если не разделит с голодным свой хлеб, не согреет того, кто нуждается в тепле, так какой бы он веры ни придерживался, сколько и какому Богу ни молился бы, греш ему цена”.

Колька тогда мало что понимал в такой философии старого отступника (так Евтеху иногда называл дед Федор), но боялся одного: вдруг в школе узнают, что он слушает нравоучения богомольца, тогда не примут в пионеры и на этот раз. Ведь в прошлый раз, когда в пионеры принимали его одноклассников, Кольки в школе не было — болела мама, и он пропускал занятия, ухаживал за ней.

Тогда Колька тайком плакал: ведь он один из класса не пионер. Ему было очень обидно. Но однажды учительница сказала, что в пионеры его примут уже в четвертом классе, перед Октябрьскими праздниками. А это значит, этой осенью, так что ждать ему не так уж и долго.

Евтеха все лето подкармливал мальчику, хотя кормили его и хозяева коров. Давали с собой. И Колька даже приносил еду домой.

Дед Федор, глядя на Кольку, радовался, что он за лето набрался сил, как говорил, “окреп”, и сейчас называл его не иначе как Николай. Сосед не-

сколько раз ездил в райцентр, чтобы навестить Колькину мать в больнице, возил ей передачи, собранные Невдашечкой. Возвращаясь, успокаивал мальчика, что его мама поправляется, что она радуется за сына — он же при деле, взрослый.

Этот “взрослый” не раз втайне от людей плакал, что его мамы нет с ним, что она все болеет и болеет. Единственное, что было его утешением, так это, что он работает, а коли так, то, как вернется мама, они смогут какое-то время жить без забот. И все у него было хорошо до тех пор, пока не пошли дожди. Тогда с нижнего склада сорвало эстакаду и на реке возле деревни образовалась запруда из бревен. Тогда Колька вынужден был вставать совсем рано, бежать к плотине — а это большой круг — и по ней перебираться на тот берег, чтобы не опоздать собрать стадо.

Часто утром, когда Колька бежал к плотине, его на “козлике” обгонял Гел. Мальчик знал, что тот ехал в Хвойницу, но Гел ни разу его не подвез. В Хвойнице была замужем Гелова дочь, и отец (это знали все) часто возил ей что-то из колхозной фермы или амбара.

Евтеха говорил Кольке, что к школе он неплохо заработает, сможет купить себе не только костюмчик, но и теплую жакетку для матери, да еще останутся деньги на жизнь. Старый богомолец, когда Колькина мать вернулась из больницы, давал ей лекарственные травы — Евтеха слыл знахарем, он им стал, говорили, вернувшись из ссылки с севера.

Трудно определить, от лекарств или от трав, но к осени мать выздоровела и даже стала ходить на работу в колхоз: боялась, что на зиму останется без трудодней. Да и бригадир не раз упрекал ее, что все деревенские мальчишки помогают колхозу, а ее сынок к вражине-кулаку приклеился. А раз так, то к зиме она ничего не получит из колхоза: поголодает с сыном — будет знать, что почему. Но мать не хотела, чтобы Колька ходил в колхоз, говорила, что в колхозе она “поклала” на ферме здоровье и сейчас никому до этого нет дела.

До болезни мать доила коров в продуваемом ветром коровнике. Она очень рано поднималась, поздно возвращалась. Сама, с другими такими же доярками, таскала коровам бесконечное множество ведер воды, силос, убирала навоз. Вечно ходила простуженная, но ни бригадир-пьянице, ни Гелу до этого не было дела. Конечно, в таком положении были все доярки, молодые и пожилые женщины. Все они часто болели, работали как каторжные, у них не было ни выходных, ни отпусков, в отличие от тех, кто работал на лесоучастке или на нижнем складе. Мальчик, видя это, уже тогда понимал, что чем больше работает человек, тем более он унижен, как его мать, например.

Однажды накануне Спаса, когда из больницы вернулась Колькина мама, Евтехина Невдашечка испекла хлеб. Старик утром, когда Колька собрал стадо, дал ему огромный душистый каравай и сказал, чтобы мальчик шел домой, отнес матери — приближается праздник. И вообще, пусть Колька уже отдыхает перед школой, расчет Евтеха принесет ему чуть позже, когда соберет с людей плату. И еще говорил ему пастух, что хлеб этот — особенный, ибо Колька его заработал сам.

Мальчик еще никогда так не радовался, как тогда. Еще бы: он заработал хлеб! Он взрослый и сильный. Сейчас он никого и ничего не боялся, даже ихнего обидчика Гела. Колька верил: как только мать поест этого хлеба, то выздоровеет окончательно.

Конечно, Кольке хотелось как можно скорее порадовать мать. Разве он мог бежать домой по дальней дороге — через плотину? Известно, если у тебя такая радость, забудешь о всякой осторожности и никакие преграды тебе не страшны: скорее, скорее...

Уже когда мальчик бежал к реке, прижимая к груди каравай, его на “козлике” догнал Гел. Колька, чтобы не попасть под колеса, остановился. Гел, как показалось мальчику, нехорошо усмехнулся, прибавил газу — машина направилась к плотине.

Колька вновь побежал. Он спешил к реке и думал только об одном: как обрадуется мама, когда он положит на стол каравай... Он представлял, как она будет гладить его по голове, говорить, что сын уже взрослый, настоящий помощник, и что сейчас ей ничто не страшно, даже Гел.

Колька бежал и не видел, что на противоположном берегу, на том месте, к которому он стремился, стоит конюх Осип. Он, как всегда в это время, пригнал к реке поить лошадей. Осип, поняв, что мальчик собирается по бревнам перескочить реку, начал махал ему кулаком, кричал, чтобы Колька не смел лезть на бревно, грозился исполосовать ремнем задницу, а мальчик ничего этого не видел и не слышал. Он уже вскочил на первый плот. Слабо связанные бревна, словно клавиши, заплясали у него под ногами, а Колька, не обращая на это внимания, прыгал по ним вперед, к родному берегу. Он не видел, что ближе к середине реки, к фарватеру, не плоты, а несвязанные бревна, что они тяжело трутся друг о друга, угрожающе ворочаются — здесь бездна...

...А дальше все было, как во сне с его сыном Гришкой... Прыжок над бездной, и раскинутые в стороны руки, словно крылья, будто Колька хотел взлететь над бездной, и каравай, нырнувший в темную глубину, и яростный крик: “Хлеб!.. Хлеб!..”

Уже проваливаясь в бездну, Колька чудом успел ухватиться за бревно и не выпустил его даже тогда, когда из разжатых пальцев по воде растекалась кровь. Он не помнил, как Осип длинной жердью подтаскивал его к прибитому к берегу плоту. Когда мокрый, перепуганный Колька лежал на берегу и повторял как заведенный одно и то же: “Хлеб!..”, Осип не бил его и даже не бранил, а только беззвучно, по-старчески плакал.

Кажется, ни до того случая и никогда потом Николаю не было так больно и обидно. Ему было жаль себя и маму. Тогда ему казалось, что с этим заработанным караваем, раздавленными бревнами, исчезнувшим в бездне, навсегда исчезла надежда на добро в его, Колькиной, и горемычной маминой жизни. Он считал себя виноватым в том, что не послушался маму, просившую ходить только по плотине, деда Федора, Евтеху. Это была его не по-детски осознанная вина (подвел всех). Она жгла душу словно незаживающая рана. И дома, куда его, выбиваясь из сил, почти бесчувственного принес старый Осип, Колька не мог успокоиться, понимая, что он наделал.

А вечером, когда он, истерзанный обидой, упал в полузабытьи, во дворе застучали колеса. Послышалось: “Тпр-у-у!..” Через минуту в хату вошел Евтеха. Он посмотрел на него, лежащего на кровати, на опечаленную растерянную мать, постоял у порога и вдруг вопреки своей вере взял на скамейке кружку, посудину иноверцев, из которой они пили, зачерпнул из ведра воды и, думая о чем-то своем, долго пил.

Потом Колька заснул, спал целые сутки. Мать говорила, что Евтеха творил над ним молитвы и заговоры. Он просил Бога, чтобы к рабу Божьему Николаю “не пристала никакая хворь”, чтобы “ум его не помутился”, чтобы “падучая” прошла стороной и сгинула в сухом лесу.

Колька проснулся только тогда, когда следующим вечером приехал на телеге Евтеха. Он подошел к кровати и положил свою грубую ладонь ему на лоб. Какое-то неизвестное до сих пор спокойствие заполонило мальчика. Ему стало легко и хорошо.

И снова старый богомолец пил воду из их кружки.

А осенью, когда пошли первые заморозки, Евтеха привез его, Колькин, заработок: три мешка ржи (он сказал: “хлеба”), хорошую плашку сала, почти воз картошки и даже горсть денег.

Евтехина Невдашечка передала от себя гостинцев: яблок, лука, чеснока, огурцов, помидоров — чего в тот год у них не было, так как за огородом ухаживать было некому, и он зарос сорняком.

С тех пор Николаю, и когда был мальчиком, и когда вырос, стал взрослым, и сейчас, может быть, тысячу раз снилось одно и то же — он, мальчишка, прижимая к груди каравай, бежит по мокрым скользким бревнам через реку, и... срывается в бездну...

Во сне он понимал, что это сон, на самом ужасном заставлял себя просыпаться, а проснувшись, вновь и вновь мысленно возвращался к былому. И сейчас его сковывал ужас, ему как никогда было жутко: сейчас во сне был не он, а его сын, Гришка...

После этого Николай уже заснуть не смог. Может, если бы был дома, еще поспал бы. А здесь, в сторожке — нет!

Он подумал: если бы дежурил другой сторож, Пенкрат, так с тем можно было бы договориться, взять машину и съездить домой, посмотреть, как там сын. А с Ерофеем, помешанным на ненависти и недоверии к людям, не договоришься. Для него люди существуют только как враги. Наверное, когда-то Ерофей в лагерях издевался над невинными: вот и пришла расплата, его разум помутился, иначе как объяснить такое?

Тогда Николай подумал, что, видимо, зря волнуется за сына: да спит Гришка, спит. И все же в семь утра, позволит или не позволит шеф, Николай позвонит Артимоновне. Старушка в это время просыпается, чтобы вести Рекса на прогулку. Николай попросит, чтобы она посмотрела, как там Гришка, проследила, чтобы он поел, не опоздал в школу. Артимоновна просьбу выполнит с радостью, позовет Гришку к телефону, заставит покушать, вообще посмотрит, как там и что.

Да и с женой должно быть все в порядке: там же врачи, и с малышкой — тоже. Но к чему такое приснилось?..

Иногда он верил в сны, иногда — нет. Когда у тебя все хорошо, на сны не обращаешь внимания. Когда же что-то не ладится, начинаешь верить в разные глупости: гороскопы, приметы, боишься черных котов, перебегающих перед машиной дорогу, сглаза, и вообще сам не знаешь чего. Наверное, такова человеческая натура.

9

Для волнений у Николая нет причин. Шеф все еще не выходит? Ну и что? Посиди, подумай, повспоминай хорошее, тогда легче станет. А то сам себя загонишь в угол... Вот приедет Владимир Трофимович. Встретят его на вокзале. Лучше, конечно, было бы, чтобы встречал один шофер. Тогда Николай сказал бы Владимиру Трофимовичу, что у него родилась дочь, что жена в роддоме, а он даже туда не подъехал.

Несомненно, Владимир Трофимович, услышав это, поздравит, скажет: езжай, обойдусь без тебя. У гостя здесь и без Эдуарда Ивановича друзей хватает, могут дать машину, если надо. Впрочем, Владимир Трофимович такой, что и такси может взять. Денег у него хватает, он не жадный. Вон тогда, когда в лесу кутили, каким ни был пьяным, а поинтересовался, как семья. Николай сказал, что жена в положении, живут как все: не бедствуют, но и не жируют, угла своего нет, но ничего...

Гость выслушал, потом достал из кармана бумажку, подал Николаю:

— Извини, Ильич, и не посчитай за оскорбление. Возьми. Мы сегодня с Эдиком кое-что заработали, а ты нас возил.

В иных обстоятельствах Николай ни за что не взял бы, сгорел бы со стыда. А здесь...

Сколько ехал потом с шефом по городу — гость укатил на своей машине, в кармане жгло, словно раскаленным железом: что же за бумажку дал Трофимович?.. Ведь при нем не рассмотрел. Как только отвез шефа и отъехал от его дома, достал и остолбенел: сто долларов! До сих пор такие деньги к нему не приходили: в одно мгновение — сто долларов! Вот это гость! Но что делать?.. Хорошо, что ни шеф, ни Юзя не видели, как Владимир Трофимович давал ему деньги.

Жена, увидев деньги, испуганно замахала руками:

— На гостинец или в подарок столько кто же даст? Целое богатство. Смотри, еще втянут тебя куда. Здесь что-то нечисто.

— Не похоже, — сказал он и тоже засомневался: за что?..

Сейчас Николай решил, что если сегодня Владимир Трофимович будет давать ему деньги, не возьмет. Да, была искуссительная мысль, но он вовремя ее отогнал. Сейчас же ему не деньги важны, а сочувствие. Много в чем. И в семейных делах, и по работе, и...

Вообще-то дела такие: нужно будет заехать в учреждение и получить аванс за месяц — задерживают. Тогда он сразу отложит деньги Гришке на

обеда на целый месяц. Потом нужно выкроить время, чтобы купить цветов, заехать за сыном и — в роддом. А вечером обязательно надо зайти к Дунину и отдать долг: не отдашь своевременно — нарастают проценты. За квартиру он заплатит с полочки. Так они договаривались с хозяином.

Что деньги тем, кто работает по совести, и таким, как Николай, да и ему подобным, легко не даются, всем известно. Раньше, как бы тяжело ни жилось, но за будущее семьи не было страшно. Раньше верилось, что не сегодня, так завтра будет лучше. Также верилось, что наступит время, когда люди и ты сам станут добрее. Помнится тогда, если чего и боялся, то кого-то конкретного. В детстве — шофера председателя колхоза Гела, учительницу, директора школы. Позже — начальства, комендантку общежития. Но все равно кажется, что жить было не страшно. Знал, что не пропадешь в стране, где родился, вырос, стал работать на заводе.

А сейчас проснешься утром и думаешь только об одном: что же сегодня будет с твоими родными? Сейчас живешь одним днем, не заглядывая в будущее. А если иногда и заглядываешь, так становится жутко: неужели никогда твоя семья не будет жить по-человечески?..

Может быть, сейчас страшно потому, что ты зависишь не столько от государства, сколько от таких людей, как Дунин, и ему подобных, считающих себя вправе вершить твою судьбу... Что, наступают времена крепостничества?.. По чьей вине? Неужели со временем люди становятся глупее, чем их предшественники, и слепо верят в ложь?

10

Николай очень благодарен шефу за то, что тот взял его, откровенно говоря, неопытного водителя, к себе. Эдуард Иванович сказал еще: если он будет работать хорошо, так его пристроит в какой-нибудь строительный кооператив, постарается помочь с кредитом. Вот и появилась у Николая надежда, что рано или поздно его семья будет иметь свой угол. А когда Вера забеременела, они не рассуждали: нужен им еще один ребенок или нет.

Конечно, поднять двоих детей им будет непросто — помощи ждать не от кого: одни они с Верой остались на этом свете, без родителей, сестер и братьев. Мать у Николая умерла, когда он заканчивал школу, отца он не помнит. Был еще совсем маленьким, когда отец уехал на целину на заработки да там и остался. Может быть, не хотелось ему возвращаться — был он в деревне чужой, пришел из далеких краев. Верины же родители умерли рано, настрадалась она среди чужих людей, прежде чем встретила с Николаем да вышла за него замуж. В деревне уже и хаты Николаевой не было. Продал за бесенок колхозу, когда после школы устроился в городе на завод.

Николай часто думал, почему так устроена жизнь, что в ней, где бы ты ни был, что бы ни делал, обязательно найдется человек, от которого во многом зависит твоя судьба. Сейчас это шеф, а в детстве же и позже судьба Николая и судьба его матери, да и почти всех односельчан, во многом, без преувеличения, зависела от никчемного человечка Гела. И все почему-то считали, что так и должно быть, хотя Гела ненавидели и проклинали.

А этот вершитель чужих судеб не брезговал обедами с хозяйского стола, с разрешения своего хозяина запускал руку в колхозные закрома. И жил лучше, чем кто-либо в деревне. И тогда, когда возил председателя, и сейчас, на пенсии. А как только лишился своего хозяина, сразу же стал относиться к нему с презрением, рассказывать о нем все, что знал, — оказывается, для Гела не было более низкого человека, чем Петухов, у которого был в услужении.

Вот как бывает в жизни!.. Думая так, Николай приходил к выводу, что, наверное, такова участь добровольных рабов типа Гела: служить своему хозяину, пока тот имеет над тобой власть, а только стоит тому ее потерять, как у раба пробуждаются животные инстинкты. Тогда он уж власть может поиздеваться над тем, кому служил.

Странно, конечно, но почему в жизни часто такие никчемные людишки так возвышаются над людьми?

Подумав так, Николай вздрогнул: а Эдуард Иванович не из таких? Да и его жена, и та же Альбрехтовна, которые постоянно его, Николая, унижают. И сейчас битый час шофер ждет Эдуарда Ивановича, а того нет. Неужели нельзя было сказать точно, когда нужно приехать? Шеф же знает, что у Николая родилась дочь, что сынишка дома один...

— Папа?.. Да, я. Вот собрался в школу, Артимоновна позвала к телефону. Нет, за меня не беспокойся, все хорошо. Покушал (сказал неправду)... Приедешь за мной?.. Хорошо, после школы буду дома, никуда не пойду... Сестричка?.. Сестричка... Подумать, как назовем?.. Хорошо, плохо слышно, что-то пишикает... Слышу, слышу... Хорошо, сразу же — домой...

Когда позвонила в дверь Артимоновна, Гришка уже сидел одетый в школьную форму, и ему было очень обидно, что он сегодня один дома. Ночью он проснулся оттого, что болело под ложечкой, а лоб был мокрый. Болело не так, как вчера вечером: не оттягивало, не расплывалось по всему животу и не сходилось в одно, когда сворачивался калачиком, а кололо, словно внутри была игла — от нее расходились горячие круги.

Прежде всего Гришка открыл кран, подождал, пока вода станет совсем холодной, набрал стакан, всыпал туда ложечку соды — так делает Артимоновна, когда у нее, как она говорит, “мутит” внутри, выпил. Сразу же кажется, что полегчало, живот стал мягче — ничего, терпеть можно.

Есть не хотелось, завтракать он не стал. Да и боялся, чтобы от горячего не сделалось хуже. Сегодня его очередь бежать за хлебом. Но он скажет Витьке, если до того времени не перестанет болеть живот, что лучше пообедать в столовой, один день пропустить — небольшая потеря в его, Гришкиной, экономике. Если Витька не согласится, так Гришка сбегает за хлебом, пусть Витька сам съедает все, а он потерпит...

Вообще-то, когда полегчало, так и обида исчезла: он же не маленький и понимает, что никто нарочно его дома одного не оставлял, что мама в роддоме, а отец на работе. Знает, что родители надеются на его самостоятельность, так зачем нюни распускать?

А ровно в семь позвонила Артимоновна. Когда он открыл ей дверь, полезла целоваться — он чуть вырвался из ее объятий: “Поздравляю тебя, Гришка, с сестричкой!”

Гришка сразу же побежал к старушке на квартиру, туда звонил отец.

По радиотелефону было плохо слышно — как из-под земли. Но Гришка все понял и очень обрадовался, что сейчас у него, как и у Витьки, есть сестричка, о которой он тоже будет заботиться. И Гришке даже лучше, чем другу: пока его сестричка станет такой, как сейчас Витькина, Гришка уже вырастет и не позволит никому обижать свою... А еще папа сказал, чтобы Гришка сам придумал имя сестричке. Но сколько мальчик ни думал, ничего не мог придумать. Лезут в голову какие-то Лели, Жанки, Снежанки, но ничего, он придумает что-то лучшее.

Размышляя так, Гришка посмотрел на часы: время выходить из дому.

II

Дом постепенно оживал. То здесь, то там в окнах зажигался свет, в щелевых окнах по-прежнему было темно. Но сейчас Николая это не очень волнует: он поговорил с сыном по телефону, дома — все как и должно быть. А шеф, видимо, спит. Или увидел из окна, что машина стоит, и не звонит, не спрашивает, далеко ли Николай. А то было однажды, в первый день работы, опоздал шофер к назначенному времени на десять минут — чуть работы не лишился.

Тогда утром машина долго не заводилась, а потом почему-то был перекрыт проспект. Когда Николай приехал, то увидел, что шеф возле подъезда в свежем снегу, ожидая, вытоптал большую площадку. Ворот его коричневой кожаной куртки был поднят, а уши пыжиковой шапки опущены.

Возле подъезда стояла чья-то новенькая “Волга”, тоже с антенной-ра-

диомячком. К ней из дома вышел какой-то важный начальник в длинном белом плаще и черной шляпе, в темных, от снега, очках.

Шеф, заметив его, учтиво поклонился. Тот улыбнулся, похлопал Эдуарда Ивановича по плечу, показал на свою “Волгу”, предлагал подвезти. Шеф тоже заулыбался, направился было к чужой машине, но Николай в это время резко газанул, поставил свою развалюху впереди новенькой “Волги”.

Шеф заметил его, опешил, направился к своей машине, потом вдруг остановился как вкопанный, погрозил кулаком Николаю и, уже открывая дверцу, засипел:

— Где ты стал? Съесть, съесть! Дай дорогу Игорю Андреевичу.

Тогда Николай понял, что не следовало ставить свою колыхающую впереди машины Игоря Андреевича, резко рванул с места, стал позади новенькой “Волги”.

Шеф не удержался за дверцу, поскользнулся, чуть не упал, но его поддержал Игорь Андреевич. Потом Игорь Андреевич, садясь в свою машину, засмеялся. Глядя на него, неестественно засмеялся и Эдуард Иванович. А Николай совсем растерялся: что он сделал не так? В конце концов, когда его вчера инструктировал механик Сергей Афанасьевич, как себя вести, не говорил, где ему ставить машину, если возникнет подобная ситуация.

Сев рядом с Николаем, шеф набросился на него:

— Еще раз такое — выгоню!

Поехали. Минут пять помолчав, шеф вдруг взорвался:

— Почему опоздал? Халтурил или проспал? Здесь же десять минут ехать.

— Долго не заводилась. Добита. Да и проспект был перекрыт.

— А мне какое дело? Проспект... Добита... Ремонтируй!.. Приказано быть без пятнадцати девять — будь! Иначе — вон к такой матери!

Николай тогда опешил...

12

Гастроном находится недалеко от пустыря. Ранним утром, когда было еще довольно темно, здесь встретились двое мужчин. Их привели сюда тяжелые ночные страдания, от которых, по их разумению, могли они избавиться на какое-то время только одним — похмельем.

Они также знали, что такое порой спасительное, как сами говорили, пойло, можно, если повезет, достать только здесь, у Кати-похметолога. Катя-похметолог — женщина, торгующая из-под полы сахарным самогоном, отравой, способной на какое-то время оглушить, сняв невыносимую головную боль. Они также знали, что потом, через час-два, станет совершенно невыносимо и вновь нужно будет думать, как добыть выпивку, но это будет потом. А пока...

Первым сюда пришел мужчина в истрепанной фуфайке, рваных ватных штанах, в больших резиновых сапогах, в заячьей ушанке с оторванным ухом.

Он знал, что днем из-за одного такого вида его могут остановить милиционеры. Их он боялся как огня, а сейчас здесь никого нет. Сейчас он никого не опасался, смело ходил возле гастронома, ожидая, когда появится Катя-похметолог: в кармане у него имелись деньги на полстакана “пойла” — сдал вчера перед самым закрытием приемного пункта бутылки.

Он также знал, что вот-вот сюда обязательно явится еще кто-нибудь, такой же, кому так же плохо, как и ему.

Этот человек давно свыкся со своей судьбой бомжа и уже не представлял себя в иной жизни. Его иная жизнь давно прошла, тем не менее изредка все же она появлялась в его сознании через сны. Случалось это обычно тогда, когда в подвале пятиэтажного дома, где он жил за отопительными трубами вот уже несколько лет, вдруг в его руке на ночь оказывалась бутылка дешевого вина. Это было счастье! Вино на время облегчало душевные и физические страдания, и тогда ему удавалось на час-другой заснуть.

Тогда, словно сквозь туман, ему виделась освещенная прожекторами сцена, он — не он на ней, саксофон в его или в чужих руках, и публика,

вызывающая кого-то на бис. Он (или кто другой) начинает играть, и с первой, не помнит, с какой конкретно, нотой далекое эхо, кажется, чужой жизни исчезает...

Кроме этих редких снов да этого эха, у него больше ничего не осталось, что связывало бы с прошлым, вообще с миром людей, в котором, кажется, он никогда и не жил.

Иногда, когда исчезал этот сон, ему вспоминались, словно придуманные, красивые молодые женщины, окружавшие его, тоже когда-то молодого и, кажется, самого талантливого музыканта в мире...

Но много лет тому или всего два-три года (сейчас он и сам не мог точно определить — сколько) его звезда неповторимого музыканта незаметно погасла. Он и сам не заметил, как спился. Не заметил, как женщины, бывшие поклонницы не его таланта, а денег, мгновенно забыли о нем. Он не знал, что так называемые друзья, радующиеся его падению, сейчас будут драться меж собой, чтобы занять освободившееся место на Олимпе. Он также не понимал, что они сознательно спаивали его и делали все для того, чтобы разные профкомы, парткомы, администрации и иные органы в конце концов “добили” его как человека, лишив своими “воспитательными наказаниями” малейшей возможности вырваться из того капкана, в который он угодил незаметно для себя.

Когда-то музыкант, приняв с вызовом обвинения не столько в пьянстве, сколько в “антинародности и антипартийности” его музыкального исполнения “безыдейных” произведений, махнул на все, уехал из большой столицы в меньшую, где в свое время учился, и отдался “свободной” жизни, только бы быть подальше от тех, кто его наставлял на путь “истинный”.

Тогда этот человек не имел даже малейшего представления о том, что наступит время и он будет ошиваться по подвалам и пустырям, подальше от непохожих на него людей, что каждое утро будет искать “спасительной” капли, без чего уже не сможет существовать на этой земле.

Способов добыть питье у него, как и у каждого бомжа, было немало — от помойки, где иногда, если повезет, можно насобирать пустых бутылок, до попрошайничества на улице. Бывало, ночами, не имея ничего выпить, ожидая “спасительного” утра, он в одиночестве тысячи раз умирал в подвале. Но как только начинал брезжить рассвет, бежал к пивнушкам, гастрономам, туда, где рано или поздно удавалось опохмелиться. Там, когда у тебя нет даже копейки, умереть не позволят: в конце концов найдется такой же, как и ты, даст глотнуть, а то и плеснет в стакан или воткнет в испекшиеся потресканные губы горлышко бутылки.

Второго мужчину, который пришел сюда чуть позднее, местные бомжи и алкоголики звали Афган.

Афгана знали во всех ближайших пивнушках. Ему везде разрешалось брать пиво вне очереди. Говорили, что Афган — чокнутый, но не от рождения. Говорили, что таким он вернулся с афганской войны — молоденьким лейтенанчиком. Сейчас он жил одиноко в своей однокомнатной квартирке в этом микрорайоне. Знали, что Афган самый богатый из местных пьяниц, не говоря уже об алкоголиках: он получает пенсию. С пенсии Афган угощает всех, никогда не пройдет мимо того, кому плохо, кого трясет, кто еле живой стоит возле пивнушки, ожидая сочувствия...

Афган, как и Маэстро, давно уже не мог существовать без спиртного. Если бы вдруг у него исчезла возможность пить, наверное, он умер бы. Жутко, но только выпив стакан, он на некоторое время чувствовал себя живым. Тогда он понимал, что болен, ругал себя последними словами. Но при этом даже не пытался искать хоть какую возможность избавления от страшнейшего недуга, поражающего волю, ум, все жизненные органы: стоит ли, если тебя, когда ты в нормальном состоянии, сжигает на адском костре одно видение... Оно преследовало Афгана уже много лет, с той минуты, когда на его глазах заживо сгорел весь экипаж БТРа — его солдатики. А его с ними нет, он в страхе успел первым соскочить с брони...

Вот так тогда для него перевернулся мир обычной человеческой жизни, исчез навсегда. Сейчас он не помнил ничего, что было с ним раньше. Сейчас

он просто существовал помимо своей воли, и когда изредка находился в состоянии, напоминающем трезвость, тогда все вокруг казалось ему чуждым, абсолютно нереальным, к чему он не имел никакого отношения. Он чувствовал, что не может существовать в этом мире, он чужд ему, чужд...

Наверное, этот мир был чужд ему прежде всего потому, что он не знал ни отца, ни матери: Афган был подкидышем. Когда-то вот такой снежной зимой ночью дежурный одного провинциального вокзальчика услышал в пустом зале ожидания слабый детский плач, доносившийся из темного дальнего угла.

Дежурный, предпенсионного возраста мужчина, еще минуту тому проводивший в путь поезд дальнего следования, останавливавшийся здесь, недалеко от воинской части, на две минуты, не видел перед этим на станции никого с ребенком на руках. “Что за напасть? — подумал дежурный, одновременно прислушиваясь к затихающему вдали перестуку колес и нарастающему детскому плачу, уже похожему на крик. — Померещилось?”

Нет, не померещилось. Дежурный нашел на скамейке завернутого в солдатское одеяло ребеночка. Ребеночек был в том возрасте, когда образ матери еще не мог явственно запечатлеться в его памяти так, чтобы на всю жизнь. Впрочем, в подсознании у него еще не оборвалась та природная связь с матерью, когда голодный ротик ищет грудь в каждой женщине, которая в этот момент возьмет его на руки. И он, изнемогая в крике, искал материнскую грудь у женщины-кассира, такой же пожилой, как и дежурный, да так и не нашел тогда ни у нее, ни после, в Доме малютки, куда был сдан, как и подобает в таких случаях.

И все же каким маленьким он тогда ни был, что-то неуловимое, похожее на женский образ, пахнущее молоком, несущее тепло, скользнуло в его то ли сознании, то ли памяти, если они есть у человека в таком возрасте. И потом через какое-то время, через несколько лет, десятилетие, два с половиной десятилетия, этот образ, это неуловимое ощущение ускользающего тепла хотя и очень смутно, но возникало в его сознании. Правда, только в очень тяжелые минуты его жизни (для каждого возраста они разные). И тогда хотелось, ни на что, ни на кого не обращая внимания, закричать, позвать: “Мама!” Позвать, чтобы, как крестом, прикрыться этим именем, ощутить себя защищенным ее образом, похожим на лик иконы, который он однажды, после окончания военного училища, видел в храме, когда перед отправкой в Афганистан ноги сами принесли его туда...

“Мама!” — он крикнул, но не в голос, а мысленно, когда прыгал с брони горящего БТРа (да не прыгал он, его сдуло взрывной волной, он потом зря корил себя за трусость, корил долго, пока что-то не случилось с его умом, когда мир вокруг словно накрыла какая-то зловещая серая пелена), но никто тогда ему не отозвался, и лица он не увидел...

С тех пор этот мир, некогда принявший его безымянного, наградивший чужим именем — Иван Иванович Привокзальный, мир, который вырастил его без материнской ласки и тепла, взявший на себя право выстраивать его судьбу, бросивший воевать на чужую землю, в одно мгновение стер из его памяти, воображения тот образ, который был нужен ему всю жизнь. И этот мир стал ему чужд, он перестал существовать для этого человека.

Но он знал: стоит только выпить хоть полстакана “пойла”, как он начнет существовать в каком-то сомнамбулическом пространстве, где нет того ужасного зрелища, увиденного им тогда...

Когда встретились эти двое мужчин, они даже не обрадовались (чувство радости у них давно атрофировалось). Они просто знали, что произойдет дальше.

Они знали друг друга, хотя не слышали, как кого зовут. Просто в памяти были отмечены, словно какие-то знаки: есть такой. (Впервые это отпечаталось в их сознании прошлой осенью, когда им случилось вместе через камыши убежать от милиции.)

Потом их тропки не однажды сходились возле гастронома. Случалось, если у кого-то были деньги и он брал бутылку, спешили на пустырь за трубы или блоки. Там по очереди пили из горлышка, ни о чем не говорили, вооб-

ше не издавали ни звука, разве что, когда по тропинке какой-нибудь мальчишка бежал в школу или из школы, просили:

— Мальчик, посмотри, нет ли кого?

Они не знали, что их зовут “горнистами”, что они — жертвы своих судьб, и что все на них, разве что кроме мальчика и его друга, смотрят как на “отбросы” общества, не задумываясь, почему такими стали и если вдруг случится кому-то упасть, вряд ли кто подымет — алкаши...

А между прочим, когда-то и их родила мать, и они, как каждый из нас, жили среди людей...

Хотя до открытия гастронома было еще далеко, им повезло: во-первых, у Афгана были деньги, во-вторых, когда они пришли сюда, здесь уже была Катя-похметолог. Афган купил у нее бутылку самогона. Мужчины сразу же направились к пустырю, чтобы там, не опасаясь никого, выпить: утром возле гастронома может появиться милицейская машина: патрульная служба ездит и здесь. У них хватило выдержки спуститься по насыпи к пустырю и знакомой тропкой пройти к плитам.

Афган, он шел впереди, вдруг споткнулся на полдороге: на снегу на тропинке лежало что-то похожее на кругляк.

Какое-то внутреннее, не изничтоженное ни войной, ни алкоголем чувство сопричастности к миру вдруг вспыхнуло в нем, подсказало, что это не бревно, а что-то живое, еще теплое, дышащее.

В следующее мгновение его душу вновь, как часто случалось, обожгла огненная вспышка. Он застонал и, чтобы погасить испепеляющее все внутри пламя, зубами яростно вырвал из горлышка бутылки бумажную пробку, поднес ко рту, но в эту же секунду через свой стон услышал слабое, как далеко эхо: “Мама...”

В какое-то неуловимое мгновение его сознание озарилось дивным умиротворяющим светом, и свет этот вытолкнул из души жуткое видение, испепеляющее ее еще секунду тому, он прохрипел: “Люди, помогите”, но услышал в ответ только обрывки холодного эха. Он отбросил бутылку, из которой так и не хлебнул спасительного для него “пойла”, склонился над тем, кто лежал на снегу, огрубевшими, еще минуту назад совершенно бесчувственными пальцами нащупал холодный лоб, закричал: “Мама!” — подхватил его на руки, заметался, не зная, что делать, потом бросился в направлении школы.

Он бежал к ней с мальчиком на руках, далекие огни в ее окнах прыгали у него перед глазами, и казалось, что они ни на шаг не приближаются, а сзади чуть ли не наступая ему на пятки, хрипел в темноту его товарищ: “Люди... Люди...”

Они бежали вперед, спасая человека, и не знали, что по улице от магазина параллельно им наперехват направляется милицейская машина. Они также не знали, что молоденький милиционер, посматривая на два темных силуэта на пустыре, сжимал в руке резиновую дубинку и в охотничьем азарте приговаривал:

— Ничего, далеко не убегут. Перехватим их там, где не ждут: пора с ними кончать, алкашами...

А алкаши все бежали и бежали, мальчик был в беспамятстве, время от времени он звал то маму, то папу, и тот, что нес его, задыхаясь, успокаивал: “Терпи, терпи, сейчас...” Второй, бегущий следом, все хрипел в пустую темноту: “Люди...”

И первый, и второй не знали, что будет с ними после того, как они добегут до людей.

Это позже люди будут вспоминать, что тот, который нес мальчика, добежав с ним до школы, через какую-то минуту умер от разрыва сердца, а другого увезли...

13

В семь пятнадцать, как показывали часы на приборной доске, в спальне шефа загорелся свет, а через минуту в машине зазвенел телефон.

“Наконец-то”, — подумал Николай и взял трубку.

— Ты где едешь? — вместо приветствия спросил чем-то недовольный шеф.

— Доброе утро, Эдуард Иванович, — бодро сказал шофер. — Я — здесь. Прибыл, как и было велено, без пяти шесть.

— На улице холодно?

— Есть малость. Если Владимир Трофимович будет так легко одет, как прошлый раз, наверное, неплохо было бы взять для него что-нибудь потеплее.

— При чем здесь Владимир Трофимович? — не понял шеф.

— Ну как же! Разве не его будем встречать?

— “Будем встречать”. Я встречаю, а не ты. Понял?

— Понял.

— Никакого Трофимовича сегодня не будет. Сейчас поедешь по адресу (шеф назвал), возьмешь там Константиновича, помнишь, ветеринара? Отвезешь его к Альбрехтовне. Подождешь, пока он там с Мартином разберется, привезешь назад. Затем подъедешь к Юзе. Да не жди во дворе, поднимись, позвони в дверь, доложи: “Иосиф Аркадьевич, я — в ваше распоряжение”. Погрузишь в машину то, что прикажет, да смотри, чтобы он сам не носил: говорит, ему руку срывать нельзя — пишет! А когда Юзик тебя отпустит, приедешь ко мне. Ясно?

Николай не сразу понял, что к чему. Если все так, тогда зачем нужно было ему так рано ехать к шефу? И вообще, не проще ли было сразу забрать ветеринара? Ведь Николай знал, где тот живет. Возил же уже его к Мартину. Помнится, когда ехали назад, ветеринар удивлялся: “Не пойму бабу! Такой породистый кот, а она хочет его кастрировать. Да он ей доллары должен приносить, да еще какие! Хотя мне что: за ваши деньги — любой каприз”.

Еле сдерживаясь, Николай сказал:

— Все сделаю, как сказано. Но не понимаю, почему так рано надо было к вам ехать? Я же в сторожке ночевал. А у меня жена родила, и сынишка один дома. Я же об это всем сказал.

— Ты что, учить меня собрался? Я что, должен перед тобой отчитываться? Ты же знал, на какую работу идешь?

Шеф “воспитывал”. Распаялся. С каждым его словом Николаю становилось все более обидно: не болит им чужое. И вот уже обида, как вода в половодье, поднимается до краев берегов, наполнила душу, пошла через края, он еле сдерживал себя, чтобы не взорваться. Это ему никак нельзя: выгонят! Тогда все, конец.

И он молча, до крови кусая губы, слушал дальше шефа. А тот все говорил и говорил, и каждое его слово, словно капля камень, била по сознанию. Дальше не было никакой силы терпеть, обида плеснулась через края, и он с болью молвил:

— Спасибо, Эдуард Иванович, но меня уже не ждите — ставлю машину в гараж.

Он не слышал, что шеф дальше кричал в трубку, — с презрением бросил ее. И сразу же почувствовал, как все начало входить в русло — схлынуло половодье, ушло, — на душе стало легко.

Он гнал машину по еще полупустынным улицам. Скорее, скорее в гараж! Он ехал и не знал, что в это время жена кормит дочурку. Николай не знал, что у той больное сердечко и что сегодня-завтра ее должен осмотреть какой-то “светила”, чтобы подтвердить: есть или нет у этого маленького человечка шанс на жизнь...

Николай спешил. Щетки на ветровом стекле судорожно счищали легкие снежинки. Он не знал, что в это время такие же снежинки медленно тают на еле теплящемся, сморщенном от невыносимой боли лице сына... Он не знал, что Гришку, выбиваясь из последних сил, чувствуя, что еще мгновение и разорвется сердце, не обращая на это внимания, несет на руках к школе чужой, не известный ему мужчина, для многих — пропащий человек. Николай не знал, что следом бежит другой и неистово хрипит в холодную пустоту: “Люди...”

Он не знал, что именно сегодня у мальчика начались обмороки — результат постоянного недоедания, недетской работы на сытых “дядей”. Не представлял, что Гришке сейчас очень и очень плохо и что сынишка в беспомощности зовет маму и папу...

Он не знал, что, пока ехал в гараж, шеф, оскорбленный его неслыханной дерзостью, позвонил сторожу и приказал: “Ни в коем случае не выпускать с территории водителя, когда тот поставит машину. Немедленно вызывать милицию, полицию, дьявола, самому на него наброситься, задержать до моего приезда!”

Он не знал, что как только поставит машину и положит ключи от нее на стол в сторожке, направится к выходу вдоль бетонного забора, обнесенного колючей проволокой, радостный сторож Ерофей бросится к овчарке, рвущейся на цепи и царапающей когтями утрамбованный возле конуры снег, спустит ее и с яростным наслаждением даст команду: “Чужой! Фас!”

Он не знал, что собака, почувствовав свободу и получив команду догнать, повалить, разорвать человека, бросится к нему, и пока он успеет повернуться, толкнет его в спину сильными передними лапами.

Он также не знал, что когда повернется на этот толчок, овчарка на мгновение отскочит в сторону, потом вновь подлетит к самому его лицу, раскроет клыкастую пасть и горячим шершавым языком лизнет в щеку, завилает хвостом, заластится: она каким-то своим внутренним животным чутьем почувствует, что сейчас на душе у этого человека и что ожидает его впереди.

Перевод с белорусского Максима Печеня.

ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

НАД БЕЛОЙ РУСЬЮ БЕЛЫЕ СНЕГА

* * *

Над Белой Русью белые снега —
Как белых речек медленные воды —
Текут с небес, а белые стога
Лесов растут, сходясь у небосвода.

Плывут снега на пашни и луга,
На города и тихие селенья.
Над Белой Русью белые снега
Неистошимо, как ее терпенье.

Плывут снега в земные берега,
Ложась рядом на минских улиц плиты.
Над черной былью белые снега —
Как тихий плач, как светлая молитва.

Молчит земля, священна и строга:
Снега — присяга в верности Отчизне.
Над Белой Русью белые снега —
Рожденье жизни, продолженье жизни.

ПОЛИКАНИНА Валентина — поэт, журналист, член Союза писателей Беларуси и Союза российских писателей. Родилась в 1958 году в городе Кричеве Могилевской области. Закончила филологический факультет БГУ. Автор восьми поэтических сборников, Лауреат специальной премии Президента Республики Беларусь в номинации "Художественная литература", первой премии Союза писателей Беларуси "Золотой Купидон", российской литературной премии им. А.П. Чехова. Живет в Минске.

УТРО В МИНСКЕ

“Отечества дым” не становится горьким.
Он — легкого ветра крыло...
Над городом милым, над Золотом Горки —
Горячее сердце взошло.

И солнцева дочка, кудесница мига,
Христова невеста — Заря —
Над куполом светлым, над гордой Немигой
Плывет, растворяясь, паря.

Лишь Ангелы утра, молясь, сотворили
Зарницы — небесный салют —
А в Красном костеле и в церкви Марии
Уж первые песни поют...

* * *

Небушко синее, белое облако,
Травы — не переполоть...
Родина гордая, плавно — и волоком
Входит в меня твоя плоть.

Мятный и клеверный, слитный со сном ночным,
Ветер, тебя узнаю...
Родина светлая, зеркалом солнечным
Смотришь ты в душу мою.

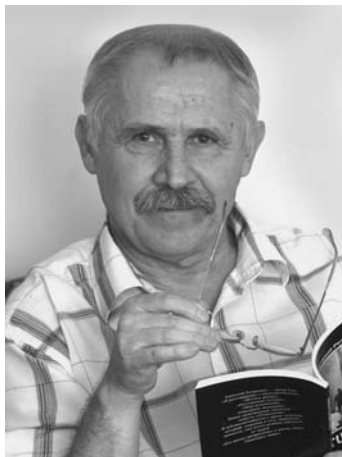
Росными тропками шла босиком я,
Полюшко-перекати...
Родина — льняная, синь васильковая,
Пуц белорусских мотив.

Разве ты, родина, Богом оставлена?
Сколько пропало щедрот:
Пастбищ не скошенных, горем отравленных,
Да деревушек-сирот...

Белые облаки, серые горенки,
Кладбищ сырая постель,
Битые церковки да колоколенки,
Да воронье на кресте.

Слезная, горькая, самая разная,
Мне ли тебя выбирать:
Здесь мне и маяться, здесь мне и праздновать,
Здесь, час придет, — умирать.

ГЕОРГИЙ МАРЧУК

МАРТОЧКА

РАССКАЗ

Сегодня день независимости Украины. Уже, пожалуй, года четыре, как меня не приглашают на этот национальный праздник в посольство Украины. И мечтать нечего, забыли. Каждый новый посол (исхожу из собственных наблюдений) по приезде в нашу страну собирает вокруг себя свой бомонд. Кое-какая мизерная информация о жизни страны-соседки безусловно доходит. Но это в основном экономико-политические вести. О культуре, литературе, искусстве — гробовое молчание на всех телеканалах. Этот минус следует отнести и к белорусскому телевидению. Восхищаясь и популяризируя, где только можно, как только можно, творчество великих художников эпохи Возрождения в Европе и не менее великих художников-передвижников XIX века в России — я не знаю творчество великого украинского художника, моего современника, академика Ивана Марчука. Ведь мы, выходит, дети одного родового древа. Стыдно, спросите вы? Да, стыдно. Охватить житие и творчество всех талантливых художников, равно как и талантливых писателей, композиторов, невозможно. Понимаю с некоторой долей огорчения: как мало успевает человек напитать себя красотой за жизнь, но ведь украинский художник — особая забота... Ведь из Марчуков, может ровенских, как мой украинский дед Илья. Впрочем, этот стыд еще подлежит исправлению, смягчению. Он еще не приближен к греху. Вот что делать с глубинным стыдом,

МАРЧУК Георгий Васильевич родился в 1947 г. в Давид-Городке Брестской области. Окончил Белорусский театрально-художественный институт и Высшие курсы сценаристов и режиссеров в Москве. Прозаик и драматург. Автор многих книг прозы и пьес. Лауреат Государственной премии Республики Беларусь, награжден медалью "Ревнителю просвещения" Российской академии словесности. Секретарь правления Союза писателей Беларуси. Живет в Минске.

который временами будоражит память и возвращает к навсегда радужным воспоминаниям? Недаром еще Зевс говорил, что стыд и совесть суть основополагающие начала духовного саморазвития — об этом греки пишут в своих мифах.

Итак, возвращаемся в юность. Давид-Городок, мое провинциальное местечко, 1962 год. Ах ты, опьяняющая, очаровывающая свободой, удовлетворением простых житейских желаний — рыбалка, кино, танцы, игра в карты, футбол, теннис, снова рыбалка — летняя пора. Ах ты, ожидание сладкого предчувствия первых поцелуев, радость от аплодисментов на концерте в клубе, ах ты, счастье молодости — пора каникул! Кажется, это насыщение души радостями жизни и самой жизнью как таковой будет безоблачно всегда и неизменно длиться долго, долго. Никто еще из нас, подростков, не понимает и не пытается осмыслить слова “тяжелая болезнь”, “старость”, “одиночество”. Но они идут рядом, просто мы их не замечаем до поры.

У моего деда была такая же небольшого росточка, подвижная, с каким-то треугольным носом на широком скуластом лице сестра Марта. Из-за этого малого роста ее иначе как Марточка в городке и не звали. Мне было пятнадцать лет, ей семьдесят. Жила она с сыном, золотых дел мастером, который выучился самостоятельно прекрасно играть на мандолине. Он с двоюродным братом моего деда, местным художником Борисом, который тоже самостоятельно освоил гитару, часто удивляли по праздникам всю нашу улицу и прилегающие к ней переулки праздником русских, итальянских и польских мелодий. Имея дело с золотом, сын Марточки подвергался искушению... то ли вел незаконную торговлю, то ли проворачивал иные махинации с золотишком да серебром. При социализме со спекулянтами обходились круто. Побыл он в тюрьме недолго. Вернулся совсем больным, сильно запил и с трудом возвращался к своей редкой профессии. Пенсию по старости Марточка не получала, не было тогда еще такого закона. Нищенствовали, годами Марточка не покупала обновки. Занималась мелкой торговлей, как, впрочем, и все люди ее века, продавала семена цветов да лук с чесноком. Часто брала небольшие суммы на хлеб, сахар, соль, макароны в долг, затем снова одалживала у родни и возвращала долги соседям. От голодной смерти ее с сыном спасали козы, которые были почему-то очень назойливы до агрессивности и, случалось, преследовали меня по переулку метров тридцать-пятьдесят. Они паслись на лужайке перед хатой Марточки и были привязаны к кольям на длинных-предлинных веревках. В отличие от своей хозяйки, козы были злые. Марточка имела общительный характер, останавливалась с каждым и могла подолгу судачить обо всех. Не предмет разговора был для нее важен, а субъект, человек, с которым она с видимым удовольствием беседовала. На свое несчастье, Марточка как-то внезапно ослепла. Вернее будет сказать — почти ослепла. С постоянной палкой в руке, в замусоленной, возможно, довоенной еще серой юбке, в зеленом жакете не по росту с заплатками на локтях, она по привычке продолжала выходить в город, на базар, к церкви. Наша центральная улица одна из немногих была несколько опасна для пешеходов. Марточке, чтобы попасть в церковь, необходимо было перейти центральную в районе кинотеатра “Заря” и Доски почета — это центр города, любимое место тусовки нас, подростков. За Доской почета парк с вековыми тополями, за кинотеатром базар, чайная, рядом пожарная вышка с пятиэтажный дом.

Завидев приближающуюся Марточку, мы отходили в сторону от перехода, потому как никому не хотелось, под руку тем более, переводить бабушку на противоположную сторону улицы. Стеснялись. Марточка, случалось, пускалась на хитрость. “Хлопчык, хлопчык, хадзі сюды! Нешто скажу табе”. Как только кто-то из нас подходил к ней близко, она тотчас хватала его за локоть и уже не отпускала. Руки у нее были сильные. “Перавядзі мяне, хлопец, на той бок, до царквы”, — просила она. И “жертве” ничего не оставалось, как исполнить ее просьбу. Один раз на ее уловку попался и я. Она ухватила меня за руку. Я почему-то очень покраснел. Хлопцы подтрунивали.

— Чый ты? — спросила она неожиданно.

— Осколка Змитра унук.

— Жорык!— обрадовалась она. — Які ты ужэ вялікі вырос. Слава Богу. Мамочку упамінаеш? Молодой пошла. Я плачу, плачу аб ёй. У царкве памалюся. Золотэ сэрца было. Скажы деду, що я тры рублі у суботу прынясу.

— Добрэ, скажу, — мне не терпелось поскорее вырвать свой локоть из ее руки.

До церкви ее не стал провожать, решил не возвращаться и к своей компании. Поднимут на смех.

“Ну, як твоя дзеўка Марточка? Добрэ пагуляў?” Такой издевкой мы всегда встречали провожатых. Через несколько дней опять возле чайной появилась Марточка и, постукивая перед собой палочкой, направилась в нашу сторону. Все мы, и я в том числе, быстро ретировались и перешли к Доске почета. Минут десять она стояла одна у кинотеатра, не решаясь самостоятельно перейти улицу, пока ее одна сердобольная женщина не перевела на другую сторону. Я даже не задумывался над вопросом... почему я, ее кровный родственник, не помог почти слепой тете Марточке? Почему? Через год я заболел туберкулезом, и началось мое почти двухлетнее скитание по диспансерам и санаториям. Может, меня за мою черствость Господь наказал. Ведь к туберкулезникам с опаской надо подходить, их обычно обходят стороной, подальше от палочки Коха. Я избегал старой Марточки, брезговал... так вот получи сам, и тебя будут обходить стороной.

Еще через год я навсегда покинул Давид-Городок. Умер сын Марточки. Тюрьма, болезнь, алкоголь до времени свели в могилу талантливого самоучку. Марточка совсем ослепла. Вскоре из Польши воротилась в родную старенькую, с одной большой комнатой, с дырявой крышей хатку родная дочь Марточки Софья, такая же худенькая и подвижная, улыбочивая и открытая, как и мать. “У Польшчы лепш, як у нас. Чого ты ехала?” — недоумевали соседи.

— Маму шкода... Сляпы ж чоловік. Даглядаці трэба, — спокойно отвечала Соня.

Я хоть и очень редко, но по случаю навещался в родной городок, но не было у кого просить прощения. Марточка умерла. И вот я подхожу к ее годам. Медленно, но неотвратимо и у меня слепнут глаза, по капельке... нет-нет да горьким комом сдавит горло, укрупняя морщины, воспоминание — стыд. Укоряю сам себя. До слез бередит душу этот стыд. Словно какой-то знак из космоса.

Прости, Марта Михайловна.

КОРОТКИЙ РОМАН

РАССКАЗ

Санаторий для легочных больных размещается в бывшем панском кирпичном доме в бывшей усадьбе Савейки, — это рядом с районным центром Ляховичи, которые до войны были под властью Польши.

Сюда я приезжаю уже вторую зиму на один срок путевки — два месяца. В палате нас четверо: все мужики деревенские, старше меня вдвое, один втрое. Как положено младшему, я больше молчу, слушаю их жизненные истории с одной постоянной присказкой: “Все бы хорошо, кабы не болезнь проклятая”.

Один из нас, с которым я не успел познакомиться ближе в связи с окончанием срока путевки, уехал, и нам подсадили в тот же день новенького, лет сорока пяти. Чернявый, небольшого роста, остроносый, разговорчивый, деятельный, он сразу пошел с нами на контакт: “Как с дисциплиной, хлопцы? Выпить не грех? По женской части как? Вижу, в столовой есть крали... румяные...” Он впервые попал в санаторий и всем был очарован.

— За нарушение режима выписывают. Одна курва тут, из больных (отдыхающих в этом санатории принято называть — больные) снюхалась с... врачом. Так главный врач отправил ее, гулящую, домой, — растолковывал весельчаку самый старый из нас, который редко покидал палату, не ходил ни в клуб, ни в библиотеку, не играл в шахматы, шашки, тем более в настольный теннис, пребывая больше в угрюмом настроении.

— Ишь ты! Глади, как строго, — задумался чернявый.

Вечером мы вдвоем с ним отправились на танцы. У него разбежались глаза от присутствия женщин всех возрастов. Непоседа словно с цепи сорвался. Не пропускал ни одного танца, перетанцевал со всеми и выбрал все же себе молодуху, лет этак тридцати, краснощекую, чернявую, как и сам.

От главного корпуса до клуба метров пятьдесят. Она единственная из всех женщин пришла на танцы без головного убора. Мороз был градусов под двадцать, да ветерок зимний, как известно, неласков.

— Последний танец, — зевая, объявил массовик-затейник, он же заведующий клубом, он же радист. Очевидно, несмотря на все должности, которые он занимал, он все же недоедал и завидовал нам: “Такие харчи! За что вам такие харчи!” — надувал он с обидой щеки.

И последний танец наш новый сопалатник станцевал с круглолицей. Двинулись все к спальному корпусу, в основном парами. Зимней обуви у меня не было, а летние туфли через тонкую подошву промерзали мгновенно, потому я быстрым шагом направился к своему корпусу. Наш же вертлявый мужичок повел свою барышню в сторону библиотеки, в глубину старого парка к беседке, занесенной снегом, которая основательно проваливалась в темноту. Последний столб с лампочкой стоял у библиотеки. Вернулся он в палату где-то минут через десять после отбоя, в начале двенадцатого, когда дежурная медсестра уже закрывала на ключ огромную тяжелую дверь. От мороза он горел весь или от радости — понять было трудно. Не раздеваясь, он сел на кровать и начал говорить.

— Хлопцы! Я с ней в беседке все... ну, все, понимаете, что мужику от бабы надо. Сразу. Не знаю даже, откуда она приехала, как ее фамилия. Знаю, звать Тамара. Или Татьяна? Забыл на радостях, ей-богу. Ух, хлопцы, так ей мужика хотелось. Аж звенела вся... Замужем... чин чинарем, дети есть, — более спокойно добавил он, когда мы уже засыпали.

Чернявому донжуану не спалось, и он пошел в туалет покурить. Удивленно-возбужденный, он долго ворочался в постели, не мог уснуть. Через день его курносая ночная бабочка уехала, удивив нас на прощанье в столовой новым оригинальным начесом на голове. Срок ее путевки закончился, не оставила она нашему ловеласу ни адреса, ни телефона. Весельчак приуныл, как мне показалось, и от другой причины.

— Неужели все они такие?

— Какие? — поинтересовался учитель, поклонник итальянской песни, который, кстати, сам неплохо играл на мандолине.

— Ну, податливые? Моя же тоже одна в деревне осталась. Год тому в дом отдыха ездила... одна... правда, всего на двенадцать дней, — почему-то заговорил он о своей жене, даже показал нам ее фотографию. — У меня с ней все нормально... но черт их знает, когда в них бес вселяется. Тащу за руку в беседку, — он опять перешел на свою недавнюю знакомую, — идет, не сопротивляясь, — он был ошеломлен быстротечностью случившегося и все искал обоснование этому.

— Думай, думай! Вот то-то и оно. Всем им одна цена, — подсыпал жару самый старый из нас, который держал на тумбочке у изголовья иконку какого-то святого.

Тут мы замечаем — пригорюнился наш весельчак. Три письма кряду написал своей жене.

— Нет, хлопцы, но как это все вразуметь? — искал он у нас ответа на мучившие его вопросы.

— А так и разуместь — разврат он и есть разврат. Они, бестии, на него нацелены каждую минуту, — резюмировал молчаливый, который тяжелее всех нас дышал, у него был двусторонний процесс в легких.

— Не скажи, — вступился за пышногрудую третью, учитель начальных классов, который нещадно ел чеснок и мед, потому как ему внушили, что наряду с барсучьим жиром народные средства, чеснок и мед, излечивают туберкулез, — ее тоже понять надо. Она, как и мы, тут под смертью ходит. Ловит свой, может, последний миг счастья. Может, ошалела от испуга. К ней ведь бояться все подходит. Туберкулезная. Кстати, туберкулезникам больше нужен секс, нежели здоровым. Это я где-то тоже читал.

— Во-во. Как кипяток, — снова загорелся от воспоминаний наш новый сопалатник, — взял за руку — задрожала вся.

— Разврат он и есть разврат, — стоял на своем молчаливый.

Еще через несколько дней наш чернявый вдруг тайно и быстро уехал домой, не попрощавшись с нами. Что-то угнетало его душу.

— Убег к жене. Счас ей разнос делает за двенадцать дней отпуска в доме отдыха. А то! Век живи — век учишь, — с улыбкой говорил нам молчаливый, когда все узнали о побеге из санатория нашего ушлого и компанейского мужичка лет сорока пяти, который каждый день брился и увлажнял свои гладко выбритые пухленькие щечки одеколоном “Красная Москва”, который, кстати, забыл в своей тумбочке, когда спешно собирался домой.

Каково же было наше удивление, когда через неделю мы в палате № 4 получили письмо от нашего чернявого бухгалтера, в котором он рассказал о своем возвращении домой. Сообщил, что сразу-то домой не пошел, решил жену проверить и последить за ней. Как оказалось, сын их учился в столице, в техникуме связи. Писал он, что дотянул допоздна, хоть и было дюже холодно на улице — сторожил подъезд. Никто к ней не пришел, и она сама дом не покинула, а, едва завидев его на пороге, обрадовалась: “Ваня?! Я как чувствовала и борща твоего любимого сварила. И что удивительно, Ваня, сорока полдня перед окном трещала, гостя кликала, а тут сам хозяин приехал”. Так и сказала, хлопцы, ей-богу”. “Что там эти санаторские харчи, хлопцы! И дома можно хорошо питаться. Главное — на душе спокойно. Так желаю вам выздороветь, чтоб мы еще порадовались жизни”.

Нам не хотелось обсуждать его письмо, да никто и не комментировал. Просто каждый думал о своем, а может, о своей, потому как здоровый или больной, а без женщины ты не человек, а полчеловека. Забытым одеколоном пользовались все. Правда, жадноватый ворчун — старший из нас — наливал себе в ладонь, не жалея. Каждый ловит свой миг удачи, и мы его за это не осуждали.

АНАТОЛИЙ АВРУТИН

ТО ЛИ РОДИНА,
ТО ЛИ ПЕЧАЛЬ

* * *

И опять на песке блики белого-белого света,
И опять золотая небесно-невинная даль.
И светает в груди... И душа по-над бранным воздета,
И парит над тобой то ли Родина, то ли печаль...

В мир открыты глаза, как у предка — распахнуты вежды,
И под горлом клокочет: “Высокому не прекословь!”,
Сможешь — спрячь в кулачок тот живительный лучик надежды,
Чтоб мерцала внутри то ли Родина, то ли любовь.

И придут времена, когда слово в окно застучится,
И перо заскрипит, за собой строку торопя.
Что-то ухнет вдали... Но с тобой ничего не случится,
Хоть и целился враг то ли в Родину, то ли в тебя.

АВРУТИН Анатолий Юрьевич родился в 1948 г. в Минске. Окончил Белгосуниверситет. Поэт, переводчик, критик, публицист. Автор двадцати книг, изданных в Беларуси и России. Главный редактор журнала “Новая Немига литературная”, секретарь, а в 2005—2008 гг. — первый секретарь Правления Союза писателей Беларуси. Член-корреспондент Академии поэзии и Петровской Академии наук и искусств. Лауреат международной литературной премии им. Симеона Полоцкого и многих других премий. Публиковался в “Литературной газете”, журналах “Москва”, “Нева”, “Наш современник”, “Молодая гвардия”. Живет в Минске.

И приблизишься ты, хоть на шаг, но к заветному слову,
Что в дряхлеющем мире одно только и не старо.
Испугается ворог... Уйдет подобру-поздорову...
Если будет здоровье... И все-таки будет добро...

И тогда осенит, что последняя песня — не спета,
Что перо — это тоже звенящая, острая сталь,
Что опять на песке — блики белого-белого света,
И парит над тобой то ли Родина, то ли печаль.

* * *

Съежился день... Журавли улетели.
В свете померкшего дня
Тихо сопит на несмятой постели
Мальчик, забывший меня.

Мечется время... То камни, то комья...
Там, в параллельном краю,
Кроткая женщина бродит, не помня
Про позабытость мою.

То ли от ревности, то ли от мести,
То ли устав от потерь,
Если и встретимся, не перекрестит,
Вновь провожая за дверь.

Я ей шепнул бы: “Опять молода ты,
Как я мгновению рад!..”
Только утраты, утраты, утраты —
Целая вечность утрат.

Каждая — прежней утраты огромней.
Страсти... Записочки... Пыл...
Только одно мне останется — помнить,
Что я их всех позабыл.

И, не сдаваясь житейским громадам
Даже в свой жертвенный час,
Так и брести мне с невидящим взглядом
Мимо невидящих глаз...

* * *

Все, как всегда... Скрипят ступени,
Аккорды строятся не в лад,
И гипсовый Сергей Есенин
С челом, уткнувшимся в салат...

Все, как всегда... Чужие руки,
Знакомый холодок в спине.
За встречу — целых две разлуки...
За все заплачено вдвойне.

Все, как всегда... Осколки брызнут,
Вспорхнет с березы воронье.
Всю жизнь выходит на Отчизну
Оконце узкое мое.

Все, как всегда... Не вышло чуда —
Постель пуста и даль пуста.
И лишь в ночной тиши Иуда
Целует Родину в уста...

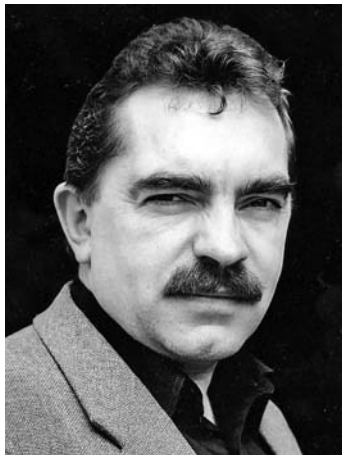
* * *

Стою у русского предела,
Где Бог не терпит суеты,
Где осыпаются несмело
На сердце поздние цветы.

Стою в своей извечной смуте,
Примяв земли седую пядь,
И кровью чувствую — по сути
Здесь только тлен и благодать.

И за чертою пониманья
Сей путь, что начат не с нуля...
Зачем нам смутные терзанья,
Когда мы — бездна и земля?

АЛЕСЬ БАДАК

ПОБЕГ НА КРАЙ ДОЖДЯ

РАССКАЗ

— Дождь, — задумчиво сказала жена, и это было первое слово за долгие минуты их молчания.

Он поднял голову, сонно поглядел в окно электрички, — действительно, по стеклу сбегали дрожащие пунктиры — и перевел взгляд на дочку. Она сидела напротив, забившись в угол, тихая, безразличная ко всему, со своей любимой Барби на коленях.

Он боялся этой ее тихости, но трогать дочку тоже не хотелось: может, она вспоминает что-то приятное?

— Если бы поехали автобусом, аккурат успели бы до дождя, — с сожалением сказала жена.

Конечно, это он предложил добираться до деревни электричкой, но иначе им пришлось бы проезжать мимо *того* места, о чем она знает не хуже его, однако же все равно не может смолчать. Такой уж она человек: если хочется выть волком, то плохо должно быть всему свету.

Он все поглядывал на дочку, его взгляд остановился на ее лбе — на рыжеватом тоненьком рубце с трещинками над левой бровью.

— Катя, будешь есть? — спросила жена.

Дочка pokrutila головой.

— Андрей, а ты?

БАДАК Александр Николаевич родился в 1966 году в д. Турки Ляховичского района Брестской области. Окончил Белорусский государственный университет. Работал в периодических литературных изданиях. Теперь — первый заместитель директора редакционно-издательского учреждения “Литература и искусство”, главный редактор журнала “Нёман”. Автор многих книг поэзии, прозы, активно работает в жанре детской литературы. Живет в Минске.

Его голова, следом за Катинной, в точности повторила те же движения.

— Как хотите, — вздохнула жена и спрятала бутерброды.

Через полчаса они стояли на маленькой пустынной станции, на которую напирал густой, мрачный лес. Дождь почти стих. Андрей в одну руку взял большую дорожную сумку, другую протянул дочке. От железной дороги до тещиной деревни вела прямая тропка. Она сначала пересекала шоссе, а после, скатившись с горки, сливалась с деревенской улицей.

Когда переходили шоссе, пропустив несколько машин, дочка крепко стиснула его пальцы, и ему показалось, будто ток пробежал по руке, по всему телу, до самого сердца, и оно, до этого неслышное, дернулось и вновь стихло.

Теща — состарившаяся женаина копия, которую он, словно факир, порой вызывал силой своего воображения, когда злился на жену, — как раз хозяйничала на маленьком дворике. Увидела гостей у калитки, радостно ойкнула, поставила ведро с водой и бросилась навстречу. Сперва обняла и поцеловала дочку, после зятя — но не поцеловала, а ткнулась ему в щеку вытянутыми сухими губами. Впрочем, он не сделал и этого. Затем она склонилась к внучке, и тут ее подбородок неожиданно сморщился и задрожал.

— А моя ж ты внучечка!

— Мама! — недовольно сказала жена. — Ей нельзя волноваться. Я же просила...

— Ага, ага! — женщина резко, будто испуганно, отшатнулась от девочки.

Жена помогла матери собрать на стол. Последней на столе появилась бутылка вермута, которую они привезли с собой.

— Катя, что будешь кушать? — спросила жена.

— Ничего. Я потом поем. А можно посмотреть телевизор?

— Посмотри, — вздохнула жена. — Но возьми хоть печенье.

Когда дочка вышла из кухни через двери, что вели в светлицу, теща приглушенным голосом попросила:

— Так что ж там у вас утворилось? Расскажите толком.

Он поднялся со стула.

— Куда ты? — спросила жена.

— Покурю.

Она никогда не говорила ему в глаза, что это он во всем виноват, она вообще говорила как бы про себя, но все равно получалось — и про него: “Если б я была дома, если б я не поехала к сестре, я б ее ни за что не пустила!”

“Пустила бы! — не раз хотелось крикнуть ему. — Они не только мои, они и твои друзья! И кто мог подумать, что такое случится!” Но он ни разу не крикнул, даже не пробовал оправдаться. Он понимал, в этих словах, которые она после того несчастья всегда повторяла, когда речь заходила о дочери, жена находит душевное успокоение. Если бы он стал перечить ей, то как бы нарушил их молчаливое соглашение, и тогда она могла бы уже, и правда, всю вину взвалить на него.

В конце концов, может, было бы и лучше, если б они выговорились, выкричались, чтобы все выгорело, выстыло в душе. А так боль не отпускала, а только тлела в ней — уже вторую неделю, и этому, казалось, не будет конца, как не будет конца дождю, который повсюду следовал за ними, словно стал неотъемлемой частью их теперешней жизни, и она не могла измениться, пока не кончится непогода.

Много раз он в мыслях возвращался в тот страшный день, незримо оказывался в новеньком вишневом “форде” Алика Ждановича, своего друга еще со школьной скамьи. Вот они тоже садятся в машину — Алик, его жена Марина и Катя. Катя на переднем сиденье, рядом с Аликом. Вот — на этот раз в один миг — они уже за городом.

— Жаль, что твой отец не поехал с нами, — говорит Алик. — Я покажу тебе место — только по большому секрету, — где рыбу можно ловить руками.

— Папа не мог поехать, у него сегодня важная встреча на киностудии, — напоминает Катя.

— В выходные дни, Катенька, надо отдыхать даже режиссерам, — учающе, хоть и не совсем серьезно, говорит Алик. — И вообще, что может быть важнее для настоящего художника, чем встреча с природой, а?

Он подмигивает Кате и прибавляет скорость.

Проходит минута, другая, и вот оно, то роковое место. Из-за фуры, движущейся навстречу, выскакивает белый “фольксваген” и пересекает разделительную полосу. “Форд” резко сворачивает вправо. Катя кричит. Машина летит под откос, переворачивается и боком врезается в дерево...

Он видит — Боже, который раз и так отчетливо, словно в тот момент был вместе с ними, — он видит свою дочь, прижатую Аликом к сиденью; Алик навалился на нее, спасая от смерти; у нее широко раскрыты глаза, она глядит на Аликов окровавленный висок и не может закричать, от страха она даже не может открыть рот, а ее руки намертво вцепились в его майку, и она смотрит и смотрит, как по виску бежит красная ленточка крови, и не слышит ни Маринино крика, ни сирены “скорой помощи”...

Андрей бросил окурок на дорожку, и белую прядь дымка тут же прибило дождем.

Дождь шел и на второй день, и на третий. И даже когда стихал, словно для того, чтобы набраться сил, небо не прояснялось.

— А в деревне дождь совсем другой, чем в городе, — задумчиво сказал он. — Не такой однообразный и более живой.

— Боже, неужели он когда-нибудь кончится, — вздохнула жена. Для нее дождь всегда был просто дождем, обычной водой, которая приносит с собой холод и грязь. И так во всем, каждый день, уже семь лет, что они вместе. Как он вытерпел это, на что надеялся?

— На что ты надеешься? — спросил у него Алик еще до того, как они со Светой поженились. — Думаешь, золушка может превратиться в принцессу? Ты романтик, тебе надо снимать сказки, а не фильмы о войне. Ты всех женщин на свете хочешь сделать счастливыми и не понимаешь того, что чаще не хватает всей жизни, чтобы сделать счастливой хотя бы одну. Надо браться за то, что тебе под силу. И выбирать ту, которая, по крайней мере, не будет мешать тебе делать ее счастливой.

Алик остерегал его от того, чему перед этим сам поспособствовал, позволив однажды утром и пробасив в трубку:

— Старик, мне нужен твой антиквариат.

Антиквариат — на вид шикарное старинное кольцо — был бутафорским. Он хранил его как память о своем первом полнометражном фильме, в котором смешал все: и современность, и войну, и отступление Наполеона через Березину. Сюжет фильма строился вокруг наполеоновских сокровищ, среди которых — по фильму — было и это кольцо.

— Интересно, где встречаются женщины, способные носить украшение для принцесс?

— Представь себе, в ЦУМе. Когда она передо мной наклонилась над витриной, чтобы выбрать браслет для часов, я увидел такую натуру...

Алик был профессионалом — во всех красивых женщинах он видел прежде всего натуру для своих будущих картин.

— Надеюсь, тебе не долго пришлось ее уговаривать?

— Хм, после того, как я назвал ей сумму? Но у нее есть жених, и ей позволено позировать только в его присутствии.

Андрей пришел в мастерскую чуть позже, чем договаривались. Невысокий патлатый парень коршунюм бросился ему навстречу, заслоня собой голую девушку, сидевшую в кресле, как королева на троне, но его взгляд успел скользнуть по ослепительной белизне ее тела, на мгновение задержался на лице, природная красота которого хорошо дополнялась выражением извечной женской загадочности, одинаково притягательной и в такой вот девочке, и в сорокалетней женщине.

Алик взял у него кольцо и, подмигнув, протянул ключи от своей квартиры, которая была в том же доме, что и мастерская.

— Подождешь?

Прежде чем зайти в квартиру приятеля, Андрей купил в ближайшем га-

строноме две бутылки шампанского, апельсины, бананы, затем прикинул и попросил добавить еще одну водки...

— На что ты надеешься? — спросил Алик месяца через два, после того, как Андрей сказал, что у них со Светой, кажется, все всерьез.

— Ты ж увидел в ней принцессу, когда писал ее портрет, — задумчиво произнес Андрей.

— Всегда реален только человек, а не его тень. А художники часто рисуют тени.

— Если искусство является отражением заведомо недостижимого в реальной жизни, то чего стоит такое искусство?

Было утро — сырое и тусклое от туч, тяжелых, готовых вот-вот обрушиться на землю. Трава в огорожке, когда на нее ступала нога, отрясала с себя столько дождевых капель, что казалось, будто идешь по воде. Андрей долго не мог насобирать дочке хоть горстку клубники — попадались то рыжевато-зеленые, то загнившие.

И вдруг — от неожиданности он аж отшатнулся: среди зеленой листвы на траве лежал мокрый птенец и поглядывал на него испуганными черными глазенками.

— Света! — позвал Андрей и осмотрелся. Только теперь он заметил, что над ним тревожно, с криком носятся две ласточки. В застрехе от их гнезда остались маленькие комочки земли, полукругом, как бусы в несколько рядов, прилепленные к стене.

— Что такое? — спросила жена.

— Гляди.

Он раздвинул листву.

— Беденький, — жалостливо промолвила жена, склонившись над птенчиком.

— Может, он тут не один? Ласточки обычно выводят по четыре-пять птенцов.

Они начали искать, однако напрасно.

— Наверно, их съел кот. — В голосе жены ощущалось сожаление.

— Наш? — машинально и не к месту спросил он.

— Спроси у него, — ядовито сказала жена. — Пойду позову Катю.

— Только не говори ей про остальных.

Впервые после аварии дочка засмеялась. Нет, это был даже не смех — она улыбалась лишь уголками губ, но ее глаза! В них появилось радостное удивление, и это было так неожиданно и хорошо, и казалось таким правильным, что им, взрослым, тоже захотелось поглядеть на мир наивно-восторженными глазами. И маленький птенчик, напуганный, озябший, вдруг на минуту превратился в обычную игрушку. Но только на минуту, потому что потом дочка спросила:

— А он тут живет?

Андрей посмотрел на жену и, прежде чем ответить, выдержал долгую паузу.

— Нет, в гнезде.

— А где его гнездо?

— Оно было вон там, под стрехой, но упало на землю и разбилось.

— Разбилось? А где теперь птенчик будет жить?

Жить! Как у нее все просто!

— А может, перенести его на открытое место? — неуверенно предложила жена. — Может, ласточки станут кормить его тут?

Андрей помотал головой:

— Наверд ли. Ты часто видела ласточек на земле? А кошки? Не успеем мы выйти из огорожка, как они его уже унюхают.

— А давайте заберем птенчика домой! — воскликнула Катя.

— И как мы его будем кормить? Он же еще совсем маленький.

— А давайте попробуем! Давайте попробуем!

Через несколько минут жена принесла неживую муху, потыкала ею в клюв птенчика, но тот, казалось, только крепче сжал его.

— Не хочет признавать в тебе свою маму, — усмехнулся он.
— На, попробуй сам. Только ты больше на орла похож, чем на ласточку.

Это она про его нос.

Он, словно в шутку, затряс перед птенцом руками, и произошло невероятное: птенец широко раскрыл клювик, он ждал, нет, он требовал угощения!

Дальнейшая судьба птенчика была решена.

Гнездо ему заменила коробка из-под торта. Пришлось, под тещино оханье, распороть старую подушку, чтобы куриным пером выстлать дно коробки. Сверху птенца накрыли тряпочками — хоть в хате было не так уж и холодно, он почему-то никак не мог высохнуть. Перед ним поставили игрушечную тарелочку с мухами, но птенец их будто и не замечал. Катю это даже обрадовало. Дочка добилась, что только она будет трясти перед птенчиком своими ручками-крыльшками, и ей очень нравилось чувствовать ответственность за черненький живой комочек, который легко велся на ее обман, каждый раз широко раскрывая клювик. Дочка ожила, расшевелилась, стала чаще улыбаться.

Солнце не показывалось уже который день — словно его кто проклял. Они переловили почти всех мух в хате и начали подкармливать птенчика размоченным батоном.

Как-то вечером, ложась спать, Катя спросила:

— Почему он все мокрый и мокрый?

Он промолчал, а жена сказала:

— Не знаю. Завтра попробуем посушить его феном.

Однако ночью птенец умер. Это обнаружилось утром. Катя еще спала. Казалось, он тоже спит, но его маленькая головка откинулась набок, шея неожиданно сделалась очень длинной.

— О, Боже, — сказал он, когда они, крадучись, чтобы не разбудить дочку, вышли из спальни на кухню.

— Что будем делать? — спросила жена.

Он пожал плечами:

— Надо как-то подготовить ее.

— Ты хочешь сказать ей правду? А знаешь, каким это может быть для нее ударом — после того, что она пережила?!

— Тогда что ей говорить?

— Я не знаю... Ну, скажем, что птенчик улетел.

— Слушай, она уже не такая наивная.

— Ну тогда, что мы боялись, как бы он не умер, и подбросили его в чужое гнездо.

— И загодя ничего ей не сказали? И не взяли ее с собой?

Жена начинала нервничать. Словно он перечил нарочно, лишь бы назло.

— Ну, придумай сам что-нибудь! — раздраженно бросила она.

— По-моему, мы должны сказать правду.

— Что?

— Будет лучше, если мы скажем ей правду.

— Лучше? Будет лучше, если она снова замкнется в себе, если снова станет целыми днями молчать? Вот тебе и послушали докторов, привезли дочку в деревню! Лучше бы она в городе сидела.

— Ну, зачем ты так...

Он старался говорить мягко, опасаясь ссоры, он даже улыбался, но как раз этого и не следовало делать.

— Тебе смешно! И ты всегда спокоен! Конечно! Ты ж думаешь только о себе: лишь бы она на тебя не обиделась, лишь бы...

— Перестань.

— Что — перестань? Ты же видишь ее только по выходным.

— У меня работа.

— Конечно, у тебя работа. А на мне дочка. Ты придешь, посюсюкаешь с ней — и ты хороший, самый любимый. Это можно? Можно. А это можно? Можно. Все можно. Хочешь с чужими людьми на речку? Пожалуйста. Езжай, дочушка! Зачем ты пустил ее? Почему ж ты сам с ней не поехал?!

Он почувствовал, как внутри опять все сжалось, вот-вот готовое пружиной вырваться из него. Оно должно было в конце концов вырваться — теперь он это понимал как никогда. Беда не сблизила, она, словно рентгеном, просветила их души — казалось, по-прежнему далекие и не до конца понятные друг другу. На что он надеялся? Чего хотел от деревенской девчонки младше его на десять лет? Роль режиссерской жены, поначалу заманчивая, оказалась для нее излишне сложной, чужой и, наконец, не такой завидной, как ей когда-то чудилось. Но разве он виноват, что в том мире, куда он торжественно ввел ее, мире, для многих загадочном и недостижимом, ибо в нем жили актеры, артисты, художники, — разве он виноват, что в том мире были не только праздники, но и серые будни, много серых будней, с нудным однообразием, одиночеством и вечной нехваткой денег?

Внезапно дверь открылась, и на кухню босиком, в длинной, до самых пят, цветастой ночной рубашке осторожно вошла дочка. На ее раскрытой ладонке, прижатой к груди, лежал птенчик с откинутаю набок головкой.

— Он умер, — тихо сообщила дочка.

В оконное стекло билась уцелевшая муха — ее монотонное гудение заполнило тишину кухни.

— Его надо похоронить, — сказала дочка, и в этот момент она показалась им совсем взрослой, а они, по сравнению с ней, почувствовали себя наивными растерянными детьми.

— Мы обязательно похороним его, — это сказала, кажется, жена.

Утром, к счастью, дождя не было, и часов в десять они, захватив лопату, пошли в огород. Теща полола грядки, заметила их, выпрямилась, но ничего не сказала: может, потому, что до них было далековато, а может, и так обо всем догадалась. Дочка сама выбрала на меже место для могилки, но копать доверила отцу. Она держалась на удивление спокойно и тогда, когда опускала птенчика в ямку, высланную перьями из коробки, хоть глаза ее были полны грусти.

— Хочешь, мы кушим тебе попугайчика? — спросила жена.

— Нет, — чуть слышно ответила дочка.

— Почему?

— Если мы куда-нибудь поедем, он останется один и может тоже умереть.

Наконец назавтра стало распоживаться. К обеду небо на западе прояснилось, словно кто-то невидимый за лесом помалу тянул на себя серую дерюгу туч, она рвалась, и в эти дырки сразу просачивались солнечные лучи.

Теща привела за руку соседского мальчика.

— Как так, то все спрашивал, когда Катя приедет, а теперь стесняется идти?

Мальчика звали Антон. Ему было пять лет — на год меньше, чем дочери. Они познакомились год назад, но как раз перед Катиним отъездом в Минск.

— Пошли покажу, где мы похоронили нашего птенчика, — предложила дочка.

Антон ничего не ответил, просто послушно поковылял за ней.

Андрей достал сигарету. И пока не докурил, стоял на дворе и глядел в сторону межи. Дети сидели на корточках у могилы птенчика. Катя увлеченно, но с очень серьезным видом все о чем-то рассказывала, то разводя руками, то поднимая их вверх. Антон слушал молча, положив руки на колени. Он сразу, в первый же день их знакомства, признал в ней лидера и готов был делать все, что она пожелает.

Окурок упал в лужу, и яркое солнце в ней на мгновение разбежалось стайкой потревоженных золотых водомеров.

Боже, как давно он его не видел...

Перевод Андрея Тявловского.

ТАМАРА КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО

СВЕТИЛИСЬ ЯБЛОНИ В САДУ

* * *

Поверишь в чудо — и оно случится.
Не бойся на торгах продешевить.
Любить куда труднее, чем влюбиться,
И жить — сложнее и больше, чем не жить.

Поверуй в чудо. С холодком свободы...
Нет, не на основании каком,
А по следам в снегу, как зверь голодный,
По стеклам и кострищам — босиком...

Создай строенье иль стихотворенье,
Дом, сад, детей, хорошую семью.
Тогда узнаешь, где, почем терпенье,
Как за любовь отдашь и жизнь свою.

Не жертвенно, а с верою нетленной
В такое чудо: возвратиться вновь
Туда, где торжество, и вдохновенье,
И снова — жизнь, и слезы, и любовь...

КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО Тамара Ивановна родилась в деревне Щепятино Брянской области. Окончила педагогический институт. Автор семи поэтических сборников. Лауреат литературной премии Симеона Полоцкого. Председатель Витебского отделения Союза писателей Беларуси. Живет в Витебске.

* * *

Во сне ли, наяву ли — заблудилась
Моя душа и стынет среди звезд.
Глубокий космос... Боже, Твоя милость!
Пронзает высоту немой вопрос.

Здесь красота холодная такая,
Стынь, темень, вечность, бездна,
тишина...

Неистово ищу глазами — края,
Откуда бы земля была видна,

Моя земля, зеленая, живая!
И жадно взгляд мой ищет дворик свой,
Родимый дом! И нет другого рая!
Что космос мне? О, Витебск,
Витебск мой!

КУПАЛЬСКАЯ НОЧЬ

Светились яблони в саду
За три минуты до рассвета.
В тени ракиит купало лето
Кувшинки желтые в пруду.
Звезда шепталась со звездой,
Меня совсем не замечая.
Роса на листья иван-чая
Ложилась, чтобы стать водой.
Гляделись в небо тополя
В пуховых шалах у дороги,
Как те языческие боги,
Чей дом — полесская земля.
Уже не слышно соловья,
Но далеко еще ненастье...
Огни Купалья. Дом мой. Счастье,
Любовь и Родина моя!

* * *

Деревня на пригорке умерла.
Деревня защищалась, как могла:
Она звала, цвела, дарила хлебом,
И — нет ее теперь под этим небом...

Уехавших не жаловал народ:
Мол, родина без них-то проживет,
Да пропадут они в чужом краю,
Вернутся все на родину свою...

Вернулись... Ни двора, и ни кола,
И родина без нас не прожила,
И наши дни — закатные уже,
И перепелка — плачет на меже...

ВАСИЛЬ ТКАЧЕВ

ДОРОГА

РАССКАЗ

Домишко деда Макара на краю села. Стоит он на песчаном взгорке, неказист на вид, старый и уставший, как сам хозяин, и первый венец обнялся с землею — целуются. Два окна смотрят на улицу, остальные три — следят, что делается на большом, несколько захламленном дворе, не упустят момента заглянуть и в садок, который, правду говоря, и садком назвать нельзя: в самом закутке огорода склонила набок голову яблоня — единственное дерево осталось, да и то стоит, будто забытый людьми и Богом — вон через дорогу — телеграфный столб. На Макаровом огороде в войну разорвался снаряд, ударил ночью, а как только начало светать, хозяин повытаскивал из яблони осколки, сложил в кучку и прикопал потом в конце огорода, у самого плетня, а дерево залечил. Сколько лет оно уже умирает, даже цвета не бывает на редких зеленых сучках, можно было давно выкорчевать яблоню, однако Макару жалко: калека, натерпелась, страданица, пускай живет помалу, пускай держится на земле, пока сама не упадет.

Сразу же за домом начинается кривая и ухабистая дорога. На глаз брать ее тяжело, ведь она ныряет с горки в лошину, карабкается под гору, а потом и вовсе, после сотлевшего от времени мостика, врзается в кустистые деревья, и как она там бежит, как там живет, — Макару не ведомо: давно не выбирается он дальше своего жилья, но говорят люди, будто председатель соседнего колхоза тот участок дороги, что на его территории, довел до ладу: подравнял, положил асфальт. “Вы, борчане, сами о себе заботьтесь”.

ТКАЧЕВ Василий Юрьевич родился в 1948 г. в д. Гута Рогачевского района Гомельской области. Окончил факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища (Украина). Прозаик, драматург, публицист. Автор многих книг. Член Союза писателей Беларуси. Живет в Гомеле.

Вот и получилось, что дорога всего в несколько километров разделена на две — ту, кривую и ухабистую, с глубокими колеями, колдобинами, и новую, где и наши шоферы, думает Макар, отводят душу.

Старик часто — лето ль на дворе, дождливая, холодная осень или снежная зима — приходит к дороге, стоит на обочине, опершись на клюку, вглядывается куда-то, и не знакомый с ним человек может даже подумать, что он кого-то поджидает. Если бы так. Детей у Макара нет — пережил и двух сыновей, и дочь. Михал погиб на войне, Иван, младший, хоть и вернулся с нее конгуженный и без руки, но мог бы еще пожить, только не повезло ему: заболел тяжело, не спасли и врачи. Дочь Груня жила все время на Сахалине, в замужестве там была, там ее и погребли. Она прожила неполные семьдесят лет. И Макар считает, что могла б продержаться на этом свете и дольше, если бы не съехала, куда он даже телят не гонял пасти. Человеку там хорошо и счастливо, где его родное гнездо. В Борках, значит. Дома. А то сколько ж там у него здоровья, а надо, видите ли, еще и на тоску по Макару, по дому, по родственникам тратить, вот и не хватило Груни, чтобы дотянуть хотя б до материних годков — Макариха, веселунья Авгинья, умерла всего несколько лет назад, и старик остался совсем один. Как та яблоня в садочке... Где-то, правда, живут внуки и правнуки, но им до него ли, деда-прадеда?

Люди знают: Макар никого не ждет, это он от нечего делать выходит на дорогу, стоит, пока не занемет тело, а потом тяжело возвращается во двор или сразу — прямым ходом — в избу, сидит на лавке, а то и приляжет на кровати. Но все это ненадолго. Не сидится. Не ложится... И тогда он опять идет на дорогу, опять вглядывается...

Не знали только люди-соседи, что дорога эта связывает старика последней нитью с жизнью. Для него она не просто земля, укатанная колесами грузовиков, с двумя канавами по сторонам, заросшими летом густой травой, а зимой заметенными снегом; со столбиком-указателем, в который малышня, при случае, не прочь покидать камушки — на точность, чтоб им... Жестяная вывеска вся, почитай, испоганена, живого места на ней не осталось, и слово “Борки” сможет прочесть сегодня только человек, который знает, что это Борки.

Подолгу стоит Макар на дороге. Бывает, ему кивнут из машины, поприветствуют. Кто-то приподнимет над головой кепку. Пройдет пешеход — тоже поздоровается, а то и задержит шаг, уважит старика словом-другим. Потеплеет тогда у него на душе. Многих он не узнает сперва, а потом все же спохватится: “Иди ты, а!” Увидит, определит в парне или девушке Макар Петраковых или Марьиных детей. Похожи. Немного от отца, а то и от деда или бабки взяли. Струя родовой крови бьет. Она крепка, эта струя!..

Когда Макар стоит один, никого не видать поблизости, тогда он разговаривает с дорогой, как живой с живым.

— Здравствуй, дорога. Это я, Макар. Узнала? Постарела и ты, постарела. Я же, радость моя, тебя давно помню... И ты меня... Ходил я по тебе и босиком, и в лаптях, и в сапогах кирзовых. Ага. Ну. На войну меня покличкали... при царе еще... давно-о... вот этим местечком шел — ближе к деревьям старался. Их нету сегодня, а тогда были. Высокие. Толстые. Помнишь? Ага. Ну. Назад с войны бежал. Бежа-а-ал. Какая-то сила толкала меня в спину, подгоняла. А в маленьком сундучке подарки нес Авгине своей... и Груне, дочке. Думал, опоздаю, не успею. Гм, чудак я, а правда ж — было... И ты помогала мне, в пятки камушками метила: беги, солдат, беги, заскучала по тебе молодая жена... А потом я и в заработки ходил, на торфяники... Хватило лиха... всего хватило... Пила, пила ты мои слезы, дитятко. Немец напал, чтоб ему всю жизнь штаны наизнанку носить. А у меня же сыны были — богатыри. Жалко было мне их на смертушку посылать, а надо, надо... Кто ж меня, Авгинею, Груньку, всех борчан наших защитит? Провел я своих хлопцев с врагом биться, ты же помнишь, а потом почти каждый день к тебе не терпелось — весточки от них ждал, перехватывал почтальона, не верил ему, когда говорил, что ничего от Михаила и Ваньки нету, сам перетряхивал сумку... Не находил, нет, почтальон не врал.

Всех солдат, что с войны возвращались, я встретил. И сына своего. Вот на этом самом месте, где стою. Здесь встретил. Ага. Ну. Ваню. А Михайла — нет. И сейчас вот не идет. Столько времени прошло, а его нету... Что-то не идет. Не жди, говоришь? Нет, дитятко мое, нет... Буду ждать. Э-хе-хе! Нагляделась и ты на своем веку всего. Хватило и горя тебе, и почестей. Трактор первый сначала, а как же, по тебе прошел, а потом уже на поле подался... Все они... и трактора, и машины... много техники благодаря тебе, голуба, нашли наши Борки...

Слышишь, куры гвалт подняли? Проголодались. Не хозяин я стал... Кур только вот и держу подле себя. На кабанчика уже не хватает Макара. А так все в магазин да в магазин. И сахар там, и селедочку подвезут, и хлебушек — все, благодарить Бога, есть. Здоровья только нету. Да и так живу уже много... Очень много... Всех ровесников своих давно перегнал... Ну, так я пойду? Отпускаешь? Не скучай. Вот управлюсь, отдохну немножко, а тогда снова к тебе вернусь проведать. И тогда мы опять поговорим. И тогда нам с тобой веселее будет. Быстренько я. Ты жди меня, жди, дитятко...

Макар рассыпал по двору просо своей костлявой пригоршней, куры перегонки кинулись к зернам, клевали, аж хохолки ходили, а когда нахватились зернышек, поутихи, молча и с ленцой расхаживали вокруг хозяина.

— Хватит, хватит, — шептал старик, высыхая из ковшика остатки проса обратно в маленькое ведерко. — И завтра день будет...

За околицей заревели машины. Макар насторожился, повернулся лицом в сторону дороги. Он только слышал — не видел: далековато были еще те, а глаза отглядели, можно сказать, свое. Поставил ведерко на стол, он был придвинут к стене избы, миновал калитку, притворил ее, чтобы держались двора хохлатки. Гул нарастал... Теперь старик мог уже видеть, что едва ли не на него накатываются машины. Много их. “Целая артель, — подумал Макар. — Куда это их столько?” Впереди колонны крутился юркий председателевский “уазик”, он вдруг остановился рядом с Макаром, а из кабины вылез сам Жмайлик, не обращая внимания на Макара, давал знаки рукой машинам, чтобы ехали дальше, не притормаживали, глядя на него, а когда убедились, что все идет так, как и надо, подошел к старику, поздоровался.

— Неужели в колхоз пополнение? — поинтересовался Макар.

Жмайлик с хитринкой в глазах улыбнулся, потрогал пальцами свои жиденькие усики, сказал, словно печать поставил:

— Дорогу, дед, будем делать!

— Дорогу? — переспросил старик, повел головою. — Так она же будто и есть... Или под соседей будем подстраиваться, а, председатель?

— Ну! А чем мы хуже? — у Жмайлика светилось лицо, он радовался, по всему было видать, что свое председательство в Борках начинает не с какой-либо там мелочи, а берет повыше, с перспективой. — И сделаем! Хватит машины ломать! Дед... извини, не знаю, как тебя звать-величать?

Макар назвался.

— Будем знакомы. Жмайлик Степан Петрович.

— Что Степаном тебя звать, я уже знаю. Такое у нас быстро передается... Ага. Ну.

— Тогда хорошо. Ближе к делу. Спешу, а то заедут не туда, куда надо. А дело такое, Макар. У тебя не могут дорожники угол найти? Жить им где-то же надо. Ну, что молчишь?

— Так это... один я, председатель, в избе. Авгины нет уже. Кто ж приготавливает, накормит? Если только сам? Печь, правда, имеется...

— Накормим в столовке, Макар. Им крыша над головой нужна. Угол.

— Ну, коли так, то пусть идут.

— Спать есть где?

— Человека три приму, — тихо промолвил старик, а потом насторожился. — Только, председатель, подбери непьющих...

— За это не волнуйся. Вот и хорошо... Ты троих возьмешь, другой кто-то... Я пришлю их к тебе. Не отлучайся из дома. Как раз им тут удобно будет — дорога близко...

Жмайлик забрался в машину.

— Подожди-ка, председатель! — вскинул руку Макар. — Спросить хочу...
— Слушаю, дед, — высунул голову из кабины председатель. — Слушаю, слушаю...

Старик сначала замялся, затем подошел поближе, посмотрел печальными глазами на Жмайлика, не решаясь говорить.

— Нет времени, Макар! — крикнул председатель.

— Асфальт — хорошо это... Ага. Ну. Мы, борчане, также давно уже в лаптях не ходим. Правда. Ага. Ну. Ты, хоть и новый у нас человек, а на свои глаза видишь. Только боюсь я, что дорога вреда наделает...

— Вот как! — вскинул подбородок Жмайлик. — Что-то я тебя, извини, не понимаю?..

— Глянь на окна — через хату, считай, забиты досками крест-накрест. Некому в тех хатах жить. И оставшиеся, боюсь, уйдут в город.

— А дорога здесь при чем?

— Как же... Отчего не бежать по асфальту? Только беги...

Жмайлик рассмеялся, притворил дверку и, отъезжая, крикнул Макару:

— Поживем — увидим!

“Уазик” тронулся с места, выбрался на дорогу, а потом быстро помчался за колонной.

Парни у Макара жили веселые. Послушать их, так герои: где только не были и что не делали. Сергей, который пообещал старику, хоть Макар на его слова и рукой махнул, не придавал значения, выкопать прямо во дворе колодец, перед крыльцом, своим тем загребущим ковшом, чтобы не ходить ему далеко за водой; на язык был легкий и все разносил в пух и прах прежнего председателя:

— Его давно надо было б турнуть! За кого вы, дед, на собраниях руки поднимали? Хоть ты и не виноват... Ну! Что он у вас после себя оставил? Окна забитые? Так это я вижу. А еще? Даже дорогу не мог сделать! Лентяй! Нет, вы подумайте только: сам же чаще, чем другие, гонял по ней, а ленился. Так у него что, и в самом деле семья в городе так и жила?

Макар кивнул.

— Куда в районе смотрели? — Сергей весь был в движении, выдавливал сапогами тонкий скрип из половых досок. — Давно б ему по шапке угрели! Сони! Поздно глаза протерли... Соседи вон уборные в домах имеют! А теперь вот Жмайлика возьми. Зеленый, я здесь не возражаю, но пронирливый, холера! Дальновидный! Не успел стол обжечь в кабинете, а уже за дорогу взялся. Хозяин, одним словом!.. Такого б раньше, так у вас здесь детский сад надо было б строить. Он у вас здесь всех выпивох прижмет. Будь уверен. Нас тоже, для полной ясности сказано пусть будет, предупредил: “Парни, смотрите у меня: если во время работы который стопку ухватит — на себя жалуйтесь”. Во!..

Макар слушал Сергея внимательно, крутил головой — соглашался. Хоть и новый человек в деревне этот Сергей, а много знает, правду говорит.

— Значит, будет городская дорога? — поднимал глаза на экскаваторщика старик.

— Будет, дед! В этом году. Мы воду в ступе не толчем! Нам тоже кормить детей надо!

— Помолодеет, значит, она... Что ж, ей жить еще долго... Ей жить... — кивал белой, как иней, головой Макар.

Старик обычно провожал квартиранта до калитки, иногда потихоньку плелся следом за ним, молча наблюдал, как экскаватор засыпает канавы желтым песком, который возят, едва успевая, откуда-то издалека самосвалы, как бульдозер ровняет дорогу, слышал писклявый, будто птичий крик, скрежет железа о камни. Камни блестели на солнце оскобленными белыми пятнами, и казалось ему, что дорога сопротивляется людям, показывает зубы. “А все же жалко тебя, дитятко, — шептал Макар, — хоть и украшают тебя, наряжают в новую рубаху. Я к такой привык, какая ты есть. Только пусть уж будет и так, как хочет председатель... Как делают парни. Узнаешь меня, одетая в асфальт, а? Должна, должна узнать...”

Парни слов на ветер не бросили — вот она, дорога!

Блестит на солнце асфальт. Макар стоит на своем привычном месте, вглядывается вдаль. Старик узнает председательский “уазик”, мчит он по широкой полоске дороги, а на подъезде к Макару замедляет бег, слегка визжит тормозами, останавливается:

— Чья правда, Макар! Не убегают люди — назад возвращаются. Видишь, везу! И отчего не возвращаться, когда такую дорогу отгрохали!..

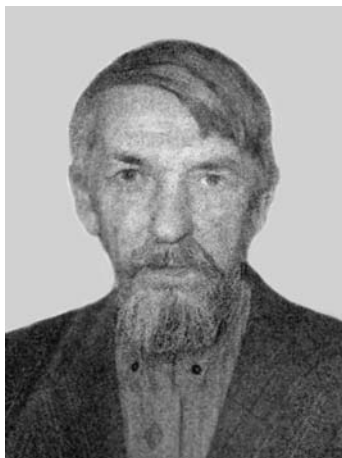
Председатель, не скрывая радости, едет дальше, а Макар стоит напротив дома на своей дороге. Ошибся он. Первый раз за многие годы. И был весьма счастлив, что ошибся...

Он стоял на дороге и тихо говорил:

— Ну, и как тебе живется теперь, дитятко, в новой одежде? Не давит она? Нет, говоришь. Вот и хорошо. Живи. Ага. Ну. Тебе долго на этом свете пребывать... Мне б только глянуть, кто будет ездить и ходить по тебе... Видать, не гляну... Спасибо Богу, и так прожил много... Еще с того века дышу... А ты будь... Все время будь... Пускай по тебе только хорошая, легкая нога ходит и наши машины ездят... Пойду... А ты — будь... Здоровья желаю тебе... счастья земного... На все века...

...Над Макаром и дорогой висит теплое, вечное солнце.

ГЕОРГИЙ КИСЕЛЕВ

ЧТО Ж Я НЕ СКУРВИЛСЯ?

* * *

Уже шуршит, опавшей, под ногами
Листою лес и, тронут желтизной,
Как первую предзимней сединой,
Мне жизни смысл постигнуть помогает.

Уже разлита в воздухе печаль,
И золото берез все жарче, жарче.
О чем же ты горюешь, бедный старче,
Коль золотой запас твой полегчал?

И зябко так, расхристанно душе
На торжище средь поколений новых.
И шесть десятков сброшено уже,
И на кону последних два целковых.

Куда девался юношеский пыл,
Желанье бунтовать и куролесить.
О Боже мой, Есенину — сто десять,
А в семьдесят его — я молод был!

Туда не забрести, как в березняк,
Как не услышать здесь мне звон тальянки.
О где ж вы, где — по удали, по пьянке
Есенинцы? Где вы, мои друзья?

КИСЕЛЕВ Георгий Иванович родился в 1939 году на Вологодчине. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. С 1983 года живет в г. Волковыске Гродненской обл. Член Союза писателей Беларуси.

Вы были бесшабашны и смелы
И к славе мчались в сумасшедшей гонке,
Но укатали вас крутые горки,
Родные, забубенные мои!

Предпочитая храму гастроном,
Есенина вы чтили выше Бога
И горечью его судьбы и слога
Вы упивались больше, чем вином.

И я к нему когда-то так приник,
Но устоял, иной ведомый целью.
Теперь Господь мне — путь, и храм, и келья,
Тьма и свеча, пустыня и родник.

* * *

Разные женщины рядом лежали,
Разные жены детей мне рожали,
Разная жизнь сквозь лицо протекла.
Полуботинки по-разному жали,
Разные мысли меня поражали,
Разные чувства сжигали дотла.

Что же, спасибо, Господь! Очень разной
Жизнь получилась — не однообразной,
Не монотонной от вечных забот.
Всякой была: и рабочей, и праздной,
И распрекрасной, и безобразной, —
Вечный источник в груди моей бьет.

Вечный мой ключ, обиталище духа.
Всё позади: и война, и разруха,
Страсти-мордасти, на части страна,
Пьянство, обжорство, вранье, показуха,
Голод в глазах и в душе голодуха,
Сроки, уроки, часы, времена.

Разве мы всё, что могли, совершили?
Господи! Как безоглядно мы жили,
За неподъемное дело взялись,
Как мы решали и как мы грешили!
Недостижимы остались вершины,
Скисли пророки, герои спились.

Что ж я не скурвился, что ж я не спился?
Что ж из двадцатого века пробился
В новый с начитанным грузом старья?
Господи, сам ли себе я приснился?
Если я был, почему я не сбился?
Значит, была на то воля Твоя.

Значит, на то Твоя, Господи, воля,
Чтобы любовь оставалась живою:
Ближних, друзей и врагов обняла,
Чтоб не гордиться седой головою,
Да не жалеть себя, плача и воя,
Жить и любить... И была — не была!

* * *

Тот же, в сущности, острожник,
Я бреду во мгле дорог.
Неказистый подорожник —
Мой лазоревый цветок.

Как этапник и колодник,
Рад и лунному лучу,
Среди нищих и голодных
Кандалами дни влачу.

Словно и меня, растяпу,
Гнали пешком — и не злюсь —
Из России по этапу
Поселенцем в Беларусь.

И в суме моей дорожной
До поры лежат, тихи,
Зарифмованы безбожно,
Мои старые грехи.

Мне бы сжечь их да рассеять
Над простором и судьбой
Да податься бы в Расею
По дороге столбовой!

Вот бы выкинуть коленце,
Да уже, хоть землю рой,
Дорог край мне, поселенцу,
Ставший родиной второй!

И хотя России жаль мне,
Но и здесь, как близ Оки,
Те же в градах горожане,
В вёсках те же мужики.

И берез на косогоре
Тот же самый перепляс.
И дивуешься лазори
Неба, поля, встречных глаз.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВ

КАНУВШИЙ РОД

РАССКАЗ

Звали ее не иначе, как Марыська. А Марыське было примерно за восемьдесят. Да она и сама толком не знала своего года рождения ввиду полной безграмотности. То ли годы, то ли болезни в поясничной области отразились на ее сухонькой фигуре, но передвигалась Марыська в согнутом положении. Была она беззуба, говорила громко, местами с фальцетом и непременно мешала слова с эдаким ехидненным хихиканьем. Старушка — божий одуванчик: плохого, как и хорошего, никому не сделала, мухи не обидела. Так — жила себе потиху. И на том спасибо.

Как-то моя покойная тетка Александра, когда мы с ее сыновьями в детстве по недомыслию отпускали в адрес Марыськи насмешки, нас урезонила, мол, чего старушку обижаете? Это сейчас она, дескать, беззуба да согнута, как подкова, а в девичестве за красавицу слыла, и надо было еще поискать девку, чтобы рядом с ней по красоте поставить.

И показала нам пожелтевшую фотографию. С нее горделиво смотрела статная красавица в длинном андараке* и белой кофточке.

Господи, да в жизни бы не поверил: вот ведь что годы да старость с человеком делают!

У кого-то из нас невольно вырвалось: да при красоте-то такой чего же Марыська замуж не вышла?

ИВАНОВ Александр Николаевич родился в 1956 г. д. Самойловичи Березовского района Брестской области. Окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина. Автор многочисленных очерков и рассказов. Главный редактор Брестской областной газеты "Заря". Живет в Бресте.

* Род женской одежды белорусских крестьянок, наподобие сарафана.

— А кто бы ее взял, если за ней пасагу* не было?! — как отрезала теть Шура.

* * *

При государе-императоре, да и при польском часе, в безземельных прозябал род Ганчиков. Такая была кличка у отца и прадедов Марыськи. Почему Ганчики — поди разберись: может, от какого-то знатного крылечка-ганка, поразившего воображение далеких предков, такое прозвание приклеилось, а может, от Ганки-Анки пошло, чем-то род прославившей или, наоборот, ославившей. Об этом история умалчивает, да и сами Ганчики в толк взять не могли, откуда у них такая фамилия. Короче, и бедность — порок.

Время шло, росла Марыська, силы и красоты набиралась. Затем, увы, медленно угасла ее красота, как цвет на корню, так никем по достоинству и не оцененная. А вот парни да мужики, видать, хоть и имели в душе на Марыську виды, а о серьезных намерениях даже и не помышляли: кому нужна голь перекатная? С землицы жить, а с красоты даже воды не испить. Можно только представить, сколько горьких слез это стоило в девичестве бедной Марыське.

Жила Марыська вместе с племянницей Олесей, тоже старухой-вековой. Судьбу тетки она повторила, видать, по той же причине, а скорее всего, если верить досужим домыслам той поры, из-за греха молодости. Олеся тоже в девичестве уродом не была, да вот беда — грешила горячностью темперамента. Такой слабости и в те далекие времена парни да мужики мимо не пропускали. Словом, забеременела девица красная от одного знатного молодца из местных парней и родила мальчика. Позор по тем временам великий, а к родившемуся на всю жизнь приклеивалась унижительная кличка — байстриук.

Надо полагать, Ганчики не могли примириться с позором: и так жизнь — одна нескладуха, а тут еще этот “подарок” — байстриук, будь ему неладное. Бедной Олесе, разумеется, лиха хватило — и не столько от чужих: эти посущачат да успокоятся. А вот от своих, от их упреков — хоть в Ясельду беги топиться. И вот однажды новорожденный внезапно умер. Приехал из пастерунка полицейский чин расследовать дело: тогда тоже порядок был, и власти не дремали. Разбирался, говорили, недолго. Больше плевался и много нехороших слов обрушил на бедную Олесю и ее сродственников: и “пся крэв”, и “быдло”, и прочее, прочее.

Оказалось, что мальчонка накануне приболел. Молодая мама, естественно, взялась его лечить. Да вот — промашка вышла: когда давала ребенку нюхнуть нашатырь, не догадалась взять его на руки, а подсунула пузырек ему под нос в лежачем положении. А нашатырь, будь ему неладное, возьми и пролейся, да попади, на беду, мальчику в носоглотку — вот бедолага и задохнулся.

Ну, что тут поделаешь? Темнота несусветная — быдло натуральное, а по всему выходит, что убийство непреднамеренное, и состава преступления нет. Может, оно и было так, а возможно, полицейский чин при всей его строгости и шумливости оказался, по сути, добрым человеком, пожалел и без того несчастную девку.

Я же через многие-многие годы лично слышал от Олеси:

— Вот не приключись тогда беда, останься жить сынок — разве так бы я жила, хоть бы кто посмел обидеть меня, сиротинушку?

Увы, прошлого не вернуть, а иные ошибки дорого нам стоят.

Но, возвращаясь к той далекой поре, когда Марыська с Олесей были в расцвете, говорят, что старый Ганчик, брат Марыськи и отец Олеси, вроде как пытался из нужды выбраться. В двадцатые-тридцатые годы двадцатого века многие наши земляки на заработки уезжали в далекую Америку, а, точнее — в Канаду. Кое-кто вернулся, землицы прикупил, а большинство осталось на чужбине. Так вот, будто бы Ганчик тоже в Америку подавался, да что-то ему претило: то ли передумал, то ли по пути его карманы обчистили.

* приданого.

Словом, вернулся мужик, не солоно нахлебавшись, в старенькую, еще дедом срубленную хатенку.

Я его смутно помню. Было мне, может, года четыре, пять... Я смотрел через штакетник на невысокого старичка, одетого, несмотря на лето, в затаканное пальтецо; не то в шляпе, не то в шапке-ушанке. Старичок очень медленно и как-то странно передвигался: сначала вперед выдвигал правую сторону тела, затем — левую. И что-то такое непонятное кричал: то ли на меня, сующего свой нос куда не следует, то ли на своих домочадцев — сестру и дочь, чем-то ему не угодивших.

Уже потом, много лет спустя, когда речь заходила о старом Ганчике, знавшие его люди то ли в шутку, то ли всерьез объясняли странность его походки, мол, Ганчик с Америки пешком пришел. Понятное дело — расстояние...

А еще я помню тот дряхлый домишко Ганчиков: серый, с маленькими оконцами, крыша соломенная, провалившаяся у трубы, отчего она выглядела несуразно и издали бросалась в глаза, словно старая городская водонапорка.

Про тот старый дедовский дом частенько вспоминала при жизни Олеся. Рассказывала, сколько хлопот, слез и пота стоило ей строительство новой хаты. Ее, конечно, не было бы, не помоги финансами младший брат Олеся — Алексей. Еще перед войной он, будучи молодым парнем, уехал по какому-то набору на работу в Россию, в далекую Уфу. Как позже рассказывал землякам, неплохо устроился: работал мастером в столярном цехе какого-то крупного оборонного предприятия, хорошо зарабатывал, был уважаемым человеком. Его жена, Вера Петровна, трудилась там же: то ли экономистом, то ли инженером в каком-то отделе. В 60—70-е годы Алексей Степанович со своей Петровной, уже будучи пенсионерами, приезжали на лето в Беларусь. Алексей был мастеровым человеком и за лето успевал многое сделать: построить новый погреб, ошалевать дом, поменять забор, смастерить табуретку, отстроить сарайчик и многое другое.

Небольшой домик был разбит на две части — кухню и комнату. Комната занимала большую половину, и в ней жил Алексей с женой. Причем эта комната оставалась свободной в их отсутствие. Олеся с Марыськой ютились на кухне.

Бог не дал детей Алексею и Петровне. Это, наверное, их угнетало, иначе бы мы, соседские дети, не чувствовали себя так свободно на их дворе. Особенно интересно нам было общаться с Верой Петровной. Она нам казалась чуть ли не феей, рассказывала много интересного и поучительного. Не возражал и Алексей, если к нему навязывались в помощники, когда он занимался по плотницкой или столярной части.

Инструмента у него было много, он аккуратно и с умом хранил его. Это Алексей научил меня пользоваться уголком, рейсмусом, уровнем, правильно регулировать нож в рубанке, другим премудростям. А еще я любил ходить с ним в лес за грибами. Сколько интересных вещей я узнал от него о нашей деревне, жизни за польским часом. Не всегда наши корзины заполнялись дарами леса, но это не расстраивало Алексея, а меня, пацана, и подавно. Степанович в таких случаях переключался на другие промыслы: собирал орехи, заготавливал троны (ручки) для лопат, вил и грабель, вязал веники в баню...

— Своя поклажа рук не тянет, — довольный результатом, говорил он.

Когда приезжал Алексей с Петровной, для Олеся с Марыськой наступали не лучшие времена. Во-первых, прекращались постоянные споры между теткой и племянницей. Алексей особенно не вникал в суть конфликта, не судил-рядил, кто прав, кто виноват. Как правило, достаточно было лишь одного его окрика: “Что — опять?”, как обе тут же забывали о предмете спора и переключались на более полезные занятия. Но это еще куда ни шло. По прибытии Алексея и Веры Петровны начиналась тщательная ревизия хозяйства. Под вой и причитания старух в костер летело какое-то тряпье, всякого рода безделушки. Затем наступала генеральная уборка в доме и во дворе. Работа кипела день, два, три... Затем Алексей с Петровной садились во дворе на скамейке, под роскошным кустом синей сирени с чувством выполненного долга и вели между собой непринужденную беседу. Для соседей таким образом как бы подавался знак: ждем в гости — у нас, слава Богу, все в порядке. И соседи спешили с визита-

ми, чтобы расспросить дальних гостей о житье-бытье, перенесенной дороге, планах на будущее, предложить свои услуги. А еще... посмотреть на Марыську с Олесей. Их и впрямь было не узнать: чистенькие, в новых кофточках, юбках и платках, загодя приобретенных в далекой Уфе, и диктаторским методом принужденные к облачению прибывшим родственником.

Мой отец уважал Алексея. К Петровне относился со снисхождением — баба как баба, хотя и строит из себя... По случаю прибытия всегда приглашал уфимскую чету к нам в гости, и уже за столом шла долгая непринужденная беседа. Алексей не без юмора рассказывал, какой нелегкой ценой ему далась очередная победа над сестрой и теткой. С какой-то обреченностью возмущался:

— Живут, понимаешь, как в пещере. И талдычу им, и гоняю как сидоровых коз: посмотрите — в каком веке живете?! Ведь деньги шлю и прошу: следите за собой и хатой! Что горох о стенку...

Где-то с конца семидесятых Алексей с Петровной перестали приезжать. Из писем соседям, которые стали приходиться все реже и реже, стало известно, что ему неможется, плохо себя чувствует Петровна, и ей дальней дороги не перенести...

А Марыська с Олесей продолжали жить по своим законам. Их жилплощадь пришла в изрядное запустение. Дом, да и сами его обитатели пропитались стойким духом, крепко настоянным на “ароматах” кошачьих испражнений, пота, печной копоти и Бог весть чего, что невольно вызывало у стороннего человека острое ощущение дефицита свежего воздуха.

...Да-а, где ты, Алексей?

Как уже ранее говорилось, отношения Олеси и Марыськи носили, мягко говоря, далеко не безоблачный характер. У каждой из них было весьма скромное, но свое хозяйство, которое они вели очень ревниво. Сажали независимо друг от друга по несколько соток картофеля, которые копали, пожалуй, позже всех в деревне. Бывало, уже и “белые мухи” закружат, а чета сродственников, изрядно укутавшись в лохмотья, на коленках усердно ворочала землю. Сажали, конечно, и овощи стандартного набора: морковь, лук, чеснок, капусту, огурцы. Помидоры, несмотря на их беспроblemное произрастание в ту пору (в 60—70-е годы фитофтора не носила еще эпидемического характера, а потому теплиц мои земляки не строили), Марыська с Олесей почему-то не культивировали. Зато, пожалуй, как мало у кого, у них процветала тыква. Тыквенные семечки тетка с племянницей считали за лакомство, при всплеске душевной чувствительности непременно одаривали горстью-другой зерен субъекта своего особого почитания.

У каждой было по несколько кур, содержащихся в крохотных дощатых курятниках. Вот, пожалуй, и весь круг их хозяйственных интересов. Правда, было единственное живое существо, которое их объединяло, вызывало у обеих чувство редкой любви и преданности — кошка Мурка. Ухоженная и обласканная, с младых когтей постигшая вседозволенность, она бесшардонно хлебала с хозяевами суп из одной тарелки. Ее постоянно баловали рыбой, колбаской и прочими уладами, которых в досталь Олеся с Марыськой себе вряд ли позволяли.

Мурка, вернее, Мурки, при скоротечности кошачьей жизни, у Марыськи с Олесей обладали каким-то особым даром. Они, кажется, действительно понимали речь человека. Во всяком случае, приходилось наблюдать, как пристыженное одной из хозяек за какой-то проступок животное мыслимыми и неммыслимыми повадками выказывало свои извинения. Столь необычное развитие кошачьего интеллекта крылось, вероятно, в том, что с ним постоянно общались как с человеком. Нередко со двора Марыськи и Олеси можно было услышать монолог-рассуждение одной из них. Соседи в таких случаях знали, что в роли слушателя, немого участника диалога и, не исключено, советчика выступала Мурка.

Хозяйки не ложились спать, если дома не оказывалось кошки. И в час, и в два, и в три ночи можно было слышать жалобно-тревожные позывные: “Мурка, Мурка-а!..”. Остается только догадываться, какого душевного терзания и тревоги им стоил месяц март. Но что удивительно: Марыська с Олесей

никогда не предлагали соседям котят, хотя многие искушались стать обладателями отпрысков столь умной кошачьей породы. Они безжалостно топили в Ясельде или закапывали на огороде Муркино потомство. Скорее всего, боялись глаза, так как к предрассудкам относились с особым почтением. Но, памятуя о коротком кошачьем веке, всегда оставляли на смену непременно кошечку, которая по наследству получала имя матери. При этом “селекционная” работа была построена таким образом, что молодая Мурка была точной копией Мурки старой. Такое положение вещей, вероятно, позволяло им смягчать потерю горячо любимого друга, сохранить его образ в натуре и, кто знает, искренне верить в переход кошачьей души из одного Муркиного тела в другое.

— А что? — вполне серьезно заявила мне Олеся, когда я невольно подвел ее под эту мысль, сославшись на индуизм. — Это у человеческой души две дорожки — в рай или в ад. А куда деваться бедной кошачьей душе? Вот она и переходит от матери к дочери или к сыну.

— Что-то неувязка получается, — говорил ей. — Как быть с душой кошачьей, если в приплоде четыре котенка или, скажем, здравствуют кошка-мать и кошка-дочь? Одну ведь душу на двоих или четырех не поделишь?

— Приплод надо топить, а кошка-мать с дочерью-кошкой душой поделится. Это тебе не люди-вразины, — отрезала Олеся и всем видом показала, что ей неприятно продолжение этого разговора.

Нет, определенно тетка и племянница верили в переселение кошачьих душ.

Шли годы вприпрыжку. Все больше к земле гнулась Марыська, и тяготел к дисканту ее голос. Старела, но не теряла в бойкости Олеся.

И вот как-то объявляюсь в родительском доме и в череде последних деревенских новостей слышу от мамы самую печальную:

— Схоронили недавно Марыську. Царствие ей небесное и земля пухом...

Честное слово, воспринял это известие с болью в душе и, да простит мама, обиделся: могли бы дать весть — пришел бы проводить в последний путь старуху.

— Так ведь в будний день померла, — оправдывалась мама, — а у вас — дела, работа. Пусть покоится с миром: тихо жила — тихо померла...

И рассказала в подробностях, как провожали Марыську в мир иной. Олеся, надо же, и тут показала свой строптивый характер: наотрез отказалась финансировать похороны, мол, пусть хоронит тот, кому она отдала свой сбережения. Надо сказать, что на сей счет у нее были подозрения. Впрочем, никто из соседей им не внял и что-либо опровергать или утверждать не стал. Сбросились миром, соблюли ритуал чин по чину, а после похорон накрыли вскладчину стол и справили трапезу, отчего, как полагали соседи, душа бедной Марыськи возрадовалась и, обретя силы, отправилась в нелегкий путь потусторонних испытаний...

В биологии есть такое понятие — “симбиоз”. Это когда взаимно сосуществуют и не обходятся друг без друга разного вида животные. Скажем, акулу всегда сопровождает рыба-лоцман. Грозный хищник не только терпит соседа, но и делится с ним пищей. Не просто так, разумеется. Лоцман, в свою очередь, оказывает определенные “услуги” акуле. Но есть в животном мире иного плана примеры, когда одни животные просто не могут существовать друг без друга, то есть их совместное проживание настолько тесно связано и переплетено, что лиши жизни одно существо, — совершенно беспомощным становится другое. И если выжившее не найдет замены погибшему, то непременно само пропадет.

Нечто подобное, думается, было и в совместном проживании Марыськи и Олеся. Казалось бы, с уходом из жизни тетки для Олеся наконец-то наступило блаженство: кончились вечные споры, опять же — сама себе хозяйка: живи да радуйся. Ан нет! В общем-то здоровая от природы, энергичная по характеру старуха вдруг резко почувствовала недомогание, и очень скоро повезли ее соседи на кладбище.

Хоронили в точности по тому же сценарию, что и ее тетку.

Вот так — незаметно и тихо закончил свое существование род Ганчиков. Нет за ним каких-то значимых дел, не осталось, наверное, даже дерева, посаженного кем-то из его представителей на земле отцов.

Но, согласитесь, и память о нем тоже чего-то стоит.

ГЕННАДИЙ ПАШКОВ

УТРЕННЯЯ ПОЭМА

1

Не двор —
музей села здесь, что ли? —
два века в нем переплелись.
Вот жернова:
муку мололи
и перемалывали жизнь.

А вот соломенные сита —
в сарае, чтоб не портил дождь.
Вот рядом старое корыто —
совсем ненужное,

но всё ж...

Хоть этот хлам
мозолит очи,
наперекор крутой жене,
его он выкинуть не хочет,
ведь для него дороже нет,
чем этот дар

ПАШКОВ Геннадий Петрович родился в 1948 году в д. Липовичи Чашникского района Витебской области. Окончил Белорусский государственный университет. Поэт, прозаик, переводчик, публицист. Член Союза писателей. Автор многих книг. Лауреат Государственной премии Республики Беларусь и премии Ленинского комсомола Беларуси. Первый секретарь Союза писателей Беларуси, член Президиума Союза писателей Союзного государства.

тебя разбудит на рассвете,
как эхо —
птичий
перезвон.

3

Едва-едва пробьется солнце —
петух разбудит удалой.
Услышу, как стучит по донцу
ведерка
пенный сыродой,
как кошка в дверь скребется лапкой.
И душу мне наполнит вновь
и горечью, и болью сладкой
к отчизне прежняя любовь,
И сердце вновь замрет от счастья —
всё с детства так знакомо мне,
и заклеочет песню страсти,
как прежде, аист на гумне.

А я не верил, что на свете,
где горем встречи суждены,
еще рассветом пахнет ветер,
еще такие снятся сны!

Душа очистилась от хлама,
от пустоты и суеты...
В понятия: родина и мама —
корнями прорастаешь ты.

И корни те
в земле и небе,
в неслышных сполохах зарниц,
в напевах материнских,
в хлебе
и в звонком холоде
криниц...

Я, утра песню
принимая,
приветствую сиянье дня...
А вот хозяйка молодая —
и вся из света и огня!

Не дав словам пустым излиться —
у слов искусственная роль —
она накрыла стол в светлице:
как говорится, — хлеб да соль.

А чтобы не настигла жажда,
таинственный, как некий джинн,
хозяин из каморки важно
выносит солнечный кувшин.

— Теперь пчеле не много взятков:
так много химии в траве.
Вот — прошлогодний мед, остаток.
Ты посмотри, каков на свет!

Под пересвисты птичьих трелей,
под запах росный от земли,
мы за накрытый стол присели,
беседу снова повели.

— А ты, читал я, знаменитый:
то — вымпел,
то — почетный знак...
— Что ж, правда, было...
Жали жито...
А заливало, брат мой, как!..
И ночевали где-то в поле...
Ведь целый месяц этак лить!..
Забот хватило поневоле...
Да все прошло.
Что говорить?..

...Село — отдельная держава.
Не для наград —
который год —
живет в трудах
и умирает
в обычных хлопотах
народ.

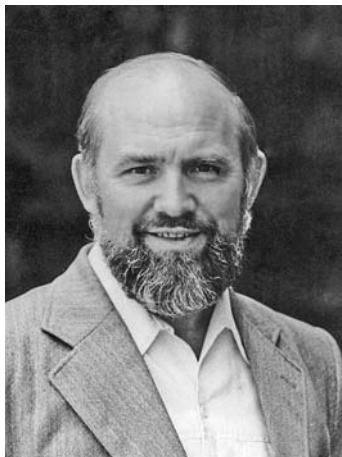
Расскажет друг —
село кто бросил,
а кто не женится никак.
За четверть века на вопросы
ответив, подытожит так:
— Земля меняется и люди.
То осень,
то опять весна.
...Вот скоро рощицы не будет.
И речки нет теперь у нас...

— Как? Нет Спеглянки?
Как так вышло?! —
по телу пробежал мороз. —
Мы, значит, лишь во сне услышим
над речкой гулкой звон берез?..
— А наши дети?
Наши внуки?!
Как жаль! Для них не сберегли...
— Немало бед от лженауки...
— Мы тоже многое могли!
Вот ты!..
Поёшь про обновлень...
И я...
Но полагаю все ж:
Природу ставя на колени,
В себя мы загоняем нож!..

...Молчу, душа горит пожаром.
Не проглочу застрявший ком
Ни с медом солнечно-янтарным,
Ни с этим свежим молоком.

*Перевела
Елизавета Полеес*

ЛЕОНИД ЛЕВАНОВИЧ

СЕРИАЛ

РАССКАЗ

Бразильско-марокканский сериал “Клон” шел уже второй год. Баба Юэфа — все звали ее Юзюня, — влипла в него, как муха в мед. Она помнила имена почти всех персонажей, они стали будто родными, близкими людьми. Она переживала их беды, как свои собственные, плакала и смеялась, сидя перед экраном телевизора. И виною тому было одиночество: Юзюня — единственный житель небольшой деревушки Жуковка. Когда-то и это селение было людным.

Юзюня вышла замуж в Жуковку после войны, тогда здесь имелось около десятка изб, в каждой — пять-шесть живых душ. Юзюне только что стукнуло девятнадцать, муж Василий был старше на семь лет, успел повоевать. Сначала в партизанах. Потом на фронте. Дошел до Берлина. Вернулся раненым: пуля пробила левую ногу выше колена. Прошла насквозь. Но малость и кость зацепила, потому Василий слегка нахрамывал. Но это не мешало ему крутить вальсы и польки. Любила танцевать и Юзюня. Оба высокие, статные — пара всем на зависть.

Года три у них не было детей. Соседи начали шептаться по зауголью: здоровая девка, а ходит яловкой. Видимо, нагрешила, потому Бог и не дает детей. Вечерами Юзюня плакала в подушку. Шептала молитвы. Василий успокаивал, еще крепче обнимал. И пошли дети: сначала сыновья — один за одним, как боровички в лесу после дождя — ажно четыре ребятенка. А за

ЛЕВАНОВИЧ Леонид Киреевич родился в 1938 году в деревне Клеевичи Могилёвской области. Автор многих книг прозы и публицистики. В 1991 г. в издательстве “Советский писатель” вышла книга повестей и рассказов “Якорь надежды”. Лауреат литературной премии Ивана Мележа и премии Федерации профсоюзов Беларуси. Живёт в деревне Петрилово Вилейского района Минской области. Родную деревню уничтожил Чернобыль.

ними две дочери. Повеселел Василь. Расцвела материнской красой Юзюня. Василий работал, как вол. От темна до темна — семью ж надо кормить.

Теперь дети звали Юзюню к себе в Минск, в Молодечно и даже в Калининград, где жила младшая дочь. Но ее ответ был таков:

— Пока могу, буду жить в своей хате. Свои углы — самые дорогие. Я сама их с мужем строила. Вы приедете, так и молочка возьмете. И картошину. И яйцо, и гриб. На асфальте этого нет.

Правда, сбыть корову дети уговорили. Юзюня завела коз. Теперь у нее было ладное стадо: трое дойных и пятеро козлят. Козы ходили вслед за хозяйкой по лесу. Она говорила с ними, гладила, ежели которая притискалась к боку. Астра, у которой имелись красивые рога, — две другие козы были безрогие, — торкалась головой под широкую Юзюнину юбку, просила, чтобы ее погладили между рогов.

В тот день с утра дул сильный западный ветер. Юзюня вывела свое стадо на полянку, окаймленную лесом — ветра козы не любят. Особенно — козлята. Был конец августа. Слепни-кровососы уже отпали, задушливая жара ослабевала, ночи подрастали. В лесу было полно грибов — утром Юзюня притарганила целый кош белых, да все красавцы, хоть на выставку. Выросла картошка. Не надо воевать с колорадскими жуками, которые опостытели за лето. Не надо полоть грядки, только знай срывай огурцы да помидоры.

В зеленых березовых косах уже просвечивали желтые пасмы. Приближалось раннее бабье лето. Юзюня любила эту пору года, любила Первую Пречистую, с которой и начинается молодое бабье лето.

Она сидела на старой фуфайке, посматривала на свое стадо, а мысли были в прошлом. Козлята, затеявшие игры, напомнили ее мальчишек, когда они босые носились по двору. “Малые дети Матки Природы резвятся одинаково”, — подумала Юзюня. Почему-то вспомнилась свекровь. Она косилась на невестку-бездетухну. А когда пошли дети, подобрела, старалась помогать по хозяйству, нянчила, растила внуков до самой смерти.

Вспомнился Василий. Молодой, здоровый. Особенно они обжились, когда его назначили бригадиром. Конь в руках. Силенка имеется. Держали двух коров, каждую зиму кололи трех-четырёх кабанов. Очень жалел Василий, что не выучился на агронома, теперь требуют, чтобы бригадиры были с дипломами. Но подкосило Василия не отсутствие диплома или недостатка знаний, а любовь до спиртного. Чарка за чаркой — распился Василий на собачью пугу. Кончилось тем, что с бригадирства его поперли. Он сразу же стал сильнее хромать. Назначили его ответственным за буртовку картошки, свеклы. Всю осень он пропадал в поле. Бывало, и на ночь не являлся: спал в соломе пьяный. А те, кто напоили, всю ночь воровали картошку и свеклу. Сняли его и с этой работы, оформили пенсию по инвалидности. Но здоровье уже было подорвано. Годы через три он ушел из жизни. Осталась Юзюня одна. Правда, еще жили соседи, летом наезжали внуки. Все вокруг гремело и звенело от детских голосов. Для Юзюни это была самая радостная музыка. Постаревшая, высохшая, как стручок фасоли, она дала жизнь шестерым детям, а те народили четырнадцать новых человечков. Они растут, набираются сил. И бабушка Юзюня, как может, помогает им. Поздней осенью приедут сыны, порежут выросших козлят, да и старую Астру пора пустить под нож. На зиму хватит двух коз.

Мысли, будто невидимые красна, сновались в голове. Перед глазами Юзюни словно мелькали кадры ее жизненного сериала. Козы паслись вокруг нее. Рогатая Астра подошла к хозяйке, большими желтыми глазами, как две сливы, уставилась на Юзюню.

— Астрочка, милая, неужто ты догадалась? Живи да радуйся со своими детками. — Юзюня нащупала в кармане хлебный сухарь. Астра ухватила его с ладони, быстро начала жевать. Другие козы потянулись к хозяйке.

— Ну что, мои дорогие, пошли домой. Напою вас. Подою. Будете отдыхать. А я пойду в кино.

Юзюня и себе и козам обычно говорила: пойду в кино, хоть и смотрела сериал в своей избе. Но на этот раз ей действительно пришлось идти.

Тем временем ветер подул сильнее. Листья осин звучно шелестели, трепетались, как живые. Желтые осыпались вниз. Густые, курчавые верхушки

молодых березок склонялись все ниже. Ели да сосны натужно стонали под ветром — сгинаться, шею гнуть эти гордые деревья не умеют, буран ломает их, как спички, или выворачивает с корнем.

Юзюня досмотрела коз. Вошла в избу. До сериала еще оставалось более часа. Включила телевизор. Но он молчал. Щелкнула выключателем — лампочка не загорелась. Электричества не было — видимо, ветер где-то повалил дерево на провода. А как же кино? В прошлой серии Мэл, дочь Лукаса и Маизы, забрали в больницу для наркоманов. Влюбленный в нее сын донны Журя поклялся, что не оставит Мэл. Юзюне особенно нравилась донна Журя, хозяйка небольшого кафе, красивая, дородная, громкоголосая. Нравился и большой любитель танцев Эдвалдо, который, хоть и казался с виду неуклюжим, медведеватым, так легко и красиво танцевал. Он забывал обо всем на свете, только широкая белозубая улыбка сияла на вдохновенном лице. Приглашал на танец всегда Деузу, грациозную мулатку. Она растила сына Лео, который никого не хотел любить, никого не жалел, потому что Лео — Клон.

Не раздеваясь, Юзюня прилегла на диван. За окнами завывал ветер, будто просился погреться у печи, которую утром вытопила хозяйка. “Это ж целый вечер буду сидеть при керосинке. Без телевизора и радио, — подумала Юзюня. — Да слушать, как воеет ветер. А он голосит, словно отпевает покойника”. Грустно, тоскливо стало на душе. А может, сходить до Тэкли в Залесье? До них электрику подают по другой линии. Столбы шагают через поле, как аисты. Тэкли — ее старшая сестра. Жила с дочерью-пенсионеркой. Остальные дети разлетелись по городам. Юзюня частенько навещивалась в Залесье. Носила молоко. Дорога недалеко — три версты лесом. Тэклина корова заболела лейкозом, пришлось ее сдать. Есть телушка, но она молока не дает. Надо идти!

Перед глазами, как живой, явился веселый Эдвалдо. Он обнимал гибкую, как лоза, грациозную Деузу — профессиональная танцовка демонстрировала танец живота. Звучала дивная музыка, раньше Юзюня не слышала такой никогда. В сериале была совсем другая жизнь. Но переживания от любви, тревоги за детей и внуков были такие же, что и на душе одинокой жительницы лесной деревушки.

Юзюня громко смеялась, глядя, как ругаются между собой жены старого Али. Самой скандальной была младшая: она требовала внимания и все новых подарков. Сид Али топал ногами. Вздыхал к небу руки, кричал: “Да сократит Аллах твои дни!” Так тебе и надо, старый хрыч. Разве тебе мало одной жены? Все вы, мужики, кобелюги волоцужные. Думаете, под чужой юбкой найдете нечто другое, более заманчивое...

Об этом думала Юзюня, топя по лесной дороге с литровой банкой молока и ладным кием. Палку она всегда ставила под елью на краю леса: неудобно идти по улице с “попихайлом”.

Тэкли обрадовалась сестре. Поблагодарила за молочко и пригласила к... телевизору.

Серия была очень интересная. Показывали, как Мохамед клялся своей жене, красавице Латифи, что любит только ее. Другую жену брать не собирается. Их дочушка под аплодисменты родителей и гостей исполнила танец живота. Донна Журя настойчиво уговаривала сына не идти к наркоманке Мэл, но тот не послушался, полетел, как на крыльях, спасать любимую. И так это было трогательно, что Юзюня пустила слезу. И Тэкли вытирала глаза платочком.

Серия промелькнула очень быстро. Юзюня начала собираться домой.

— Ну чего ты потянешься? Темнеет уже. Козы твои целы будут, — отговаривала Тэкли. — Оставайся. “Урэмя” посмотрим. Будешь знать, что на свете дется...

— Нет, дорогая, спасибочки. Мое урэмя — идти домой. Дождя нет. А темноты я не боюсь. В городе вечером никуда не пойду. А в лесу все знакомое. Близкое, родное. Помаленьку потопаю.

Тэклина дочь до этого молчала, как стена. А тут сразу отозвалась:

— Счастливо, тетенька. Доброй ночи!

Если б и она предложила остаться, Юзюня, может быть, и не пошла бы домой такой темнотой и ветровеем.

Юзюня подходила к лесу, когда небо на западе осветилось извилистой лентой молнии. Затем вспыхнула другая молния, еще более мощная и яркая. Юзюню удивило, что туча была сверху, а молнии полосовали ее нижний край. Ветер вроде послабел, будто набирался силы, чтобы принести сюда громадную тучу. В тишине послышались отдаленные раскаты грома.

В лесу было темно. Молнии выхватывали из темноты стволы деревьев, переплетенную толстыми корнями, будто канатами, дорогу. Вот и елина, где стояла палка-кий. Вооружившись ею, Юзюня посмелела. Дорога знакомая до каждой выбоинки. До каждого большого дерева. Вот кривая береза, которую высветила молния. Здесь всегда растут белые и лисички.

В верхушках деревьев проснулся ветер. Гром послышался ближе. Светлую полосу над головой вдруг разорвала огненная лента молнии, и в тот же миг ляснул перун, ливанул сильный дождь. Юзюня остановилась, как вкопанная. Она знала, что под высокими деревьями укрываться в грозу нельзя, присела под густой елочкой, сжалась в комок. Опять сверкнула молния, раздался страшный раскат грома, будто земной шар треснул, как лесной орех. На глазах у Юзюни громадное дерево раскололось вдоль наполам, одна часть с треском и стоном рухнула вниз, другая, остроконечная, будто вонзалась в темное небо. Юзюня в ужасе шептала молитву:

— Божечка милосердный! Боженька наивысший! Помоги мне добраться до своей хатины. И сбереги ее от маланки и бури...

Мокрая до нитки, Юзюня ввалилась в свою избу, почувствовала живое тепло печи. Она торопливо переделалась в сухое. Дрожащими руками налила полстакана водки. Зажмурилась и выпила одним духом.

Молнии еще вспыхивали за окном. Но гром уже ворчал глухо, отдаленно. Юзюня залезла на печь. Прижалась к теплой чарени. Хорошо, что розь убрали. А то ливень обмолотил бы, как цепом. А вот картошка, у кого поздняя, так еще подрастет, думала Юзюня, уже засыпая.

Утром все вокруг было набрякшее, насыщенное влагой. Небо высокое, необыкновенно голубое и чистое. Будто ливень выполоскал его до самого дна. Радость жизни царила в природе. Козы жадно стригли траву.

Свет загорелся после обеда. Следующую серию “Клона” Юзюня смотрела в своей избе.

...Поздней осенью, после Покрова, шел я по лесу с корзинкой. В довольно редком, просветленном бору издали увидел высокую сутуловатую женщину с большой корзиной. Это была Юзюня. Сошлись. Поздоровались.

У нее была почти полная корзина грибов: светло-желтые курочки, зеленовато-серые подзеленки. И даже несколько бледно-коричневых боровиков.

— Ого, так еще грибы растут! — удивился я.

— Пусть бы они уже не росли! Устала я собирать. Варить, мариновать. И раздавать уже устала. И сыны уже набрались, и дочери. У субботу, — именно так — “у субботу” сказала она, — приехала дочка. Взяла два трехлитровика и говорит: “Мама, не ходи ты уже по грибы”. Как же я не пойду, если они растут? Вот скоро морозик выскочит, тогда и закрою сезон.

Юзюня скупо улыбнулась, взглянула на мою полупустую корзину.

— Вы ходите под Залесье. Я там не была. Нарезете полный кошик. Грибов хватает. Который это час?

— Без пяти три.

— Почикильгаю домой. Скоро мой сериал. Сяду перед телевизором, как пани. Буду смотреть и перебирать грибы. Переживать за людей, которых у кине показывают. Они такие же, как и мы. Все одинаковое. Только грибы нашенские у них, видно, не растут.

— Конечно. В Бразилии другой климат. Если у нас зима, то у них лето.

— Вот я и говорю. Лучше, чем у нас, нигде нет. Одно плохо: жизнь короткая. Человеческий век, как маков цвет. Только расцвел, глядишь, уже вечер... Но пока живешь, надо варушиться...

Мы простились. Через несколько метров я оглянулся — Юзюня была уже далековато, шла нахрамывая, вдруг наклонилась: пропустить гриб она не могла. Но тут же выпрямилась, прибавила шаг.

Время подгоняло Юзюню. Ее ждал сериал, который притягивал, словно магнит.

ТАТЬЯНА ЛЕЙКО

НА РУССКОМ КОСТЯКЕ

РУССКО-БЕЛОРУССКОЕ

Засим прощайте, белорусы!
Уходим мы в свои улусы
и надвигаем купола
на лбы славянские просторные.
Вдали растают пики горные
костелов ваших...
Иншалла!

Варшава, задний двор Европы,
опять зовет тебя в холопы.
На Западе — смешенье рас...
Душа славянского разлива!
Навряд ли будешь ты счастлива.
Но быть легко
счастливей нас.

Евразия! Твои пределы
сжимаются.
Душа от тела
рванула б — да не тот размах.

Звонит, звонит подводный Китеж...
Не спите, русские, не спите ж!..
И мы не спим
в своих домах.

Звонит, звонит подводный Китеж...
И любишь то, чего не видишь,
чему и быть не суждено.
И бесконечно одиноко
глядишь на желтый свет с Востока
сквозь растворенное окно.

РУССКО-БЕЛОРУССКОЕ-2

Какое синее сиянье
в трехцветном флаге сей страны!
Как будто мы не россияне
и не Империи сыны.

Как будто этот синий, синий
не углубляет все цвета...
Между тобою и Россией —
не подведенная черта.

И не написана страница
разрозненного бытия.
И не погашена зарница,
короткая, как жизнь твоя.

И, между молоком и кровью,
таинственная синева,
быть может, и твоей любовью,
невозвратимая, жива.

* * *

Люблю тебя, великая страна!
Еще я вижу зрением духовным
тебя раскинутую, как посадский плат,
то снежно-зимний, то в цветах горячих.
...Обрезаны, оборваны края,
красное пятно на месте сердца...
Но вижу я с далеких островов
твой материк...
Горят твои цветы
на зеленых лугах,
и льется солнце
на снежные холодные равнины.

* * *

О, эти песни!

За столом, за водкой,
в дороге, может... или где еще —
душой летящей, обожженной глоткой,
ладонью, что упала на плечо, —
ты всем поешь, что есть в тебе и будет, —
настолько свой народу своему...

Да как и мы!

Кто эти песни любит —
тому не быть на свете одному.

РУССКАЯ БОЛЬ

Господь наказует любя...
За что же ты их наказуешь?
Они и не знали тебя.
Зачем же так строго взыскуешь?

Они лишь подонки... По дну
ползущие вялые мухи.
Другие продали страну,
жирели на нашей разрухе.

И эти, и те — без креста.
И слабый — пускай погибает?
Ему не нужна доброта —
уже он сто лет пропадает.

Все взяли от этой земли —
для сытых столиц из окраин.
И сгинул в дорожной пыли
свое отпахавший хозяин.

И бродит мужик, как шальной,
отравленный водкой паленой,
виновный чужою виной
и преданный “пятой колонной”.

* * *

А может быть, поговорим о чем-нибудь другом?
О самом лучшем на земле, о самом дорогом.

Поговорим о той любви, которая была.
О старой вишне под окном, которая цвела.

И о манящих городах за сумраком времен.
И о летящих поездах сквозь одинокий сон.

О тех, кто с нами навсегда, хотя уже не здесь.
О жизни между “нет” и “да”, о том, что счастье есть.

* * *

Пожить бы с холодом во лбу,
да не испытывать судьбу,
да не белить себе виски —
от тех, что не были близки.

Но пусть “Лучину” запоют,
кручину водкою запьют...
Закрывать бы душу на засов,
да не от ваших голосов.

И нет сильнее ничего,
чем это кровное родство,
да на плече моем рука,
да песня — русская тоска.

* * *

На русском костяке, точнее, на костях
построена страна, что свой спустила стяг.
И что теперь жалеть, обломки собирая,
и на Восток глядеть из Западного края!

Вопрос уже решен: мы умираем здесь.
Вот, скажут, был народ, да только вышел весь —
кто дымом из трубы, кто для червей обедом,
и только путь души обобранной
неведом.

Не поздно ли ползти к забытым алтарям?
Как в голубом снегу, сияет Русский храм.
Прийти — и умереть, шагнув через порог,
и воспарить душой к тому, чье имя: Бог.

* * *

От орла да от решки —
всюду злые потери.
Насмерть рубятся пешки
на руинах империи.

Тридевятое царство
манит самых смысленых.
А мое государство —
в этих землях зеленых.

В этих землях, повитых
красотою небесной,
что на миг московиты
сколотили над бездной.

* * *

Мы на жертвенник новый
восходили с тобой.
И за русское слово
заплатили судьбой.

За любовь к этой шире,
к этим песням простым.
За единственный в мире
дом под небом святым.

От печали старинной
загорается кровь...
Мы над русской равниной
повстречаемся вновь.

НАТАЛИЯ КОСТЮЧЕНКО

ДВЕ ПОЛОВИНКИ ЛЮБВИ

РАССКАЗ

*Все справедливо в любви.
Английская пословица*

В деревне, где прошло мое раннее детство и где я проводила каждые школьные каникулы, проросли первые ростки моей любви. Я навсегда всем сердцем привязалась к этому краю, в котором мне стало дорого все: его неброская, с белесыми песками и седоватыми вербами природа, его реки и озера, его глубокая звенящая тишина. Стала моей болью его боль, когда совсем близко, в тридцати километрах от родной деревни, взорвался Чернобыльский реактор. Я любила свою землю, покрытую радиоактивной пылью, еще сильнее, чем могла любить ее тогда, когда она была чистой и здоровою.

Здесь, в полесской глубинке, такой спокойной, ласковой и безмятежной, вдруг все с ясностью осознали, что нет расстояний не только между Беларусией и Украиной, но и между радостью и горем, жизнью и смертью. Эти расстояния не измеришь километрами, — все взаимосвязано, все близко. И ни один уголок на нашей планете не существует сам по себе, — он связан с каждым из нас, осознаем мы это или нет.

Земля, познавшая черную быль, может быть, кому-то покажется сегодня опасною и немилою, но я не сомневаюсь: для многих здесь по-прежнему ароматнее, чем где бы то ни было на планете, пахнут поля, ярче сияют звезды, нежнее стрекочут кузнечики и поют птицы, громче гремит гром, чи-

КОСТЮЧЕНКО Наталия Николаевна родилась в 1963 г. в д. Старая Иолча Брагинского района Гомельской области. Окончила Белорусский технологический институт. Публиковалась в периодических изданиях Беларуси, России, Литвы. Автор ряда книг прозы. Член Союза писателей Беларуси, заместитель председателя Минского городского отделения СПБ. Живет в Минске.

ще небо и выше трава. И эти ощущения — от любви. Любишь каждую травинку, согретую солнцем, каждую кружку воды из колодца, каждое деревце ивняка, трепещущее седоватой листвой, любишь след от проползшего по песчаной дороге ужа, высокое и бледное небо над головой.

Деревня Прудовица, где я росла у бабушки и дедушки, родителей моего отца, названа так от слова “пруды”. И на самом деле, деревня словно плещется в воде, подставляя ей изогнутый дугой бочок. Прудовица имеет форму полумесяца. Одной, вогнутой стороной, где, отделенные друг от друга межами, пестрят огороды, она обнимает совхозное поле, а другой, выпуклой, как будто испугавшись диких болотистых зарослей ольшаника и “верболоза”, которые, чередуясь с заливаемыми лугами, тянутся до Днепра, она словно отстраняется, отворачивается от всего этого буйного и устрашающего ландшафта. Хотя неброские скрипучие калиточки прудовицких дворов выводят именно туда, где по теплу все начинает звенеть и петь голосами лягушек, кузнечиков и птиц.

...Александровка, ветхая, словно забытая Богом, с крытыми соломой низкими хатками, — это еще одна дорогая моему сердцу деревня, где жила старая, строгая и мудрая баба Наталка. Когда-то, после войны, в этой деревне она воспитала мою маму, маминого брата и еще двоих осиротевших детей.

Александровку пока еще можно отыскать в восьми километрах от Прудовицы. Она удалена от центральной усадьбы совхоза и тихо доживает свой век, затерявшись в лесах ближе к Чернобылю, в песчано-болотистом междуречье. Когда-то, до мелиорации, ее, расположенную на горке, словно торчавшую из воды кочку, надолго отрезали от мира весенние разливы Днепра и Припяти.

Уже который год Александровка входит в тридцатикилометровую зону отчуждения. После аварии на Чернобыльской атомной электростанции жителей Александровки отселили в соседнюю деревню, но спустя два месяца они вернулись и по сей день живут на своей земле самоселами. Теперь их осталось совсем мало. А баба Наталка, которую я тоже любила как родную бабушку, отселения не выдержала. Перед отъездом, вскоре после аварии, она села возле хаты на траву и, поглаживая ее своими старческими трясущими руками, плакала и тихо причитала:

— Крапивка моя... Мои бузочки...

Бузочками она называла сирень, которая пышно кустилась и цвела у нее во дворе. А через несколько дней баба Наталка умерла от горя.

Но тогда, в детстве, когда меня радовало и удивляло все, даже маленькие лужицы с дождевой водой посреди разбитой деревенской дороги, в то время, когда мать и отец были еще молоды и не умерли бабушка и дедушка, а в глухой Александровке неторопливо вела свое хозяйство старенькая, сухонькая и всегда очень опрятная, в своем неизменно сияющем белизной, накрахмаленном ситцевом платочке баба Наталка, тогда весь мир для меня был наполнен покоем, очарованием и любовью.

Любовь, казалось, исходила от всего: от сияющих в ночи звезд, от травы, от желтовато-серых песков, кряжистых верб, даже от страшных грозовых туч. Любовь исходила от каждого человека, хмурого и улыбавшегося. Любовь ощущалась даже в горьком запахе мутного дыма, когда мой дед, сидя на длинной, стоявшей у стены лавке, курил самокрутку. Эту любовь я испытывала и тогда, когда смотрела на его жилистые, с грубой красноватой кожей руки, которыми он, неуклюже набирая в щепотку высыпанную на стол небольшой горкой махорку, мастерил, то и дело скручивая из обрывков газет и склеивая слюной, папиросу за папиросой. А самая большая любовь, мне казалось, исходила от моей бабушки, даже когда она ругала деда за его неумеренную страсть к курению. Вернее, она ругала его за то, что вечерами он курил в хате, особенно когда читал газеты.

— Гаврила, каб у тебя губы посинели! Хиба ж можно столько дыму набрать!

Дед не отругивался, а только хмурился, — он почти никогда не уступал бабушке и обычно молча, не обращая ни на кого внимания, продолжал свое занятие.

Я дружила с бабушкой и любила ее больше, чем всех своих родных. Мне нравилось ее имя, старое и такое странное, каким сегодня, наверное, уже никого из рождающихся на свет не называют: Христина. Воспитав троих детей: двоих сыновей — один из них мой отец — и дочь, которые, повзрослев, уехали от нее в Минск, бабушка Христина теперь жила внуками.

— Как ни жалко своих детей, а внуков жалче, — говорила бабушка “тайкам” и “молодицам”, когда стояла, приобняв меня, в очереди за хлебом. В магазин, который у нас в деревне называли лавкой, мы почти всегда ходили вместе.

Мне казалось, что, несмотря на разницу в возрасте, у нас с бабушкой было много общего. Из-за этого сходства между нами существовала и взаимная привязанность. Нам нравилось ходить на луг и в лес, а бабушка никогда не жаловалась на усталость и часто составляла мне компанию. Мы с ней были “блудницами”.

Мы уходили далеко, собирали цветы и травы, иногда посещали кладбище, где были дорожки для бабушки могилки. Бабушка приучила меня повсюду ходить босиком, даже, вопреки обычаю, на кладбище.

— Гляди ж, моя внучка, — наставляла она меня, — когда я буду старенькая и умру, каб ты по мне не плакала, а вот так, как я теперь до своей мамы и покойного маленького сыночка, ты приходила ко мне на могилку и оставляла свои следочки.

Бабушка неторопливо обходила босыми ногами по покрытому хвоей песку родные могилы и рассказывала о тех близких ей людях, которых когда-то любила и кого больше не было. Она их знала, помнила и воскрешала в своем воображении. И, благодаря бабушкиным рассказам, их по-своему уже знала и представляла себе я. По сей день, каждую весну, на Радуницу, когда обычно живые поминают мертвых, я приезжаю в деревню и приношу на эти могилки цветы. И каждый раз обязательно, какая бы ни стояла погода, разуваюсь и оставляю для бабушки свои следы.

Бабушка, когда она не ссорилась с дедушкой, почти все время улыбалась и словно светилась лаской. За это она нравилась окружающим, в ее присутствии было легко и приятно.

Однажды, когда у меня было плохое настроение, она подошла ко мне и обняла за плечи:

— Скажи, моя внучка, я у тебя красивая?

— Ох, какая же ты у меня красивая, бабулечка!

— А теперь? — на бабушкином лице отразилось недовольство. В глазах у нее внезапно потухли все огоньки и искорки, уголки губ опустились вниз. — Ну, якая я теперь?

— Не... не знаю...

— А погляди, я знов улыбнусь.

И снова озарилась добротой каждая из бабушкиных морщинок, похожих на лучики, которых так много собралось у ее губ и глаз. Мне даже казалось, что именно эти морщинки и были ее украшением. Теперь я ясно видела, как немолодые, мутноватые глаза ее ожили от этой улыбки, заискрились, заиграли ласковыми лукавинками.

Она спросила:

— А ты, внучка, хочешь быть красивой?

— Хочу.

— Так вот, запомни мои слова: если хочешь быть красивой — почаще улыбайся!

К сожалению, почаще улыбаться я так и не научилась.

Бабушка никогда меня ни к чему не принуждала и ни за что не бранила. Впрочем, так она относилась и к другим внукам: старалась им угодить, все за них переделала.

— Слепая любовь у Христины, — отзывались люди о чувствах моей бабушки. — Она своей добротой попортит детей.

Не берусь судить, что кого в этой жизни “портит”. Но бабушкина “слепая любовь” нам, внукам, вполне нравилась. Она разрешала нам бегать чу-мазками, сооружать в доме и во дворе из досок, стульев и покрывал все, что душе угодно, наряжаться в ее широкие “спадницы”, которые мы подвязывали веревками, и в красивые цветастые платки. Бабушка нам позволяла играть и веселиться до полуночи и спать до обеда, а когда мы просыпались, нас всегда ждали за заслонкой в печи в пузатеньких чугунках ароматные блюда: борщ или суп, фруктово-ягодная квасовка, вареники или блинчики с ягодами и творогом, а на столе, накрытые от мух рушником, аппетитные коржики и гладыш с коровьим молоком.

Обычно, когда мы вставали, бабушки в хате не было. Припоравшись — так называли в деревне работу по домашнему хозяйству, — она, чтобы не мешать нам спать, что-нибудь делала на огороде.

Так было, когда дедушка Гаврила пас совхозный скот, а в свои выходные, в отличие от бабушки, он с нами не церемонился, громко кашлял по утрам и, занимаясь по хозяйству, то и дело звякал дверной клямкой и, тяжело шаркая по половицам, ходил со двора в хату. Дедушка был прав. И все эти звуки, ставшие для нас привычными, нисколько нам не мешали.

И нигде никогда, кроме как в то время, в деревне, благодаря бабушке, мы не испытывали больше такого потрясающе приятного чувства свободы. Балую нас, внуков, она руководствовалась какими-то своими, скорее всего, ошибочными убеждениями и принципами, порожденными не столько интуицией и сознанием, сколько сердцем. Слабая здоровьем, имевшая множество болячек и болезней, она, тем не менее, обладала такой неиссякаемой, не соответствующей ее физическому состоянию жизненной энергией, которая могла подпитываться только любовью. К окружавшим ее людям бабушка была мила, улыбочива, говорлива и никому не желала зла. Ей нравилось посидеть где-нибудь возле стожка сена с молодыцами, которые, “скинувшись” втайне от мужей по рублю, собирались вместе, чтобы “поспевать песни” и попить из мутноватых граненых чарочек “горелочки”. Хотя бабушка из-за болезни печени не могла воспринимать спиртного, она всегда выделяла свой рубль и с удовольствием участвовала в посиделках.

— Ох, голубочки, кали б не хвороба, я бы такая была баба мясная да салная! — бросая взгляд то на сало, то на “горелочку”, весело шутила бабушка. — Але ж, дарма, раз нельзя выпить да закусить, так хоть губы помочу!

Несмотря на ее дружелюбие к окружающим, единственными людьми, к кому она относилась по-настоящему жертвенно и щедро, были ее дети и внуки. Только их, забывая себя и весь белый свет, она любила.

Как-то к нам во двор зашла соседка, тетя Одарка — женщина не совсем опрятная, злая на язык, и люди в деревне ее за это не любили. Но все-таки она была соседка, и мы с ней общались.

— Баба Христина, позьчыте шампунь або мыло. Нечем голову помыць, — попросила тетя Одарка. — Пошукала — дома ничего не нашлось. А до меня сестра должна приехать из города.

Я знала, что у нас были и шампунь, и хорошее ароматное мыло. В это время я играла во дворе и спокойно наблюдала, как бабушка торопливо пошла в хату. И вдруг меня словно обдало жаром, когда она возвратилась и протянула соседке брусок старого серого хозяйственного мыла.

— У нас другого нет. Мы моем таким, Одарка, — соврала бабушка, протягивая ей мыло.

Тетя Одарка поморщилась, сказала, что у нее самой такое найдется, и, неестественно улынувшись, пошла со двора.

Подбежав к бабушке и, не понимая, не веря тому, что увидела, я посмотрела ей в глаза и расплакалась.

Я всегда думала, что моя бабушка — самая добрая и щедрая. Всякий раз, получив пенсию, она ездила с нами, внуками, в Чернигов или Чернобыль, где покупала для нас что-нибудь из одежды и игрушек. А тут вдруг по-жадничала. Пожелала такую мелочь, как шампунь или мыло.

— Я права, — не желая или не умея говорить со мной на эту тему, словно отрезала бабушка. — Одарка — она чужая. И нехорошая.

С такой неожиданной стороны я узнала тогда свою бабушку. Но все равно для меня она оставалась самою доброю и самою любимою. Это была моя бабушка, и, конечно же, она не могла любить всех.

Мне запомнилось, как зимой, когда я уже жила не в деревне, а в Минске, где посещала казавшийся мне самым неудобным местом на свете детский сад, взяв меня и моего братика с собой, родители приехали на несколько дней в Прудовицу. Бабушка и дедушка к нашему приезду закололи кабанчика. Я помню, как бабушка, пристроившись на длинном услоне с большими мисками и кастрюлями, “начиняла” сальтисон и колбасы. В комнате стоял крепкий приторный запах свиной крови, мутноватыми облачками уползал к потолку дым от дедушкиных самокруток. Дед разговаривал с папой о политике. Мама, подвзавшись старым выцветшим фартуком, как умела, помогала бабушке. Моего братика закрыли от этих странных ароматов в горнице, и там он играл с деревенскими детьми.

Я находилась в комнате со взрослыми, счастливо вдыхала запахи, и, не сводя глаз с бабушки, хотела, чтобы эти мгновения моего пребывания в любимой, с неровными, в горбинках, белеными стенами хате никогда не заканчивались.

После была “вячэра” — ужин со свежиной и самогоном. В гости пришли соседи: баба Марья с сыном Виктором и со своей невесткой Катериной, которую Виктор не так давно привез сюда, к себе в Прудовицу из украинской деревни, что находилась по другую сторону Днепра. С этими соседями мы дружили.

Катерина хорошо и душевно пела, у нее был сильный грудной голос. Она развязала и приспустила на плечи платок, словно желала продемонстрировать нам свои густые, волнистые, так украшавшие ее, сколотые гребнем волосы. Глядя куда-то перед собой, высоко держа голову, Катерина грустно пела на родном языке.

*Чорні брови, карії очі,
Темні як нічка, ясні, як день!
Ой, очі, очі, очі дівочі,
Де ж ви навчилися зводиць людей?*

Мои родители расспрашивали у Катерины, как она здесь, в Белоруссии, прижилась.

— Хорошо мне тут. И люди, как и у нас, добрые. Только вот иной раз тоскую. Бывает, поеду домой, зайду в мамину хату, посмотрю на стены, которые мы с мамой белили, да на вышитые рушники, мы с мамой вышивать любительницы, а потом сяду да так заплачу, что сердце разболится. Выплачусь — и снова легко на душе. Я по характеру веселая.

— Теперь и тутака вся хата в вышиванках, — хвалилась невесткой баба Маня. — Катерина у нас мастерица!

— У тебя, Манечка, невестка золотая, — говорила соседке моя бабушка. — Я людей бачу. Жалей ее.

Катерина... Моя дорогая тетя Катя, которую, когда уже нет больше бабушки, я навещаю по сей день. Она постарела, выпцвели с годами ее очи, но она такая же чувствительная и легкая душой, а как возьмет чарочку — все так же хорошо поет украинские песни. Когда я приезжаю, она ходит со мной к моей бабушке на могилку и тихонько всплакивает, когда я разуваясь и оставляю для бабушки свои босые следы.

А тогда, упорядочив свежину, родители стали готовиться к отъезду.

— Мамочка, папочка, я не поеду в Минск. Оставьте меня в деревне, — умоляла я, заливаясь слезами.

— Ох, и правда, — просила за меня бабушка, — не чапайте дитя. Послушайте меня, пускай поживет у нас до школы.

— Что еще за фокусы, — возмущался папа. — Вон Сережа собирается и не капризничает, — кивнул он в сторону моего братика.

— Наташенька, — стала уговаривать меня мама, — поедем. Тебе нужно в садик. И мы даже не взяли для тебя достаточно одежды.

Бабушка обняла меня и тоже заплакала.

— Бабушка, миленькая, ты слышишь, — я стала шептать ей на ухо, — я никуда не уеду. Ты отправляй их, отправляй, пускай они едут. А я спрячусь. Ты не волнуйся.

Бабушка поцеловала меня и, покачив головой, только и сказала:

— Ох, внучка...

Предупредив бабушку, я перестала плакать и так же, как и братик, стала молча и послушно собираться. Повязала шарф, одела и старательно застегнула на все пуговицы пальто, натянула на голову пушистую, связанную бабушкой из кроличьего пуха шапочку.

— Давно бы так, — одобрил мое изменившееся поведение папа.

Все были в сборах и суете, и никто не заметил, как я тихонько вышла из хаты.

Родной двор... Родные вербы вдоль прудовицкой улицы... Я почувствовала уверенность, что на этот раз с ними не расстанусь.

Мне казалось, что у меня вот-вот разорвется в груди сердце, пока я добежала до маленькой, крытой соломой, глинобитной мазанки, где жил мой прадед, который уже по старости лет никого не узнавал и ничего не помнил, и его жена, баба Алена.

— Я пришла к вам в гости, — соврала я. — Можно, у вас немножечко побуду?

— Побудь, донька, — ответил мне прадед. И, не узнавая меня, спросил: — А чья ты будешь?

— Да правнучка ж твоя, деда Гаврилы внучка.

— А-а-а... Дай, Алена, ей варенья.

Слегка раздвинув старенькие, засиженные мухами занавески, я стала смотреть в окно на дорогу, по которой должны были пройти родители и братик. Я волновалась. Мне казалось, что время изменило свой ход и тянулось очень медленно.

Вот, наконец, на дороге показались три фигурки: мама, папа и Сережа. Бабушки с ними не было — впервые она их не провожала. Она ждала меня... И теперь, когда то, чего я так сильно желала, свершилось, я, глядя на удалявшихся родных мне людей, расплакалась. Ведь я их любила. И в эти минуты, словно большое горе, обожгло меня откуда-то изнутри мое первое предательство.

Заплаканная, не притронувшись к выставленному передо мной варенью, я наспех попрощалась с так ничего и не понявшими хозяевами и побежала обратно, в сторону родной хаты. На улице, возле нашего двора, стояла бабушка и, увидев меня, пошла навстречу. Я подбежала к ней и, заплакав еще сильнее, уткнулась лицом в ее телогрейку, от которой пахло коровьим молоком, сеном и еще чем-то очень знакомым и приятным.

— Бабушка, милая, они никогда не простят меня?

— Они уже тебя простили.

Летом они втроем приехали отдохнуть в деревню.

Мы с бабушкой встречали их на станции. Я волновалась и радовалась предстоящей встрече с ними.

— Ох, бабушка, на меня мама будет сердиться, что я не помылась, — беспокоилась я.

— Дарма, моя внучка, от грязи еще никто не умер.

Когда пришел поезд и мы все поздоровались и обнялись, а маленький Сережка радостно повис у меня на руке, мама первым делом стала пристально меня разглядывать.

— Что это у тебя за наряд? — удивленно, то ли шутя, то ли серьезно, спросила она у меня.

Я была очень худа и, по-видимому, на мне нелепо смотрелось атласное, красного цвета, похожее на цыганское, платье с воланами. Самую яркую, самую блестящую ткань купила мне бабушка на базаре в Чернигове, и из этой ткани по нашему с бабушкой заказу сшила мне платье на своей швейной машинке соседка. Платье мне нравилось, пока я не предстала в нем перед ма-

мой. Я была босиком, а на моей невымытой, с грязноватыми подтеками шее красовалось большое пластмассовое монисто.

Я посмотрела на маму: на ней был легкий бежевый костюм, бежевые туфли-лодочки на ногах, а в руках — такого же цвета сумочка. Ее длинные русые волосы были гладко зачесаны и собраны на затылке в тугой строгий узел. Единственным маминым украшением оказалось обручальное кольцо на руке. И вдруг с каким-то новым, неожиданным чувством я оценила ее скромный, неброский городской наряд, и мне стало неловко.

Я незаметно сняла с шеи пластмассовое монисто и зажала его в руке.

— Ну, расскажи, как тебе здесь живется, дочка? — спросила мама.

— Мне хорошо тутака, — ответила я.

— А неужели есть такое слово “тутака”? — мама насмешливо посмотрела на меня. — Разве так говорят? Я смотрю, ты у меня совсем отсталая...

— Ну чего ты, Олечка, дитя як дитя, — защитила меня бабушка.

Вскоре обо мне забыли, и между взрослыми завязался общий оживленный разговор. Только Сережа всю дорогу теребил меня за руку, что-то радостно говорил мне, а я на него почти не реагировала. Мне было стыдно за себя, хотелось исчезнуть, провалиться сквозь землю. Усиленно сдерживая слезы, чтобы не расплакаться, я в одной руке держала маленькую ладошку Сережи, а в другой — сжимала снятые с шеи бусы.

Спустя несколько лет, когда я уже была школьницей и, как обычно, приехала на каникулы в Прудовицу, мы с бабушкой пошли в лавку за хлебом.

В лавке, кроме продовольственного отдела, был еще и промтоварный. Он находился в большом полупустом зале со скрипучими дощатыми половицами, где пахло мылом, новой одеждой и резиной, так как несколько самых крупных торговых стеллажей были заполнены резиновыми сапогами и калошами. Эти странные запахи деревенского магазина я вдыхала как что-то волшебное, и, заходя в него, словно попадала в другой мир.

И вот в этом промтоварном отделе появилось чудо — кукла-цыганочка. У куклы была прелестная глиняная головка, черные длинные волосы, смуглое румяное личико и темные, блестящие, словно миндалины, окаймленные пушистыми ресницами глаза. Кукла была как живая. И я в нее влюбилась.

Вдруг моя чуткая любящая бабушка ее мне купила. Но, выйдя со мной, ослепленной подарком, из магазина, попросила сохранить это в секрете. В то лето у бабушки гостила моя старшая двоюродная сестра.

— Она тоже моя внучка, и ей будет обидно, — объяснила бабушка.

Куклу мы спрятали за занавеской, в нишу не используемой летом грубки.

Часто, прячась от сестры, я тихонько затаивалась за занавеской и играла с куклой. Только помню, что та осторожная игра мне не приносила радости.

Однажды сестра куклу нашла. И, удивленно посмотрев мне в глаза, спросила:

— Что это?

Я почти никогда не говорю: “люблю”. И испытываю неловкость, когда слышу такое признание от других людей. Так как далеко не всегда полноценно чувство, которое привыкли выражать этим священным словом.

Иногда меня беспокоят мысли: я любима своей мамой, но она не всегда принимает меня такую, какая я есть... Меня любила бабушка, но она не была способна осветить своей любовью оказавшийся для нее чем-то чуждым окружавший ее мир... Я люблю своих близких и в то же время могу предать тех, кого люблю...

ЕЛЕНА КОШКИНА

ТЕЛЕФОН

Ты звонишь и молчишь в телефон.
— Что случилось? — привстала округа.
А по городу с разных сторон
На молчание двинулась вьюга.

“Это я”, — осторожно скажи,
Хочешь — радостно, хочешь — угрюмо,
Только трубку подольше держи
И, зачем это надо, не думай.

“Это надо”, — выводит река
Синевой по откосам зеленым.
“Надо, надо”, — поют облака,
Прижимаясь щекой к небосклону.
“Надо, надо”, — поет соловей,
В музыку превращая тревогу.
Не молчи, говори поскорей.
Говори, не молчи, ради Бога.

Так сказала — и стихла пурга.
Темнота разошлась, раскололась,
И в холодных, пустых проводах
Стало слышно: рождается голос.
Голос твой зазвенел... Замолчал...
Зазвенел... Заиграл, как бывало...
Ветер ласково ветви качал.
— Я люблю тебя, — в трубке звучало.

ОЛЕГ САЛТУК

ОЗАРЕНИЕ

Я отыскал потерянный покой,
Когда вчера увидел на рассвете:
Твоя рука лежала под щекой...
Так спят, наверно, маленькие дети.

Как ты спала... Спокойный этот сон
Старался я ничем не беспокоить.
Но новый день — в окно стучался он
Прохладною и светлою рукою.

* * *

Расплавленный асфальт. Удушье тротуаров.
Далекое “люблю” и близкое “зачем?”.
Искусственный восторг дешевых мемуаров,
Каких-то лживых слов, каких-то вздорных схем.

Зачем тебе миры, в которых нет пространства,
Зачем тебе пески непризнанных времен,
В которых “да” и “нет” не ищут постоянства
И каждый новый шаг собой обременен?

Мне страшно быть одной, когда ты снова болен,
Когда ты оглушен сознанием тишины,
И стаями летят с далеких колоколен
Предвестники твоей непрошенной войны.

А здесь, в крошечной тьме всеобщего затмения,
Себя и остальных уже не различишь.
И страшно понимать: сейчас всего лишь тень я
Каких-то серых стен, каких-то ржавых крыш.

ЕЛИЗАВЕТА ПОЛЕЕС

* * *

Не бойся открытий, не бойся потерь.
Давно заколдована в прошлое дверь.

Не бойся отплытий больших кораблей.
За жизнь, что приснилась, бокалы налей.

Бокалы налей золотого вина.
Есть в жизни находки, не только вина.

До самого дна опрокинешь печаль —
И близкою станет далекая даль.

И станет серебряной песня ручья.
Ты тоже, как песня:
для всех и ничья.

* * *

Чтобы мне не нести этот крест окаянный,
Разорву пополам я и цепи, и кольца.
И наградою вечности будет молчанье —
Потаенной скорбящей душе богомольца.

Чтобы мне не сгореть в этом зареве адовом,
Я очищу себя от любви, как от скверны,
Потому как оков, и надежных, не надо мне —
Присягаю свободе на верную верность.

Потому как простор лишь
душе полагается,

Потому как влекут ее выси и шири,
И в небесных пространствах она очищается,
А не в горестях-радостях душевной квартиры.

Если ангел слезинку уронит нечаянно —
Разольются в пустыне живые колодца.
А утехой скиталице станет отчаянье,
Если сил не останется больше бороться.

ВЕСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Яркий блик на лужицах играет,
И петух уже полощет горло.
Сретенье дорогу пролагает
Внешнему теплу в лесные доли.

Хоть зима берет свое ночами,
Щеки, словно пьяный гость, целует,
Талый снег под первыми лучами
Водостоки гулкие шлифует.

Солнцу благодарные синицы
Распевают радостные гимны.
Родники торопятся пробиться
Из-под немоты сугробов зимних.

Небеса струятся синевою,
Словно ручейки водою талой, —
Вечность над седою головою
Зайчиком веселым пробежала.

МИХАИЛ ПОЗДНЯКОВ

ПОМНИШЬ, ДАЛЕКАЯ?

Помнишь ли угол укромный, далёкая?
Дом материнский под сенью дерев,
Лето душистое, жито высокое,
Луг, где костёр наш горит, не сгорев?..

Помнишь ли выси над тихою чащею,
Той, где медовой малины разлив?
Счастье, как звёздочка, с неба летящая,
Счастье, как яблоко “белый налив”...

Помнишь ли светлые травы шелковые,
Сизый туман, золотую росу,
Синие, в жите, глаза васильковые?
Я и сегодня их в сердце несу.

Ими, родными, дорога нелёгкая
Озарена на полях бытия.
Кланяюсь низко тебе я, далёкая:
Здравствуй, неспетая песня моя!

*Перевод с белорусского
Б. Спринчана*

ПОЛОНЕЗ ОГИНСКОГО

На старой улочке Варшавы,
Когда спускалась ночь с небес,
С аккордеоном вышел парень
И заиграл вдруг полонез.
И я, проделав путь неблизкий,
От потрясения застыл:
Как будто сквозь года Огинский
Со мною здесь заговорил.
И боль его была такою,
Что я, как пламя, трепетал,
Сливался с музыкой ночною
И восторгался, и страдал.
И, сокровенное озучив,
До слез он душу бередил,
Пытал мелодиею жгучей
И невозвратное будил.
А люди шли толпою мимо,
И мне почудилось в тот миг,
Что где-то рядом ты незримо
Возникла, нежная, среди них.
Мелькнула гостьею небесной,
Моя медовая печаль,
И снова с музыкой чудесной
Уплыла в сумрачную даль,
Чтоб никогда не появиться,
Лишь озаряя и маня,
Неуловимую жар-птицей
Казнить и миловать меня.

Перевод с белорусского автора.

ЛЮДМИЛА ШЕВЧЕНКО

* * *

Все больше дорожу я тишиной —
Прошла пора беспечности, веселья.
Все чаще хочется побыть одной
В лесу, за книгой иль за рукодельем.

Я научилась слушать старый сад
И видеть облаков плывущих стаи,
Ловить в ладони первый снегопад
И сожалеть, что снег так быстро тает.

Мне кажется, я стала понимать
Призывы ветра и ручья журчанье,
Красу цветущих весен принимать
И вкладывать глубокий смысл в молчанье.

Грущу, когда курлычат журавли,
С полей родных на зиму улетаю,
Как будто это я уже вдали
В разлуке той друзей своих теряю.

Все больше дорожу я тишиной
Не потому, что старость на подходе,
А потому, что становлюсь иной
И возрождаюсь, растворясь в природе.

СВЕТЛАНА ЕВСЕЕВА

СИЛА ПЕСНИ

Если голосу хочется петь,
Песню надо уже начинать.
Я прошла азиатскую степь,
Чтобы корни свои отыскать.

Мне открыли свои имена
Пашня, ягодник, поле, родник...
Здесь века, создавая меня,
Подарили мне русский язык.

Здесь вошла я в сады лучших дней,
Над садами был звездный навес.
В ночь ракеты слетали с ветвей,
Словно звездная зрелость с небес.

Зная счастье и зная беду,
Выхожу на дорогу свою.
Я не падалица в саду:
Не срывая свой голос, пою.
...Ум для сердца — товарищ и врач.
Сердце — путник, ум — проводник.
Что мне прах всех моих неудач!
Мое счастье — мой русский язык.

В капитальном ремонте наш Дом,
Это, верю, для жизни дано.
Оттого не плутаю в былом,
Что плохое забыто давно.

Красной Шапочкой к светлым лесам
Темным лесом иду напрямик
И пою всевозможным волкам:
«Сила песни — правдивый язык».

ПАЛЕСТИНА МОЯ

Далеко-далеко, где не падает снег,
Палестина — Святая Обитель.
Век двадцатый...

Свое отгулял Мясоед,
Пост Великий для нас как Спаситель.

В Палестине моей зимний север суров.
Поэтесса у нас — не мимоза.
Жду от вьюги поддержки плечистых снегов,
Жду подарков от Деда Мороза.

В Палестине моей не ищу тот Грааль
В море том, где в ходу ультразвук.
Уши-шумы мои мучит черная брань,
Флаг пиратский житейской округи.

Все проходит. Пройдет чернота-полоса.
Верит проза, сама нездорова:
Палестина Поэзию снимет с креста,
Дух вернется в Печатное Слово.

Станут вечным пером мой простак-карандаш,
Небоскребом — хрущевка-лачуга...
Палестина. Весна. Двадцать первый этаж.
Жду от Пасхи Воскресного чуда.

...Далеко-далеко та Святая Земля.
Но и здесь и пишу, и читаю.
Палестина моя там, где вызрели я
И те люди, каких почитаю.

Палестина моя — ты, березовый лес,
Рощи сосен — мои Палестины,
Здесь меня знают звезды Насущных Небес,
Как верблюдов своих бедуины.

АЛЛА НИКИПОРЧИК

* * *

*(Памятник на могиле
В. Ф. Комиссаржевской)*

Легкое платьице,
девчоночья стрижка...
При чем здесь лавровая ветвь?
Она ее даже не видит.

Вечный порыв вечных душ...
Невзирая на лавры и тернии...
Декабрь.
Тает снег о живые плечи.

ДМИТРИЙ РАДИОНЧИК

НАШ БРОНЕПОЕЗД

Ковчег наш могуч и сколочен на совесть;
Жаль, некуда больше идти.
Мы странные люди, и наш бронепоезд
Стоит на запасном пути.

Разверзлись орбиты небесных окраин,
Где ветры читают псалмы.
Пусть каждый себе в этой жизни хозяин;
Сердцами владеют умы.

Срывают ненастья штандарты с флагштоков,
Срывают привычный обряд...
Невинные жертвы плебейских пророков,
Как птицы, над бездной парят.

Бушуют стихии, но это — не новость.
Торопится солнце взойти.
Мы — слабые люди, а нас бронепоезд
Все ждет на запасном пути...

Мы — дервиши, блудные дети Вселенной,
В пучине снискали приют.
Пусть в память о правде и вере нетленной
Гремит наш невзрачный салют.

Вдали разгорается пламя пожарищ —
Наш скорбный маяк впереди,
И стены ковчега дрожат от ристалищ,
И сердцу тревожно в груди...

БРОНИСЛАВ ЕРМАШКЕВИЧ

* * *

Восприимчивость — суть
Синева родниковой воды.
Начинаю с попытки
Свой порог не задеть поутру.
И оправу души
Мне подарят в цветенье сады
Да берез череда,
Что листвою шелестят на ветру.

Восприимчивость — время,
Приносящее слово “творить”,
Мною пройденный путь,
Что ложится к усталым ногам.
Слаблю Бога за то,
Что меня научил говорить
На родном языке
Прежде, чем оберег меня сам.

*Перевод с белорусского
Тамары Мазур.*

ВИТАЛИЙ САВИЦКИЙ

* * *

Их убирают, бесхозные хаты,
Рушат бульдозером, прямо на слом.
И, как сраженные в битве солдаты,
Валяются наземь деревья кругом.

Рушат с азартом, старательно, лихо —
Что тут миндальничать?
К черту хламье!
Пыль вековая вздымается тихо,
И не стихает в садах воронье.
К черту иконы, гармошки и кросны,
Запах скотины и дух старины,
Санний разбег, хороводные весны...
Требуется, требуется быт новизны!
Сносятся хаты,
А деды, старухи —
В вечной обители, что за селом.
Благо, не ведают этой разрухи,
Благо, не смотрят на этот погром...

ГАРМОНЬ

Она меня с ума сводила,
Та голосистая гармонь.
Какая в ней таилась сила!
Какой живительный огонь!
И так хотелось непременно
Приобрести гармошку ту
В сорок седьмом послевоенном
Голодном памятном году.
Ходил за матерью по следу
И со слезами — что скрывать —
Просил уговорить соседа
Мне “хромку” с песнями продать.

МИХАСЬ БАШЛАКОВ

* * *

Не окликай метели буйные —
Придут, поземками пыля.
И кони снежные, разгульные
В пустынных явятся полях.

Бубенчик всхлипнет...
Гэй, залетные!..
Под гору мчат на всех парах...
А следом, словно псы голодные,
Летят холодные ветра.

Завоют, лютые, за окнами,
Зайдутся плачем от тоски...
Не окликай снега далекие —
Они не так уж далеки.

Сведут и сгубят в белой темени,
Где вечно властвует зима...
Не окликай ее до времени —
Она заявится сама...

РАИСА БОРОВИКОВА

* * *

Травую еще не покрылись луга,
земля для травы не согрета,
с пригорков, помедлив, сплывают снега,
и в каждой проталине — лето.

Еще не обласканы кроны теплом,
не хочется думать об этом...
О, как обогреет жара их потом,
ведь ждет нас предолгое лето.

Еще соловьи не поют, а не сплю
и вовсе не прячу секрета:
губами я пылкие губы ловлю,
целую горячее лето.

Лесные поляны — мои адреса,
душа моя тянется к свету.
На тропках искристо мерцает роса,
и в каждой росинке — по лету.

Вдруг близится запах цветенья и гул,
вдруг блеск золотого ранета...
Шиповник свои лепестки отряхнул —
такое короткое лето!

ЛЮБОВЬ ЛЕВШУН

* * *

В сером небе — белые купола...
То ли явь, то ли сон, то ли мир иной...
Надо мной, как архангеловы крыла, —
купола
 лепты былой;
в сером небе,
 над серенькою землей,
где ничтожные страхи играют в страсть,
где из всех не зол выбирают зло,
и от зла уже яблоку негде пасть.
И на той земле у меня — ни кола,
ни надежды, ни веры и ни любви...
Купола надо мною. Или крыла? —
Нераскрывшиеся крыла мои?..

ДУША

К. Е. Е.

Отведи мою душу напевом своим
в стройноствольную рощу
 тонов и созвучий!..
Там, где сумрак певучий Давидом храним,

там, где лотосы дышат в ладонях излучин,
там, где голос рождается из волшебства
распусканья бутонов и душ распусканья, —
пусть слезою она в твои песенки канет
и поверит, отпетая, в то, что жива...

МАРИЯ ШЕМЯКИНА

* * *

Акварельное небо в потеках кармина,
Синева по краям небосвода разлита,
Соловьи приумолкли в удушье жасмина,
Солнце к самому лесу скатилось с зенита.

Может быть, это только мгновение тиши?
Может, сумерки будут седы и безлики?
А немного позднее летучие мыши
В черном небе прочертят узорные пики.

А потом зазвучит в бархатистом просторе
Чья-то странная песня протяжная, млечная.
И как будто из капель рождается море —
Из простых мелочей составляется вечное.

МИКОЛА МЕТЛИЦКИЙ

* * *

Края, с которыми успел сродниться,
Неотразимо в тишине ночной,
Преодолев кордоны и границы,
Всплывают в мыслях снова предо мной.

Встают в снегах вершины Дагестана,
И слышу я: Расул на фоне их
Читает вдохновенно и гортанно
Стихи о современниках моих.

Летят благословенные секунды.
И я, встречая раннюю зарю,
В Абхазии над соснами Пицунды
На белопером облаке парю.

То на крутом отроге Карадага,
Спиной припав к остывшей скале,
Слежу, как давних витязей отвага
Вновь возвращается в Чуфут-Кале.

А вот Тува... Потомок Одиссея,
Я вновь попал на дивный островок,
И снова вижу воды Енисея,
И чувствую его могучий ток.

А то совсем от Бабчина далеко,
Где побывал не каждый из землян,
Под синевой небес Владивостока
Я режу грудью Тихий океан.

То в Вильне, возле башни Гедимина,
Смакую крепкий утренний мороз...
Разорвана единая стремнина...
Судьба народов трогает до слез...

О, памяти угодливая служба,
Исполненная света и тепла!
Быть может, поостыла наша дружба,
Но только точно знаю, что была!

*Перевод с белорусского
Бронислава Спринчана.*

* * *

Я шаг ступил — и все шагнуло вслед:
Асфальтом черным медленно брели
В платочках стрех — дома, им много лет,
Скрипучие, как старость, журавли.
И тополь в огороде, будто дед,
Нес на корнях живую боль земли.
Мне слышалась их поступь за спиной,
Они шагали, топая, за мной.
Я, чуть дыша, боялся оглянуться —
На них на всех, на прошлые года.
И помнил — остановишься, тогда
Застынуть им, и к смерти прикоснуться,
И зоною остаться навсегда.

*Перевод с белорусского
Анатолия Аврутина.*

СЕРГЕЙ ТРАХИМЁНОК

СВОБОДА СЛОВА

Из книги “Челночная политика”

От составителя:

Я не являюсь автором нижеследующих анекдотов, поскольку последние – разновидность современного фольклора. Но, как говорили древние, “долг путь рассуждения, но короток путь примера”, особенно такого яркого, эмоционального, лаконичного.

ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ:

Мама мыла мани...

- Дай, мама, мани!
- На, Маня, мани.
- Мало, мало, в натуре.
- Иди, Маня, в баню.

* * *

Цыганка звонит в дверь новому русскому. Дверь открывается, на пороге стоит хозяин.

- Позолоти ручку, – говорит цыганка.
- Ты че, в натуре, ее же с дверью снимут.

* * *

Кто такой новый белорус? Это человек, у которого квартира в Минске и в Москве, дача на Нарочи, в Сочи и на Канарах, а билет купить не на что...

* * *

Похоронили нового русского и положили ему в могилу мобильник. Через сорок дней он звонит своему другу новому белорусу:

- Привет, братан, тебе газ не нужен?

ТРАХИМЁНОК Сергей Александрович родился в 1950 году в городе Карасук Новосибирской области. Служил в армии, работал на заводе. Окончил факультет правоведения Свердловского юридического института, Высшие курсы КГБ СССР. С 1990 года живет в Минске. Член Союзов писателей России и Белоруссии, секретарь Правления Союза писателей Белоруссии. Автор повестей и романов, не раз публиковался в журнале “Наш современник” и других изданиях.

* * *

Крупный менеджер заказывает номер в гостинице:

- Но чтобы там был компьютер, интернет, диван, джакузи и т.д.
- Вечером приезжает и видит в номере еще и двух соблазнительных девиц.
- А вы кто? – спрашивает.
- И т.д.!

ИХ НРАВЫ:

Бдительный американец записывает в свой дневник:

- 8-00. Предотвратил теракт. Перерезал два подозрительных провода.
- 8-05. Почему-то не работает клавиатура и мышь...

* * *

Одного американского дипломата спрашивают: что такое челночная политика?

- Это система приемов, позволяющая решить на первый взгляд не решаемую задачу.
- Например?
- Например, выдать дочку американского миллиардера за глухого сибирского мужика. Для чего мы приходим с визитом к американскому миллиардеру и спрашиваем: ты хотел бы, чтобы мужем твоей дочери стал глухой сибирский мужик?

- Нет, – отвечает миллиардер.
- А если он управляет швейцарским банком?
- Тогда возможно, – отвечает американский миллиардер.

Далее мы направляемся в Совет одного из швейцарских банков и говорим им: вы хотели бы, чтобы вашим управляющим стал глухой сибирский мужик?

- Нет, – отвечают нам.
- А если он зять американского миллиардера?
- Мы рассмотрим эту кандидатуру.

После этого мы находим в Сибири глухого сибирского мужика и спрашиваем его: ты хотел бы жениться на американке?

- Что мне, здесь баб не хватает? – отвечает он нам.
- А если это будет дочь американского миллиардера?
- Тогда лады, – отвечает нам глухой сибирский мужик.

Потом мы находим на одном из курортов Майами симпатичную дочку американского миллиардера и спрашиваем ее: ты хотела бы выйти замуж за управляющего швейцарским банком?

- Фи, – отвечает нам дочка миллиардера.
- А если это будет настоящий сибирский мужик?
- Это меняет дело! – заинтересовывается девица.

И таким образом, задача решена.

* * *

Старая дама на “кадиллаке” пытается втиснуться на последнее свободное место перед супермаркетом. Пока она примеривается, молодой человек на спортивном “ягуаре” прошмыгнул и занял это место.

- Но почему? – говорит возмущенная старушка.
- Потому, что я молод и быстр!..

Тогда старушка включает передачу и заезжает в тот же бокс, смятая машину парня. Тот столбенеет, а потом кричит:

- Но почему?
- Потому, что я стара и богата.

НА ВОЙНЕ КАК НА ВОЙНЕ:

Посылают новобранца в разведку. Он возвращается и докладывает:
– Через речку есть мост, машины там пройдут, танки пройдут, а солдаты нет – там у сторожа овчарка огромная.

* * *

Командир отбирает солдат на опасное задание:
– Кем вы были на гражданке? – спрашивает он у новобранца.
– Налоговым инспектором...
– Так, проберетесь в расположение врага и будете передавать оттуда: “Вызываю огонь на себя!”
– Почему я, товарищ командир?
– Никто не промахнется...

* * *

Война с НАТО. Сержант допрашивает пленного:
– Вот из е нэйм?
– Май нэйм из Джон Скотт.
– Повторяю: вот из е нэйм?..
– Май нэйм из Джон Скотт...
– Или ты не понимаешь, натовская скотина, я тебя на чистом русском языке спрашиваю: вот из е нэйм!
– Но, сэр, май нэйм из Джон Скотт!
– Про скотину я уже наизусть выучил, а где ваши танки?..

* * *

– Рядовой Пеппер, как вы будете приветствовать лейтенанта?
– Смотря какого. Если немецкого – подниму одну руку, если русского – две...

* * *

К Уинстону Черчиллю обращается британский моряк:
– Сэр, я прошу предоставить мне отпуск, у меня родился шестой ребенок.
– Вы такой молодой...
– Но я очень люблю свою жену, сэр!
Черчилль вынимает сигару изо рта, смотрит на окурок и говорит:
– Я вот тоже... люблю свою сигару, но лишний раз стараюсь не докуривать до конца...

* * *

Наконец-то отменены все отсрочки от армии. Осталась только одна – 10 тысяч долларов.

БЕЗ ЛЕСТИ:

Приехал раз Горбачев в Америку, и президент Буш-старший решил подарить ему автомобиль. Он отказывается.
– Тогда купите, – предлагает Буш, – символическая цена: один доллар. Горбачев достает пятидолларовую бумажку.
– Но у меня нет сдачи, – говорит Буш.
– Тогда мне на сдачу, господин президент, еще четыре машины!

* * *

Ельцин идет по Красной площади, а нищий просит подать милостыню. Ельцин удивляется: “Как же я подам, у меня ни ракетки, ни мяча нет”.

* * *

Возвращается Буш-младший из Европы в США. Долго летит, устал. Заходит в кабину пилотов, спрашивает:

– Скоро долетим?

– Минут через пятнадцать, если на то будет воля Аллаха!

* * *

Сидит философ Диоген у своей бочки и ест простую чечевичную похлебку. Едет мимо на своей роскошной колеснице придворный философ Антипа и говорит Диогену с ехидцей:

– Вот, Диоген, если бы ты умел льстить императору, то не ел бы сейчас только чечевичную похлебку.

– А если бы ты, Антипа, – отвечает ему Диоген, – согласился есть чечевичную похлебку, то не пришлось бы тебе быть льстецом.

Каждому свое.

* * *

Суть басни Крылова “Ворона и лисица” в том, что, только потеряв сыр, вы обретаете свободу слова...

АНДРЕЙ ШАЦКОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ К СЕБЕ

САГА О ПЯТИДЕСЯТЫХ

Вечер. Приблизились сказки.
Месяца выглянул лик.
Библиотека. Салазки.
Книги везем на двоих.

И озаряется память
Светом ребячьей любви...
Сумерки. Легкая заметь.
Голуби и воробьи.

Бабушка, длится разлука,
Но предъявляет права
Всеми забытая штука —
Пятидесятых Москва...

Боже, когда это было?
Взглядов чужих сторонясь,
Бабушка в церковь ходила.
Вилась иконная вязь.

ШАЦКОВ Андрей Владиславович родился в 1952 году в Москве. Автор десяти поэтических книг. Член Союза писателей России и Международного союза журналистов. Кавалер ордена преподобного Сергия Радонежского РПЦ и лауреат многих литературных премий. Главный редактор альманахов "День православной поэзии. 2008", "День поэзии 2007, 2009, 2010". Живёт в Москве и в Рузе.

Щёлкает стрелка.
Трамваю
Нету в былое пути...
Бабушка, я забываю
Добрые руки твои.

Стихли Сокольников марши.
Не замерзает каток...
Я уже сделался старше
Бабушки
лет на пяток.

Право, не ведаю,
близкий
К Сретенью путь?
Но с тобой —
То поминальной запиской,
То стихотворной строкой...

ВОЗВРАЩЕНИЕ К СЕБЕ

Приспеет октябрь, и клюква пойдет по лесам.
Вернее, она побежит по прокисшим болотам.
И, может быть, я,
если только успею — я сам
Об этой поре напишу перед зябким уходом.

Как строились ели вдоль узкой тропы в караул,
Где мы пробирались под вечер в деревню с грибами.
И пес на дворе бесконечную песню тянул,
Чтоб было не скучно в своем одиночестве маме.

Пустые колоды лежат, как повапленный гроб,
И мама, предчувствуя скорую сердцем разлуку,
Сказала: “Иди, на дорогах сейчас чернотроп...” —
И тихо к стеклу приложила прозрачную руку...

Не каждый ушедший до светлой мечты доскакал.
Не каждый домой из далека вернулся понуро...
У волчьего времени — волчий, звериный оскал
И с лисьим окрасом дубленая зимняя шкура.

Но в сполохе гроз и в мерцанье трясиновых огней,
Вдоль шалой воды, уносящей буруны к закату,
Я шел до конца, оставляя друзей и коней,
Внимая вселенского боя глухому раскату!

И там, где заплотом судьбинный предстал перевал,
Его одолев, между кручами и облаками,
Я мертвые губы бессмертной страны целовал...
И вспомнился дом... И заплакалось горько по маме.

ВОИНАМ РОССИИ

Вдоль речки дымится порез
Не сомкнутых льдов по стремнине.
Никак не кончается лес
На русской бескрайней равнине.

Чтоб за порогом жизни суеты,
В лампадном свете — ангелами рея,
В морозных окнах чудились цветы,
Процветшие на Зимнего Андрея!

И чтоб дубов железная листва,
Опавшая покровом плащаницы,
Мостила путь к началу Рождества
И выводила души из темницы!

Пусть в мельтешенье скоморошных дат
Незыблемо пребудет та, что свята
Пришедшим в журавлиный снегопад,
Когда метель по-птичьему крылата!

ДОТЯНУТЬ ДО ВЕСНЫ

Дотянуть до весны, синеглазой, летящей, поющей.
Услыхать соловья заполошную, дивную трель...
Утонули в снегах заповедные Русские пуши
И навывлет сквозит по замерзшим дорогам метель.

Холода, холода — над Россией и пряничной Рузой,
Где церковей перезвон застывает в мороз на весу,
Где деревья стоят, пригибаясь от снежного груза,
Где восход и закат продолжают одну полосу.

По зиме,
 что может окончиться тихо и просто,
Как кончаются зимы, средь мартовской талой воды.
И бредут холода, опускаясь в лощины с погоста,
Словно сумрачный причт,
 возвращаясь с поминной страды.

И всю ночь напролет — затаенное прошлое снится
В это смутное время, под самый конец февраля:
Я стою на дворе, а в руках моих птица-синица,
И кружит надо мною, как заметь, перо журавля.

Дотяну до весны, до березовой Пасхи апреля,
До цветенья черемух на Рузы крутом берегу...
Горюном-журавлем, над заветной околицей рея,
Все равно дотяну, если просто дожить не смогу.

ПОЭЗИЯ

К 70-ЛЕТИЮ ПОЭТА

АБДУЛЛА ДАГАНОВ

ЛЬЕТСЯ ПЕСНЯ, ТРЕВОЖНО ЗВЕНЯ...

ЖУРАВЛИ

К поднебесью лицо поднимая,
Я стою на осеннем лугу,
Журавлиному клику внимаю,
Только слов разобрать не могу.

Журавли, журавли! Неужели
В белой пене сады откипели,
Загрустили пустые поля,
И лишь песня взывает, паря?

Будто волны, гонимые штормом,
В океане угрюмо просторном
Ты куда, чередой моих дней?
Подскажите, ведь с неба видней.

Как лазурные дали бездонны!
Журавли, словно песня —

бездонны:

ДАГАНОВ Абдулла Газимагомедович — известный аварский поэт, окончил факультет журналистики МГУ и Высшие литературные курсы при Литинституте, автор многих поэтических сборников, член Союза писателей России. Живет в Махачкале.

Необъятная родина их,
Белокрылых всемирных связанных...
Вот пронесется в небе родимом,
И над миром, зеленым, единым, —
Льется песня, тревожно звеня:
Люди, не оброните огня!

Перевод Сергея Дроздова

ТУР

Над скалами ширится гул
И рокот тяжелой лавины,
Но, как изваяние, тур
Стоит, озирая вершины.
Его золотые рога
Врезаются в синее небо,
Вокруг все родное — река,
И травы, и кручи, и недра.
Здесь воздух, как спирт, синевой
И духом мороза отличен,
Здесь ветра разносится вой,
Но тур к этой жизни привычен.
Одно лишь не ведает он —
Что жизнь его враз оборвется,
Не видит он северный склон,
Где ловкий охотник крадется.
Охотник бесшумен, как зверь,
Он держит ружье наготове,
А следом за ним по траве
В предчувствии мяса и крови
Крадутся собаки... Они
Щенками привыкли к охоте,
И капли тягучей слюны
Стекают по розовой плоти...
Вот выстрел раздался, и тур
Упал на холодные скалы,
А эхо кружит на ветру,
Спускается на перевалы...
Собратья по стаду бегут —
Кто сможет настичь их по следу?
...И словно бы алый лоскут
Ползет из-под тела по снегу.
Охотник доволен. Мертва
Вершина горы... А собаки
Заходятся от торжества
И вкуса живительной влаги...

Перевод Станислава Куняева

УХОДЯТ ГОРЦЫ...

Уходят горцы. Порознь, понемногу
Спускаются с родных нагорий в дол
И не седлают скакуна в дорогу,
С поклажей рядом не трусит осел.
Один найдет попутную машину,

Другой садится в шумный самолет...
Уходят горцы, сходят на равнину,
Идут туда, куда их путь ведет...
Уходят горцы, торопясь, не глядя.
Иной и не простится, зол и хмур,
С той саклею, где жили дед и прадед,
Где пели песни, где звучал пандур.
Где люльку их прабабушки качали,
Где — если в гости приезжал кунак, —
Его с таким радушием встречали,
Что тесен был родительский очаг.
Где пировали, заключая браки,
Где причитали, погребая прах...
Где даже стены сохранили знаки
Сражений, разыгравшихся в горах.
На годекан не взглянет, где степенно
Звучали речи бодрых стариков,
На кровлю сакли, где сушили сено
Из года в год в течение веков.
Где осень каждую бараньи туши,
Бывало, нацепляли на шесты...
Не вспомнит, как светло хранили души
Заветы мудрости и красоты.

Уходят горцы, сходят торопливо...
Но почему так спешен ваш отъезд?!
Неужто место на земле нашли вы,
Что нравится вам больше наших мест?!
Что им родник, который в сушь поил их
И услаждал их лепетаньем струй,
Что им сады, где, губ коснувшись милых,
Узнали, что такое поцелуй?!
Что? Трудно было?.. Знаю! Но дороже
И слаще хлеб, полученный с трудом!
Уходите?.. Что ж — уходите! Все же
Не потеряйтесь в шуме городском!

Перевод Юлии Нейман

ОТЦУ

В сердце тайную горечь храня,
За отцом наблюдая — ужели,
Как же так — на глазах у меня
Его кудри, как снег, поседели?

Но мужчине к лицу седина.
Ты, отец, для меня не стареешь.
Пусть сутулилась эта спина —
Знаю, что, когда надо, — сумеешь

Бремя лет, как мешок, сбросить с плеч,
Взять косу и на утренней рани
Поработать и мудрую речь
Скучно высказать на годекане.

Ты бревно за тяжелый конец
Приподымешь, чтоб легкий остался

Молодому, чтоб помнил юнец,
Что ему за напарник достался.

Ты на свадьбе пригубишь вина,
Спляшешь с первой красоткой аула,
Прикоснешься к пандуру — струна
Звон чудесный издаст из пандура.

Ты от жизни еще не устал.
Кость баранью на спор переломишь...
Нет, отец, ты не слаб и не стар.
Честь мужскую ни в чем не уронишь.

Перевод Станислава Куняева

РОЙ МЕДВЕДЕВ

АЛЕКСАНДР ЛУКАШЕНКО КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛИДЕР¹

Народный президент

Нет необходимости отдельно излагать историю становления нового белорусского государства и становления лидера этого государства, так как жизнь и деятельность А. Г. Лукашенко сливается с жизнью и развитием Беларуси. Хотя Александр Лукашенко стоит у власти уже 16 лет, доверие к нему продолжает оставаться очень высоким – гораздо более высоким, чем в большинстве других европейских государств к своим лидерам. По данным Белорусского Телеграфного агентства – БЕЛТА, в 2008 году уровень доверия населения страны к Президенту ни разу не опускался ниже отметки в 85% из числа опрошенных. В Беларуси высоким уровнем доверия (в отличие от России) пользуется также армия (81%), судебная система (71%) и парламент (70,4%). Белорусской милиции доверяют в республике 68,5% населения, а местным органам власти – 59%². Такой степени доверия населения страны к органам власти и к силовым структурам нет ни в одной из стран СНГ и ни в одной из стран Европы.

Сходные данные получают и официальные социологические службы и разного рода независимые группы, время от времени проводящие “замеры” общественного мнения в Республике Беларусь. Относительно разумная часть нынешней белорусской оппозиции знает приведённые выше цифры и не оспаривает их. Бывший депутат белорусского парламента политолог Ольга Абрамова признаёт: “Лукашенко оказался очень удачным руководителем для переходного периода”.

Александр Лукашенко опирается главным образом на народ, ибо правящая элита в Беларуси пока ещё не сложилась – ни в чиновном, ни в военном сословии, ни в новой белорусской интеллигенции, ни в предпринимательском классе. Переходный, или “транзитный”, период в становлении Беларуси как нового и независимого государства пока ещё не завершился. “Мне как Президенту, – говорил ещё несколько лет назад Александр Лукашенко, – иногда приходится принимать непопулярные решения. Знаю, что любить меня за это не будут. Но моя задача – побудить всех любить страну, в которой мы живём, и уважать власть, которая никогда не бросала народ в беде. Согласитесь, что

¹ Отрывки из книги известного историка Р. А. Медведева “Александр Лукашенко. Штрихи к политическому портрету”.

² “Народная газета”, 04.02.2009.

бы ни случилось – реакция власти всегда была мгновенной. Защищать людей – моя основная работа. Для этого меня нанял народ”¹.

Белоруссия изменилась за последние 16 лет очень сильно и во всех отношениях. Но очень существенно изменился в эти годы и её президент. Это совсем не тот “зелёный”, “молодой” политик, как он говорил, обращаясь к прошлому, сам о себе. В конце августа 2009 года ему исполнилось 55 лет, и мы могли видеть человека, полного сил и энергии. Александр Лукашенко очень многому научился за годы своего президентства. Он овладел огромным объёмом информации и новыми технологиями власти и управления. “Сила Лукашенко не только в том, что он обладает харизмой, – говорит известный в Беларуси писатель Н. И. Чергинец. – Человек знает дело. Он возмужал. Сейчас это уже матёрый политик, руководитель страны, перед которым пасуют руководители более мощных государств, нежели Беларусь, по численности и территории. Думаю, что наш народ не видит другого лидера”².

Александр Лукашенко человек очень активный, искренний, открытый и эмоциональный. Психологи назвали бы его экстравертом, тогда как Владимира Путина они считают типичным интровертом. Государственные лидеры могут быть людьми с очень разными особенностями личности, но при этом одинаково эффективными. В любом случае это должны быть сильные и работоспособные люди.

Каждая профессия требует от человека определённых качеств, без которых он не сможет достигнуть вершин в своём ремесле. У артиста свой набор таких качеств, учёному или писателю требуются другие качества. Для политического лидера, который ведёт свою страну через эпоху кризиса и смуты, нужна, прежде всего, решительность, сила и смелость. Этими качествами в полной мере наделён А. Г. Лукашенко. Уже участие в выборах на Съезд народных депутатов СССР в 1989 году свидетельствовало о смелости Лукашенко. Его смелости боялись многие и в Верховном Совете Республики Беларусь. Смелостью отличались и его президентская избирательная кампания, и его первые решения как Президента.

Когда А. Лукашенко во главе белорусской делегации отправился в Москву в Кремль, Борис Ельцин был удивлён именно смелостью и самостоятельностью нового белорусского лидера. Станислав Шушкевич не был в состоянии держаться по отношению к Ельцину как равный с равным. Между тем А. Лукашенко вошёл в залы Кремля уверенно и спокойно и не поддержал того отеческого тона, которым начал их первую беседу Б. Ельцин.

Почему-то Ельцин несколько раз повторил одну и ту же фразу: “Не вы власть взяли, её Кебич потерял. Власть берётся или теряется... Не вы взяли власть – её потерял Кебич”. Это было бы верно, если бы речь шла о самом Ельцине и о Горбачёве, который потерял власть раньше, чем Ельцин был готов её принять. Но в Беларуси всё было иначе. Было очевидно, что у Ельцина сохранился какой-то “беловежский синдром” – чувство личной вины за содеянное. Лукашенко это уловил. “Выбросьте вы, Борис Николаевич, из головы эти мысли о Беловежской пуще, – сказал белорусский лидер. – Кравчук и Шушкевич заставили вас подписать это соглашение. Это была их цена за помощь в борьбе с Горбачёвым, ведь они понимали, что два медведя в одной берлоге жить не могут”.

Вместе с Лукашенко были премьер Михаил Чигирь и глава Администрации Леонид Синицын, который позднее вспоминал: “Надо сказать, что Лукашенко очень достойно и серьёзно вёл эти переговоры, хотя никакого государственного опыта у него тогда быть не могло. Без патетики скажу, что я с гордостью смотрел, как наш Президент беседует спокойно и вполне непринуждённо”. Вспоминал и сам А. Лукашенко об этой встрече: “Он так меня внимательно и пристально рассматривал – молодого Президента. Я говорю: вы меня не рассматривайте так пристально! Я приехал в свою столицу! В свою Москву! Здесь у меня многое связано с Москвой, поэтому не надо смотреть на меня как на иностранца! Ельцин засмеялся и говорит: “Я согласен”³.

Именно на первой встрече был определён курс на союз Беларуси и России. “Не будет так, как с хохлами?” – спросил Ельцин. “Нет, это наша твёрдая позиция – союз с Россией”, – ответил Лукашенко.

¹ “Трибуна”, 27.08 – 02.08.2009.

² “Республика”, 04.02.2010.

³ “Огонёк”, № 43, 1996; Радиостанция “Эхо Москвы”, 23.05.1997.

С исключительной смелостью вёл себя Александр Григорьевич во время жестокой войны США и НАТО против Югославии весной и летом 1999 года. Не было никаких ни правовых, ни моральных оснований для жестоких многодневных бомбардировок Белграда и Сербии. Это понимали и сами американские лидеры, действуя по принципу “сильный всегда прав”. Именно в эти дни госсекретарь США Мадлен Олбрайт сделала своё известное заявление: “Мы вправе применить силу потому, что мы Америка. Мы сила, которую никому не позволено игнорировать”. Борис Ельцин, как известно, уклонился тогда от осуждения США и оказал давление на Югославию и на Слободана Милошевича. Но Александр Лукашенко вылетел в Белград и встретился с Милошевичем в его бомбоубежище. Он открыто осудил США и не боялся ни тогда, ни позже говорить о том, что Европа вела себя в этом конфликте “не солидно”, а Россия “предательски по отношению к братскому славянскому народу”. “Нам надо было тогда защищать Югославию. У нас с Россией для этого было всё. И не было бы сегодня проблем с Косово. Я очень хорошо был вовлечён в этот процесс, я знал военную составляющую, я знал ту ситуацию, которая была в военном отношении. России не стоило больших усилий тогда противостоять агрессии, которая осуществлялась против братского нам народа”¹.

Жёсткий стиль власти

Александр Лукашенко шёл к власти, опираясь на поддержку простых людей и обличая пороки чиновничества, которое после распада Советского Союза и крушения КПСС оставалось и в России и в Белоруссии почти единственным несущей конструкцией власти. Борис Ельцин заключил с этим чиновничеством негласный союз, и он потакал многим порокам чиновников, в том числе и в регионах. Назначая того или иного человека на пост министра, он мог при первой же встрече спросить: “А тебе не нужна дача?” Если он потом и снимал этого чиновника, то не отбирал ни дачу, ни роскошные московские апартаменты.

Александр Лукашенко принял совсем другой, очень жёсткий стиль управления, выстроив при этом эффективную вертикаль власти. Он ведёт самую суровую борьбу с коррупцией в аппарате власти, и чиновничество на всех уровнях побаивается критики и гнева Президента. Ротация среди чиновников и по вертикали и по горизонтали в Беларуси весьма частое явление. Такая система незаметных публиче, но несменяемых чиновников, какая существует в британской системе государственной власти, в Беларуси отсутствует, так как правящая элита здесь ещё не сложилась. Это проблема, которая вынуждает Александра Лукашенко отложить свой уход из власти – пока ещё у него нет ни преемника, ни альтернативы, и это в Беларуси понимают все – даже оппозиция. “О Лукашенко вы не беспокойтесь, – говорил он своим оппонентам в 1996 году. – Я пробуду на посту Президента 12 лет”. Но сегодня истекает 16-й год президентства А. Лукашенко. При этом мало кто сомневается в том, что на новых президентских выборах 2010 года кандидатура А. Лукашенко будет поддержана белорусским народом.

Управление в ручном режиме

Александра Лукашенко волнуют все сферы жизни Беларуси, и он руководит делами республики, как правило, в режиме ручного управления. Он очень часто выезжает в разные города и районы, посещает предприятия и стройки, агрогородки и деревни, воинские части. В условиях кризиса эти поездки стали ещё более частыми. Когда возникли трудности с экспортом белорусской продукции, А. Лукашенко обязал чиновников предоставлять ему еженедельно доклад о снижении складских запасов и реализации продукции ведущих предприятий страны.

Крупных предпринимателей из западных стран, из России и из стран СНГ, из Израиля, которые приезжают в Беларусь, интересуясь её инвестиционными возможностями, Александр Лукашенко чаще всего принимает и у себя в кабинете. Он очень предметно и долго беседует с делегациями от разного

¹ Информационный бюллетень Администрации Президента Республики. Беларусь. 2008, с. 29

рода бизнес-объединений. При посещении Сербии и Армении в конце 2008-го и в начале 2009 годов А. Лукашенко встречался с группами бизнесменов и специально просил их расширять свой бизнес также на территории Беларуси на очень выгодных условиях. После этих двух встреч в Беларуси появилось около десяти новых инвесторов, в том числе и по производству коньяков.

Президент даёт много поручений и правительству, и своей Администрации, и директорскому корпусу, но он также очень тщательно следит за тем, как исполняются эти поручения. В белорусских газетах каждые 8–10 дней можно встретить сообщения: “Президент Беларуси Александр Лукашенко совершил рабочую поездку в Гродненскую область”; “Президент Беларуси Александр Лукашенко совершает рабочую поездку по Гомельской области”; “Президент Беларуси Александр Лукашенко побывал на ОАО “Минский моторный завод”, “Президент Беларуси Александр Лукашенко посетил Светлогорское производственное объединение “Химволокно”. Ежегодно посещает А. Лукашенко и те районы Беларуси, которые особенно сильно пострадали от аварии на Чернобыльской АЭС.

“Надо было спасать деревню”

Совершенно очевидно отношение Александра Лукашенко к белорусской деревне. Он сам считает себя человеком, вышедшим из деревни, и к белорусскому селу относится с неизменной любовью и вниманием. В беседе с большой группой российских журналистов осенью 2009 года Александр Лукашенко специально и подробно говорил о своём личном отношении к проблемам села. “Да, мы сразу начали заниматься не просто сельским хозяйством – мы спасали село. Ну не бывает России и Беларуси без села. Там корни наши, там душа наша, мы ведь все оттуда. А для меня это особенно важно. Я родился в городе. Но всю свою сознательную жизнь прожил в деревне. Видал, что это за труд. И видал, как погибает деревня. А коль деревня погибает – нет основы. Всё вымывается. Это катастрофа для любого государства. Но вопрос был не в том, чтобы вспахать землю, хотя это важно. Надо было спасать деревню: строить инфраструктуру, дороги, делать газификацию. Надо было клубы нормальные модернизировать, надо школы строить. И тогда мы решили – надо строить агрогородки. А вокруг них огромные площади земельные. Благо, что колхозы не распустили, не развалили. И нам проще было создать огромные массивы – 10–12 тысяч гектаров под мощное производство молока, мяса, птицы и так далее, потому что там корма из земли. И мы увидели, что наши крестьяне воспряли. Появилась и новая техника, свои комбайны, свои трактора мощные... Один крестьянин на поле даёт работу семи человекам. Мы это всё изучили и подняли село”¹.

Своим вниманием к селу Александр Лукашенко заразил и многих крупных управленцев из других областей. Национальный банк Беларуси поднял разрушенное хозяйство бывших советских колхозов на 160 тысячах гектарах – эти земли сегодня собственность Национального банка.

В Советском Союзе деревня была пасынком власти. Даже в социальном отношении крестьяне считались людьми второго сорта. В современной России очень многое из этого позорного наследия сохранилось – это можно наглядно видеть по соседним с Беларусью областям – Смоленской, Брянской, Новгородской, Псковской. В Беларуси такое отношение к селу в основном преодолено. Разница между разрухой в российском селе и порядком и относительным благополучием в белорусском селе видна всем.

Отношение к России

Ни один из лидеров стран СНГ не относится так сердечно и тепло к России и к русскому народу, как Александр Лукашенко. “Белорусы и русские – это по существу один народ”, – эту фразу он повторял и продолжает повторять во многих своих выступлениях. В одном из интервью в 2009 году он говорил: “Я вырос как русский человек в обобщённом смысле слова. А русские в данном случае – это и белорусы, и русские, одинаково ориентированные в пространстве и по идейным соображениям. Поэтому для меня Россия никогда не была чужой.

¹ БЕЛТА-ру. Публикация в интернете от 10 октября 2009 года.

Да, я критикую конкретное головотяпство конкретных руководителей Российской Федерации. Но и они меня не жалеют. И вообще, это нормальный стиль наших отношений. Если бы это было с Польшей, Германией, я бы так не посмел, потому что это фактически чужие страны. А у нас – Союзное государство. У нас есть совместные органы – Высший госсовет, союзный Совмин, Парламентское собрание и прочее. Наверное, я слишком уж перебираю, когда иногда в открытую начинаю в адрес российских руководителей что-то говорить, но они этого заслуживают”¹.

Александр Лукашенко признаёт, что ему приходилось иногда разговаривать с Владимиром Путиным и “на повышенных тонах”. Но приходилось и отдыхать вместе – и на Чёрном море и на Балтике. “Как-то года три назад, – вспоминал А. Лукашенко, – это было на Балтике, и я спрашивал Путина: слушай, Владимир Владимирович, я не представляю, как ты управляешь этой страной? Балтика – край её и где-то там Владивосток. Я бы, говорю, с ума сошёл с моим характером! Потому что если я не знаю, как у меня в деревушке какой-то в основном складывается ситуация, какие там тенденции, мне неспокойно. Потому что у меня в каждом огороде должен быть порядок! А тут тысячи километров, 9 часовых поясов!.. Он так улыбнулся в ответ.

А потом я добавляю: а ты ещё говоришь, что России надо ещё прирасти шестью белорусскими областями. Неужели земли мало? Это почти дословный разговор, мы сидели за столом, по-человечески расслабившись, и рассуждали. Он – мне: ну, ты мыслишь категориями Белоруссии...”².

Конечно же, Александр Лукашенко мыслит категориями не одной лишь Беларуси, но и не одной лишь России. В самый разгар полемики между главами наших государств по проблемам цен на нефть и газ Александр Лукашенко сделал ряд резких критических замечаний и в адрес российских лидеров, и в адрес российских СМИ. Но он также сказал: “Нельзя забывать главное: единство белорусского и русского народов – это одновременно и историческая данность, и великая, веками создававшаяся ценность для миллионов наших соотечественников. И люди осознавали это ещё задолго до того, как узнали об экономических выгодах от использования и природного газа, и нефти и научились устанавливать квоты на импорт.

Текущие проблемы в белорусско-российских взаимоотношениях – это не более чем неприятный эпизод в великой истории двух братских народов. И вовсе не повод отрезаться друг от друга, вдребезги разбивая наши общие вековые ценности”³.

Не только старшие сыновья Александра Лукашенко, но и его младший сын – 6-летний Коля хорошо говорят и на русском и на белорусском языках. В семье Лукашенко – это не проблема, хотя сам он почти всегда в публичных выступлениях говорит на русском языке.

“Что такое русский язык? – заявлял А. Лукашенко в одном из своих выступлений перед представителями белорусских СМИ. – Я повторяю то, что говорил первому, второму и третьему президентам России. Когда они мне говорят: “Спасибо Вам за то, что Вы не создали проблему с русским языком, как в других (не буду называть) государствах”, я говорю: “Вы меня за что благодарите? За наш, за мой русский язык?” Я к этому подхожу, как к живому процессу и живейшему организму.

И поскольку это живой организм, он развивается. И этот язык, который называем русским, не “расейским”, как некоторые у нас называют его, русским языком, – там душа нашего народа почти последнее столетие, да и, наверное, больше. Мы в составе и Российской империи намыкались. Но этот язык был нашим языком. Мы в него немало вложили. Почему же мы так быстро пытаемся забыть то, что создано нами? Почему пытаемся выбросить? Ведь это же за плечами не носить, как народ говорит. Уж если переводить эту тему на обыденное простое восприятие”⁴.

Александр Лукашенко – это единственный из президентов стран СНГ, который регулярно встречался и с представителями российских СМИ и не только из Москвы. Один раз в год и, как правило, осенью Лукашенко приглашает

¹ Информационный бюллетень... № 9, 2009, с. 11–13.

² “Союзное государство”, июнь-июль 2009 года, с. 9.

³ Информационный бюллетень. № 10, 2007. С. 13.

⁴ “Беларусь сегодня”, 05.01.2010.

в Беларусь журналистов из всех регионов России. Маршруты их поездок меняются. В конце такой поездки, в которой участвует обычно не менее 70–80 человек, Президент Беларуси даёт для них большую – на 4–5 часов – пресс-конференцию, отвечая на все заданные ему вопросы. Осенью 2010 года в Минске прошла очередная пресс-конференция.

Но и Александр Лукашенко – частый гость в российских регионах. Ещё в 1996 году, после подписания первых договоров Беларуси и России о сотрудничестве и союзе, Борис Ельцин поддержал желание белорусского Президента при необходимости посещать российские регионы без каких-либо согласований с Москвой.

Первая такая поездка была в Ярославскую область, и Лукашенко часто о ней вспоминал. “Ярославль – это, наверное, первая губерния, в которой я побывал. Тогда было очень тяжело, мы у вас покупали двигатели для наших МАЗов. Тогда вы вообще остановили заводы, перестали нам поставлять двигатели, и мы оказались в очень тяжёлой ситуации. У нас тогда практически не было денег. Но мы собрали всё, что можно, по Беларуси и повезли в Ярославль, чтобы организовать у вас производство двигателей. Потому что иначе и у нас было бы закрыто это производство. Я очень хорошо помню эту поездку, помню людей, с которыми встречался. Прекрасные люди. У нас сейчас больше 100 миллионов долларов товарооборот с Ярославской областью, она где-то в первой десятке по товарообороту с Беларусью из всех регионов России”¹.

“Если бы не регионы, – говорил А. Лукашенко на пятой встрече с представителями СМИ регионов России, – то мы бы сегодня с Вами не встречались и о Союзном государстве не говорили. Когда мы не могли решить проблему “наверху”, вынужден был поехать в регионы России, чтобы напрямую устанавливать отношения, несмотря на сложности и трудности. И тогда практически все губернаторы побывали в Беларуси. С основными губерниями мы заключили соглашения”².

Побывал Александр Лукашенко и во всех соседних с Беларусью областях. Когда его просят помочь в уборке урожая и в Смоленской и в Черниговской области, он всегда говорит “да”. “Это не чужие нам люди. Поезжайте, убирайте”. Не только после уборки, даже в ходе самой уборки мы перебрасываем технику для того, чтобы помочь своим людям. И нет такого: “Слушай: ты мне это, а я тебе завтра то”. Нет. Сказали: “Ребята, надо спасать вот это. Есть нечего будет зимой”. И мы едем и делаем”.

Неудивительно, что Александр Лукашенко пользуется популярностью не только в Беларуси, но и в России. Согласно опросу о популярности зарубежных политиков в России, который проводился осенью 2009 года, первое место по рейтингам доверия занял Александр Лукашенко – 52%. Второе место – Нурсултан Назарбаев – 47%. Самые низкие рейтинги, как и следовало ожидать, были у Виктора Ющенко и Михаила Саакашвили.

Отстаивание суверенитета Беларуси

При всем внимании к России и её регионам, где живут “свои люди”, Александр Лукашенко всегда твёрдо отстаивает как принцип равенства в переговорах Беларуси с любым другим государством, так и её суверенитет. “Мы не можем стать частью любого другого государства, не только России, – не раз говорил А. Лукашенко. – Другое дело, что мы никогда не будем с Россией врагами, не будем противниками россиян. Попросту говоря, танки через Беларусь никогда свободно не пройдут. Мы всегда будем вместе с Россией отстаивать наши общие интересы. И Российской Федерации надо согласиться, что у неё на Западе есть единственная опора, дружеское государство, которое никогда не подводило и не подведёт. Но оно должно быть суверенным государством”³.

Исходя из этих принципов, А. Лукашенко очень заботится о том, чтобы и столица Беларуси Минск выглядела именно так, как должна выглядеть столица суверенного европейского государства.

¹ Информационный бюллетень... № 10, 2007, с. 21.

² “Лад”, приложение к “Литературной газете”, 31.10–06.11.2007.

³ Информационный бюллетень... № 5, 2008. С. 96.

В Минске нет дворца президента. Здесь не стали возводить какие-то новые крупные здания для органов власти. Как сам Президент, так и его Администрация работают в большом административном здании на улице Карла Маркса, 38, где располагался в прошлом ЦК КПБ. Окна главного кабинета этого здания, где А. Лукашенко принимает большинство своих гостей, выходят во внутренний двор. Загородная резиденция Президента располагается в посёлке Дрозды – там до 1994 года была резиденция премьер-министра В. Кебича.

Самым внушительным и красивым из новых сооружений в Минске является здание Национальной библиотеки Беларуси – это наиболее современное и удобное здание для Национальной библиотеки во всей Европе. Здесь есть очень большое книгохранилище и 20 залов для работы, которую можно вести на самом высоком техническом уровне с использованием всех современных информационных технологий. Здесь в последние годы проходят и разного рода международные встречи, в том числе и саммиты стран СНГ или глав государств ЕвроАзЭС.

В Минске была проведена реконструкция Национального академического Большого театра оперы и балета. Здание этого театра, как и здание Национальной библиотеки, стали символами белорусской столицы, лучшими на постсоветском пространстве. Пополнился Минск в последние несколько лет и другими суперсовременными комплексами – спортивными, культурными, зрелищными.

В Беларуси были реконструированы все музеи Отечественной войны, Художественный национальный музей, Русский театр имени Горького и Национальный театр Янки Купалы. Было завершено строительство Дворца Республики, которое было заброшено еще в конце 1970-х годов. Александр Лукашенко с большим удовольствием провёл экскурсию для тогдашнего мэра Москвы Юрия Лужкова по главным культурным центрам Минска. Особенно большое впечатление на гостя произвела Национальная библиотека. “Конечно, – рассказывал А. Лукашенко, – будучи историком по своему первому образованию, я хорошо знал, что такое культура, литература, искусство, как шло их развитие. Всё это я понимал. Но когда стал Президентом, я впервые материально пощупал, что же такое культура. Этой библиотеки не было. Это же с советских времён был проект, но боялись его реализовывать. Вы посмотрите на этот “алмаз”. Там же 120 тысяч тонн бетона в земле. На этом фундаменте держится вся эта махина. Боялись строить. Может быть, лет ещё пять спустя и я бы побоялся. Но по молодости махнул рукой: будем строить. Я стоял на берегу, а бульдозер первую траншею копал здесь, вот под этим зданием. То есть я, придя к руководству страной, понимал, что для культуры я должен что-то сделать”¹.

Об отношении к власти

Основным тезисом оппозиции в её критике Президента является заявление о том, что Лукашенко обладает слишком большой властью, что он стремится к её укреплению. Ещё в 1997 году один из недавних соратников А. Лукашенко Александр Федута писал в очерке “Мир как воля и представление”: “Что бы ни говорила и ни писала белорусская оппозиция, очевидно, что Александр Лукашенко является политиком № 1 в своей стране. Поскольку только у него хватало сил и воли, чтобы целеустремлённо бороться за власть, прийти к власти и удержаться у власти вопреки всему. И только Лукашенко оказался таким белорусским руководителем, который, используя особенности менталитета белорусского электората, сумел изменить политическую действительность в стране в соответствии со своими представлениями... Сам Лукашенко чрезвычайно работоспособен. Это было очень хорошо видно во время президентской избирательной кампании. Двух-трёхчасовое выступление в переполненных сельских и районных клубах, ровное отношение ко всем вопросам и каждому подошедшему. Через час – чтобы успеть приехать в новый населённый пункт – новое выступление. Ни один из соперников Лукашенко так себя не растрачивал. Избирательная кампания показала: для Александра Григорьевича – власть есть цель и одновременно смысл жизни. Ради её дости-

¹ Информационный бюллетень... № 10, 2007, с. 33.

жения и сохранения он готов на всё. Он превратился в сгусток воли и энергии. Эта энергия передавалась другим, заражала”¹.

Исключительность власти, которой обладают А. Лукашенко в Беларуси, так же как Нурсултан Назарбаев в Казахстане, а Владимир Путин – в России, доказать нетрудно. Однако в условиях, в которых оказались наши государства в последние 20 лет, такая власть не только оправдана, но и необходима, без неё новые государства ни создать, ни укрепить было нельзя. Альтернативой могло быть только то, что Владимир Путин недавно назвал “украинизацией”.

Упрёки в стремлении к власти, которые делаются в адрес политика, – это крайне странные упрёки и обвинения. Это примерно то же самое, как обвинять артиста в стремлении к успеху и аплодисментам публики. А для кого артист работает, как не для публики? Только через успех он может повлиять на души людей. Точно так же и политик через власть может изменить положение дел в стране и в обществе. С этой точки зрения авторитет и власть Александра Лукашенко, большой политический капитал, накопленный им как в Беларуси, так и в России – это одно из важных достижений белорусского народа, который выдвинул из своих рядов и активно поддержал столь необычного и способного политика.

Давление западных политических сил

Ни для кого в Беларуси не является секретом, что почти все оппозиционные группы и партии в Беларуси поддерживаются ведущими западными политическими центрами. И это не только моральная, но и немалая финансовая поддержка. Однако, не полагаясь на одну лишь оппозицию, западные политические круги оказывали также и извне немалое давление на Беларусь и на Лукашенко по всем линиям. Это было частью и того давления, которое Запад и прежде всего США оказывали на Россию. “Холодная война” кончилась поражением СССР, но Российская Федерация сохранилась, а после прихода к власти В. Путина даже укрепилась как государство. Россия выступала теперь на мировой и европейской арене не только как ядерная держава, но и как великая энергетическая держава, и это пугало как Западную Европу, так и США. После того, как сопротивление Югославии было сломлено, страны Восточной Европы одна за другой вступали в НАТО и готовились к вступлению в Европейский Союз. Было сломлено в результате “оранжевой революции” и сопротивление Украины – здесь к власти пришёл проамериканский режим В. Ющенко – Ю. Тимошенко. Общую картину для американских политических стратегов портила лишь Республика Беларусь, которая оставалась в Восточной Европе прочным и верным союзником России. Многие из американских стратегов и геополитиков хорошо знали и часто повторяли концепцию или формулу “сердца земли”, которая была известна также как формула Харольда Маккиндера. Эта формула звучала примерно так: “Тот, кто правит Восточной Европой, владеет Сердцем земли. Тот, кто правит Сердцем земли, владеет Мировым Островом или Евразией. Тот, кто правит мировым Островом, владеет миром”.

Наиболее грубые и ожесточённые атаки против А. Г. Лукашенко были предприняты с конца 2000-го и до весны 2006 года, то есть перед новыми президентскими выборами. В Беларуси предполагалось провести что-то подобное “оранжевой революции”, которая только что принесла Западу успех в Украине. Лукашенко находился у власти в Беларуси уже 12 лет, и любые перемещения в высших эшелонах власти в республике казались для Запада предпочтительнее, чем сохранение здесь у власти прежнего Президента. Печать не стеснялась в выражениях и рекомендациях. Политический обозреватель из американского журнала “Таймс” со славянской фамилией Питер Саводник (Peter Savodnik) демонстрировал особую злобность и печатал свои статьи сразу в нескольких журналах и газетах. “Белоруссия, – заявлял этот автор, – это сталинистский сюрреалистический режим, который держится только на страхе, голоде и культе личности. Лукашенко уже разрушил весь частный сектор в экономике, его народ прозябает в бедности и безденежье, ибо даже получение нищенских зарплат и пенсий зависит здесь от воли президента. Единственная возможность добиться демократии в Белоруссии – это

¹ Россия и Белоруссия. М. 1998, с. 266–268.

свержение Лукашенко. Для этого надо делать всё: помогать оппозиции финансами, мешать инвестициям в страну, делать всё возможное, разве что не вооружая повстанцев. Западная Европа полагает, что она может заталкивать демократию в глотку белорусам. Но если она хочет на самом деле помочь белорусской оппозиции сделать всё, что уже было сделано в Сербии, Грузии и на Украине, то Европейский Союз должен снять для начала лайковые перчатки”¹.

“Белорусское государство, – утверждал тот же автор в другом издании, – это не та машина, которую можно реформировать. Её нужно сломать”². То, чего не удалось сделать в 1941–1944 гг. Гитлеру, хотели бы сделать П. Савадник и его наниматели.

Несомненная и убедительная победа, которую А. Г. Лукашенко одержал на президентских выборах в марте 2006 года, экономические успехи Беларуси в 2006–2008 гг., финансовые трудности в США и в странах Европы, которые обозначились уже с осени 2007 года, изменения во внутренней политике в Беларуси и даже её конфликт с Россией в начале 2007 года по проблемам цен на природный газ, – все эти факторы привели с лета 2008 года к ослаблению давления западных политических сил на Беларусь и на А. Лукашенко.

Сигналы, которые шли на этот счёт со стороны Запада, были неоднозначны. Брюссель давал понять, что ЕС готов к некоторому смягчению своих прежних позиций при условии каких-то ответных шагов со стороны Минска. В это же время Джордж Буш поручил подготовить доклад для него и для Конгресса о собственности и банковских счетах Лукашенко. Этот доклад так и не был представлен ни президенту, ни Конгрессу. Тем не менее 8 июля 2008 года Джордж Буш в послании конгрессу США объявил о запрете белорусскому лидеру и ещё восьми высшим чиновникам пользоваться банковскими активами и собственностью, которыми они якобы обладались на американской территории. Ответ А. Лукашенко был вполне предсказуем – он направил телеграмму Джорджу Бушу и предложил ему взять все деньги со “счетов Лукашенко”, если эти счета будут обнаружены, на нужды семьи самого Джорджа Буша. Персонал посольства Беларуси в Вашингтоне был сокращён до двух человек. Соответственно МИД Беларуси предложил сократить и персонал посольства США в Минске. С резкой критикой как Беларуси, так и России выступила госсекретарь США Кондолиза Райс.

Однако в Европе этих действий уходящей администрации США не поддержали. Для Александра Лукашенко открылась возможность посетить Ватикан, Италию, а позже и соседнюю Литву. Значительно изменился и тон западных публикаций о Беларуси и её лидере. В целом эти публикации оставались явно недоброжелательными, но не столь грубыми и оскорбительными, как в 2005–2006 гг. “Последний диктатор Европы Александр Лукашенко неожиданно превратился в либерала, ищущего на Западе инвесторов для своей экономики, – писал в конце 2008 года в немецком журнале “Шпигель” обозреватель Уве Клузмманн. – Таким белорусы своего “батьку” ещё не знали. Авторитетный глава государства, по старинке отмечающий 7 ноября как день Октябрьской революции, вдруг заговорил, как настоящий оппозиционер. Он обличает чиновничий произвол, требует либерализации экономики и призывает сделать бывшую советскую республику привлекательной для инвесторов. Неужели Александр Лукашенко превратился в реформатора? Прогресс в стране действительно налицо, – продолжал автор. – Согласно индексам Всемирного банка, Беларусь вошла в первую десятку стран с наилучшими условиями для ведения бизнеса. По мнению экспертов Восточного комитета немецкой экономики, в стране наметилось улучшение инвестиционного климата. Государство, политический уклад в котором до недавних пор мало отличался от советского, увеличило за последнее время продажу акций госкомпаний иностранным инвесторам, пополнив казну в 2006 году на 30 млн долларов, а в 2007 – на 1,2 млрд. Неужели Белоруссии суждено стать ещё одним “государством-тигром”, встав в один ряд с азиатскими странами со стремительно растущими экономиками?”³

В 2009-м и в начале 2010 года давление Запада на Беларусь и лично на А. Г. Лукашенко сократилось до минимума – у стран Европы и у США обна-

¹ The Wall Street Journal, 11.02.2005.

² Slate, 13.02.2005.

³ Der Spiegel, 21.12.2003.

ружилось слишком много собственных проблем и трудностей, и это лишало всякого смысла продолжение прежнего политического давления на Беларусь и её лидера, к чему продолжали и продолжают призывать Запад наиболее радикальные из деятелей белорусской оппозиции. Этим людям можно понять. В то время, как МВФ увеличил свои кредиты для Беларуси, спонсорская помощь в адрес оппозиции явно сократилась.

Российские оппоненты Александра Лукашенко

Как я уже писал, у Александра Лукашенко в России много искренних сторонников. Белорусский Президент пользуется активной поддержкой общественных организаций, групп и партий, которые расположены в левой части российской политической сцены. Об этом можно судить по многочисленным публикациям в российской коммунистической печати. Наиболее активно выступают с поддержкой Александра Лукашенко представители российских националистических групп, мнение которых отражает, в частности, газета “Завтра” и её главный редактор Александр Проханов. Эти группы очень активны также и в интернете, но их влияние в реальной политической жизни в России невелико.

Непримиримо враждебно относятся к Александру Лукашенко самые разнообразнейшие правые группировки и течения в России. Крайне необъективные и прямо враждебные современной Белоруссии и её лидеру публикации можно найти в “Новой газете”, в “Независимой газете”, в “Московском комсомольце”, в журнале “Новое время” (The New Times – этот журнал демонстративно издаётся с названием на английском языке).

Российское телевидение, если судить по его главным каналам, в большинстве случаев просто игнорирует многие события, которые происходят с участием А. Лукашенко. Это является отражением взглядов и настроений значительной части российского чиновничества, которое относится к Александру Лукашенко с очевидным неодобрением, но предпочитает воздерживаться от публичных высказываний.

В российском чиновничестве и сегодня работает очень большое число людей, которые пришли во власть во времена Бориса Ельцина. В российской чиновничьей элите очень велико влияние сверхбогатых людей, которых более правильно называть олигархами, чем нормальными капиталистами или крупными капиталистами. Российский крупный капитал ещё не сложился как класс, для этого нужно время и смена двух-трёх поколений. Не сложилось как правящий слой и российское высшее чиновничество. В этом кругу людей с численностью в две-три тысячи человек протекают сложные процессы, рассмотрение которых не входит в задачу автора. Не менее сложные процессы происходят, несомненно, и в белорусской правящей элите, но это также моя тема, которая ещё даже не созрела для научного анализа.

В экспертных кругах Беларуси внимательно читают и изучают российскую прессу и особенно всё то, что пишется здесь о Беларуси. Хорошо знает о настроениях среди российского высшего чиновничества и сам А. Г. Лукашенко. Он называл это не раз “выражением имперского синдрома”. “Этот имперский синдром, – говорил А. Лукашенко в одном из своих выступлений, – не даёт жить некоторым российским чиновникам. Эти действия банальны, и мы часто заранее знаем, что эти люди будут говорить. Это уже надоело. Они не способны придумать что-либо новое. Они думают, что они такие большие, что их всегда будут в Беларуси о чём-то просить”¹.

Лично я не думаю, что у людей типа Алексея Кудрина, Германа Грефа, Анатолия Чубайса или Романа Абрамовича, Петра Авена и Михаила Фридмана есть какой-то “имперский синдром”. Их мотивы более примитивны. Однако не этим людям, как я надеюсь, принадлежит будущее России.

Что впереди?

Автор рассмотрел выше и попытался дать свой анализ и своё толкование событий, которые происходили в республике Беларусь со времени прихода во власть Александра Лукашенко. Но что ждёт Беларусь впереди? Каковы её перспективы хотя бы на ближайшие 10–15 лет?

¹ Информационный бюллетень... № 1, 2009, с. 65.

Некоторые из коммунистических и левых газет в России пишут о положении дел и развитии экономики Беларуси как о «белорусском чуде». Но это неточное или даже ошибочное определение. Республика развивалась в последние 15 лет не по тайваньскому или сингапурскому сценариям, когда из бедных и колониальных стран вырастают (благодаря собственному труду и обильным западным инвестициям) мощные современные экономики. Она не была колониальной страной, и сюда не шли в последние десятилетия западные капиталы. Беларусь по-хозяйски сохранила и развила всё то, что она получила в наследство от Советского Союза.

Она использовала советские достижения в области планирования и промышленного строительства, а также в области сельского хозяйства, образования и культуры. Но что и как она будет делать за пределами советского опыта, который являлся хорошей основой, но не может быть образцом для жизни и деятельности в условиях XXI века?

Беларусь суверенное, но не самодостаточное государство. Она зависит в критически важных отраслях и от экспорта, и от импорта. Положение дел в Беларуси зависит от положения дел в России и в Европе. Однако очень многое зависит от инициативы и от труда самого белорусского народа и от его лидеров.

Во время продолжительной беседы с Президентом Республики Беларусь 16 ноября 2009 года я задал А. Г. Лукашенко несколько вопросов о стратегии развития на ближайшие 10–15 лет. В Российской Федерации такого стратегического плана долгое время вообще не было, и первые наброски долгосрочной стратегии для России были озвучены В. В. Путиным только в феврале 2008 года. Ответ А. Г. Лукашенко я привожу полностью: «Я думаю, — заметил Президент, — что ни одно государство не может обойтись без выработки ясной стратегии своего развития. Ещё в 1994 году, выдвигая свою кандидатуру на пост Президента, я шёл к людям не как политик-говорун, а как политик, предложивший в эпоху хаоса и брожения реалистичный план по обустройству страны. Приоритеты белорусского пути были обозначены уже давно — это построение государства для народа, социальная справедливость, порядок, сильная вертикаль власти. Это выгодно отличает нас от той же России, где, как Вы правильно заметили, концепция стратегического развития появилась только в начале 2008 года. Сегодня мы можем с уверенностью сказать, что наша стратегия принесла свои плоды. Правильность сделанного тогда выбора была подтверждена народом. Долгосрочный стратегический план развития Беларуси известен — это построение сильного, независимого социально ориентированного государства для народа. Вы спросите: а какие же объективные параметры должно иметь такое государство — размер зарплат, пенсий, уровень цен, налогов, рост ВВП, темпы инфляции и т. д. Без детальных планов обойтись нельзя.

В стране утверждаются и реализовываются Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006–2010 гг., Комплексный прогноз научно-технического прогресса на 2001–2020 гг., Программа структурной перестройки и повышения конкурентоспособности экономики Республики Беларусь, Концепция национальной безопасности Республики Беларусь и другие целевые и отраслевые программы. Гордостью Беларуси стала Государственная программа возрождения и развития села, призванная спасти деревню, вывести агропромышленный комплекс на новый уровень и сделать сельскую жизнь более привлекательной. Очень важно, что, принимая эти программы, строя какие-то долгосрочные планы, мы обязательно прислушиваемся к мнению белорусского народа. Так, уже стало традицией проведение Всебелорусских народных собраний, на которых и утверждается Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на последующие пять лет.

В 2004 году принята «Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 года» (НСУР-2020), пришедшая на смену первому такому документу, одобренному ещё в 1997 году.

Вместе с тем любая модель должна быть адаптируемой к изменяющимся условиям. Какие бы планы мы ни строили, всегда нужно быть готовыми их подкорректировать. Однако изменения не должны означать тотального отрицания всего, что уже было сделано. В этом и заключается главное преимуще-

ство стратегии: правильная постановка задачи, предсказуемый результат, концентрация сил и ресурсов, идеологическое и кадровое обеспечение для его достижения. Всё это позволяет нам умело приспосабливаться к вызовам сегодняшнего дня, чётко разделяя кратковременные – тактические задачи и долгосрочные – стратегические.

Хорошей иллюстрацией моих слов может послужить взятый нами курс на либерализацию. К сожалению, многие и сегодня понимают её как безудержное господство рынка, растаскивание госсобственности, борьбу олигархических кланов, резкое социальное расслоение. Ничего общего такие явления с выбранным нами курсом не имеют и иметь не могут. Либерализация неотделима от порядка, от социальной защищённости граждан, от мира и стабильности в стране.

Даже в условиях мирового кризиса государство должно выполнять принятые на себя социальные обязательства и гарантии, поддерживать уровень и качество жизни людей. Ключевой задачей для вас были, есть и будут защита простого человека, социальная справедливость, стабильность и порядок на белорусской земле¹.

Много внимания уделяется в Беларуси подготовке национальной управленческой элиты. В беседе с Президентом Беларуси, о которой я писал выше, я задал А. Г. Лукашенко вопрос о проблемах, связанных с подготовкой управленческой элиты, сославшись при этом на тот опыт подготовки высококвалифицированных специалистов для государственного управления, с которым меня познакомили в Казахстане и в Узбекистане. В России такая работа, к сожалению, только начинается. Я получил обстоятельный ответ, который привожу ниже: “Созданная в Беларуси система подготовки управленцев кардинально отличается от существующих в Казахстане и Узбекистане. К примеру, Казахстанский институт менеджмента, экономики и стратегических исследований полностью англоязычный. Основная часть студентов – дети элиты, а обучение там стоит около 8 тыс. долларов в год. Помимо этого, Казахстан ежегодно отправляет учиться на Запад 3000 студентов. Мы же сделали ставку на национальное образование, на отбор и обучение талантливой молодёжи, готовой работать в интересах своего народа.

В СССР существовали эффективные механизмы подготовки и переподготовки партийной и государственной элиты – высшие партийные школы. Такая школа существовала и в БССР. После распада Советского Союза мы её не закрыли. В 1991 году она была преобразована в Академию управления при Совете Министров, а в 1995 году это учебное заведение получило название Академия управления при Президенте Республики Беларусь.

Для функционирования системы непрерывного образования сформировано необходимое правовое поле, определены подходы к работе с резервом кадров.

Завершается формирование всех элементов системы подготовки управленческой элиты. Первичным звеном этой системы является подготовка студентов по специальностям управления, которая осуществляется в 20 государственных и 5 частных вузах.

Одним из приоритетных направлений деятельности всех органов государственного управления и высших учебных заведений в настоящее время является обучение резерва руководящих кадров всех уровней.

Сформирована национальная система выявления и продвижения по деловой карьере талантливых и высокопрофессиональных граждан страны, включающая предоставление президентских грантов для талантливой молодёжи, деятельность бизнес-инкубаторов и технопарков.

Мы утвердили Комплекс мер по использованию компьютерного банка данных одарённой молодёжи и электронного банка данных талантливой молодёжи в работе по подбору и расстановке кадров в государственных органах и иных организациях.

Администрацией Президента Республики Беларусь сформирована специальная группа резерва “Перспектива”, в которую входят 250 молодых управленцев. Планируется организовать их интенсивное обучение теории и практике государственного управления, а также стажировки (в том числе за границей)².

¹ Из архива автора.

² Из архива автора.

Мировой экономический кризис привёл к сокращению мировой торговли и к существенным изменениям в мировом разделении труда. Усиливается конкуренция между национальными экономиками. Повышаются требования и ко всем элементам государственного управления, к системам образования, здравоохранения и культуры. Возрастает роль отраслевых наук и науки в целом. Бюрократизм, косность, низкая производительность труда, неспособность к инновациям, невнимание к талантливой молодёжи, но также и к опыту старших поколений — всё это ведёт к неудачам в конкурентной борьбе. Возрастает в мире и ценность интеграционных связей. У Республики Беларусь хорошие позиции и хорошие перспективы в этом соревновании.

ЮРИЙ ГОДИН

доктор экономических наук, профессор

СОЮЗНОЕ ГОСУДАРСТВО — СКАЗКА ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Не в силе Бог, а в правде!

Александр Невский

Мировой опыт интеграционных процессов свидетельствует, что они успешно развиваются при условии, когда в рамках интеграционного объединения обеспечивается баланс национально-государственных интересов всех участников интеграции. Жизнеспособность продекларированной межгосударственной интеграции России и Белоруссии, следовательно, определяется балансом их страновых интересов. В действительности этот баланс за последние 15 лет так и не был достигнут ни в рамках Сообщества Беларуси и России, ни в Союзе Беларуси и России, ни при строительстве Союзного государства. Сейчас мы все наблюдаем, что проект создания Союзного государства превратился для правящих кругов двух стран в тот “чемодан без ручки”, который тяжело и некомфортно нести, а бросить не позволяет общественное мнение наших родственных народов. Ведь у нас, у русских и белорусов, еще не угасла надежда на единение.

Чтобы сказка стала былью

В мировой практике различают механическую (насильственную) и органическую (свободную) формы интеграции национальных экономик и объединения государств. Первая предполагает использование средств принуждения, подчинения, экономического и силового давления, обмана и шантажа более слабого партнера, дискредитацию его высших руководителей, подкуп элит-

ГОДИН Юрий Федорович — экономист-международник, в 1973—2010 гг. работал в высших структурах государственной власти. В 1997—2001 гг. “делал” аналитику для президентов Б. Н. Ельцина и А. Г. Лукашенко перед заключением Договора о создании Союзного государства, в 2002 г. защитил вторую докторскую диссертацию по теме “Усиление интеграционного взаимодействия России и Белоруссии в условиях становления Союзного государства”. Автор более 200 научных трудов, включая монографии по проблемам международной экономической безопасности и внешнеэкономической безопасности России.

ных групп, политическую и финансовую поддержку оппозиционных сил, репрессии, запреты, например, в торговом обмене, стремление к ассимиляции меньшего партнера, идеологическую и психологическую обработку населения. Таково отношение к партнёрам империй, тоталитарных режимов и современных псевдодемократий.

Сегодня по мере интернационализации всех сфер общественной жизни, именуемой ныне глобализацией, возможность механической интеграции государств резко снижается. Поэтому на первый план вышла органическая интеграция. Она представляет собой добровольное и взаимовыгодное объединение дифференцированных частей (субъектов) в целостность и включение новых дополнительных членов в уже существующую общность.

В отличие от механического объединения органическая интеграция обладает стимулирующим, синергическим эффектом, позволяющим целому быть больше простой суммы частей. Это значит, что интеграция по такому варианту действительно позволяет получить материальные, интеллектуальные и иные средства, каких ни один из участников не имел бы, действуя он автономно. По крайней мере, положительный эффект от подобного взаимодействия государств в экономической сфере обосновывается теоретически учеными Российской Академии наук при интеграции России с Белоруссией, а также с другими странами СНГ, а на практике самым ярким доказательством такого утверждения следует считать пример функционирования Европейского Союза.

Основные принципы органической интеграции:

- добровольность и постепенность объединения и вхождения в сообщество (союз, союзное государство) каждого из самостоятельных субъектов;
- взаимовыгодность соединения национальных хозяйств как основной мотив интеграции;
- сохранение субъективности (суверенности) каждого из членов новой целостности;
- субсидарность, то есть принятие ответственности за свое положение членами объединения, а вместе с тем подконтрольность сообществу и его помощь, но не в виде благотворительности, а исходя из принципа: “помощь для самопомощи”.

С нашей точки зрения, Россия и Белоруссия выделяются среди постсоветских стран, имея главную предпосылку для развертывания успешной интеграции и объединения в Союзное государство по конфедеративному принципу (по примеру стран, формирующих Европейский Союз): их стартовые условия для интеграции и объединения, по оценке специалистов Российской Академии наук, считаются наилучшими в СНГ. К сожалению, несовпадение интересов правящих кругов России, отражающих и защищающих прежде всего интересы олигархического меньшинства, с одной стороны, и высшего руководства Белоруссии, стоящего на страже интересов большинства белорусского народа, с другой, фактически блокирует продекларированную 15 лет назад российско-белорусскую интеграцию. Причем несовпадение интересов происходит как в рамках границ каждой страны-союзницы, так и в окружающем их мире.

На основе анализа межстрановых противоречий предлагаем читателю рассмотреть основные причины искусственного торможения российско-белорусской интеграции.

Влияние российских групп интересов на союз с Белоруссией

Следует отметить, что после развала СССР интересы Москвы в отношении независимой Республики Беларусь сильно эволюционировали. На начальном этапе (с декабря 1991 года до прихода к власти в Минске в 1994 году Александра Лукашенко) Кремль был поглощен внутренними проблемами. Для радикально-реформаторских политиков во главе с Е. Т. Гайдаром, задававших тогда тон в России, Белоруссия особого интереса не представляла. Вопреки заявлениям об укреплении дружбы с белорусским народом Москва на деле стремилась дистанцироваться от Минска, отдавая предпочтение прозападной политике.

В 1994–1999 годах (до отставки Бориса Ельцина) интерес к сотрудничеству с Белоруссией заметно вырос. Александр Лукашенко стал главой государства под лозунгом единения с Россией и недвусмысленно развернул свою

страну на Восток. Эта радикальная переориентация внешней политики объяснялась среди прочего резким ухудшением состояния белорусской экономики, сильно пострадавшей от разрыва кооперационных связей с Россией. Референдум 14 мая 1995 года зафиксировал волю белорусского народа к всестороннему сближению с Российской Федерацией. В ответ усилились интеграционные настроения и в самой РФ. В 1997 году в Москве за объединение высказалось 92% респондентов, а в Белоруссии – более 80%. Начавшееся сближение было закреплено рядом договоров: о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве, о создании Сообщества двух государств, о Союзе Беларуси и России и, наконец, о создании Союзного государства.

Но одновременно возникли значительные трудности. Радикальные реформаторы, возражавшие против создания Союзного государства, обладали сильными позициями в исполнительной власти, в то время как левые и левоцентристские силы, поддержавшие российско-белорусскую интеграцию, пытались оказывать давление на Ельцина и его администрацию через парламентское большинство. Ельцин все время лавировал и сдерживал радикальные инициативы Лукашенко.

Самым ярким и, на наш взгляд, самым драматичным проявлением системного кризиса, его кульминационным моментом во взаимоотношениях руководства двух стран мы – специалисты Исполкома Союза Беларуси и России – наблюдали в течение 1999 года, когда “утрясались” узловые моменты Договора о создании Союзного государства. Тогда официальный Минск посчитал предложенный российской стороной проект практически ничем не отличающимся от действовавшего Договора о Союзе Беларуси и России. Белорусский лидер не раз отмечал, что российский вариант проекта по своей сути и содержанию не соответствует своему названию, и даже в сердцах обозвал его “посмешищем”.

Александр Лукашенко выдвигал более радикальный вариант, который предполагал введение поста единого президента и парламента на основе всеобщих выборов, формирование общего союзного правительства, то есть формирование полноценной государственно-политической надстройки Союзного государства с едиными органами власти. Кроме того, по мнению белорусского президента, такое государство должно иметь единую валюту, бюджет, армию и другие атрибуты верховной власти. В конце концов, в символический день – 8 декабря 1999 г. – долгожданный Договор был все-таки подписан в Кремле двумя президентами стран-союзниц.

Заключение Договора о создании Союзного государства, несомненно, создало предпосылки для преодоления системного кризиса в двухсторонних отношениях. Однако, как показали дальнейшие события, этого не произошло, и подписанный Договор превратился в иллюзию. Поведение Москвы и Минска, их воззрения на модель двусторонней интеграции, после ухода с политической сцены одряхлевшего Б. Н. Ельцина и прихода ему на смену молодого В. В. Путина, кардинально изменились. Если во времена правления Бориса Николаевича двустороннюю интеграционную идею все время инициировал Александр Григорьевич, то с приходом к власти прагматичного Владимира Владимировича владение “мячом интеграционного процесса” не сразу, но постепенно перешло к Кремлю. Это стало ясно после того, как Москва предложила Минску три известных сценария межгосударственного объединения на основе принципа “отделения мух от котлет” и получила в свой адрес адекватный “любезный” ответ. После этого интеграционное взаимодействие фактически зашло в тупик и до сих пор переживает затянувшуюся фазу системного кризиса. “Процесс строительства Союзного государства на сегодняшний день застопорился”, – заявлял не раз Лукашенко в последнее время. Белорусский лидер как Председатель Высшего Государственного Совета Союзного государства также не раз констатировал, что нынешний этап в союзном строительстве следует назвать “замороженным этапом”.

Если вспомнить о формах интеграционного объединения, о которых речь шла выше, то мы можем сделать вывод, что Кремль при новом лидере сменил интеграционный вектор, категорически отверг органическую форму интеграции и предложил Минску без всяких возражений принять механическую (насилованную) форму объединения. При этом в Москве позабыли о национально-государственных интересах союзника и эгоистически исходили прежде всего из критических обстоятельств зависимости Минска от двустороннего

сотрудничества, особенно в топливно-энергетической сфере. Ведь Белоруссия импортирует 85% энергоносителей и практически весь объем природного газа из России, что по стоимости превышает 28% ВВП республики.

Таким образом, Россия поставила Белоруссию перед альтернативой: либо полное объединение, либо ничего. Путин фактически предложил Минску закончить играть в союз и объединиться в единое государство, то есть Белоруссия должна влиться в состав России с потерей национального суверенитета. Лукашенко же настаивает на равных правах для своей страны в рамках Союзного государства. Этот вариант, в свою очередь, не устраивает Кремль из опасения превратиться из федерации в конфедерацию с непредсказуемыми политическими последствиями для судьбы России. Кроме того, против создания Союзного государства с равными правами для Белоруссии выступают российские этнонациональные территориальные образования. Их лидеры, помнится, еще на стадии обсуждения Договора о создании Союзного государства заявляли: “Мол, что нам делать в славянском Союзном государстве?”

Иными словами, Россия приняла окончательное решение в отношении Белоруссии: либо объединение в одно государство на условиях Москвы, либо новые отношения с Белоруссией – не как с союзником, а как с любым другим иностранным государством, без особых привилегий и преференций. Были отменены “специальные условия” в торговле с Минском, в отношении которого Москва заняла сугубо рыночную позицию: “Утром деньги – вечером стулья”. Хотя в принципе Россия не очень-то и нуждается в тех дополнительных рублях, которые платят белорусы за поставки российских энергоносителей по новым ценам. По мнению белорусской стороны, в новом подходе Москвы к отношениям с их республикой преобладает чисто политический мотив.

Судя по всему, белорусское руководство не рассчитывало на такой стремительный пересмотр отношений. Как объяснил А. Г. Лукашенко, “текущие проблемы в белорусско-российских взаимоотношениях – это не более чем неприятный эпизод в великой истории двух братских народов”. Конечно, хотелось бы согласиться с подобным заявлением белорусского лидера. Однако обстоятельства, когда на карту поставлена судьба российско-белорусского союза, заставляют нас анализировать данную проблему далеко неоднозначно, не столь оптимистичным образом и сделать другой вывод.

Следует признать, что интеграционное взаимодействие России и Белоруссии определяется двумя президентами. Если до выборной кампании в пятую Государственную Думу РФ В. В. Путин был президентом всех россиян – на партийном лидером страны, то во время данной кампании (3 ноября – 2 декабря 2007 года) он стал фактически лидером политической партии власти – “Единой России”. Следовательно, его деятельность на посту президента Российской Федерации необходимо рассматривать с классовых позиций и научно анализировать, в том числе по проведению внешней политики в отношении Белоруссии, только с позиции “Realpolitik”, реальной политики.

Являясь представителем и защитником, как показал финансовый кризис, интересов крупного российского капитала, Путин в течение восьми лет президентства продолжал проводить либерально-монетаристскую политику, доставшуюся по наследству. Отдавая приоритет в своих симпатиях западноевропейским ценностям и слывя германофилом, российский президент пользовался сначала немалой политической поддержкой со стороны руководителей стран Запада, рассчитывавших на закрепление России в качестве сырьевого и топливно-энергетического придатка Евросоюза и финансового стабилизатора экономики США за счет складирования за океаном Стабилизационного фонда и валютных резервов нашей страны. Правлению Путина и сменившего его Медведева благоприятствовали и сейчас благоприятствуют, главным образом, высокие мировые цены на нефть и природный газ, от которых, как всем известно, по-прежнему мало проку народу России. Поэтому многие пришли к выводу, что социально-экономическая система, существующая в России, несмотря на громадные природные богатства, не способна использовать эти Богом данные преимущества, на благо большинства народа и в интересах укрепления системы национальной безопасности. Наоборот, белорусская экономическая модель убедительно продемонстрировала свои неоспоримые преимущества перед российской либерально-монетаристской рыночной системой при отсутствии в стране сколь-нибудь значимых природных

ресурсов. В результате для многих идеологов российского капитализма Белоруссия стала бельмом на глазу. По-видимому, чтобы избежать сравнения неэффективности существующей в России социально-экономической системы с белорусской, часть российских правящих кругов в жесткой форме продемонстрировала стремление “удушить” Белоруссию, угодив заодно своим западным партнерам.

“Смена караула” в Кремле 8 мая 2008 года и приход Д. А. Медведева на президентский пост в России внушали некоторые надежды на позитивные перемены в союзном строительстве. К сожалению, этого не произошло, и преемник Путина продолжил прежний внутренний и внешнеэкономический курс, в том числе в отношении Белоруссии. Против Лукашенко образовался фактически кремлевский “тандем”.

Следует заметить, что доверительных отношений не наблюдается также и между российским крупным бизнесом и руководством Белоруссии по ведению предпринимательской деятельности на территории республики. Белорусская экономическая модель никак не стыкуется, например, с предложениями российских олигархов по приватизации крупной госсобственности республики по чубайсовскому варианту, то есть за бесценно. Например, за приватизацию Минского автомобильного завода (известного МАЗа) автохолдинг “Русавтопром”, принадлежащий бизнес-группе “Базовый элемент”, предложил всего 50 миллионов долларов. Если учесть, что в Белоруссии таких предприятий-гигантов насчитывается порядка 30, то, следовательно, весь белорусский “сборочный цех” оценивается упомянутыми олигархами в сумме 1,5 млрд долл., то есть это составляет продажную цену самой мелкой нефтяной компании России.

Российские противники в лице правых и правоцентристских сил (“Единая Россия” и ЛДПР), а также олигархических структур вместе с подвластными им СМИ в отношении нынешнего официального Минска выступают на словах “за союз с Белоруссией, но без Лукашенко”. Однако дело заключается не в самой фигуре белорусского лидера. Попробуем ответить на вопрос, кого и за что “мочат” в рамках строительства Союзного государства.

Почему Кремль “мочит” союзника

19 декабря 2010 года – день выборов президента Республики Беларусь. Уже за несколько месяцев до выборов Кремль фактически выступил против избрания А. Г. Лукашенко на высший пост в республике.

Особо выделим и подчеркнем, что искреннюю поддержку сегодняшней Белоруссии оказывают главным образом те россияне и те политические партии, которые не разделяют точку зрения Кремля и “Единой России” в отношении нашего союзника в Минске. Действия российского руководства и, соответственно, ответные демарши официального Минска, которые мы наблюдаем последние 15 лет, исходят из одного-единственного обстоятельства: высшее руководство двух стран как не имело, так и сегодня не имеет элементарного доверия друг к другу. На это, в частности, откровенно сетует Лукашенко, что “руководство России просто не готово к нормальным, равноправным союзническим отношениям”. Хотя, как представляется многим специалистам по российско-белорусскому союзу, союзнические доверительные отношения должны быть выстроены в кратчайшие сроки, если мы не хотим дальнейшего осложнения жизни России в современном глобализирующемся мире.

Казалось бы, в нынешних условиях Белоруссия для России остается единственным доверенным партнером и самым надежным союзником. Так считает, по крайней мере, почти половина россиян, согласно известному опросу ВЦИОМ, но далеко не все представители российской власти. Политическое руководство Российской Федерации вынуждено принимать во внимание нескрываемые симпатии многих россиян к Лукашенко (это показал, например, известный и шумевший опрос общественного мнения, проведенный в 2006 году на радиостанции “Эхо Москвы”, когда 85% опрошенных россиян хотели бы видеть белорусского лидера в качестве будущего главы Союзного государства) за его крепость духа и политическую волю в отстаивании национально-государственных интересов своей маленькой республики в противостоянии Западу и защите славянства.

Подрывая союз с Белоруссией, официальная Москва способствует разрушению постсоветского пространства и ослабляет нашу восточнославянскую

цивилизацию. Следует согласиться с мнением известного немецкого политолога Александра Рара, который считает, что невосприятие белорусского лидера со стороны Кремля заключается в том, что “у Лукашенко очень глубокие корни в славянской психологии, которую он хорошо понимает”. Он ее понимает, по заключению политолога, “даже лучше, чем лидеры соседних славянских государств России и Украины” (см.: Рар А. Москва поставила на одну карту. “Трибуна”, 2 марта 2007).

Таким образом, если принять во внимание подрывной курс правящих кругов Украины по отношению к духовным славянским ценностям (Янукович пока не проявил себя защитником славянства. — Ю. Г.) и пренебрежение этими ценностями со стороны правящей российской “элиты”, то выходит на поверку, что главным знаменосцем этой цивилизации стала Белоруссия, а ее истинным защитником — Александр Лукашенко. При таком политическом раскладе, по-видимому, можно ставить “крест” на создании Союзного государства, пока в Белоруссии у власти находится неугодный Кремлю лидер, а в России у руля стоит политическая партия “Единая Россия”. Поясним, в чем же дело.

Сегодня Лукашенко “мочат в сортире” так, как не “мочили” даже чеченских бандитов. Его обвиняют в предательстве и отступлении от союзнических обязательств.

Например, высказанное белорусским лидером обещание на одном из заседаний ОДКБ признать независимость Южной Осетии и Абхазии Кремль превратил в публичную порку на международном уровне, когда А. Г. Лукашенко попросил Москву “подставить плечо”, так как после его заявления незамедлительно в Минск прибыл эмиссар из Евросоюза и пообещал обрезать Белоруссии ее внешнюю торговлю с Западом и кредиты от западных банков.

Как известно, во время недавнего финансового и экономического кризиса Россия не откликнулась на просьбу Минска предоставить кредиты хотя бы даже на жестких условиях — 7–8% годовых. Белоруссия вышла из трудного положения, получив кредиты от МВФ под 2,5–3%, а также от Китая — фактически беспроцентный многомиллиардный кредит.

Поскольку Москва отказалась помочь Белоруссии, то надо быть руководителем-смертником, чтобы и в этих обстоятельствах признать Абхазию и Южную Осетию, как требует Москва. По признанию Лукашенко, “в сухом остатке после признания Республикой Беларусь этих двух территорий наша страна... осталась бы “без штанов”. Другими словами, экономику Белоруссии постиг бы коллапс, а ее президента — незамедлительное смещение.

Следует заметить, что когда кивают на пример Венесуэлы, которая обещала и признала независимость Южной Осетии и Абхазии, то надо иметь в виду, что Каракас обладает высоколиквидным товаром на мировом рынке — высококачественной нефтью, которую в основном покупают США, несмотря на антиамериканскую позицию и риторику Уго Чавеса.

Что касается известной и шумевшей краткой встречи А. Г. Лукашенко с Саакашвили, то, по имеющимся сведениям, разговор касался поставок нефти в Белоруссию из трубопровода Баку — Тбилиси — Джейхан, чтобы загрузить мощности Мозырского и Новополоцкого НПЗ. В условиях обструкции, создаваемой Москвой вокруг персоны белорусского президента, последний не должен отчитываться за свои действия перед Кремлем, а действовать в интересах обеспечения экономической безопасности своей страны и избравшего его народа.

Что бы сейчас ни говорили в Москве или в Брюсселе о неприятии фигуры и образа Лукашенко, его “сдача” означала бы окончательный крах объединительной идеи двух родственных народов и торжество белорусской оппозиции, которая в случае своей победы развернет, без всякого сомнения, страну на 180 градусов, прочь от России.

Антилукашенковская кампания, поддерживаемая российской властью, противоестественна с точки зрения обеспечения национальной безопасности России. Следовательно, немногочисленные, но влиятельные политические силы в РФ своими действиями против избранного белорусским народом главы республики фактически закрывают нам белорусское “окно в Европу”, подрывают систему национальной безопасности.

Недоросли в политике и экономике

По моему глубокому убеждению, все, что происходит в новой России после развала СССР в 1991 году, непосредственно связано с приходом новой генерации управленцев, прежде всего, на высшие должности в стране, а также их советников и помощников, которые по прошествии почти 20 лет так и не постигли, как говаривала небезызвестная Маргарет Тэтчер, “искусство управления государством” (см.: Тэтчер М. Искусство управления государством. М., Альпина паблишер, 2003). Другими словами, в современной России как никогда актуален известный лозунг: “Кадры решают все!” Такое утверждение мне позволяет сделать мой трудовой и практический опыт в высших структурах власти советского и постсоветского периодов; еще будучи студентом университета, был приглашен в 1973 году на стажировку, а затем и на работу в сектор приемов-проводов иностранных партийных делегаций на высшем уровне Управления делами ЦК КПСС, затем по линии Международного отдела ЦК КПСС работал редактором в журнале “Проблемы мира и социализма” в г. Прага, преподавал в Институте общественных наук, затем вплоть до 1993 года – заведующим информационно-аналитическим отделом у М. С. Горбачева. В постсоветской России занимался аналитической работой для администрации президента РФ, МИД РФ и руководства Государственной Думы.

В советский период основными принципами подбора и расстановки кадров были преемственность, наличие практического опыта без перескакивания ступенек должностного роста, широкий круг знаний и компетентности и, конечно, отсутствие всякого кумовства при назначении на более высокую должность. В аппарате ЦК КПСС работала молодежь – почти все кандидаты наук по отраслям, а наши старшие коллеги-начальники были почти все докторами наук (надо заметить: “не дутыми”). Высокая квалификация и исключительная ответственность за порученное дело способствовали подготовке работниками аппарата документов на таком уровне, который находил почти всегда одобрение у членов ЦК и Политбюро ЦК КПСС. Мои друзья из союзного Совмина также подтверждают высокую квалификацию кадров и там, особенно во времена А. Н. Косыгина.

Практика назначения кадров на высшие должности в новой России кардинально изменилась: во главе страны появились завлабы, завклубы, старшие преподаватели, доценты, завкафедрами и их команды. Они заняли, не имея политического, государственно-хозяйственного и управленческого опыта, высшие командные места в стране, как накипь, возникшая вследствие бурных событий 1991–1993 годов. И ни один из них еще не доказал свою полезность России, а все вместе они “лечат” страну “шоковой терапией” вот уже 20-й год по методу “Вашингтонского консенсуса”. Этот метод, а точнее – экономическая модель была навязана нам в свое время Демократической партией Соединенных Штатов. Американцы затем “экспортировали” нам почти 200 советников для консультирования “приватизатора России” А. Б. Чубайса.

Мне вспоминается история, рассказанная в “Горбачев-Фонде” в 1994 г. бывшим первым заместителем Председателя Правительства СССР В. И. Щербаковым. По его рассказу, в октябре 1991 г., когда Владимир Иванович замещал своего начальника, который в это время сидел в “Матросской тишине” (после августовских событий), в его кабинет явился Е. Т. Гайдар и заявил, что Ельцин только что назначил его исполнять обязанности главы правительства России, и он просит Щербакова освободить кабинет. По словам Владимира Ивановича, пока он собирал свои вещи и бумаги в течение двух часов, Гайдар ходил около него и постоянно задавал один и тот же вопрос: “А что мне делать с экономикой России?” Щербаков ему отвечал, что если он согласен быть премьером, то он, значит, знает, как начать рыночную трансформацию национальной экономики. Как оказалось, Егор Тимурович не знал. Поэтому после назначения его исполняющим обязанности премьера он отбыл из Москвы на две-три недели для консультаций в Лондон и в США. Мы это знали, работая у Горбачева. Именно после таких консультаций за океаном амбициозный Гайдар и Ко навязали нам американскую экономическую модель под названием “Вашингтонский консенсус”, которая начала реализовываться в новой России со 2 января 1992 года. На ее характеристике я остановлюсь подробнее ниже. Добавлю, что мне приходилось консультировать Егора Тиму-

ровича, когда я некоторое время работал в концерне “Олби”, и мы сидели на арендованных площадях его института в Газетном переулке. Так что я имею представление о Гайдаре не понаслышке.

Второй характерный пример, показывающий уровень квалификации аппарата президента России. Первое время после избрания Путина В. В. президентом он не встречался с Лукашенко А. Г. по вопросу российско-белорусских отношений в рамках провозглашенного строительства Союзного государства. И вот где-то в 2002 г. ко мне в Государственную Думу приходят посланцы от тогдашнего главы администрации президента РФ Волошина А. С. с просьбой подготовить для первой серьезной встречи Путина В. В. с Лукашенко А. Г. соответствующую аналитическую записку. Я подготовил ее под названием “Союз – скорее мертв, чем жив” и охарактеризовал состояние Союза Беларуси и России, ход строительства Союзного государства и пути выхода из состояния перманентного кризиса с точки зрения защиты национально-государственных интересов России. Через некоторое время, когда состоялась встреча двух президентов, я узнал из СМИ о предложении Путина белорусскому руководству “отделять мух от котлет”. И я вновь убедился в полной некомпетентности аппарата администрации президента, который вразрез с интересами России и союзной Белоруссии подготовил для российского лидера подобные документы. Правда, следует отметить, что мне уже оттуда больше не обращались за помощью в консультациях.

И наконец, последний штрих, свидетельствующий об уровне компетентности депутатского корпуса Государственной Думы. Работая в Госдуме в Комитете по делам СНГ и связям с соотечественниками почти десять лет, мне пришлось тесно сотрудничать с Б. Н. Пастуховым и А. А. Кокوشيным, которые были руководителями комитета. Представители старшего поколения, они обладали достаточной компетентностью и, кстати, не стеснялись время от времени обращаться за советом. И вот на их место в пятой Думе пришел Островский А. В. от партии ЛДПР, 30-летний, очень амбициозный и самонадеянный человек. Примечательно, что новый руководитель комитета сразу же стал встречаться по линии отношений с Белоруссией с представителями белорусской оппозиции. Я подготовил для него только две аналитические работы: выступление на “круглом столе” и ответ на вопрос газеты “Союзное государство”. И, представьте, он просто не понял профессиональной лексики документов. В конце концов мне пришлось уйти, а на мое место взяли девочку чуть старше 20-ти лет. Сейчас аппарат комитета заполнили сплошь одни недоросли, которые, под стать руководителю, готовят соответствующие по уровню материалы для “верхов”.

Вот какова кадровая политика на высших этажах российской власти! Спрашивается, а кто будет в этих условиях квалифицированно и компетентно защищать интересы России во внешнеполитической и внешнеэкономической сферах, в том числе в рамках провозглашенного строительства Союзного государства?

Белорусская модель развития – главный раздражитель

Россия и Белоруссия осуществляют рыночную трансформацию в рамках смешанной экономики, однако между ними сохраняются существенные различия. В странах-союзницах внедряются разные экономические модели: в РФ делается упор на экономический либерализм, а в Белоруссии – на государственное регулирование экономики. Обе модели опираются на реально существующие современные императивы, которые по-разному понимаются в Москве и Минске.

В России исходят из неолиберального понимания механизма рыночной экономики, упраздняют многие ключевые функции государства в экономической и социальной сферах, которые переориентируются на принципы свободного функционирования в условиях стихии рынка. При этом предполагается, что частный капитал берет на себя ответственность за судьбу общества.

В России структурные реформы, основанные на этих принципах, привели к сильнейшему социально-экономическому расслоению общества, усилению сырьевой специализации промышленности и, соответственно, структуры отечественного экспорта, к чрезмерной импортной зависимости внутреннего рынка, угрожающему росту сначала государственного, а теперь корпоратив-

ного внешнего долга, сопровождающемуся неконтролируемой утечкой российского капитала за рубеж. Рыночная трансформация проводится в течение уже почти двух десятков лет при полном игнорировании рекомендаций авторитетных экономистов Российской академии наук. Этот курс получил название “Вашингтонский консенсус”. Его изначальные параметры имеют схожие черты с монетаристской теорией, в соответствии с которой функции государства ограничиваются, главным образом, регулированием денежной сферы, то есть сферой обращения в ущерб производству и социальной сфере.

Если сравнивать воззрения российских реформаторов, определяющих экономическую политику России, и подходы Минска к реформированию белорусской экономики, то различия видны, как говорится, невооруженным глазом. Речь идет в конечном счете о разном понимании роли государства в реформаторском процессе и в экономике в целом, а также в социальной ориентации реформ. Признание ключевого значения государства – одна из основных характеристик белорусской модели. В России, к примеру, некоторые обозначают ее как командно-административную, вкладывая в это понятие негативный смысл, чтобы опорочить экономический и социально-политический курс нынешнего руководства в Минске. Таким образом, ставится знак равенства между существующим в Белоруссии экономическим механизмом и директивной плановой экономической советского образца. Это неверное утверждение. Белорусский экономический механизм – это механизм переходной экономики, как и в России. Но модели перехода – разные, с серьезными отличиями.

По нашему мнению, белорусская экономическая модель вобрала во много черты развития неиндустриальных развивающихся стран региона Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии – от Индии до Южной Кореи. Как известно, в 1970-х – 1980-х годах эти страны активно включились в мировой трансформационный процесс благодаря высоким темпам экономического роста и индустриализации, осуществлению коренных структурных сдвигов и прорыва на мировые рынки. Эта группа развивающихся стран имеет три отличительные черты.

Во-первых, у них наблюдается относительно высокий уровень ВВП на душу населения по сравнению с другими развивающимися странами.

Во-вторых, для данной группы стран характерна в основном промышленная, не сырьевая структура экспорта.

В-третьих, в ходе форсированного индустриального развития эти страны использовали специфические механизмы государственного экономического регулирования, и прежде всего меры эффективной промышленной политики, направленной на поддержку отраслей, находящихся на основных направлениях научно-технического прогресса и обеспечивающих экспортную ориентацию национальной экономики.

Ускоренная модернизация стран Южно- и Восточно-Азиатского региона стала возможной благодаря органическому соединению современных форм организации хозяйства с социальными институтами этих стран, основанных на национальных традициях и оказавшимися восприимчивыми к общемировым тенденциям социально-экономического прогресса.

С приходом к власти Александра Лукашенко экономические реформы в республике дополняются мерами социальной политики, направленными на рост реальной заработной платы, развитие социальной сферы, где достигнуты успехи в борьбе с инфляцией с помощью развития реального сектора экономики, наполнения внутреннего рынка товарами отечественного производства, постоянного роста платежеспособного спроса населения, национального согласия, предотвращения вопиющего социального расслоения народа, которое по-прежнему усугубляется в России.

Другая причина выбора Белоруссией нынешней модели перехода к рыночной экономике – результаты российской модели развития. Как известно, результаты российских реформ, мягко говоря, оставляют желать лучшего и вряд ли могут служить образцом для подражания. Глубокое падение производства и очень высокая социальная цена реформ являются очевидными фактами. И это при огромных природных ресурсах и большом экспортном потенциале России на базе топлива и сырья, что давало возможность смягчать негативные последствия социально-экономических катаклизмов. Таких ресурсов у Белоруссии нет.

С учетом современных тенденций мирового экономического развития в Белоруссии была разработана стратегия устойчивого развития, в основу которой положена модель социально ориентированной рыночной экономики.

Каковы же результаты реализации отличающихся экономических моделей России и Белоруссии?

ВВП России только к 2006 году составил около 100% от уровня 1991 года, промышленное производство – 78%, реальная зарплата – 72%. В Белоруссии показатели превышают уровень 1990 года по ВВП на 41%, по промышленной продукции – в 1,4 раза, по уровню реальной зарплаты – на 72%. Урожайность зерновых в России – 18,5 центнера, а в Белоруссии – 28 центнеров с гектара. Потребление мяса и мясопродуктов на душу населения в России – 49 килограммов в год, в Белоруссии – 59 килограммов в год, соответственно, молока и молочных продуктов в России – 233 килограмма, в Белоруссии – 246 килограммов. На 100 семей в России приходится 33 собственных легковых автомобиля, в Белоруссии – 53. В расчете на 10 тысяч жителей в России строится в год 33 квартиры, в Белоруссии – 41 квартира. В Белоруссии более благоприятные демографические показатели. В России уровень смертности на одну тысячу человек населения – 16,8 человека, в Белоруссии – 14,5. Средняя продолжительность жизни в России – 65 лет, в Белоруссии – 69 лет. В Белоруссии существенно ниже уровень преступности. Если в России на 10 тыс. чел. приходится 248 преступлений в год, то в Белоруссии – 197. При этом уровень тяжких преступлений в Белоруссии в 3,5 раза ниже, чем в России. В России на одну тысячу жителей приходится 75 тяжких преступлений, в Белоруссии – 21. По оценкам экспертов ООН, в Белоруссии уровень так называемого индекса развития человеческого потенциала (показатель, учитывающий душевой уровень производства ВВП, уровень образования и продолжительность жизни) заметно выше, чем в России.

В Белоруссии наблюдается один из самых низких уровней имущественного расслоения населения. Доходы 10% самых богатых превышают доходы 10% самых бедных всего в четыре раза, а в России – более чем в 20 раз.

Таким образом, белорусская экономическая модель по всем основным показателям демонстрирует свои неоспоримые преимущества перед российской неолиберальной монетаристской системой, которая, несмотря на имеющиеся у России громадные сырьевые и топливно-энергетические ресурсы, не способна вывести нашу страну на уровень, которого достигла маленькая Белоруссия. Тупикивость и пагубность нынешней либеральной рыночной системы, существующей в России, и яркий демонстрационный эффект белорусской модели становятся все более очевидными для большинства россиян, особенно для тех, кто в последнее время побывал в Белоруссии. Для нас, российских специалистов по российско-белорусской интеграции, также очевидно, что система в значительной степени блокирует усилия по созданию Союзного государства. Указанный фактор больше всего раздражает кремлевских управленцев и немногочисленный богатый класс в России. Поэтому и дана команда “мочить” Лукашенко за его успешную рыночную модель, а Белоруссию как “союзное государство” – за одобрение и следование этой модели, то есть за стремление белорусов жить по-людски даже при капитализме.

Энергоресурсы – первопричина разногласий

Центральное место в интеграционном взаимодействии России и Белоруссии в рамках создания Союзного государства занимает сотрудничество в топливно-энергетической сфере. От поставок природного газа из России зависит производство 95% белорусской электроэнергии. В структуре топливного баланса страны газ занимает 80%. Из России Белоруссия ежегодно импортирует для собственных нужд и для переработки 21 млрд м³ газа и 22 млн тонн нефти. Российская Федерация является монополистом по поставкам энергоносителей в Республику Беларусь.

Кроме того, Россия осуществляет по территории Белоруссии транзит энергоресурсов в Европу. “Газпром” ежегодно качает через Белоруссию около 30% экспортных объемов газа (до 17 млрд м³ российского газа – по белорусским газопроводам и 15 млрд м³ – по российскому газопроводу Ямал – Европа, принадлежащему “Газпрому”). Транзит российской нефти через Бе-

лоруссию в государства дальнего зарубежья превышал до последнего времени 85 млн тонн в год.

Следует особо подчеркнуть, что именно исключительно высокая зависимость Белоруссии от поставок топливно-энергетических ресурсов из России стала первопричиной обострения взаимоотношений руководителей союзных стран, начиная с 1999 года, то есть после российского финансового дефолта 1998 года, когда Москва стала повышать цены на нефть и газ даже своему стратегическому союзнику и партнеру. Эта мера незамедлительно сказалась на резком увеличении дефицита торгового баланса Белоруссии в торговле с Россией, что серьезно дестабилизировало экономику республики и ход строительства Союзного государства.

В конце 2006 года “Газпром” и Кремль буквально вышибли из Лукашенко согласие подписать газовое соглашение на условиях, предусматривавших переход на рыночную цену для Белоруссии: в 2008 году – 67% от среднеевропейской цены, в 2009 году – 80% и в 2010 году – 90%, а в последующие годы – продажу газа по среднеевропейской цене.

Белоруссия частично соглашается с требованием России повысить цену на газ. Но только до уровня не выше 160 долл. за 1 тыс. кубов. Аргументы белорусской стороны по защите своей позиции:

1. Россия и Белоруссия строят Союзное государство, и условия для хозяйствующих субъектов двух стран не должны резко отличаться по условиям издержек производства, в первую очередь из-за резкого перепада цен на энергоносители. Белорусская сторона при расчетах на поставляемый природный газ из России исходит из необходимости формирования единого экономического пространства двух стран и на этой основе – из утвержденных макроэкономических показателей Федерального бюджета и прогноза социально-экономического развития Российской Федерации, утверждаемых на каждый год.

2. Как известно, российская сторона обычно каждый год повышает цену на газ для своих предприятий на 20%. Белорусская сторона хотела бы иметь такие же условия, как и Смоленская область, исходя из принципа равноудаленности места потребления от места добычи и транспортировки газа. На основе расчета по такой схеме Белоруссия могла бы получить газ с 1 января 2011 года по цене 173 долл. за 1 тыс. кубов, хотя настаивает, чтобы эта цена начала действовать не раньше 1 января 2015 года. На пресс-конференции и встрече с журналистами российских региональных СМИ А. Г. Лукашенко сообщил, что с 1 января 2011 года для Белоруссии “Газпром” собирается поднять цену до 210 долл. за 1 тысячу кубов, что “составляет больше, чем для победенной Германии”. По его словам, Катар и Норвегия продают газ Европе по 167 долл. за 1 тысячу кубов.

3. Российская сторона при установлении цены на газ защищает свою позицию на том основании, что растут издержки добычи и транспортировки газа для зарубежных потребителей.

По данным белорусской стороны, рентабельность “Газпрома” при поставках газа в Белоруссию составляет 62 долл. от продажи 1 тыс. кубов, а при поставках на Украину рентабельность насчитывает только 12–15 долл. от продажи также 1 тыс. кубов, так как большая часть прибыли уходит заинтересованным посредникам.

По расчетам Минска, если будет установлена требуемая Москвой цена с 1 января 2011 года в 210 долл. за 1 тыс. кубов, то рентабельность “Газпрома” от газовых поставок в Белоруссию составит порядка 160 долл. на продаже 1 тыс. кубов.

По утверждению белорусского руководства, уровень рентабельности “Газпрома” при поставках газа на Украину не изменится ни в 2011-м, ни в последующие годы и будет по-прежнему составлять не выше 15 долл. на продаже 1 тыс. кубов. У Минска возникает законный вопрос, почему Москва дает преференции Украине, которая не строит с Россией Союзное государство?

4. Белоруссия согласна пойти на передачу России контрольного пакета “Белтрансгаза”, если Москва пойдет навстречу просьбам своего союзника и партнера по строительству Союзного государства. Белоруссия хотела бы в обмен на предоставление преференций российской стороне, например, при передаче белорусской газотранспортной системы и трубопроводной системы по перекачке нефти, получить возможность участвовать в добыче как природного газа, так и нефти на территории России на условиях участия иностранных

инвесторов. Кремль, как известно, категорически отказывает Минску в удовлетворении такой просьбы, хотя американцы, французы, голландцы, немцы и “прочие шведы” давно уже качают в новой России наши ресурсы. Спрашивается, почему Кремль запрещает добычу энергоресурсов братской стране и союзнику?

5. Белорусская сторона считает, что введенная Москвой в 2008 году экспортная пошлина на поставки сырой нефти на белорусские нефтеперерабатывающие заводы – Мозырский и Новополоцкий – непосильна для национальной экономики. Производственные мощности этих заводов рассчитаны на переработку соответственно 16 млн и 24 млн тонн нефти в год. Естественно, повышение пошлин ведет к падению уровня рентабельности указанных предприятий.

Таким образом, односторонняя зависимость Белоруссии от монопольных поставок нефти и природного газа из России привела к тому, что республика с каждым годом вынуждена тратить все большую сумму на импорт энергоснабжителей из национального бюджета. Если в 2003 году эти расходы составляли 1,5 млрд долл. (11% ВВП республики), то к 2007 году они возросли до 4,4 млрд долл., что составляло 40% стоимости общего импорта из России. В этих условиях, чтобы преодолеть монополизм России в топливно-энергетической сфере, Белоруссия ведет переговоры об увеличении поставок нефти из Венесуэлы. В 2010 году эти поставки составили 5 млн тонн, а по заключенному соглашению с президентом Венесуэлы Уго Чавесом (в октябре 2010 года) Белоруссия уже в течение 2011–2012 годов получит 30 млн тонн венесуэльской нефти (которая, по словам Лукашенко, на 30% выше российской по качеству). Чтобы преодолеть диктат “Газпрома”, Белоруссия планирует в ближайшее время перейти постепенно на импорт сжиженного газа из других стран, который в Европе сейчас стоит порядка 150 долл. за 1 тыс. кубов.

Как преодолеть распутье

Политические эксперты нисколько не сомневаются в победе на президентских выборах 19 декабря 2010 года в Республике Беларусь нынешнего ее президента А. Г. Лукашенко. Мудрый белорусский народ, без всякого сомнения, сделает правильный выбор. А нас, специалистов, беспокоит судьба единения двух стран – двух народов. “Ведь русские и белорусы – один народ” – как рефрен по-прежнему постоянно звучит из Минска. Что требуется предпринять “верхам” в Москве и Минске, чтобы выйти из нынешнего тупика и фактической остановки строительства Союзного государства?

Конечно, в первую очередь, нашим высшим руководителям необходимо прекратить публичную свару, отбросить экстравагантность в своих высказываниях (в Минске) и не проявлять в ответ видимую невооруженным глазом мстительность (в Москве), а сесть за стол переговоров и решать актуальные проблемы выстраивания двусторонних отношений на благо наших народов. Следует помнить, что создание новой Системы европейской безопасности, о чём недавно говорил президент РФ Д. А. Медведев, не будет серьезно восприниматься на Западе, если Россия не может поладить даже с родственной Белоруссией. А успешное создание Союзного государства будет несомненным козырем в руках российского президента при переговорах с западными партнерами, чтобы начать реализацию достойной идеи укрепления мира на Европейском континенте в нынешних непростых условиях. Иначе мы получим вторую “линию Керзона” недружественных России государств на западных границах, место в которой поневоле придётся занять Белоруссии. Об этом мечтают наши “друзья” – англосаксы, чтобы вплотную придвинуться к Санкт-Петербургу, Пскову и Смоленску. В последние годы, по мере обострения отношений Кремля и Минска, они очень внимательно и обходительно относятся к Белоруссии, где, в отличие от России, наблюдается политическая, экономическая, социальная стабильность. Естественно, в этом немалая заслуга Лукашенко и других руководителей республики, что, между прочим, признается Западом, который постепенно снимает барьеры в сотрудничестве с Минском.

Вторая главная задача руководителей России и Белоруссии состоит в определении баланса национально-государственных интересов. Этот баланс, как показывает практика, включает три главные сферы взаимодействия России и Белоруссии: торгово-экономическое, военно-техническое и оборонное сотрудничество. Если экономика Белоруссии критически зависима от ее

внешней торговли, и прежде всего от торгово-экономического сотрудничества с Россией с ее природными ресурсами и ее емким рынком, то для Российской Федерации высоко значимо сотрудничество в военно-технической и оборонной областях. Поясним вкратце наше утверждение.

1. Внешняя торговля.

За 19 лет сепаратного существования России и Белоруссии последняя ни разу не имела положительного сальдо внешней торговли с РФ. Отрицательное сальдо Минска в торговле с Москвой стало особенно интенсивно нарастать после российского финансового дефолта 1998 года, когда Россия стала повышать цены на энергоносители для Белоруссии, отказавшись от ценового ориентира приграничной Смоленской области в торговле природным газом.

Чтобы преодолеть сложившийся дисбаланс в торговле с Россией, Лукашенко вполне резонно требует от Москвы “садиться за стол переговоров, где будем искать справедливость”. По словам белорусского президента, транзитное положение Белоруссии – это такой же ресурс, как нефть и природный газ у России. Однако за перевоз 100 млн тонн российских грузов в Европу и обратно, что составляет до 70% экспорта и импорта Москвы в торговле со странами Евросоюза, Российская Федерация почему-то не платит Белоруссии ни копейки. Также Россия не платит ни копейки за две военные базы, расположенные на территории Белоруссии, хотя, как сетует Лукашенко, Россия готова платить 40 млрд долларов Украине за пребывание Черноморского флота в Севастополе в последующие десять лет.

2. Военно-техническое сотрудничество.

Доля поставок Белоруссии для производства военно-технической продукции в России составляет порядка 17%. Главным образом это средства спутниковой и космической связи, оборудование для радиостанций, радионавигационные устройства и другая продукция наукоемких технологий. Следует отметить, что предприятия военно-технического направления, производящие указанную выше продукцию в Белоруссии, полностью разрушены в России в ходе конверсии и приватизации.

Россия имеет производственную и научно-техническую кооперацию со 120 белорусскими заводами и конструкторскими бюро по 1600 видам продукции военно-технического назначения (по данным Совета по изучению производительных сил при РАН и Минэкономразвития – СОПС).

3. Оборонное сотрудничество.

В условиях значительного ослабления мирополитической и мирохозяйственной роли России как правопреемницы СССР, а также в связи с активным продвижением НАТО и Евросоюза на восток Белоруссия играет исключительно важную роль буфера на пути евроатлантических структур, действующих с дальним прицелом в отношении России. В долгосрочном плане Белоруссия – единственный и надежный союзник на западных границах России, если исходить из колеблющейся позиции Украины и откровенной неприязни и даже враждебности со стороны Литвы, Латвии и Эстонии.

Следует особо отметить, что продвижение евроатлантических структур на постсоветское пространство серьезно тормозится рядом военно-технических факторов, которые определяет именно Белоруссия.

Во-первых, это связано с наличием у республики современных вооруженных сил. Белорусская армия рассматривается западными экспертами как одна из сильнейших в Европе, единственная из армий стран СНГ, способная помочь Российской армии в трудную минуту.

Во-вторых, Белоруссия содержит сложную и дорогостоящую военно-техническую инфраструктуру, которая, по большому счету, не нужна маленькой республике, но в которой очень заинтересована Россия. Речь идет о военных аэродромах, в том числе для приема бомбардировщиков стратегического назначения, радиолокационной станции (РЛС) под Барановичами, пункте управления подводными лодками в городе Вилейка. Создание подобных аналогов на российской территории потребует, по оценкам военных специалистов, от 21 до 25 миллиардов долларов. Добавьте сюда еще содержание границы Белоруссии от Бреста до Псковской области. Естественно, в случае смены политического вектора в Минске военная и пограничная инфраструктуры Белоруссии перестанут обслуживать стратегические интересы России.

В-третьих, военно-стратегические планы США разместить элементы ПРО на территории стран Центральной и Восточной Европы могут быть частично

нейтрализованы установкой на территории Белоруссии противоракетных комплексов С-400. Этой же цели служит и Договор о совместной системе ПВО, которая, как известно, уже существует де-юре и де-факто. Белоруссия также намерена координировать действия с Российской Федерацией по адаптации Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) и в рамках ОДКБ. Все это, по словам белорусского лидера, необходимо, чтобы “не только вместе выстоять в мире новых угроз и вызовов, но и усилить наше внешнеполитическое влияние, нарастить общий экономический потенциал”.

Потеря союзника в лице Минска автоматически приведет к потере стратегического российского форпоста на западном направлении. В этом случае можно не сомневаться, что НАТО подойдет вплотную к Смоленску, Пскову и Санкт-Петербургу, а Калининградский анклав еще более отдалится от РФ, его судьба станет совсем уже неопределенной в условиях экономической экспансии Запада (подробно см. в книге Година Ю. Ф. “Белоруссия – это “Брестская крепость” современной России”. М.: Изд-во ИТРК, 2008).

По нашему мнению, только заключение комплексного Соглашения о торгово-экономическом, военно-техническом и оборонном сотрудничестве Российской Федерации и Республики Беларусь на основе принципа союзничества даст решение ключевого вопроса двустороннего сотрудничества – достичь баланса национально-государственных интересов двух стран, сохранить и укрепить наш союз как влиятельный фактор и важный составной элемент в новой системе европейской безопасности.

Однако для выработки подобного Соглашения от двух сторон потребуются простой арифметический подсчет, сколько стоит в денежном выражении для каждой стороны в реальных мировых ценах составляющие элементы сотрудничества в трех указанных сферах, в том числе сумма стоимости транзита энергоносителей и российского товарного экспорта-импорта по белорусской территории, содержания и эксплуатации военных баз и оборонных сооружений на земле Белоруссии и т. п. Это необходимо сделать, чтобы снять всякие публичные обвинения сторон в неплатежах партнера. Россия, если она хочет сохранить державные признаки, должна исходить из того, что геополитика в современных условиях стоит недешево.

Из мирового опыта известно, что такие соглашения заключаются многими странами, чтобы достичь геополитических выгод. В этом случае отпадут обвинения, что кто-то кого-то “поит и кормит”. Например, Соединенные Штаты постоянно используют практику заключения подобных соглашений. Так что пора бы и в России научиться принимать правильные стратегические решения, прислушиваться к специалистам, а не к недорослям, чтобы наконец сказку о Союзном государстве сделать былью. Ведь мы все-таки, надо признать, вполне взрослые люди!

ЧЕСЛАВ КИРВЕЛЬ

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ МИРА И ВОСТОЧНОЕ СЛАВЯНСТВО

В современных условиях происходит интенсивный процесс формирования новой геоструктуры мира, нового мироустройства, нового миропорядка. Границы национальных государств стали сегодня тесными для технико-экономического развития. Наметилась явная тенденция выхода экономических систем за рамки национально-территориальных образований. Утверждению данной ситуации в немалой степени способствовали научно-технические достижения, развитие наукоемких производств и высоких технологий. К таковым сегодня, прежде всего, относятся компьютерная техника, средства и инфраструктура телекоммуникаций, информационные потоки, высокоскоростной транспорт, а также распространение образовательных моделей благодаря научному и другим видам интеллектуального обмена.

Все это действительно так. Но это совсем не означает, что для развития современных хозяйственных структур нужен обязательно “весь мир”, вся наша планета. На поверку оказалось, что глобализация вовсе не глобальна, что она не имеет вселенского охвата. В действительности процессы экономической интеграции вполне успешно и эффективно сегодня протекают в географических регионах, населенных **родственными в цивилизационном и социокультурном отношениях народами, то есть народами, принадлежащими, как правило, к той или иной локальной цивилизации современного мира.** Наиболее ярким примером такого рода региональной интеграции выступают страны Западной Европы, ряд государств Юго-Восточной Азии. В последнее время тенденция к региональной интеграции стала заметно проявлять себя и в Латинской Америке. Импульсивное и весьма обостренное стремление к консолидации присуще некоторым лидерам, общественным и религиозным, деятелям исламского мира. Другое дело, что США и их союзники пытались и еще в какой-то степени пытаются навязать реальным интеграционным процессам свою версию направленности их развития. По сути дела, США стремились сконструировать систему глобальной регуляции мировой эконо-

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович — доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Автор книг “Утопическое сознание: сущность, социально-политические функции”, “Образы будущего: утопия и антиутопия в современном мире”, “Современные глобальные трансформации и проблема самоопределения восточнославянских народов”, ряда учебников и учебных пособий, многочисленных публикаций по философской проблематике. Живет в г. Гродно, Республика Беларусь.

мики, отнюдь не соответствующую действительному характеру и объективным тенденциям ее развития. Их целью был “однополярный” мир, которым можно было бы управлять из одного центра.

Однако глобализационный проект США, ориентированный на моноцентричность мира, оказался очередной эпохальной иллюзией, фантомом. Мир по-прежнему остается не единым. В реальности идет интенсивный процесс **формирования самодостаточных региональных центров развития и силы**, объединяющих в себе целую группу государств и вступающих между собой в жесткую конкурентную борьбу.

Похоже, наш мир будет еще долго, если не всегда, оставаться “многополярным”, полицентрическим. Ибо сама идея установления моноцентрического мира противоречит “логике социального”, базирующегося, как и все в мире живого, на законе разнообразия. Ни глобальный характер современных информационных технологий, ни интернет, ни скоростной транспорт не в состоянии сами по себе обеспечить единство мира, преодолеть его разорванность и противоречивость. В практике реальной жизни процесс становления новой геоструктуры мира, нового мироустройства имеет тенденцию не только к интеграции, но и к дезинтеграции, к формированию новых и весьма жестких разделительных линий. Иначе говоря, если раньше основными элементами геоструктуры мира являлись национальные государства, то сегодня такими все в большей мере начинают выступать региональные центры развития и силы, коалиции государств, группирующихся, как правило, вокруг региональных гигантов.

Сегодня бесспорным фактом является то, что на нашей планете наряду с существованием огромного количества стран Третьего и отчасти бывшего Второго мира, утративших способность к самостоятельному развитию, так называемых “падающих” или “несостоявшихся” государств, выявился целый ряд крупных стран, которые, несмотря на свое прошлое и даже нынешнее отставание от стран Первого мира – лидеров глобализации, – быстро создают предпосылки для перехода на более высокую ступень в мировой иерархии и, соответственно, начинают активно воздействовать на процесс формирования нового миропорядка, новой геоструктуры мира. В специальной литературе эти государства сейчас принято называть “восходящими странами-гигантами”. Пальма первенства среди этих стран, безусловно, принадлежит Китаю, масштабы территории, численность населения и темпы роста которого в своей совокупности просто беспрецедентны. К этой группе государств наряду с Китаем чаще всего относят Индию, Бразилию и Россию (так называемая группа БРИК). Кроме этого, в последнее время стали с различной степенью определенности говорить о “втором эшелоне” восходящих стран, к которым относят Мексику, Пакистан, Индонезию и ЮАР. Для обозначения “второго эшелона” также уже появилась своя аббревиатура – ЮПИМ [1, с. 51]*.

Почему так получается? Почему не глобализация, а регионализация становится доминирующим фактором мирового развития? Дело в том, что в современных условиях, прежде всего ввиду ограниченности ресурсов, ужесточается конкуренция по всем направлениям и азимутам. В ситуации ужесточения глобальной конкуренции на мировых рынках подавляющее большинство государств нашей планеты могут сохранить свой суверенитет только в союзе с другими государствами, путем создания коалиции, позволяющей им более успешно противостоять давлению глобальных монополий и различного рода другим глобальным опасностям и вызовам. А вызовов этих и опасностей глобализация в своем развитии породила немало. Прежде всего, она запустила в действие “дьявольский насос” (выражение академика Н. Моисеева), позволяющий странам с производительностью труда выше среднемирового уровня выкачивать из стран с производительностью труда ниже среднемирового уровня ресурсы всевозможного рода – природные, финансовые, интеллектуальные, человеческие, включая даже красивых женщин. Дифференциация по уровню доходов между населением развитых и отставших стран стала в этой связи нарастать с угрожающей скоростью. Но, как говорится, всякому действию равно противодействие. У государств и народов мира существует инстинкт самосохранения. К сегодняшнему дню его проявлением как раз и стал “переход от глобализации к регионализации, то есть от формирования едино-

* См. список литературы в конце текста. – Ред.

го общемирового рынка к созданию системы региональных рынков. В их рамках в силу снижения остроты конкуренции смогут не только существовать, но и развиваться относительно менее эффективные общества” [2, с. 249].

Регионализацию, таким образом, можно рассматривать как реакцию стран на вызовы глобализации, как способ ограничить ее негативное влияние на национальные экономики посредством установления внутрирегиональных предпочтений, внешних барьеров и коллективного протекционизма. “Регионализм – один из способов справиться с глобальной трансформацией, поскольку большинству стран недостает сил и средств для того, чтобы одолеть такие проблемы на национальном уровне”, – пишет шведский политолог Бьерн Хеттне [цит. по 3, с. 5]. А вот взгляд на эту проблему известного российского экономиста, академика С. Глазьева. Он пишет: “Нужно понимать, что весь мир стоит на пути создания мощных региональных союзов, которые могут выжить в конкурентной борьбе. Буквально через несколько лет мы станем свидетелями организации торгово-экономических отношений и связей не столько между странами, сколько между крупными региональными группировками, каждая из которых будет стремиться, доступными ей способами, накачать мускулы и стать весомым игроком, с которым считаются другие. Конкуренция будет вестись между ЕС, НАФТА (Североамериканская зона свободной торговли), Меркосур (Таможенный союз ряда государств Южной Америки), ЕвразЭС, Индией, Китаем и Японией, которые создают зону свободной торговли в Юго-Восточной Азии” [4].

Некоторые авторы пишут даже о том, что сегодня обозначились контуры “мира без Запада”. Этот новый мир покоится, с их точки зрения, “на углубляющихся быстрыми темпами взаимосвязях между развивающимися странами (через потоки товаров, денег, людей, идей), которые, на удивление, неподконтрольны Западу. В результате формируется новая, параллельная международная система с собственными нормами, институтами и общепринятыми структурами власти... Восходящие державы начали выстраивать альтернативную архитектуру институтов и особые модели государственного управления, которые составляют каркас их собственного – и очень реального – устойчивого и легитимного (в глазах большей части остального мира) политико-экономического порядка” [5, с. 21].

В настоящее время все более значимым фактором международной конкуренции становится и “культурный барьер”, разделение человечества по цивилизационному признаку. “Социализм и капитализм конкурировали в рамках единой культурно-цивилизационной парадигмы, и силовое поле, создаваемое биполярным противостоением, удерживало в ее рамках все остальное человечество, оказывая на него мощное преобразующее влияние. Исчезновение биполярной системы уничтожило это силовое поле, высвободив сразу две цивилизационно-культурные инициативы: исламскую, несущую мощный социальный заряд, и китайскую” [2, с. 214–242]. В результате конкуренция стала стремительно приобретать характер конкуренции между цивилизациями – “и кошмарный смысл этого обыденного факта еще только начинает осознаваться человечеством” [2, с. 242].

Что же касается участников конкуренции между цивилизациями, то они разделены еще глубже, чем стороны межнационального конфликта. “Они не только преследуют разные цели разными методами, но и не могут понять ценности, цели и методы друг друга. Финансовая экспансия Запада, этническая – Китая и религиозная – ислама не просто развертывается в разных плоскостях: они не принимают друг друга как глубоко чуждое явление, враждебное не в силу различного отношения к ключевому вопросу всякого развития – вопросу власти, но в силу самого своего образа жизни. Компромисс возможен только в случае изменения образа жизни, то есть уничтожения как цивилизации” [2, с. 242–243]. Конкуренция между цивилизациями предельно иррациональна, а потому сверхопасна и разрушительна.

И вот что особенно здесь интересно: развернувшийся на нашей планете финансово-экономический кризис стал чрезвычайно быстро ускорять процессы регионализации мира и вести к жестким противодействиям “схеме” всеобъемлющей, стандартизирующей глобализации (точнее было бы сказать – американизации). Похоже, мировой финансово-экономический кризис положит конец всяким разговорам о регионализации как ступени на пути к глобализму или о глобализации как процессе, осуществляющемся через регионализацию.

Как представляется, есть все основания полагать, что регионы в послекризисный период будут представлять собой (они уже в значительной мере представляют) вполне самостоятельные образования, которые изначально, по своим целям и функциям будут направлены против глобализма, поставившего их в докризисное время в крайне невыгодные условия. А это означает, что мы уже вполне обоснованно можем вести речь о разворачивающемся на нашей планете **процессе деглобализации**. А как может быть иначе, если после победы над Советским Союзом в “холодной войне” экономически развитые страны перекроили мир исключительно в интересах своих глобальных корпораций? И сделали они это так эгоистично и недальновидно, что лишили половину человечества возможностей для нормального развития. Такого рода геооперация вызвала не только глобальную напряженность, всплеск терроризма и миграций, но и ограничила возможности сбыта товаров, произведенных в самих этих странах. В результате данные страны (прежде всего США) навлекли на себя не только всеобщую ненависть народов бедных государств, но и сами попали в объятия кризиса перепроизводства. При этом, что особо следует подчеркнуть, эффективность присущей евроатлантической цивилизационной модели развития повсеместно стала подвергаться сомнению и критике. Вот некоторые суждения на этот счет.

Американский экономист Роджер Олтман, занимавший, кстати сказать, в 1993–1994 гг. должность заместителя министра финансов США, в своей статье “Геополитическое поражение Запада” пишет о том, что глобальный финансово-экономический кризис подорвал доверие к экономике Запада, что он уводит мир от однополярной системы и смещает мировой фокус в сторону от США. Он прямо говорит: “В среднесрочной перспективе глобальный плацдарм Соединенных Штатов будет уменьшаться, в то время как другие страны, особенно Китай, получат шанс ускорить свое восхождение” [6, с. 20]. Британский эксперт Андриан Пабст заключает: “Мир больше не будет тянуться за Западом. “Атлантическая однополярность”... уже не формирует и не направляет глобальную геополитику и геоэкономику” [7, с. 90]. Джордж Ео, министр иностранных дел Сингапура, отмечает: “Развивающиеся страны уже не станут устремлять свои взоры только на Запад как источник вдохновения; они тоже повернутся к Китаю и, может быть, к Индии” [8, с. 29]. А бывший премьер-министр Бельгии Ги Верхофстадт утверждает: “Совершенно очевидно, что однополярное мироустройство доказало свою неэффективность и нежелательность. Так что, нравится нам это или нет, мы в каком-то смысле возвращаемся к региональным империям и вступаем в новый век” [9, с. 26–27].

Алессандро Полити – директор лаборатории стратегических сценариев Института экономических исследований Nomisma (Болонья, Италия) – пишет, что идеология рыночной экономики (невидимая рука, витальная сила и демократия рынка) подорваны. “Если все это, по его мнению, и не станет концом рыночной экономики по сути, мало сомнений в том, что управляемая рыночная экономика стран БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай) будет разительно отличаться от евроатлантической. Сценарий упадка приватной системы может показаться пугающим, но лучше смоделировать его (и сделать выводы по изменению курса), чем идти на поводу у инерции мышления, интересов привилегированных кругов и невежества, которые стремятся заблокировать радикальные перемены” [10, с. 68]. Д. Белл, всемирно известный автор теории постиндустриального общества, анализируя процессы регионализации мира, приходит к выводу о том, что наша эпоха становится “эпохой разобщенности”. Он подчеркивает, что, несмотря на усилия некоторых политиков сконструировать однополярный мир, реальные события идут своим чередом. “Именно поэтому, согласно ему, мы наблюдаем сегодня прецеденты региональной интеграции... Регионы – вот те политические, социальные и культурные единицы, из которых будет строиться мир XXI века” [11, с. 6]. Английский исследователь Н. Фергюссон предсказывает: “Если события будут и далее развиваться так, как они развивались в последние несколько десятилетий, двухвековому доминированию Европы, а затем и ее гигантскому североамериканскому отпрыску, придет конец. Япония была лишь провозвестником азиатского будущего. Она оказалась слишком мала и слишком интравертна, чтобы изменить мир. Но те, кто идет вслед за ней – и, прежде всего, Китай, – свободны от этих недостатков... Европа была прошлым, США являются настоящим, а Азия, с доминирующим в ней Китаем, станет будущим мировой экономики” [12, с. 17].

Даже небезызвестный З. Бжезинский признает, что “500-летнее глобальное доминирование атлантических держав подходит к концу” [13]. Обратим внимание на процесс чрезвычайно быстрого изменения ситуации в современном мире. Кто бы раньше мог подумать, что Запад прямо на глазах начнет терять статус образца развития для незападных народов и стран? Но это сегодня происходит.

А теперь поставим вопрос: как быть, как действовать, с кем объединяться и с кем разьединяться России, Беларуси и Украине с учетом вот этого современного мирового контекста, связанного как с новыми интеграционными процессами, так и новыми разделительными линиями? Нам, восточным славянам, надо очень хорошо разобраться в том, что представляет собой современный мир, в каком направлении и как движется современная цивилизация. Это необходимо для того, чтобы в очередной раз не совершить тупиковый выбор, не попасть в историческую западню, чтобы верно определить надежную перспективу для своего дальнейшего развития. Восточнославянским народам, чтобы не оказаться вытолкнутыми на обочину исторического процесса, в нищую мировую периферию, а занять достойное место в геополитической (финансово-экономической, демографической, экологической и т. д.) обстановке XXI века, которая, по всем имеющимся признакам, обещает быть еще более противоречивой и конфликтной, чем в XX столетии, необходимо выработать и осуществить инновационную, прорывную стратегию развития, остановить явно набирающий силу процесс деславянизации мира.

Проблемы, с которыми столкнулись восточнославянские страны, настолько уникальны, что никакой внешний опыт не может нам помочь их решить. Никогда и нигде, ни на Западе, ни на Востоке никто не сталкивался с подобного рода проблемами. Вот почему у наших народов есть только один путь, одна задача: найти свой “ответ на вызов среды”, свое цивилизационное измерение, выдвинуть и воплотить в жизнь свой социальный проект. И только те лидеры, которые окажутся способными, опираясь на менталитет, исторический опыт и традиции своих народов, предложить какой-то новый, отвечающий требованиям сегодняшнего дня комплекс идей и моральных, нравственных императивов, будут соответствовать высоте своего положения и заслужат память потомков. Ибо только на собственной культурной матрице возможна всякая успешная модернизация, как это было, например, в Японии в XIX–XX веках, в Китае в XX–XXI веках.

Что конкретно наиболее важно в геостратегическом плане для восточнославянских народов в данный исторический момент?

Ответ один: формирование восточнославянского цивилизационного центра развития и силы на собственной культурно-исторической основе.

Объективно вопрос стоит так. Объединяющаяся Европа однозначно не считает православные восточнославянские народы своими, и похоже, что и в обозримом будущем считать не будет. Мы для нее вечно чужие. Для “тигров” Азии (прежде всего Юго-Восточной Азии) и народов исламского мира мы тоже далеко не свои. В этой ситуации восточнославянским народам остается два пути: или они консолидируются, объединяются и создают свой собственный центр развития и силы, или они превращаются в “этнографический материал”, почву и удобрение для развития других цивилизационных центров силы.

Иные могут возразить, указав на то, что Беларусь и Украина изначально являются европейскими государствами. Это верно. Беларусь и Украина территориально принадлежат Европе. Однако следует четко различать два смысла понятия “Европа”: географический, в котором Европа как часть света простирается до Уральских гор, и социокультурно-цивилизационный. В социокультурном и цивилизационном плане Европа разделена. В действительности существует несколько “Европ”, которые крайне несхожи между собой. Первая Европа (Западная Европа) – это та, которая дала миру техногенную цивилизацию, то есть первая в мире осуществила индустриализацию и распространила (или навязала) по всему миру нормы и законы общества потребления. Первая Европа – это совершенно уникальный регион мира, омываемый Гольфстримом, и, соответственно, с характерным для него умеренно теплым океаническим климатом. В принципе Западная Европа неповторима нигде и никогда, поскольку она сложилась и структурировалась в результате действия многих факторов, которые во всей своей совокупности больше не обнаружили себя ни в каком другом регионе мира (об этом очень убедительно писал

выдающийся немецкий социолог М. Вебер). Ко второй Европе, с некоторой долей условности, можно отнести Чехию и Венгрию. Эти государства ближе всего к Западной Европе и по географическому расположению, и по духу. Что касается Болгарии и Румынии, то они уже существенно иные по духу и ментальности. Польша находится где-то между второй и третьей Европой. Албанию и Косово придется отнести к четвертому лику Европы, ведь они представлены этносами, исповедующими ислам. Беларусь, Украина – тоже Европа, но по природно-климатическим, религиозным, ментально-духовным характеристикам они наиболее далеки от Западной Европы. Здесь в целом, конечно, обнаруживается такая тенденция: чем ближе к Западу, тем больше Европы; чем ближе к Востоку – тем меньше Европы. Нравится это кому или нет, но Беларусь и Украина принадлежат не к западноевропейской протестантско-католической цивилизации, а имеют прямое отношение, от самых корней, из глубин, к восточно-православной славяно-русской цивилизации. (Хотя оспорить этот тезис весьма трудно, но многие, тем не менее, будут пытаться это делать. Верно сказано, что если бы таблица умножения затрагивала чьи-либо интересы, правильность ее непременно ставилась бы под сомнение.)

Вообще культурно-цивилизационная дифференциация является неоспоримым фактом истории развития человечества. Этот факт получил исчерпывающее осмысление в мировой социально-философской мысли. Явление цивилизационной дифференциации человечества зафиксировано в целом ряде широко употребляемых ныне понятий: “культурно-исторические типы” (Н. Я. Данилевский), “локальные цивилизации” (А. Тойнби), “суперэтноты” (Л. Н. Гумилев) и др. Но если это так, если белорусский народ принадлежит к восточнославянской православно-христианской цивилизации, то подлинным белорусским националистом в позитивно-конструктивном, творчески созидательном смысле может быть только славянофил*. Белорусский националист-западник – это псевдонационалист, человек, изменяющий культурно-цивилизационной идентичности своего народа. Общественно-политическая, педагогическая деятельность такого человека объективно (независимо от его самооценки) направлена на разрушение глубинных основ социального бытия восточнославянского суперэтноты. По сути дела, такого рода деятель стремится (возможно, отнюдь не бескорыстно) “сдать” свою цивилизацию другой, чужой цивилизации, войти в “чужой дом”, нимало не задумываясь при этом о реальных последствиях данных стремлений для своего народа и даже о том, что такие попытки, помимо всего прочего, просто неприличны в чисто человеческом, нравственном смысле. То же самое можно сказать и об украинских националистах-западниках. С упорством, достойным лучшего применения, данные “националисты” не перестают рассматривать Украину и Беларусь как изначально, причем не просто в географическом, а именно в социокультурном и цивилизационном смысле, принадлежащими к европейской и вообще к западной культуре, истории, идентичности, религии, ценностям, ментальности и т. д.

Но что тут можно сказать? Похоже, нам ничего не остается, как обратиться к научным работам, специально исследующим этот вопрос.

Как представляется, эта тема наиболее полно раскрыта американским исследователем С. Хантингтоном. Он в своей книге “Столкновение цивилизаций” дает характеристику восьми мировым цивилизациям, существующим сегодня на нашей планете и, что самое важно для нас, четко очерчивает цивилизационные границы Запада. Согласно ему, в целом Запад сегодня включает в себя Европу, Северную Америку, а также страны, населенные выходцами из Европы, то есть Австралию и Новую Зеландию [14, с. 57]. Что же касается границы Европы на Евразийском континенте, то восточная граница Запада совпадает с восточной границей западного христианства, которая сформировалась в 1500 году. Хантингтон прямо ставит вопрос о том, какой из народов, населя-

* Проблема национализма в условиях современности выдвинулась на передний план исследовательского интереса. Сегодня стало ясно, что историческое самоопределение народов, находящихся в условиях социального транзита, их успешное социокультурное развитие и позиционирование на мировой арене невозможно без известной доли здорового государственного национализма, национализма как формы национального возрождения и условий эффективной модернизации. Другое дело, что национализм как объективно неизбежный спутник формирования государства-нации необходимо отличать от различных форм этнократизма, ксенофобии, нацизма и расизма.

ющих географическое пространство Европы, можно относить к потенциальным членам Европейского Союза, НАТО и подобных им организаций, и отвечает на него следующим образом: “Наиболее ясный ответ, против которого трудно возразить, дает нам линия великого исторического раздела, которая существует на протяжении столетий, линия, отделяющая западные народы от мусульманских и православных народов. Эта линия определилась еще во времена разделения Римской империи в IV веке и создания Священной Римской империи в X. Она находилась примерно там же, где и сейчас, на протяжении 500 лет. Начинаясь на Севере, она идет вдоль сегодняшних границ России с Финляндией и Прибалтикой (Эстонией, Латвией и Литвой); по Западной Белоруссии и по Украине, отделяя униатский Запад от православного Востока; через Румынию, между Трансильванией, населенной венграми-католиками, и остальной частью страны, затем по бывшей Югославии, по границе, отделяющей Словению и Хорватию от остальных республик. На Балканах эта линия совпадает с исторической границей между Австро-Венгерской и Османской империями. Это – культурная граница Европы, и в мире после “холодной войны” она стала также политической и экономической границей Европы и Запада...

Европа заканчивается там, где заканчивается западное христианство и начинаются ислам и православие. Именно такой ответ хотят услышать западные европейцы, именно его они в подавляющем большинстве поддерживают *sotto voce**, именно такой точки зрения открыто придерживается большая часть интеллигенции и политиков” [14, с. 243–244].

Другой западный автор, Ф. Болкестайн, в своей книге “Пределы Европы”, изданной в 2003 году, пишет о нецелесообразности и невозможности включить Россию, Украину и Беларусь в Европейский Союз и относить их к европейской цивилизации. При этом, с его точки зрения, Украина, Беларусь (сюда он относит и Молдавию) должны стать “буфером” между Европейским Союзом и Россией. Отсюда, кстати сказать, и была придумана концепция “государств-соседей” Европейского Союза. “Соседи” в данном случае выступают как своеобразный “Восточный вал”, разделяющий Россию и Европейский Союз.

Таким образом, Запад не считает Украину и Беларусь европейскими государствами. В лучшем случае он их рассматривает как элемент внешнего периметра безопасности Европы. И это не удивительно. Ведь современная Европа – это не только единые стандарты, прописанные чиновниками Евросоюза, но и общее историческое и культурно-цивилизационное наследие, к которому, как бы это кому нравилось или не нравилось, Беларусь, Россия и Украина не имеют никакого отношения. А не имеют они к этому отношения, потому что изначально принадлежат к другой цивилизации – православно-славянской.

Еще можно было бы как-то согласиться с нашими “националистами”-западниками, если бы Евросоюз, НАТО и т. п. были ориентированы на сохранение национальной идентичности (скажем, белорусскости) или на развитие национального самосознания входящих в эти организации государств. Но ничего подобного не наблюдается даже в помине. Такая ситуация вполне естественна. Она обусловлена тысячу раз уже зафиксированным и подтвержденным в мировой социальной литературе процессом (его не помешало бы, наконец, заметить нашим так называемым “националистам” прозападной ориентации) интенсивного преодоления и отбрасывания Европой всего национального. “Европейский Союз всегда был постмодернистским проектом, призванным выйти за пределы базовых элементов модернистского мира: наций и национальных государств” [15]. Так пишет английский автор Д. Шерр. Причем, что интересно, тенденция к денационализации обнаружила себя в Западной Европе уже достаточно давно. Пожалуй, впервые ее достаточно ясно осознал всемирно известный немецкий исследователь В. Гумбольдт – создатель оригинальной и методологически эффективной версии цивилизационного подхода к анализу истории человечества. Пророчески заглядывая в будущее, он писал: “...Та власть, которой обладает над нами нами же созданная цивилизация, все определенной толкает нас в направлении универсализма, народы под нашим влиянием приобретают намного более единообразный облик, и формирование оригинальной национальной самобытности удушается в зародыше даже там, где оно, пожалуй, могло бы иметь место” (выделено нами – Ч. К.) [16, с. 60].

* *Sotto voce* – про себя, вполголоса (итал.).

Эпигонам и сторонникам “европейского выбора”, стремящимся не мытьем, так катаньем “вмонтировать” свои народы в западноевропейскую цивилизацию, следовало бы все же прислушаться к этим приведенным выше высказываниям и уяснить, наконец, себе тот общеизвестный факт, что Запад никогда не отличался национальной и культурной терпимостью и, похоже, не собирается ею отличаться в будущем. В отличие от Большой России, которая в ходе своего исторического развития смогла выработать целый ряд суперэтнических универсалий, Запад, в силу своих цивилизационных особенностей, вряд ли будет способным на это и сможет когда-либо строить свои отношения с оказавшимися в орбите его влияния народами (особенно с православными славянами) на основе принципа равенства и консенсуса. Опыт истории свидетельствует именно об этом.

Западную Европу в силу ее уникально благоприятных природно-климатических условий населяло к тому историческому моменту, когда англичане, французы и немцы стали создавать свои национальные государства, великое множество исторических этносов: кельтских, иллирийских, балтских, славянских и т. д. Где они сейчас на территориях этих государств? Ведь их было не меньше (если не больше), чем малых народов на территории России. Они все полностью уничтожены или ассимилированы. На территории Англии несколько раз почти полностью уничтожались коренное население и заменялось другим. Никто сейчас особо не вспоминает, что на территории Европы еще в эпоху Карла Великого и первых Каролингов (786–843) почти от самой Дании, по Эльбе и за Эльбой (первоначально это река называлась славянским именем Лаба), через Эрфурт к Регенсбургу и по Дунаю жили славянские племена: ободриты, лютичи, липоны, гавелы, гедарии, укры, поморяне, сербы и др. Что от них осталось? Выдающийся русский философ И. А. Ильин пишет в связи с этим: “Они подвергались завоеванию, искоренению или полной денационализации со стороны германцев. Тактика завоевателя была такова: после военной победы в стан германцев вызывался ведущий слой побежденного народа; эта аристократия *вырезалась на месте*; затем обезглавленный народ подвергался *принудительному* крещению в католицизм, несогласные *убивались тысячами*; оставшиеся *принудительно и бесповоротно германизировались*” [17, с. 329].

Процесс уничтожения “нетитульных” народов и народностей в Западной Европе был таков, что они либо вообще исчезли, либо превратились к настоящему времени в своего рода этнические реликты (шотландцы, валлийцы, бретонцы, гасконцы, лужичане и т. п.). Сегодня только два древних народа в Западной Европе – ирландцы и баски (в Испании и Франции) – пока еще сохранили свою идентичность. Однако многолетние кровавые войны за элементарную национальную автономию так и не могут до сих пор увенчаться успехом [18, с. 71].

А теперь посмотрим на судьбу народов в составе России, в “тюрьме народов”. Как ни странно, все они выжили, развили свою культуру и чуть ли не по всей горизонтали России пытаются ныне создать свою государственность, которой у многих из них вообще никогда не было. Что бы там теперь ни говорили о России, но она, в отличие от Англии, Франции, Германии, Испании, никогда не была “кладбищем народов”. Историческая правда заключается в том, что нерусские народы, соединившие свою судьбу в пределах российской государственности, имели вполне реальные возможности для своего развития, а русский народ в массе своей не выступал по отношению к ним в качестве угнетателя и никогда не ставил перед собой цели их уничтожения. Более того, в ряде случаев нерусским народам (финнам, например) предоставлялись привилегии, которыми не пользовалась сама русская нация. Сам факт существования в России с древнейших времен по сегодняшний день полиэтнического состава правящего класса (и правительства) говорит о многом. Если бы не сложилась такая традиция, то в нынешних правящих структурах России этнический состав был бы наверняка совсем другой. По крайней мере, вряд ли бы занимал такое место в политическом руководстве России, как это мы наблюдаем сейчас, инонациональный компонент.

Но почему так произошло? Едва ли это стало возможным в силу какой-либо изначально присущей русскому этносу доброты к иноплеменникам. Скорее всего, это может быть объяснено историческими условиями жизни русского народа, его географией и климатом. Широта пространств, их малонаселен-

ность превращали в совершенно неразумное занятие полное искоренение и денационализацию ассимилируемых Россией территорий. Напротив, для выживания в суровых российских условиях необходимой была кооперация усилий, сотрудничество. На Западе же было тесно. Там борьба за овладение нишами выживания шла не на жизнь, а на смерть. Все это и формировало архетипические качества и менталитет народов: у русских – открытость, всечеловечность, уникально терпимое и доброжелательное отношение к другим народам, а у западноевропейцев – агрессивно-экспансионистское, высокомерное и враждебное.

Интересно, каким образом в сознании белорусских и украинских представителей западофилов совмещается стремление к национальному возрождению, к развитию национального самосознания и культуры с мечтой “войти” в “Европейский дом”, “продвинуться” в Европу, отдаться власти чиновников наднациональных структур Европейского Союза? Не есть ли это определенно-го рода “культурная шизофрения”, о которой вполне определенно говорит все тот же Хантингтон? В частности, он пишет: “Политических лидеров, которые неумело считают, что могут кардинально перекроить культуру своих стран, неизбежно ждет провал. Им удастся заимствовать элементы западной культуры, но они не смогут вечно подавлять или навсегда удалить основные элементы своей местной культуры... Политические лидеры могут творить историю, но не могут избежать истории. Они порождают разорванные страны, но не смогут сотворить западные страны. Они могут заразить страну шизофренией культуры, которая надолго останется ее определяющей характеристикой” (выделено нами. – Ч. К.) [19, с. 237].

Пора нам, наконец, научиться верно оценивать сущность, характер и направленность развития западноевропейской цивилизации. В решении этого вопроса может оказаться наиболее полезным и “взгляд изнутри”, то есть изучение концепций и теорий самих западноевропейских исследователей. Это важно потому, что всякий ложный образ, всякие иллюзии относительно сущности и характера западноевропейской цивилизации стоили и несомненно будут еще стоить незападным народам, в том числе и восточным славянам, непомерно дорого.

Западная цивилизация является потребительской цивилизацией. Но потребительская цивилизация, помимо всего прочего, не может существовать, не расширяясь за счет других цивилизаций, которые она постепенно поглощает, или, иначе говоря, потребляет. “...Западная цивилизация имеет своей целью ни больше ни меньше, как включение всего человечества в единое общество и контроль над всем, что есть на земле, в воздухе и в воде, и к чему можно приложить для пользы дела современную западную технологию. То, что Запад совершает сейчас с исламом, он одновременно делает и со всеми существующими ныне цивилизациями – православно-христианским миром, индуистским и дальневосточным, включая и уцелевшие примитивные общества, которые находятся в безвыходном положении даже в собственной цитадели – тропической Африке. Таким образом, современное столкновение ислама и Запада не только глубже и интенсивнее, нежели любое из прежних, оно также представляет собой весьма характерный эпизод в стремлении Запада вестернизировать весь мир...” [19, с. 116]. Так писал А. Тойнби еще в 1947 году. Как все сказанное им и сегодня звучит актуально и современно! Не правда ли?

Что же нам делать в такой ситуации? Самим, подобно кроликам, лезть в пасть удаву или все же попытаться жить своим умом? Если мы, восточные славяне, не хотим, чтобы кто-либо манипулировал нашим образом жизни, нашим поведением, менталитетом и в целом нашей исторической судьбой, устанавливал контроль над нашими государствами, над нашей цивилизационной сверхобщностью (суперэтносом), то мы должны вести себя принципиально иначе, чем нам предлагают наши западники, которые, маскируясь под “националистов” и даже “патриотов”, на самом деле являются не чем иным, как добровольными внутренними эмигрантами, полпредами другой цивилизации, стремящейся завладеть нами и господствовать над нами. Если мы всего этого не хотим, то, наверное, нам следует пересмотреть приукрашенный образ “старой и доброй Европы” и ее “гигантского отпрыска” – США – и вместе с тем подумать о союзе с теми цивилизациями и народами, которые так же, как и мы, подвергаются открытому или замаскированному насилию и агрессии

(в том числе и с исламским миром, который не только граничит с нами извне, но и присутствует внутри нас).

Важно иметь в виду и следующее обстоятельство. США, население которых составляет от мирового чуть больше 4%, потребляет сырьевых и энергетических ресурсов, задействованных сегодня в мире, около 45%. Промышленность, вся инфраструктура, транспорт и т. д., которые обслуживают интересы этих четырех процентов, уже в течение 30 лет съедают весь кислород, образуемый наземным фотосинтезом растений на территории США. Если бы возможно было каким-то образом отделить Штаты от российской Сибири и джунглей Латинской Америки, жизнь у них прекратилась бы. Из 72 основных видов сырья, используемых США, 69 завозится из других стран. А если добавить к США другие богатые страны, обеспечившие у себя потребительский образ жизни, то уже получится 15% населения от мирового. Эти 15% и есть так называемый “золотой миллиард” нашей планеты. К настоящему времени эти 15% населения уже потребляют 80% мировых сырьевых и энергетических ресурсов, а выброс в атмосферу углекислого газа равен 60% [20, с. 99]. И что интересно, “золотому миллиарду” этого уже не хватает: раскрутившийся маховик предпринимательской экономики, основанный на принципе получения максимальной прибыли, требует все больше и больше ресурсов. В результате в странах этого “миллиарда” или начнут снижаться достигнутые стандарты потребления, или правительствам этих стран придется усилить эксплуатацию других стран и народов. Такова объективная ситуация.

А вот другая статистика: в России население от мирового составляет около 3%, а на ее территории сосредоточена 1/3 мировых энергетических и сырьевых ресурсов.

На сегодняшний день это обстоятельство стало важным в выборе ориентаций и принимаемых решений в мировой политике. Здесь сконцентрированы ее основные пружины и хранятся ее ключи.

Вообще наша планета становится сегодня похожей на печально известный “Титаник”, получивший пробоину в своем корпусе в результате столкновения с айсбергом. Пассажиры “Титаника”, до поры до времени не располагая информацией о случившемся, суетно продолжают выяснять отношения друг с другом, добиваться, по причине психологической несовместимости со своими соседями, переселения из одной каюты в другую, влюбляться, обманывать и обворовывать один другого. Но когда всем становится известно, что корабль тонет, начинается борьба за овладение спасательными шлюпками. А шлюпок этих на всех не хватает... Получилось так, что на нашем “обшаренном шарике”, где все обсчитано, все измерено и всего оказалось недостатком, именно Россия, благодаря своему семижильному мужику, хозяйственно освоившему огромные новые территории, стала обладательницей наибольшего количества существующих в мире вот этих “спасательных шлюпок”, сильно вождедель которых начинают ныне многие*.

А сейчас, исходя из всего сказанного, попробуем провести своего рода мысленный эксперимент, включающий в себя осмысление двух сценариев относительно перспектив развития восточнославянских народов.

* Интересен вопрос, почему трудолюбивые японцы, постоянно испытывая давление плотности населения, так и не предприняли попыток (вплоть до XX века) освоить новые территории и выйти за пределы ограниченного пространства населяемых ими островов, а “ленивые” русские обошли их острова и приступили к освоению Американского континента, к созданию “русской Америки”? Это русские открыли и освоили Курильские острова, а не японцы, у которых они были под самым боком. Видимо, здесь дело в том, что у японцев издревле и повсеместно возобладало поведение по принципу “не высовываться”, быть похожими на всех. Открытие же новых земель как раз, наоборот, требовало иных поведенческих качеств — способности действовать нестандартно, а не японцы, то есть “высовываться”. В XV–XVII вв., в период централизации русского государства, сопровождающейся нарастанием регламентации поведения и ограничением былых местных свобод, одной из причин расселения стало бегство крепостных крестьян, холопов, городской нищеты на вольные земли окраин государства (Дон, Запорожье, Сибирь) и создание там специфических казачьих поселений. В этом, между прочим, проявилось стремление русских к индивидуальной свободе и неприятие ими строгой регламентации жизни. По своему менталитету русские были склонны подчинять свою деятельность скорее духу, а не букве законов, а этике правил они предпочитали этику принципов.

Сценарий 1. Предположим, Украина полностью отрывается от России, разрывает с нею все исторические, экономические, научно-технологические, военные, да и просто человеческие связи и отношения, отгораживается. Поставим вопрос: нужна ли Украина Западу и США? Нужна. Но нужна только в деструктивных целях: для того, чтобы ослабить Россию, набросить на нее петлю, не дать ей возможности создать свой самостоятельный центр развития и силы и тем самым иметь беспрепятственный доступ к ее ресурсам, стать хозяином и распорядителем этих ресурсов. Во всех других отношениях Украина Западу совершенно не нужна, не только не нужна, но даже представляет для него определенную опасность. “Европейский дом” тесен. Для расширения “клуба избранных” на нашей планете просто нет ресурсов. **Став составной частью балто-черноморского проамериканского санитарного кордона, отделяющего Россию от Западной Европы, Украина может превратиться в глухую окраину Европы и изгоя Евразии. Украина представляет интерес для США только до тех пор, пока она окончательно не разорвет отношения с Россией, сделает налаживание добрососедства с ней в дальнейшем невозможным.** Европе не нужна Украина как конкурент в получении ресурсов из третьих стран, не нужна она ей как конкурент и в области промышленного производства, особенно высокотехнологичного. Напротив, Западу необходимо любой ценой сохранить монополию на высокотехнологичное производство. Ибо это является важнейшим условием его доминирования в мире. **Но главное – Западной Европе не нужна Украина как чуждое духовно-ментальное и культурно-цивилизационное образование.** Так что после того, как Западу и США удастся взять под свой полный контроль Россию, Украине будет отведена роль самой жалкой периферии, самого дешевого рынка рабочей силы и места для сброса некачественных товаров и, прежде всего, роль генно-биологической подпитки состарившихся западноевропейских этносов. Если и Беларусь решит последовать примеру Украины, то и она станет такой же жалкой периферией. Космополитический и постмодернистский Запад никогда не будет беспокоиться о сохранении “белорусскости” и развитии национального самосознания у белорусского народа. Как представители другой цивилизации Беларусь и Украина никогда не достигнут реального равноправия со странами Западной Европы.

С другой стороны, одна Россия, без стратегического экономического, политического и военного союза с остальными восточнославянскими странами, вряд ли сможет сохранить свою территориальную целостность, удержать свою Западную и Восточную Сибирь – эту богатейшую в мире кладовую сырьевых и энергетических ресурсов, – ей для этого просто не хватит населения. На этот регион с откровенным вождением сегодня смотрят и США, и Япония, и Китай, и многие другие.

Итак, при реализации данного сценария будет достигнута цель раздробления восточнославянского мира, превращения его в колониальную или полуколониальную периферию других центров силы. Именно над осуществлением этой цели сейчас и трудятся весьма напряженно мозговые центры и генеральные штабы. И как это ни трагично, на примере Украины и России видно, что мы и сами помогаем мировым гегемонам в осуществлении этой цели. “Горько смотреть, – пишет украинский исследователь С. Н. Сидоренко, – как российская и украинская “элиты” наперегонки, отталкивая одна другую локтями, устремляются “в Европу”, изо всех сил стараясь продемонстрировать перед Западом свою “цивилизованность”. На Украине, по предписанию Запада, эта “цивилизованность” должна выражаться в отречении от своей тысячелетней русской истории, от созданного за эту тысячу лет духовного достояния, в предательстве русских интересов и т. д. От России же – в качестве проявления “цивилизованности” – Запад ожидает в первую очередь отказа ее от “имперских амбиций”, а также трансформации ее духовной сущности, ослабления тех духовных основ, на которых веками держалась русская жизнь. И, надо сказать, на протяжении всего послесоветского периода Россия очень старалась соответствовать предъявляемым требованиям, так что готова была жертвовать чем угодно, только бы признали ее “цивилизованность”, только бы причислили ее к Европе...” [21, с. 136].

Сценарий 2. Беларусь, Россия, Украина создают свой самостоятельный региональный центр развития и силы. В орбиту их влияния, не исключено, будут вовлечены еще какие-то страны и народы. В этом случае Рос-

сия сможет сохранить территориальную целостность, а соответственно и богатства своих недр. И тут надо понять самое главное: недра Западной и Восточной Сибири, в случае тесного союза восточнославянских народов, станут их общим стратегическим ресурсом. В их освоении, в создании всех необходимых инфраструктур наряду с русскими принимали активное участие и белорусы, и украинцы. Это наше общее достояние. Это наш общий потенциал для дальнейшего стабильного развития без ресурсного голода. В случае реализации этого сценария перед восточнославянскими странами открывается перспектива длительного и устойчивого развития. Тогда в восточнославянскому миру, обладающему богатыми ресурсами и многочисленным населением, никто не сможет диктовать свои условия. Мы сами тогда сможем определять свой путь, свою стратегию, свою идеологию, свой перспективный “социальный проект”.

В реальности Беларусь и Украина только в союзе с Россией и могут стать значимыми субъектами мировой политики; для Запада Украина и Беларусь – это всего лишь объекты манипулирования и разменная монета в большой игре против России. Кроме того, принципиально важно здесь и то, что вне традиционного союза трех братских славянских народов не только Украина и Беларусь рискуют утратить свою идентичность, но и Россия в нашем агрессивном-конкурентном мире тоже не застрахована от этого. Правильно пишет все тот же Сидоренко С. Н.: “Без Киева, из которого берет начало наша история, без единого православия, без русской культуры, которая является общим достоянием великороссов, малороссов, белорусов и других народов некогда великой страны, и Россия, и Украина внутренне бессмысленны и взаимно неполноценны” [21, с. 135].

В рамках современного трансформирующегося мира восточнославянские народы должны взаимодействовать и одновременно соблюдать определенную дистанцию как в отношении к протестантско-католическому Западу, так и к мусульманско-буддийскому Востоку, но и не идя при этом на полное отчуждение от них. Современная цивилизация потеряет свое силовое и духовное равновесие, гармонизирующее поле развития, если восточнославянские народы полностью будут ассимилированы Западом или всецело окажутся во власти Востока. В принципе России с ее суровым климатом и огромной территорией, с ее в значительной степени неконкурентоспособной промышленной продукцией и т. п., необходимо введение автаркии, хотя бы ограниченного, гибкого характера. Непрерывающиеся попытки политического руководства Российской Федерации на каких угодно условиях добиться включения России во все более-менее значимые глобалистские структуры изначально таили в себе множество опасностей и ловушек. Опыт сегодняшнего дня свидетельствует, что идея интеграции российской экономики в мировую оказалась порочной, даже хотя бы потому, что те финансовые механизмы, которые были созданы якобы для привлечения иностранных инвестиций, на деле служили целям вывода капитала из России в мировую экономику. На фоне враждебной активности нового мирового рынка Россия, безрассудно отдавшаяся во власть этого рынка, сильно напоминала “неразумного мышонка, взявшего себе в няньки кошку только потому, что та очень сладко пела” [22, с. 137]. На практике получилось ни что иное, как сдача на милость победителю – всесильному транснациональному капиталу (“глобальному экономическому монстру”), а вовсе не создание какого-то своего полноценного рынка и капиталистической экономики продуктивного типа. Западу, наконец, удалось избавиться от извечного и очень сильного геополитического конкурента.

Акцентируем внимание, что мы здесь ведем речь не об автаркии, которая отгородит Россию от дальних и ближних соседей каменной стеной. Россия как великая держава не может не выдвигать мироустроительных идей, не участвовать в формировании нового мироустройства, новой геоструктуры мира. Без этого Россия была бы не Россией. Речь в данном случае идет лишь о таком уровне, форме и направленности экономической изолированности, которая позволила бы России научиться производить все необходимое на своей территории – всю технику – кроме, пожалуй, бытовой, все продукты питания, кроме тех, без которых можно обойтись, все информационные ресурсы, разве что помимо чисто развлекательных и т. п. Иначе говоря, идеалом экономического развития России (разумеется, с учетом экономик ее ближайших

союзников, в первую очередь близкородственных ей народов в цивилизационном и социокультурном отношениях) должно стать “новейшее натуральное хозяйство” [23, с. 45], при котором будет производиться все то, что необходимо для независимого, самостоятельного существования, а закупаться все то, что не разоряет страну.

Следует также подчеркнуть, что изоляционистские меры необходимы не только для достижения экономической автаркии, но и для укрепления культурной, духовной автаркии, поскольку сколь-нибудь серьезные преобразования общества невозможны как без того, так и без другого.

О гибельности взятого курса на полную интеграцию экономики России в мировую весьма наглядно свидетельствует и исторический опыт дореволюционной России. Если внимательно присмотреться к истории России, то можно обнаружить следующую зависимость: когда русская валюта так или иначе конвертировалась (например, когда она ходила в виде серебряной или золотой монеты), а торговые отношения были облегчены, — дело кончалось кризисом, революционной ситуацией, долговой ямой. Если же валюта была неконвертируема и таможенно-пограничная политика была жесткой, — то без всяких иностранных инвестиций промышленность росла, и государство усиливалось, как это, например, было во время царствования Александра III [24, с. 150]. И вот, несмотря на все это, и в то время, когда уже жестко встал вопрос о необходимости развития экономики России после ее столь бездарного подключения к мировому рынку, мы по-прежнему не перестаем слышать бесконечные, подобные заклинаниям, утверждения о том, что без интеграции в мировую экономику невозможно возрождение России.

Отметим, что теория экономического изоляционизма нашла свое классическое и, пожалуй, наиболее полное выражение в работах Ф. Листа, сформулировавшего принципы “экономической автаркии больших пространств” [25]. Ф. Лист убедительно показал, что экономика должна быть подчинена национальным интересам, а всякая апелляция к “автономной логике рынка” является лишь прикрытием для экономической (впоследствии и политической) экспансии богатых государств в ущерб более бедным. Заметим, кстати, что именно модель Ф. Листа всякий раз довольно успешно использовалась государствами, оказавшимися в ситуации кризиса. Например, В. Ратенау, автором германского “экономического чуда”. Правда, Лист настаивал на невозможности осуществления принципа “автаркии больших пространств” в странах с недостаточным демографическим, ресурсным и индустриальным потенциалом. На этом основании он в свое время выдвинул идею “таможенной интеграции”, призванной объединить Германию, Пруссию и Австрию в единый промышленно-финансовый блок, так как только при условии такого объединения можно было успешно конкурировать с развитыми колониальными державами того времени — Англией и Францией.

В нашу эпоху глобальных трансформаций эти идеи Листа приобрели особую актуальность и новое звучание. В самом деле, сегодня эффективно конкурировать, например, с таким “большим пространством”, каким является трансатлантический блок, может только его континентальный аналог в Евразии, о чем, кстати сказать, настойчиво предупреждает правительство США З. Бжезинский. Поэтому даже такая большая страна, как Россия, в сегодняшних условиях вряд ли сможет стать самодостаточной без надежных союзников. Хотя в России объективно и заложена онтологическая предрасположенность к автаркичному типу государственности и цивилизационного устройства, поскольку она в большей степени, чем многие другие государства, обладает необходимыми ресурсами и геополитическими условиями для этого, ей, тем не менее, одной будет чрезвычайно сложно пойти по пути развития в автономном режиме. Демографическая ситуация в России — вот ее “ахиллесова пята”. Только, например, для того, чтобы по-настоящему обжить и обустроить Сибирь, то есть осуществить своего рода внутреннюю экспансию, ей понадобится намного больше трудоспособного населения, чем то, которым она сегодня располагает. Следовательно, России как одному из наиболее крупных евразийских государств необходимо как можно быстрее стать действительным центром притяжения для соседних менее крупных государственных образований, в частности, сумеет, наконец, добиться тесного экономического, политического и военного союза с близкородственными ей в социокультурном и цивилизационном отношении восточнославянскими странами — Белару-

сью и Украиной. Нам никогда не следует забывать, что восточнославянские народы, учитывая общность их исторических путей развития, культурно-цивилизационную близость, теснейшие научные и промышленно-технологические связи, являются естественными союзниками высшей степени. Напомним, что технологический потенциал Советского Союза был по преимуществу сосредоточен в трех славянских республиках – России, на Украине и в Беларуси. И воссоздавать его поэтому разумно в теснейшем взаимодействии и кооперации. Народы Беларуси, России и Украины, их духовные и политические элиты должны осознавать, что восточнославянская цивилизация, определившая возможность их существования в современных условиях и являющаяся гарантией их суверенного существования в будущем, сама по себе является непреходящей ценностью.

Мы, конечно, отдаем себе отчет в том, что события в настоящий момент трагически разворачиваются в совершенно другом направлении. В отличие от всех других регионов мира только один регион – восточнославянский – не “играет в команде”, идет не по пути интеграции, а по пути дезинтеграции. Нас разделяют, а мы и сами с энтузиазмом разделяемся. В этом процессе, как представляется, в наибольшей степени повинны Кремль, российская политическая элита.

В чем это проявляется? В экономическом плане Беларусь и Украина только в том случае могли бы по-настоящему заинтересованно взять курс на сближение с Россией, если бы она допустила эти страны к добыче необходимых для нужд их национальных экономик энергоресурсов на своей территории, пошла бы на реальное создание единого экономического пространства с выделением им долевой собственности на сырьевые месторождения, стала привлекать их к реализации крупномасштабных модернизационных проектов, предпринимала различные другие такого рода действия, вплоть до введения общей валютной системы. Только так возможно было бы прочно привязать политику данных стран к политике России, исключив при этом влияние США в восточнославянском регионе. Понятно, что эти меры, предпринимаемые Россией, не должны носить односторонний характер, их следует компенсировать соответствующими шагами с белорусской и украинской стороны. Диву даешься, что Россия допустила к добыче энергоресурсов на своей территории Германию, Великобританию, Францию, США и Японию – страны, только тем и озабоченные, чтобы исключить всякую возможность возрождения России в качестве конкурентоспособного центра развития и силы, но не поступила аналогичным образом в отношении своих самых близкородственных народов – белорусского и украинского.

В чем дело? Почему так получилось?

Все дело в том, что в России у власти оказались люди не с государственным, а с коммерческим мышлением, “низкие мужи” (если прибегнуть к терминологии Конфуция). Нынешняя российская политическая элита рекрутировалась в основном из фарцовщиков и торговцев джинсами, из сословия “лавочников-полунинтеллигентов”, сформировавшихся в немалом количестве к началу “перестройки”, “озверелых мещан”, у которых ненасытная жажда потребления и “уродливо развитое чувство собственности” (М. Горький) являются абсолютно доминирующими. Эти люди к тому же были иррациональными, совершенно обезумевшими западофилами (западоидами), испытывающими бесконечное восхищение успехами “общества потребления”, получившего тогда интенсивное развитие в западноевропейских странах. “Они с юности впитали пренебрежение к понятиям “государство”, “империя”, “национальный интерес” и т. д. Все эти понятия в глубине души являются для них фикцией и объектом насмешек. Они научились прекрасно их использовать в пропагандистских целях, но нисколько в них не верят. Неожиданно эти люди взяли власть на руинах Советской империи, которая еще недавно казалась вечной. Они поняли, что это великий шанс утилизировать советское наследство. Советская власть, возможно, была плохой, жесткой, но, как выяснилось, именно она создала все, на чем сотни людей стали в одночасье миллиардерами. За постсоветский период не было создано ничего нового, прошло уже почти двадцать лет, и запас прочности еще полностью не исчерпан – вот что натворила советская власть” [26, с. 29].

Вообще, что касается российской власти, то и в ее недрах протекали весьма прискорбные метаморфозы. Ее носители претерпели явную примитивизацию своего культурного уровня и вкусов. Обновленная в 90-е годы прошлого

столетия российская властная (и не только) элита стала характеризоваться упрощением всех показателей “элитарности”. Практически вся новая российская элита оказалась “заквашенной” на ширпотребе (западном и своем местном), на коррупции и воровстве. Недаром некоторые исследователи для характеристики властной российской элиты применяют, наряду с прочим, слово “клептократия”. Так, например, в ряде публикаций М. Г. Делягина данная характеристика российской властной элиты встречается весьма часто.

Представители же старой советской элиты (и политической, и культурной), вошедшие во власть, быстро отказались от своих прежних стандартов и ограничений и, на удивление, легко приспособились к новым веяниям времени. Практически большинство представителей современной российской элиты, не исключая и некоторых носителей государственной власти высшего уровня, являют собой усредненный продукт городской массовой культуры. Оказалась, что новая элита не только заинтересована в ухудшении “человеческого материала”, в снижении качества образования, культурного потенциала, поскольку в этом случае легче манипулировать массами, но и сама не смогла избежать интенсивного процесса интегрирования в массовую культуру и утери свойственного подлинной элите уровня и качества. Неудивительно, что данную ситуацию не ограниченного традиционными просветительскими рамками проникновения современной массовой потребительской культуры в элитарные круги Ю. А. Левада охарактеризовал как доминанту “среднего вкуса”. И в самом деле, данные социологических опросов однозначно свидетельствуют, что “культурные вкусы и запросы доступной исследованию, относительно многочисленной “социальной элиты” практически ...не отличаются от средних. Не видно позиций держателей “высокого” уровня. Показательно, что в сфере музыкальных интересов главным носителем массовой моды (эстрада, рок) оказываются “верхние” статусные группы” [27, с. 317–318].

К сожалению, на сегодняшний день “верхи”, у которых доминирует “средний вкус”, определяют политическую линию развития огромного государства более чем с тысячелетней историей. Большого несчастья вряд ли можно пожелать какому-либо народу. А если еще учесть некоторую этническую разобщенность властной и культурной элиты, а также нарастающие в ее недрах противоречия между различными группами и кланами, то ситуация приобретает уже совсем драматический оборот. Поэтому сегодня проблема формирования новой национальной элиты – это проблема сохранения России как целостного государственного образования. Без кардинальной трансформации элит Россия не имеет перспектив на дальнейшее развитие.

В самом деле, может ли быть способной такого рода элита на геостратегические “инвестиции в интеграцию” восточнославянских народов? Напротив, для нее естественнее стремление к подавлению даже ростков какой бы то ни было великодержавности русского народа, к умалению его исторической миссии. Утеря величия духа, отказ от любых амбиций геополитического характера, презрение к имперскому миропониманию – вот что в наибольшей степени характерно и для современной российской элиты. Глубоко не правы те, кто сегодня обвиняет российский политический режим в имперских претензиях. Вся проблема как раз состоит именно в том, что российское политическое руководство вообще утратило всякие имперские амбиции. Если бы эти амбиции сохранялись в том виде, как они были характерны для традиционной российской (в том числе советской) государственности, то можно было бы не сомневаться в том, что нынешняя российская власть строила бы свои отношения не только с Беларусью и Украиной, но и с другими странами СНГ отнюдь не только на коммерческой основе. На имперские амбиции сегодняшний российский режим явно не тянет. Империя предполагает наличие мироустроительных идей и действий, заботу, сбережение и развитие народов, оказавшихся в пределах ее границ, обустройство окраин и преодоление их отсталости в цивилизационном и социокультурном отношениях. Что касается российской империи, то она никогда не была системой угнетения одной нацией других и представляла собой в целом семью братских народов, объединенных общими целями и интересами, хранящих единство в многообразии. На такую империю даже в мыслях не способны замахиваться утвердившиеся ныне у власти “коммерсанты” и “бизнесмены”. Они все по определению являются “временщиками”, поскольку почти исключительно озабочены сиюминутной выгодой и получением максимальной прибыли “здесь и сейчас”.

В России сложилась система монетократии – власть денег. Для нынешней российской элиты деньги представляют собой не просто функциональную вещь, средство. Для основной массы ее представителей деньги – это бог, абсолютная ценность. “...Они считают, что при помощи денег можно решить любые проблемы, в том числе и метафизические... То есть деньги – это не просто инструмент для решения каких-либо сугубо практических вопросов, это кардинальная характеристика человека, имманентная ему. Она отличает людей категории А от людей категории Б” [26, с. 32].

Сегодня можно определенно утверждать, что причина всех провалов и поражений России в постперестроечный период, небывалое падение ее международного престижа и авторитета состоит не столько в ослаблении ее военной мощи и экономического потенциала, сколько в том, что у руля государства стали люди, бесконечно далекие от родной почвы, беспрецедентно эпигонствующие и подражательные. Они оказались неспособными понять, ни какая страна досталась им в управление, ни какие у нее сильные и слабые стороны. Им также оказалось неведомо (они, собственно, и не интересуются), на каких традиционных опорах держалась и может держаться русская жизнь, какие ценности и ориентиры для русского народа являются базовыми, инвариантными, то есть ни при каких обстоятельствах не подлежащими пересмотру.

В сущности, то, что в последние два десятилетия осуществлялось во внутренней и внешней политике от имени России, на деле не было реализацией ее глубинных интересов, а было подчинено корыстным интересам “тонкой прослойки” представителей “малого народа” (если прибегнуть к терминологии И. Р. Шафаревича), грабщей “большой народ”. Причем, что интересно, деятельность этой кучки расчленителей и грабителей России в высшей степени соответствовала интересам и устремлениям внешних враждебных России сил, активно поощрялась и направлялась этими силами. Сказанное оттеняет большой важности факт: реформаторская элита изначально не отождествляла себя с “этой страной”, воспринимая ее как колонизируемое пространство, из которого предстоит как можно быстрее выжать все ценное и имеющее в мире спрос, а затем убежать за рубеж, предоставляя ее самой себе.

Однако нет худа без добра. Большинство народа, обнаружив предательство собственных элит, ведущих себя подобно колонизаторам и эмигрантам, а также убедившись и в “предательстве” Запада, откровенно ставшего исповедовать двойные стандарты (один – для внутреннего пользования, другой – для внешнего), сменило свою ценностно-мировоззренческую ориентацию. Если еще совсем недавно довольно многочисленные слои и группы восточнославянского общества и в самом деле верили, что радикальные рыночные реформы откроют им дверь в богатый “европейский дом”, то немного позже им стало ясно, что путь с Востока на Запад им закрыт, и что для них все явственнее и принудительнее вырисовывается совсем иная перспектива – перспектива выхода из “второго мира”, в котором они жили до “перестройки”, и перспектива вхождения в “третий” и “четвертый” миры Востока и Юга. Это обстоятельство, как представляется, станет, в конечном счете, объективной предпосылкой ротации элит, прихода к власти здоровых патриотических сил, способных реализовать глубинные, стратегические интересы восточнославянского общества.

Сегодня, с какой стороны ни подойти, приходится видеть трагическую несоизмеримость великого духовного содержания и, в целом, масштабов русского мира, который достался российской власти в наследство, и тех убогих государственной оболочки и формы, в которые теперь пытаются его загнать и упаковать. Несоответствие самой природы нынешней российской государственности тем насущным задачам, которые стоят перед восточнославянскими народами, всем русским миром (начиная с задач сохранения его фундаментальных духовных основ), все еще продолжает бесконечно удивлять и поражать.

Если бы российские реформаторы хоть в незначительной степени обладали чувством национальной почвы, должным уважением к специфике и исторической судьбе своих народов, то им нетрудно было бы понять, что всеобщая капитализация в этих странах путем полного разрушения государственной собственности и целостного народно-хозяйственного комплекса, созданного ценой невероятных жертв и усилий народа, в принципе неприемлема. Ведь только подумать: Беларуси приходится договариваться о разработке месторождений нефти и газа с Венесуэлой, Азербайджаном, Туркменистаном, с кем

угодно, только не с Россией. Отказ допустить своих ближайших соседей к добыче энергоресурсов на территории России, похоже, никак нельзя иначе объяснить, как стремлением ее политического руководства сохранить за собой шантажный потенциал в отношении всех стран СНГ. Гибельность такой коммерчески ориентированной политики очевидна. Ведь, в конечном счете, главным вопросом Союзного государства (и в целом отношений России и Беларуси) выступает вопрос о привлекательности России как страны для рядовых граждан белорусского общества и о реальных гарантиях определенного рода преимуществ для его элиты в случае тесного союза в финансово-экономической, политической и военной сферах. Белорусская элита (широкий слой руководителей и чиновников разного рода) должна иметь твердые основания надеяться на обеспечение их собственных интересов – получение ими в результате интеграции чего-то выгодного и недоступного без этой интеграции. Иначе говоря, неотъемлемая часть их интересов должна быть надежно гарантирована. В противном случае белорусская, как, впрочем, и украинская элита будет не содействовать действительному союзу восточнославянских государств, а противодействовать ему, что, собственно, и наблюдается в последнее время. Но российский (точнее сказать, антироссийский) олигархический режим все эти проблемы мало волнуют. Этот режим не только не ориентирован на осуществление хоть какой-либо имперской миссии на постсоветском пространстве, но его, судя по всему, мало заботит даже историческая судьба, будущность самой коренной России. Если так будет продолжаться и дальше, то нет сомнения, что за Украиной и Грузией потянутся в НАТО и все другие страны СНГ. Неудивительным становится и то, что в Беларуси все больше граждан приходит к выводу, что не имеет смысла и даже опасно объединяться с Россией, пока там правят бал коррупция и олигархи. Последние так же будут грабить белорусский народ, как они грабят русский. И это действительно так.

Однако надо понимать, что без “инвестиций в интеграцию” и Россия, и Беларусь, и Украина будут обречены на дальнейшую деградацию, распад, частичное или полное поглощение своими консолидированными и более успешными геополитическими конкурентами. В реальности существуют объективные факторы целесообразности единения этих трех родственных народов, от которых очень трудно отмахнуться, даже если бы кому-либо очень этого хотелось. И надо полагать, что эта объективная потребность возьмет свое. Есть также уверенность, что Россия изживет, перемелет олигархический режим, что русский народ сможет, в конце концов, привести к власти тех людей, которые будут реализовывать его глубинные интересы. И белорусский, и украинский народы в этом должны ему помогать.

Многое в дальнейшем будет зависеть и от Украины. После выборов 7 февраля 2010 года Украина вышла на историческое перепутье. Перед ней открываются три дороги: во-первых, она может продолжать и дальше двигаться в прозападном направлении с перспективой, как было уже показано, полной потери своей политической субъектности, крахом своей собственной экономической системы, а также “вымыванием” наиболее биологически и социально активной части своего населения, как это сейчас происходит в Прибалтике и Польше. Во-вторых, она может еще некоторое время маневрировать между Западом и Россией, надеясь на получение разного рода преимуществ и преференций с той и с другой стороны. Но такая ситуация приведет только к потере исторического времени и ослаблению потенциала развития. В-третьих, Украина может взять курс на крупномасштабное сближение с Россией. Но избрание этого пути движения будет в равной мере зависеть как от Украины, так и от России. Однако чтобы это произошло, нужна смена элит. А это очень сложный процесс. Пока нельзя с уверенностью сказать, что существует в России и на Украине достаточное количество людей – критическая масса, способная сформировать новую элиту. Но как бы там ни было, ясно одно: от власти должны быть отстранены коммерсанты-бизнесмены. К власти, как на Украине, так и в России, – акцентируем внимание, – должны прийти люди, обладающие масштабным государственным мышлением.

Сегодня перед восточнославянскими странами стоит задача не допустить такой ситуации, когда процесс нарастающей регионализации, консолидации региональных групп и центров силы будет происходить без них. Коллективно, то есть независимо от устремлений наших геополитических конкурентов, восточнославянский регион, будучи в окружении экономически и политиче-

ски более сильных конкурентов – Западной Европы и Китая, – будет испытывать огромные трудности в процессе своей консолидации. И уж тем более в деле превращения в самостоятельный центр развития и силы, то есть в центр притяжения надежных союзников и партнеров. Это обстоятельство, безусловно, потребует от восточнославянских народов определенного рода сверхусилий, а от их элит и лидеров – политической воли, смелости и целеустремленности. В противном случае восточнославянские народы могут оказаться кандидатами на утерю своей исторической и политической субъектности.

Восточнославянским народам необходима **духовная мобилизация**. Данную необходимость диктует актуальный характер вызовов обществу, которые в своей действительности сегодня проистекают не только из прошлого, но и во все возрастающей степени продуцируются будущим и требуют для адекватного ответа интеллектуальных прорывов и новых проектных решений, соответствующих реалиям современности. Восточнославянские мыслители, озабоченные состоянием своих стран, должны противопоставить бесперспективности идей западников, занятых лишь торгом вокруг наиболее выгодной траектории встраивания восточнославянских стран в западноевропейскую цивилизацию, мобилизационный “проект будущего” опережающего, а не догоняющего характера, выводящего оптимальные пути развития восточнославянских народов на собственной культурно-цивилизационной основе. Выдвигать и обосновать собственную теорию, точнее, метатеорию, позволяющую сформировать принципы и направления движения Беларуси, России, Украины в сторону свободной, не занятой и не детерминированной другими странами и народами ниши существования в нынешнем противоречивом и сложном геополитическом пространстве. Их задача состоит в том, чтобы по возможности выявить в гуще ветвящихся дорог исторической эволюции те пути развития, которые в наибольшей степени соответствуют принципам гуманизма и справедливости и вместе с тем открывают для восточнославянской цивилизации длительную историческую перспективу.

Восточнославянские народы должны иметь право и возможность целенаправленно и действовать сообразно своим историческим традициям, цивилизационным особенностям и интересам. Они, сполна познавшие крайности дилеммы “социализм – капитализм”, должны отказаться от бесперспективного эгигонства и приступить к решению действительно трудной творческой задачи – выработке нового проекта будущего, выдвижения великой альтернативной идеи, ориентированной на решение глобальных проблем, стоящих перед человечеством. Только решение таких грандиозных задач может вдохновить восточнославянские народы.

При этом мы убеждены, что “вулкан истории” отнюдь не потух и способен к новым цивилизационным “выбросам”. “Цветущее многообразие” (выражение К. Леонтьева) культур не оставлено навсегда позади, и “конец истории” еще пока не наступил. Космогонические процессы образования новых миров (моделей) еще, к счастью, продолжаются, и история остается открытой для творчества, для поисков новых, неизведанных путей развития. Всего за 30–40 послевоенных лет в мире появилась, наряду с Атлантической, новая цивилизационная модель – Тихоокеанская. Нет поэтому никаких оснований с порога отрицать и возможность появления еще одной модели – Евразийской, например. Евразийская модель – это специфическая цивилизационная общность, интегрирующая импульсы Запада и Востока, Севера и Юга и по-своему преломляющая, творчески синтезирующая их. Она должна быть направлена на изживание раскола восточнославянских народов и внутрироссийского раскола, быть ориентированной на всемирность и всечеловечность. Иначе говоря, проблема состоит в том, чтобы разумно соединить лучшие черты многовекового опыта России и других восточнославянских народов, в том числе и опыта их недавнего советского прошлого, с достижениями стран Востока и современного постиндустриального общества Европы и Северной Америки, отсекая при этом все то, что не соответствует историческим традициям и национальным интересам народов, составляющих эту общность, и ведет к потере ими своей самоидентификации, своей осевой, центральной, смыслообразующей ценностной идеи.

Как свидетельствует история, возникновение новых цивилизаций всегда развертывалось в сфере духа – в ходе формирования оригинальной системы

ценностей и нового видения горизонтов бытия. Подражание не может быть источником вдохновения. Оно никогда не станет основой для формирования самобытной цивилизации. Его результаты всегда будут вторичны и неинтересны другим народам. “Не числом, а умением”, силой духа формировались новые цивилизации. Например, никому не известное племя, поселившееся на левом заболоченном берегу Тибра, ведущее примитивное сельское хозяйство и по всем другим параметрам отстающее от богатых городов Средиземноморья, через несколько веков превратилось в могучую Римскую империю. Почему? Да потому, что Рим выработал принципиально новую социально-политическую модель развития. В силу той же способности к новаторским решениям слабые аравийские племена, постоянно теснимые соседями, создали грандиозную мир-империю – арабский халифат. Немногочисленные христианские общины, впервые в истории перенесшие социальную борьбу в духовную сферу, вызвали к жизни самую влиятельную и многочисленную мировую религию. А это означает, что будущее зависит не только от объективно-исторических факторов (численности населения, размера территорий и т. п.), но и от адекватного исторического выбора и от способности к конструктивному проектированию, то есть от субъективного фактора истории.

Сегодня восточнославянским странам нужны мыслители и практики с развитым чувством долга и чести, обладающие “длинной волей”, способные силой мысли заглянуть за привычный горизонт событий. Именно они, используя свои творческие силы, могут выдвинуть и реализовать в ходе развернувшейся в нашем тесном земном мире битвы за будущее свой жизнеспособный проект восточнославянской цивилизации как регионального самодостаточного центра развития и силы. Противоречивость нынешней ситуации, растерянность общества могут быть преодолены лишь посредством той или иной формы подвижничества и интеллектуальной мобилизации.

Смеем смело высказать тезис: если Россия, Беларусь и Украина не смогут достичь тесного экономического, политического и военного союза, то есть стать самодостаточным центром развития и силы, то их ждет жалкое полуклональное существование, деградация и угасание. Их попросту, каждую по отдельности, раздавят другие центры силы. При подобном развитии событий, акцентируем внимание, наши дети и внуки, многие из которых уже успели стать жертвами (“инвалидами”) информационной войны, ведущейся против восточнославянских (как, впрочем, и целого ряда других) народов, могут оказаться рабами XXI века, мелкой разменной монетой на мировом рынке труда. Правда, рабство XXI века кандалов и цепей не потребует. Оно будет выступать в других, более завуалированных формах. Рабство XXI века – это рынок дешевой рабочей силы; это территория для разрешения вредных производств и вредных отходов; это место для сброса некачественных товаров; это “сырьевые приделки” для других стран и т. д. Но такого поворота событий восточнославянские народы не должны допустить ни при каких обстоятельствах.

Причем здесь важно иметь в виду: будущее в значительной степени станет таким, каким мы его увидим сегодня. В силу действия механизма “самоорганизующихся” и “самоосуществляющихся” пророчеств оно не в малой степени будет соответствовать тому, к чему мы будем стремиться и за что мы будем бороться. Это происходит потому, что люди узнают об ожидаемом их будущем, воздействующем на их дела “здесь и теперь”, в сегодняшней жизни. Именно явные и скрытые бессознательные установки относительно будущего и определяют поведение человека сегодня. Стало быть, представление о будущем – это уже один из способов воздействия на него, путь формирования этого будущего. Поэтому мы можем и должны воздействовать на это будущее в желаемом для нас направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бобровников А. В. Кто будет заказывать музыку? / А. В. Бобровников, В. М. Давыдов // Свободная мысль – XXI. – 2005. – № 2.
2. Делягин М. Г. Предстоящий мир: некоторые базовые тенденции и требования к России / М. Г. Делягин // Мир в 2020 году // М., 2007.

3. Шишков Ю. В. Регионализация и глобализация мировой эконополитики: альтернатива или взаимодействие? // Ю. В. Шишков // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – № 8.
4. Глазьев С. Таможне дают “добро...” / С. Глазьев // “Завтра”. – 2009. – № 51 (839).
5. Барма Н. Мир без Запада / Н. Барма, С. Вебер, Э. Ратнер // Россия в глобальной политике. – 2008. – № 11.
6. Олтман Р. Великий крах – 2008: геополитическое поражение Запада / Р. Олтман // Россия в глобальной политике. – 2009. – Том 7. – № 1.
7. Пабст А. Белинская доктрина: от атлантической однополярности к панъевразийскому сообществу безопасности / А. Пабст // Россия в глобальной политике. – 2009. – Том 7. – № 1.
8. Ео Дж. Эпоха великой переоценки / Дж. Ео // Россия в глобальной политике. – 2009. – Том 7. – № 1.
9. Верхофстадт Ги. Три выхода для Европы: на пороге “нового века империй” / Ги Верхофстадт // Россия в глобальной политике. – 2009. – Том 7. – № 1.
10. Полити А. После “бушеномики”. От бездержавной многополярности к текущим балансам / А. Полити // Россия в глобальной политике. – 2009. – Том 7. – № 1.
11. Белл Д. Эпоха разобщенности / Д. Белл // Свободная мысль. – XXI. – 2006. – № 6.
12. Фергюссон Н. Мир без гегемона / Н. Фергюссон // Свободная мысль. – XXI. – 2005. – № 1.
13. International Herald Tribune. – 2008. – Dec. 17.
14. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон // М., 2003.
15. Шерр Д. Россия и ЕС в разных координатах времени / Д. Шерр // Независимая газета. – 2002. – 11 декабря.
16. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт // М., 1984.
17. Ильин А. И. Что сулит миру расчленение России / А. И. Ильин // Собр. соч. – Т. 2. – К. 1. – М., 1993.
18. Кожин В. В. История Руси и русского слова / В. В. Кожин // М., 1999.
19. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории / А. Дж. Тойнби // М., 1996.
20. Крылова И. А. Дестабилизация социально-экономической обстановки в России / И. А. Крылова // Философия и общество. – 1999. – № 1.
21. Сидоренко С. Н. Новая Россия и бывшая Малороссия / С. Н. Сидоренко // Москва. – 2003. – № 11.
22. Голанский М. Россия на перекрестке двух дорог / М. Голанский // Москва. – 1997. – № 8.
23. Володихин Д. Вера в собственные силы / Д. Володихин // Политический журнал. – 2008. – № 11.
24. Паршев А. П. Почему Россия не Америка / А. П. Паршев. – М., 2000.
25. Лист Ф. Национальная система политической экономии / Ф. Лист. – СПб., 1841.
26. Белковский С. В стране сложилась монетократия – власть денег / С. Белковский // Политический класс. – 2009. – № 11.
27. Левада Ю. От мнений к пониманию. Социологические очерки. 1993–2000 / Ю. Левада. – М.: Моск. школа полит. исслед., 2000. – 576 с.

Как и во всех постсоветских республиках, в Беларуси происходит активный поиск национальной идентичности. При этом значительная часть интеллигенции склонна отождествлять белорусскую государственность и саму национальную идею с историей Великого княжества Литовского. На этом направлении создана масса легенд и мифологем. В их основе утверждение, что, поскольку белорусы составляли большинство населения Великого княжества, оно являлось государством белорусского народа. И хотя эта концепция не встречает поддержки ни в польской, ни в литовской историографии, в кругах минской интеллигенции она распространена. О том, каким было реальное положение белорусов в Великом княжестве Литовском и где следует искать основы национальной идентичности, размышляет известный белорусский общественствовед доктор философских наук Лев Евстафьевич Криштапович.

ЛЕВ КРИШТАПОВИЧ

доктор философских наук

ЗАЧЕМ НАМ ЧУЖАЯ ИСТОРИЯ, КОГДА У НАС ЕСТЬ СВОЯ?

Формирующаяся сегодня белорусская модель развития опирается на многовековой опыт историко-культурного становления белорусского народа на стыке цивилизации Востока и Запада.

На рубеже первого и второго тысячелетий значительную часть территории нынешней Беларуси занимали Полоцкое княжество на севере и Туровское — на юге. Построенные в середине XI века Софийские соборы в Полоцке, Новгороде и Киеве символизировали собой единство восточнославянской цивилизации, общность традиций, веры, культуры и исторические судьбы.

Вхождение белорусских земель в состав Великого княжества Литовского существенно повлияло не только на этническую консолидацию, но и на развитие материальной культуры белорусского народа. Обусловлено это было тем, что восточнославянские земли в составе Великого княжества Литовского с латинской точки зрения занимали положение завоеванных провинций. Ибо по условиям Кревской унии Ягайло обязался «на вечные времена присоединить к Польше свои литовские и русские земли»¹. С этого времени Великое княжество Литовское основывается на латинском принципе, имевшем кардинальное отличие от организации материальной и духовной жизни восточнославянской цивилизации. Неслыханное татарское нашествие как бы завуалировало ту реальную опасность, которая угрожала белорусским землям со стороны

КРИШТАПОВИЧ Лев Евстафьевич родился в 1949 году в деревне Пекалин Минской области. Окончил исторический факультет БГУ. Доктор философских наук, профессор. Заместитель директора Информационно-аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь. Автор книги «Беларусь и Россия: историческое и цивилизационное единство» (Минск, 2006).

Литвы и Польши. “Русским на западной стороне, – справедливо указывал М. Коялович, – предстояла отчасти та же работа, что и на восточной. Против всех этих врагов западноруссам нужно было защищать не только государственное свое тело, но и славянскую свою душу. Задача была сложнее, труднее. От того и решена она была здесь более неудачно: и государственность не могла прочно устроиться, и душа славянская более пострадала. От того-то здесь русскими остались только крестьяне. . . ”².

Польское государство было образовано на несовместимых принципах – славянстве и латинстве. Эта ахиллесова пята польской государственности приводила к тому, что Польша изначально теряла свои западные земли и искусственно подталкивалась латинской иерархией, которая была пропитана меркантильным немецким духом, на Восток, на Русь. Уже в 1147 году папа римский Евгений III благословил первый крестовый поход германцев против славян. Потеряв в XII веке Силезию, славянские земли между Эльбой и Одером, на которых возникло немецкое княжество Бранденбург, недальновидные польские правители стремятся компенсировать территориальные потери, захватами русских земель, не понимая, что они толкают Польшу к самоуничтожению. Польский народ был превращен в рабочий скот, а польская шляхта усваивала немецкие обычаи, денационализировалась. Отсюда резкое разделение между верхами и низами польского общества, разделение, которого Западная и Восточная Русь никогда не знала. Польское законодательство представляло собой не законы общего государства, а законы иноземных частных корпораций. Католическая церковь руководствовалась римским каноническим правом, польская шляхта – своими корпоративными привилегиями, города управлялись на основе немецкого – магдебургского права, а народ жил по своим славянским обычаям и традициям. В отличие от Польши в России вплоть до Соборного Уложения 1649 года судебные учреждения были общими как для крестьян, так и для лиц других сословий.

Правящие классы Польши и Литвы, руководствовавшиеся не национальными, а узкоэгоистическими интересами, вступили на путь латинизации русских земель. Польский король Ягайло издал постановление о запрещении католикам вступать в браки с православными обоюбого пола, “пока наперед русин или русинка не признают покорности римской церкви”. В случае нарушения этого постановления повелевалось принуждать к принятию католической веры телесными наказаниями того из супругов, который исповедовал православие. Городельский сейм 1413 года, на котором был составлен акт о соединении Литвы и Польши в одно государство, резко разделяет жителей Великого княжества Литовского по вероисповедному признаку. Городельский трактат положил начало образованию литовской католической аристократии как господствующего сословия в государстве. Все высшие должности могли занимать только литовцы-католики. Последние составляли при великом князе литовском так называемую господарскую Раду. Литовская народность заняла привилегированное положение в Великом княжестве Литовском. Такая политика не могла не вызвать чувства обиды среди русского населения. Антагонизм русских земель с собственно Литвой, наметившийся во времена Ягайло, выступил наружу.

В 1436 году в Великом княжестве Литовском была введена инквизиция. Православные, то есть русский народ (белорусы и украинцы), подверглись гонениям. Им даже запрещалось строить церкви. И все это происходило в государстве, где литовско-латинский элемент составлял ничтожную часть, как в территориальном, так и в демографическом плане. Борьба между русскими землями и латинизированной Литвой особенно проявилась в период кровавых распрей между Свидригайло и Сигизмундом. В целях примирения Руси с Литвой и привлечения на свою сторону русской шляхты польский король и великий князь литовский Казимир IV 2 мая 1447 года издал новый привилей. В нем говорилось о распространении шляхетских прав и вольностей на всю православную русскую шляхту Литовского княжества. Однако латинский принцип занятия государственных должностей только католиками оставался в силе.

Напряженные отношения между русскими православными князьями и литовскими католическими магнатами сохранялись на протяжении всего XV века и нередко принимали открытые формы выступлений Руси против Литвы. В 1471 году умер киевский князь Семен Олелькович. Правительство решило превратить Киевское княжество в литовскую провинцию, назначив в Киев на-

местника – литовского магната Гаштольда. В ответ на эту явно антирусскую акцию литовского правительства русские князья составили заговор против Казимира IV. Он был раскрыт, заговорщики казнены. Примечательно, что заговорщики действовали в расчете на помощь Москвы. Объективно литовское правительство в отношении русских земель (Беларуси и Украины) проводило политику оккупационного режима. Классическим примером угнетенного положения русского народа (белорусов и украинцев) в государственной системе Великого княжества Литовского является эпизод из жизни князя Константина Ивановича Острожского, знаменитого победителя московских войск под Оршей в 1514 году. Польский король Сигизмунд I назначил К. Острожского великим литовским гетманом. Это звание давало право русскому князю на место в составе господарской Рады. Но литовцы-католики категорически были против принятия в Раду К. Острожского на том основании, что он схизматик, то есть православный. С большим трудом в виде исключения Сигизмунд I уговорил Раду допустить в ее состав знаменитого полководца. Этот факт также красноречиво опровергает выдумки национал-русофобов о существовании белорусского правительства и белорусского государства в период Великого княжества Литовского.

Средневековье стало важнейшим рубежом в духовно-культурном развитии белорусского народа, разносторонних культурных связей с другими народами, входившими в состав полиэтнического государства. Евфросинья Полоцкая, Кирилл Туровский и Франциск Скорина своими идеями и трудами обогатили как отечественную, так и европейскую культуру.

В XVII–XVIII веках (период вхождения Беларуси в состав Речи Посполитой) для белорусской культуры была свойственна дихотомичность. Высший слой пользовался польским языком и развивал свою культуру посредством денационализации и полонизации. Одновременно в низших слоях (крестьянстве, мещанстве, православном духовенстве) развивалась народная культура, стержень которой составляли белорусский язык, фольклор, ремесло и декоративно-прикладное искусство. Возникший в результате Реформации протестантизм, который обеспечивал психологическую мотивировку, адекватную духу западного образа жизни, затронул лишь высшие денационализированные слои общества.

Восточнославянскую цивилизацию строили все русские – белорусы, великороссы, украинцы. Это строительство было территориальным, экономическим, церковным и культурным. В результате складывалась самобытная и жизнестойкая цивилизация со своими пространственными, временными и духовными параметрами. В самые тяжелые периоды национально-освободительной войны белорусов и украинцев против польских угнетателей Московское государство открывало свои границы, предоставляя место жительства своим восточнославянским братьям. В течение XVII–XVIII переселение белорусов и украинцев к востоку за Днепр носило непрерывный характер. Причем на Восток бежали не только из ближайших приднепровских регионов Речи Посполитой, но даже с Волыни, поскольку гнет польских панов в западных районах Беларуси и Украины был сильнее, чем на Киевщине и Могилевщине. Польско-литовское правительство всячески препятствовало подобному переселенческому движению, но наши предки снова уходили и нередко с боем пробивали себе дорогу к родной Восточной России. По глубокому замечанию М. Кояловича, “этому-то направлению, этому голосу народа, обьявлявшего, что спасение для него – в восточной России, последовал и Хмельницкий”³.

Белорусы принесли в Россию новое слово – мещане. В 1679 году за Сretenскими воротами в Москве для них была построена Мещанская слобода, и мещане были взяты в ведомство Малороссийского приказа⁴.

Существует точка зрения, что белорусские мещане во многом определили формирование московского говора с характерным для него аканьем, который лег в основание великорусского литературного языка.

Тесное переплетение между белорусами и великороссами, их совместное участие в строительстве восточнославянской цивилизации происходило в религиозно-церковной и национально-культурной сферах жизни общества. Общеизвестно, что преподаватель Полоцкой братской школы Симеон Полоцкий одновременно был выдающимся белорусским и русским общественно-политическим и церковным деятелем. Переехав в 1664 году из Полоцка в Москву, Симеон Полоцкий становится одним из виднейших сподвижников царя Алек-

сея Михайловича. Белорусский просветитель был не только воспитателем детей Алексея Михайловича, но и активным разработчиком проекта создания Славяно-греко-латинской академии в Москве по образцу Киевской академии. Симеон Полоцкий стоит у истоков формирования русской поэзии и русского театрального искусства.

Большую помощь Симеон оказал Алексею Михайловичу на церковном поприще. Он поддержал русского царя в его религиозно-политической борьбе с Патриархом Никомом. На Московском соборе 1666 года была рассмотрена и издана книга Симеона “Жезл правления”, направленная против раскольников.

В то же время раскольники оказали влияние на белорусскую церковную жизнь. Именно среди белорусов сторонники протопопа Аввакума получили широкое распространение, подтверждая тем самым факт существования тесных древних устоев жизни наших народов.

Интенсивный культурный обмен в рамках общерусской цивилизации происходил между Великой Россией и Украиной. Достаточно указать, что Киевская Академия вплоть до конца XVIII века поставляла в Восточную Россию высших церковных иерархов и богословов.

Не подлежит никакому сомнению самое деятельное участие всех представителей восточнославянской народности в созидании своего общего Отечества. Иногда даже затруднительно определить, кто больше положил сил на восточнославянский алтарь: полочанин Франциск Скорина или москвит Иван Федоров, подолянин Мелетий Смотрицкий или холмогорец Михаил Ломоносов, киевлянин Феофан Прокопович или псковитянин Василий Татищев, белорус Михаил Коялович или великоросс Сергей Соловьев?

В процессе дальнейшего исторического развития Беларуси происходит разделение первоначально древнего русского народа, как именовали себя белорусы и украинцы в XVI–XVII веках, на два, хотя и родственные, но отдельных народа. Более или менее фиксированным этапом в этом процессе складывания собственно белорусского народа, не растворявшегося уже в едином древнем русском народе, можно считать вторую половину XVIII века. В этом плане симптоматично высказывание белорусского епископа Георгия Конисского (выходца из православной украинской шляхты) на коронации Екатерины II, где бывший ректор Киевской Академии прямо говорит о православном белорусском народе, ожидающем избавления от национально-религиозных гонений в Польше. Примечательно, что на коронации Георгий Конисский приветствовал Екатерину II как государыню не только от своего имени, но и от земель Белоруссии⁵. К этому времени относится завершающий этап формирования и великорусской народности. “Грамматика русского языка” Михаила Ломоносова вбирает в себя все лучшее от “Славянской грамматики” Мелетия Смотрицкого.

Начинается развитие трех братских народов – великорусского, белорусского, украинского, составляющих единую восточнославянскую цивилизацию, разделенную пока политическими границами.

Весь XVIII век до окончательного раздела Речи Посполитой в 1795 году характеризуется ожесточенной борьбой белорусов и украинцев против польских панов и католическо-униатских священнослужителей и миссионеров. Это борьба с обеих сторон принимала такие чудовищные формы, что порою воскрешала самые мрачные страницы из истории религиозных войн. Крупное восстание белорусских крестьян против польских феодалов было в 1740–1744 годах в Кричевском старостве, принадлежавшем князю Радзивиллу. Последний обложил непомерными повинностями не только крестьян, но и мелкую белорусскую шляхту и православное сельское духовенство. Восстание продолжалось четыре года. С помощью королевских войск князь Радзивиллу удалось расправиться с восставшими. “Многих мужиков, поймав, за ребра на кручье, других по деревьям перевешено”, – писал современник⁶.

Крупнейшим национально-освободительным движением на Украине было знаменитое Уманское восстание в 1768 году под руководством Ивана Гонты и Максима Железняка. Оно распространилось с необыкновенной быстротой и подходило к границам Волыни и Беларуси. Только помощь царских войск спасла поляков от всеобщего пожара истребительной войны белорусов и украинцев против шляхты и католическо-униатской церкви. Символично, но восставший народ совместно с казаками шел на Умань – владение польского магната Потоцкого – под русским военным знаменем. Польские историки, за-

малчивая причины национально-освободительных восстаний в Беларуси и на Украине, обычно объясняли их “дикостью”, “грубостью”, “невежеством”, “гультайством” белорусов и украинцев, “поддержкой царизма”, “агитацией православного духовенства”⁷.

Несмотря на жестокое подавление крестьянских восстаний в Беларуси и на Украине, было очевидно, что процесс воссоединения белорусов и украинцев с русским народом остановить нельзя. Хотя официальные российские представители в Польше (например, русский посол в Варшаве князь Репнин – друг польской знати) весьма недружелюбно относились к защитникам белорусского и украинского крестьянства в Польше, в частности, к белорусскому епископу Георгию Конисскому, однако остановить стремление белорусов к воссоединению с Россией уже было невозможно.

Поэтому, с исторической точки зрения, присоединение Беларуси к России в конце XVIII века, несмотря на конъюнктурную политику царизма, следует считать прогрессивным событием, устранившим угрозу колонизации и окатоличивания белорусского народа.

Выдающиеся историки и философы однозначно оценивали государственное устройство Речи Посполитой как исторический анахронизм, как самую примитивную общественную форму. Ни для кого не составляло тайны, что узкоэгоистические интересы польско-литовского магнатства ведут к гибели само государство. Видный польский мыслитель и гуманист XVI века Анджей Моджевский писал: “Не нужно предсказаний астрологов, чтобы увидеть, что спесь и крайний произвол приведут это королевство ни к чему иному, как только к гибели”⁸.

Крупнейший просветитель и подвижник славянского единства во время царствования Алексея Михайловича хорват Юрий Крижанич, прекрасно знакомый с устройствами различных государств, отмечал, что “Польское государство находится в состоянии величайшего упадка”⁹. И даже современные литовские историки признают, что “шляхетская демократия... к концу XVIII века выродилась в полную анархию”¹⁰.

Белорусский историк Михаил Коялович в своей “Истории воссоединения западных унитаров старых времен” (1873) аргументированно обосновал положительное значение раздела Речи Посполитой для нашего народа.

Разделы Речи Посполитой в конце XVIII века подвели черту под целым периодом истории Беларуси и Украины, когда последние наконец-то освободились от неестественной государственной связи с Польшей. Екатерина II имела право в знак этого исторического события выбить медаль с надписью “Отторженное возврати”. Историческая правда состоит в том, что Россия объективно играла прогрессивную роль в деле освобождения Беларуси и Украины от польского гнета.

Вхождение белорусских земель в состав Российской империи (конец XVIII в.) позволило белорусскому этносу развиваться в тесной связи с русским народом, народом, родственным по историко-культурному и цивилизационному развитию, и восставшим естественным-исторический процесс движения Беларуси. Прогрессивное значение вхождения Беларуси в состав Российской империи заключается в том, что, находясь в лоне своей родной общерусской цивилизации, белорусский народ укрепил свой национальный генетический код, избежал грозящей денационализации и тем самым сохранил предпосылки для последующего национального возрождения. Это и произошло в результате Великой Октябрьской социалистической революции”¹¹.

Как отмечал Президент А. Г. Лукашенко, “для нас единственно верное решение – оставаться на родной, сложившейся веками белорусской почве. Собственные традиции, идеалы, ценности, цели и установки составляют становой хребет нашего народа. Они не придуманы, а выстраданы нашим народом, результат естественного приспособления общества к окружающему природному и социальному миру”¹².

Социалистическая революция придала новый импульс социально-экономической, политической и национально-культурной активности белорусского народа, создала условия для выхода его на уровень государственного мышления и государственного строительства. Собственно, формирование белорусского государства начинается с истории Советской страны.

Специфика белорусской государственности обусловлена предшествующим историческим развитием восточнославянской цивилизации. Социальное

равенство, национальная безопасность, солидарность, справедливость, союзность представляли собой ту социальную систему ценностей, на которой зиждился фундамент национальных интересов белорусского государства¹³. Именно на этой основе в исторически кратчайшие сроки произошел невиданный расцвет промышленности, сельского хозяйства, науки и культуры в Беларуси.

“Мы признаем, – говорил Президент А. Г. Лукашенко на семинаре по идеологии, – что именно с образования в составе Советского Союза Белорусской Советской Социалистической Республики, – да, и мы были учредителями СССР, – начинается наша государственность. Давайте честно скажем, что годы, проведенные в составе Советского Союза, для нас имеют очень большую ценность. Они нам дали столько, сколько не мог дать до этого ни один период существования белорусских земель в составе того или иного государства. Очень много дали”¹⁴.

Это касается и всей специфики белорусской модели развития, которая не сводится к абстрактной экстраполяции социально-экономических и политических преобразований в других странах, а предполагает адаптацию зарубежного опыта реформирования применительно к белорусским условиям.

“Тот путь мы создавали вместе, не я один. Жизнь его создавала”, – справедливо отмечает Президент А. Лукашенко. Следование по этому пути, который развивает наиболее плодотворные традиции восточного славянства, и составляет суть белорусской модели развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Пичета В. И. История Литовского государства до Люблинской унии. Вильно, 1925. С. 17.
- 2 Коялович М. И. Лекции по истории Западной России. М., 1864. С. 71–72.
- 3 Коялович М. Чтения по истории Западной России. СПб., 1884. С. 249.
- 4 Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. 7. С. 85.
- 5 Коялович М. Чтения по истории Западной России. СПб., 1884. С. 281.
- 6 Пичета В. Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии. М., 1940. С. 87–88.
- 7 Пичета В. Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии. М., 1940. С. 6.
- 8 Польские мыслители эпохи Возрождения. М., 1960. С. 123.
- 9 Пичета В. Роль русского народа в исторических судьбах славянских народов. М., 1946. С. 30.
- 10 Pirmasis Lietuvos Statutas ir epocha. Vilnius, 2005. P. 20.
- 11 Национальная идея и национальные интересы Республики Беларусь. Минск, 1999. С. 37.
- 12 О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию. Минск, Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2003. С. 20.
- 13 Республика Беларусь: общество, политика, экономика, люди. Минск, ИАЦ, 2008. С. 303.
- 14 О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию. Минск, Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2003. С. 13.

ЯКОВ АЛЕКСЕЙЧИК

МАРШАЛ И МАРШАЛЭК

Противостояние двух вождей

В XIX веке в Российской Империи родились два Иосифа, которые заметно “пучаствовали” в судьбе этой империи и даже в судьбе всей Европы, навсегда вписав свое имя в историю. Это Иосиф Сталин и Иосиф (Юзеф) Пилсудский. Один был грузином, второй поляком.

Существует мнение, что полякам не повезло с соседями, о чем не раз говорили и бывший президент Польши Лех Валенса, и весьма почитаемый в нынешней России кинорежиссер Анджей Вайда, награжденный недавно российским орденом Почёта. Оба они, похоже, никогда не задавались вопросом о том, а повезло ли соседям поляков? Например, украинцам, на землях которых предки пана Леха и пана Анджея несколько веков действовали “огнём и мечом”, литовцам, у которых поляки забирали даже их столицу – Вильнюс, белорусам, которым отказывали в праве на свою государственность, а тем более древним прусам и ятвягам, которые давно “погибоша”, ибо на их головы еще в XIII веке польский князь Конрад Мазовецкий призвал смерть в белых плащах крестоносцев.

Разумеется, когда речь заходит о названных Иосифах, то дело не столько в легендах, которые вспоминаются в этой связи, сколько в том, что эти личности делали и сделали на самом деле. Для белорусов интерес к ним определяется, прежде всего, тем, что оба они имели прямое отношение к нашей судьбе, более того, судьбу нашу они видели по-разному. Но в биографиях этих политиков, в самом деле, действительно есть много такого, что позволяет говорить об определенном сходстве.

Сходство первое. Все называют Сталина грузином, и не приходилось встречать, что сам он это отрицал. Но в посвященной ему литературе довольно много говорилось и о том, что по отцу Сталин был осетином, а настоящая его фамилия не Джугашвили, а Джугаев. Попадалось и объяснение тому, как Джугаев-Джугашвили превратился в Сталина: джуга по-осетински – сталь, отсюда – Сталин.

АЛЕКСЕЙЧИК Яков Яковлевич родился в 1948 году в деревне Переспа Дрогичинского района Брестской области. В 1972 году окончил факультет журналистики БГУ и в 1979 году Минскую высшую партийную школу. Работать в печати начал в 1966 году в Ивановской районной газете “Чырвоная звязда” на Брестчине. Был на партийной работе. С 1988-го по 2002 год — генеральный директор Белорусского телеграфного агентства (БЕЛТА), в 2006—2009 годах — главный редактор издательства “Беларусь” в Минске.

Но Юзеф Клеменс Пилсудский тоже не являлся чистокровным, как говорят в Польше, рдзённым поляком. Он происходил из литвинского (но не литовского!) рода Гинейтовичей и родился в имении Зулавы, которое находилось в Свенцяном уезде недалеко от Вильнюса. Разницу между литвинами и литовцами в России зачастую не улавливают даже люди хорошо образованные. Например, автор весьма интересных передач на канале “Культура” Разумовский однажды заявил, что Ф. М. Достоевский был по происхождению литовцем, что совершенно не соответствует действительности. Вполне возможно, его сбilo с толку то, что предки выдающегося писателя жили в Великом Княжестве Литовском, но полное название того государства было куда длиннее: Великое Княжество Литовское, Русское и Жмудское, а жили в нём литвины, делившиеся на жмудинов и аукштайтов – дедов и прадедов нынешних литовцев, и русичей – русских, очутившихся в границах ВКЛ и составивших 90 процентов его населения. Из тех русичей происходил и род Достоевских, фамилия которого пошла от названия имения Достоево – ныне это деревня в Ивановском районе Брестской области. Ту деревню пинский князь Фёдор Ярославич в 1506 году подарил своему боярину Фёдору Иртищевичу, и с тех пор она не только стала родовым гнездом Иртищевичей на триста пятьдесят лет, но и дала им новую фамилию – Достоевские. Так что у родившегося уже в Москве великого русского писателя – русские корни, а не литовские в нынешнем понимании этого слова. В Достоево поставлен памятник Федору Михайловичу Достоевскому, в местной средней школе уже много лет действует посвященный ему музей.

Словом же “литвин” чаще всего обозначалась территориальная и государственная принадлежность жителей Великого Княжества Литовского, поскольку княжество с длинным названием в обиходе называли просто Литвой. Так же, как в нынешней Европе все, кто живет в России, объявляются русскими, так в те времена все насельники ВКЛ считались литвинами. Белорусский первопечатник Франциск Скорина, пребывая в Праге, писал, что он литвин, но в родном Полоцке подчеркивал, что он “из рода русского”. Историческая судьба тех русичей складывалась по-разному. Впоследствии из них “проросли” белорусы и украинцы, но часть, погнавшись за привилегиями, сменила веру и ополячилась. К ним относятся и предки Пилсудского Гинейтовичи.

В ноябре 1939 года имение Зулавы и весь Свенцянский район, в котором преобладали белорусы, были включены в состав Белорусской ССР, но в январе 1940-го эту местность передали Литве вместе с Вильно-Вильнюсом и другими его окрестностями. В исторических публикациях встречаются утверждения, что Пилсудский тоже хорошо говорил по-белорусски и на белорусском языке обращался к жителям Минска в 1919 году после занятия города польскими войсками. Можно не сомневаться, что он знал о своих литвинских корнях и по-своему ценил их, поскольку, даже будучи главным человеком в довоенной Речи Посполитой, позволял себе такие выражения: “Вы, поляки...”. А ещё ему приписывают утверждение, что Речь Посполитая похожа на бублик, в котором все ценное – по краям, а посередине – дырка.

Семья, в которой родился Пилсудский, принадлежала к старой шляхте. Отец – Юзеф Викентий Пётр Пилсудский – окончил сельскохозяйственный институт в Горы-Горках на Могилёвщине, который был предшественником теперешней Горецкой аграрной академии. Как пишет польский историк Побуг-Малиновский, отец Пилсудского много экспериментировал в своём имении, закупая для этого самую современную по тем временам технику, но именно на том и разорялся, поскольку дорогое сельскохозяйственное оборудование при наличии дешёвой рабочей силы приносило не приносило. Да и эксплуатировать его по-настоящему было некому. А после пожара семья вынуждена была оставить имение и переехать в Вильно.

Матерью Юзефа была Мария Биллевич – из древнего рода, о котором в “Потопе” упоминал Генрик Сенкевич. Она приходилась мужу двоюродной сестрой. У них родилось двенадцать детей. Двое умерли в младенческом возрасте, ещё двое – Бронислав и Юзеф – стали известными людьми. Старший, Бронислав во время учёбы в Петербурге участвовал в подготовке покушения на императора Александра III и был приговорен к смертной казни, замененной впоследствии ссылкой. Кстати, в этом заговоре на одной из первых ролей был и старший брат Ленина Александр Ульянов, которому повезло меньше: вынесенный ему смертный приговор был приведён в исполнение.

Местом ссылки для Бронислава власти определили Сахалин. Там неудачливый революционер стал этнографом, изучал язык и быт местных народов, особенно нивхов. Белорусский писатель Алесь Мартинович утверждает, что нивхи называли его Пил Су. В Сахалинском краеведческом музее до сих пор существует отдел, который носит имя Бронислава Пилсудского. Но судьба самого Бронислава сложилась трагически. После окончания ссылки он уехал в Европу, оставив жену из сахалинских нивхов, а также рождённых ею детей, жил в Париже, но в 1918 году был найден мёртвым в Сене. Современники пришли к выводу, что он покончил жизнь самоубийством. О том же говорится и в справочнике “Поляки в России с XVII столетия до 1917 года”, который вышел в Варшаве и Познани в 2000 году. Белорусские же энциклопедии не приводят о Брониславе Пилсудском никаких сведений. Молчат о нём и российские справочники. Зато в них обязательно присутствует его брат – Юзеф Пилсудский – первый маршал Польши, ныне хмуро смотрящий с пьедесталов на площадях Варшавы и других польских городов.

Сходство второе состоит в том, что сибирская ссылка не миновала и обоих Иосифов. Сталина за активную революционную деятельность туда отправляли неоднократно, Пилсудский изгнанием в холодные края был наказан один раз за то, что в Вильно он якобы помогал одному из участников заговора против царя приобрести яд. Но однажды “сибирская страница” в биографии даже помогла Пилсудскому. Во время второго ареста, который случился в Варшаве, он начал симулировать помешательство и был доставлен в соответствующий госпиталь. А руководил тем госпиталем бурят по происхождению, и новый пациент настолько увлёк врача рассказами о сибирских красотах, что тот, даже видя здоровье собеседника, согласился направить его в Петербург для дальнейшего обследования. По дороге в российскую столицу Пилсудский сбежал.

Сходство третье. Оба в формальном понимании этого слова остались недоучками. Сталин не закончил духовную семинарию – исключили, поскольку не явился на выпускные экзамены. Пилсудский всего один курс занимался на медицинском факультете в Харьковском университете. Хотел перевестись в Дерптский – ныне Тартуский, но не был туда принят.

Сходство четвертое. Оба с юности стали профессиональными революционерами и участвовали в социалистическом движении. Оба состояли в руководстве своих партий. Разница только в том, что Сталин к высшему посту в РСДРП-РКП(б)-ВКП(б)-КПСС подступался более двадцати лет, а Пилсудский уже в 1892 году – вскоре после возвращения из ссылки – вошёл во вновь созданный центральный комитет Польской социалистической партии и возглавил его печатный орган “Роботник”. Он стал одним из её создателей, резонно решив, что в новой партии будет на первых ролях, а в уже состоявшейся ему придётся начинать с рядового члена. Но это деталь. Главное в другом: как заметил по этому поводу русский поэт и публицист Станислав Куняев, оба руководителя вылучились из одного и того же социалистического гнезда. Пилсудский имел кличку “товарищ Виктор”, а Сталин – “товарищ Коба”. А вот в то время, когда они уже были во власти, Сталина называли Вождём и Отцом, Пилсудского – Комендантом и Дедушкой.

Сходство пятое. За обоими в биографии числятся так называемые “экссы” – нападения с целью завладеть деньгами для революционной деятельности. Но если о сталинских “эксах” – скажем, о налёте на банк на Кавказе – широко говорится в исторической и даже художественной литературе, например, у Фазиля Искандера, то сведения о том, что так же действовал и Пилсудский, встречаются куда реже. Однако всё-таки встречаются. Как пишут польские исследователи его жизни Дарья и Томаш Наленч, Пилсудский много внимания уделял боевой части Польской партии социалистов – Польской военной организации, в которой, кстати, состояло около двух тысяч энергичных людей, совершавших регулярные нападения на царских сановников, уздные кассы, на вагоны, в которых перевозились деньги. И добавляют: “Маркса он давно уже не читал. Окончательно забросил книги, имеющие какую-либо связь с общественными проблемами. Отдавал предпочтение военной литературе. Изучал походы Наполеона, штудировал труды Клаузевица, интересовался бурской войной и последним русско-японским конфликтом”. Но при этом они добавляют и ещё кое-что: в “эксах” Пилсудский принял участие только однажды, после того, как даже в кругу преданных ему боевиков

громко зазвучали разговоры о том, не слишком ли бережёт себя шеф. Ведь на слуху у них были рискованные поступки российских руководителей “Народной воли”, а также легендарного в то самое время ирландца Коллинза, который в ходе опасных акций был впереди всех и больше других рисковал собственной жизнью.

В сентябре 1908 года у станции Безданы в окрестностях Вильнюса “товарищ Виктор” возглавил нападение на почтовый поезд. Тогда от взрывов двух бомб и в ходе стрельбы погибли не только солдаты, охранявшие поезд, но и почтовые служащие, а в руки нападавших попало более 200 тысяч рублей. Деньги пошли, главным образом, на создание польских нелегальных военизированных структур, а также на поддержку семей боевиков, уже находившихся в заключении.

Ныне в Польше тот налёт нередко называют “акцией четырех премьеров”. Дело в том, что четыре человека, бывших боевиками под Безданами, потом поочередно становились польскими премьерами. Помимо самого Пилсудского, это Александр Пристор, Валерий Славек и Александр Артишевский. При этом Валерий Славек возглавлял правительство трижды, а Александр Артишевский был премьером уже эмигрантского польского правительства в Лондоне в 1944–1947 годах.

Сходство шестое. Не будучи профессиональными военными, оба были удостоены высших воинских званий в своих государствах. Любая энциклопедия подскажет: Пилсудский – это маршал (по-польски маршалэк – с ударением на предпоследний слог) Польши, Сталин – генералиссимус Советского Союза.

Указ о присвоении наивысшего звания Сталину издавал Президиум Верховного Совета СССР. Для Пилсудского же, даже формально, более высоких инстанций, чем он сам, в Польше не существовало. Поэтому не ему давали, а он “принимал на себя”...

Но если Сталин во время Первой мировой войны в армию не призывался из-за проблем с левой рукой, то Пилсудский на войну пошел добровольно. Он выступил инициатором и организатором создания польских легионов в составе австро-венгерской армии, которые воевали на русском фронте. Набралось три бригады, и дрались они хорошо. За эти заслуги в 1915 году австрийские власти присвоили Пилсудскому звание бригадира – промежуточная ступенька между полковником и генералом – и наградили его орденом Железной Короны. Однако ход войны показал, что, связав свои планы на возрождение Польши с Германией и Австро-Венгрией, Пилсудский всё-таки ошибся, верх стали брать страны Антанты. Пришлось менять политическую ориентацию, из-за чего главный легионер оказался в тюрьме в Магдебурге.

Биографы Пилсудского пишут, что пребыванием в заключении это назвать трудно, так как жил он “в отдельном деревянном двухэтажном доме в Магдебургской крепости. Имел в своем распоряжении три комнаты на втором этаже”. На первом находился только фельдфебель, присматривающий за хозяйством. Сам “узник” мог без каких-либо ограничений передвигаться по прилегающей территории. Его ежедневные занятия тоже мало чем напоминали тюремные: “Вставал в половине восьмого. В восемь завтракал. Потом два с половиной часа гулял в саду... До обеда прочитывал еще доставляемую ему газету “Магдебургише Цайтунг”, позволяющую ему ориентироваться в том, что происходило в Германии и в мире. В половине первого – обед, хороший и вкусный, заказывал его в ресторане. Затем, как сам подчёркивал, “самая приятная минута” – чай собственной заварки. После полудня играл несколько часов в шахматы, читал, писал. В половине седьмого – ужин. После него – любимый пасьянс”.

Тем не менее, как он сам впоследствии с юмором признавал, это заключение позволило ему стать главой нового польского государства. Ведь оно перечеркнуло предыдущее сотрудничество Пилсудского с Германией и Австро-Венгрией в войне и участие в боевых действиях на их стороне. Как заметил в интервью журналу “Политика” уже в августе 2010 года Томаш Наленч, нынешний поляк свято убежден, что Польшу для него “вывоевал” прежде всего Пилсудский со своими легионами, однако на самом деле она стала плодом победы государств Антанты, против которых как раз и сражались Пилсудский и его легионы. Но о том знают и осмеливаются говорить только историки.

Сходство седьмое. Оба Иосифа впоследствии стали во главе государств. Сталин – в послереволюционной, уже Советской России, Пилсуд-

ский – в возрожденной после Первой мировой войны Польше. Но если новая Россия “до основанья” отрекалась от прежней, имперской, то новая Польша во многом желала возвратиться к старой Речи Посполитой, по крайней мере страстно стремилась завладеть всем её давнишним имуществом и выйти на границы 1772 года – те, которые она имела до первого её раздела Австрией, Германией и Россией. При этом возрождаемую Польшу отнюдь не смущало то, что исторические основания на подобные претензии были очень зыбкими, поскольку первая Речь Посполитая состояла из Королевства Польского и Великого Княжества Литовского, которые имели отдельные законы, правительства, бюджеты, армии, таможни, и та Речь была фактической и юридической федерацией двух государств, объединенных общей короной. Более того, до разделов это была не Речь Посполитая (Республика) Польша, а Речь Посполитая Обоих Народов – так звучало официальное название. Ну а то, что в XX веке к востоку от Буга – на землях бывшего ВКЛ – белорусы, украинцы и литовцы уже провозгласили свои государства, Пилсудским и его сподвижниками и вовсе не бралось во внимание.

В то же время, если Сталину понадобилось несколько лет для того, чтобы получить высшую и абсолютную власть в Советской России, а затем в СССР, то Пилсудский получил сразу и всё из рук так называемого Регентского совета. Дело в том, что к началу Первой мировой войны во всех трех империях – Австро-Венгрии, Германии и России – пришли к выводу, что придётся восстанавливать польскую независимость, однако каждая предполагала, что это произойдёт под его эгидой. А начиналась вторая Речь Посполитая с того, что в ноябре 1916 года Австро-Венгрия и Германия, оккупировав польские земли, входившие ранее в состав России, провозгласили самостоятельность Польши без указания её границ. Тогда в Европе даже шутка появилась, что это самое крупное государство в мире, так как никто не знает её пределов. В качестве органа управления новой Польшей был создан Временный Государственный совет. В сентябре 1917 года вместо Временного Государственного возник Регентский совет. Вот он-то и передал власть Пилсудскому, притом всю сразу – военную, исполнительную, законодательную, назначив его Комендантом государства. Фактически ему были даны диктаторские полномочия.

Однако если Сталин пришел к высшей власти “на всю оставшуюся жизнь”, то Пилсудскому пришлось брать власть дважды. Первый раз её ему преподнесли, во второй – он взял её силой. Позволив себе на несколько лет отойти от государственных дел после утверждения польской независимости, он вскоре убедился, что дела идут не так, как, по его мнению, им следовало бы идти, поэтому 12 мая 1926 года маршал совершил государственный переворот силами верных ему воинских частей. Тогда на улицах Варшавы обильно пролилась кровь – 379 убитых и 920 раненых. Эта дата имеет и мистический оттенок, так как ровно через девять лет – тоже 12 мая – Пилсудский ушёл из жизни.

После переворота всенародным собранием маршал был избран президентом Польши, но отказался принять этот пост, мотивируя тем, что по действовавшей тогда конституции президент имеет очень мало прав. В польских источниках есть утверждения, что в своё время её разработчики как раз и опасались диктаторских замашек Пилсудского, потому решили специально внести такие ограничения в основной закон государства. Узнав об этом, Комендант тогда отказался от какого-либо участия в дальнейших работах по подготовке и принятию Конституции, а в новой ситуации таким вот образом выразил свое отношение к ней. Он занял пост премьера, потом отказался и от него, снова занял, снова отказался, но это уже не имело значения. Все равно в Польше правил Пилсудский. Главным инструментом была верная ему армия, контроль за которой он всегда оставлял за собой.

Сходство восьмое. Оба без пietetа относились к законности. В двадцать втором номере популярного в Польше еженедельника “Не” за 2008 год в статье “Дедушка обоих Качиньских” публицист Матеуш Згрызота писал, что Пилсудский не считал себя ответственным перед писанным правом. Его личное кредо было выше закона и конституции и могло быть основанием для нарушения законности. Он отбрасывал всякие возможности передачи власти в государстве правовым путём, стараясь в то же время удерживать её так, чтобы создавать видимость соблюдения права. Но на самом деле само право трактовалось как орудие действий, а не самоценность, ограничивающая органы власти.

Разве не так поступал и Сталин?

Пилсудский не скрывал, что его метод политической борьбы имеет своей целью “мешать жить противникам”. Отсюда аресты, поиски оружия. Его адъютанты вспоминали, что никогда не видели маршала таким довольным, как тогда, когда ему рассказывали об издевательствах над членами сейма, заключенными по его приказу в казематы Брестской крепости в 1930 году. Всего было арестовано около 50 депутатов и сенаторов польского сейма, входивших в оппозиционные парламентские клубы. Несколько тысяч политических деятелей, не обладающих депутатскими полномочиями, тоже оказались в тюрьме. О том, что с ними происходило, рассказал депутат сейма Адам Прухник в ответ на парламентский запрос, как после ареста власти обошлись с одним из руководителей Национальной рабочей партии Попелем: “В ночь с 9 на 10 октября ввели Попеля в тёмную комнату; один из жандармов схватил его за голову, другой за ноги, после чего повалили его на стол... и отмерили 30 ударов каким-то железным предметом... Во время экзекуции Попель потерял сознание. В конце заправлявший всем капитан заявил, что побитый должен “радоваться, что так легко отделался, а в следующий раз маршал Пилсудский распорядится пустить ему пулю в лоб”.

Некоторые из оппонентов Коменданта уходили из жизни при довольно странных обстоятельствах, о чем время от времени и сейчас вспоминает польская пресса. Например, депутат сейма Ежи Здзеховский, избитый до смерти в собственной квартире “людьми в мундирах”. Или генерал Владимир Загорский, похоже, утопленный в Висле неизвестными, перехватившими его по пути на доклад к маршалу. Бывший польский премьер В. Витос прямо намекал, что эти неизвестные Коменданту были известны. Или один из создателей вооруженных сил возрожденной Польши, герой варшавской обороны в 1920 году, генеральный инспектор кавалерии Тадеуш Розвадовский, который после майского переворота 1926 года был посажен в тюрьму за то, что противился путчистам, а вскоре после освобождения умер. Утверждают, что в вагоне его “угостили чем-то вкусным”.

В 1931 году Пилсудский ввёл военно-полевые суды (у Сталина были так называемые “тройки” и особые совещания), и уже в том году по политическим мотивам было арестовано 16 тысяч человек, а в следующем – 48 тысяч! К середине 30-х годов XX века в Картуз-Березе – ныне райцентр в Беларуси – впервые в центральной Европе был создан концентрационный лагерь для политических заключенных, в котором отбывали наказание, главным образом, белорусы и украинцы. В литературе встречаются утверждения, что “за опытом” в Картуз-Березу приезжали эсэсовцы из Германии, что посещал этот лагерь даже глава СС Гиммлер. “Своеобразие” этого “учреждения” подчеркнуто белорусским аналитиком Олегом Лицкевичем: “Среди самых отъявленных палачей минувшего столетия польские каты выделялись весьма специфическим изуверством и изобретательностью... Нацистские концлагеря преследовали цель уничтожения как можно большего числа людей. ГУЛАГ, как выясняется, создавался не только с целью длительной изоляции инакомыслящих, но и для выполнения экономических, производственных показателей. Иное дело концлагерь в Березе-Картузской. Здесь всё служило одной цели: в кратчайшие сроки сломить человека физически и психологически, раздавить его индивидуально, превратить в бессловесное быдло, даже не помышляющее о политической борьбе”. В том лагере, куда людей отправляли вообще без суда и следствия, одним из способов доведения их до скотского состояния было принуждение заключенных голыми руками очищать отхожие места с последующим запретом мытья рук перед приемом пищи.

Дарья и Томаш Наленч напоминают, что основной закон страны Пилсудский называл “конституткой” и пояснял: “Я выдумал это слово, поскольку оно ближе всего к проститутке”.

Сходство девятое. Пилсудский был высокого мнения о себе, чего даже не таил от соотечественников. Он жаловался одному из ближайших сподвижников: “Есть вещи, которые вы, поляки, не состоянии понять!.. Сколь много мне удалось бы сделать, правь бы я другим народом”. В беседе с другим своим соратником историком Артуром Сливиньским прямо выражал недовольство: “Я не раз думал о том, что, умирая, я прокляну Польшу. Сегодня я осознал, что так не поступлю. Когда я после смерти предстану перед Богом, я буду его просить, чтобы он не посылал Польше великих людей. Что польский

народ даёт великим людям и как к ним относится?! Ещё неизвестно, была ли бы создана без меня Польша”. Современный польский публицист Дариуш Ба-лишевский, приведя эти слова в журнале “Впрост”, не сдержался и язвитель-но добавил: “Похоже, что Бог прислушался к просьбе маршала насчёт вели-ких людей”.

Сталин не спорил со своими сподвижниками, кто из них “более истории-матери ценен”, не был столь уничижителен по отношению к соотечественни-кам, наоборот, провозглашал тосты за их мужество и преданность, но в ближ-нем кругу не раз говаривал: вас без меня раздавят, как котят.

Сходство десятое. Биограф Пилсудского Побуг-Малиновский констати-ровал, что смерть маршала стала “лопнувшим обручем, компания, которая до этого самоотверженно шла в одной упряжке, работая на государство, стала распадаться на несколько групп, отличающихся методами выхода из кризи-са”. Разве и это не похоже на то, что происходило в СССР после смерти Ста-лина? Лаврентий Берия расстался с жизнью, Молотов, Каганович, Маленков, многие годы бывшие на первых ролях, а также “примкнувший к ним Шепилов” по воле Хрущева были зачислены в антипартийную группировку и навсегда исчезли с политической орбиты.

Сходство одиннадцатое. В 129-м выпуске (1999 год) издававшихся под ре-дакцией Гедройца в Париже польских “Исторических тетрадей” есть подборка высказываний французской прессы о маршале Ю. Пилсудском в ходе его ви-зита в Париж в 1921 году. Они помещены под рубрикой “Крупницы истории” и касаются в основном черт характера высокого польского гостя. Кстати, тогда французы, принимая маршала Польши в своей столице, допустили отступле-ние от общепринятого протокола: в один из вечеров они пригласили Пилсуд-ского не в Гранд-Опера, куда обязательно водили всех гостей такого ранга, а в Комеди-Франсез. На что хотело намекнуть французское руководство, это его дело, но в том, что намёк был, сомневаться вряд ли стоит. В политике та-кого уровня ничего случайного не происходит. Однако перейдем к цитатам.

Le Journal des Debats: “Это патриот, пропагандист, организатор, но не военный по профессии. Ему присущ идеализм высшего ранга, а заодно – обостренный практический смысл”.

L’Opinion: “Пилсудским управляют большие личные амбиции...”

Le Temps: “Маршал выглядит человеком слабого здоровья, но приходит-ся констатировать у него большую силу характера”.

Генерал Вейган: “Маршал является жёстким и завистливым по отноше-нию к своей власти...”

Анри Бидо: “Пилсудский обладает исключительными навыками в интри-ге и управлению людьми... Огромные амбиции являются скрытой чертой его характера, он не брезгует хитростью. Работает только по ночам и выигрыва-ет за счет человеческой измученности. Один Падеревский (в то время пре-мьер-министр, кстати, известный композитор. – Авт.) его пересаживает, по-скольку тоже является ночной птичкой...”

Ещё один наблюдатель, фамилия которого не названа, подчеркивает: “На всём политическом Олимпе нет человека более непроницаемого. Несмотря на легкость в контакте, ясный и методичный способ выражаться, никогда невоз-можно угадать его намерений. Он скрытый, замкнутый в себе самом, закры-тый даже для своих ближайших”.

L’Illustration: “Грозный вид не позволяет назвать его обольстительным, но, о диво, в кругу ближайших он весел, улыбчив, незаурядно интеллигентен и безошибочно вежлив. Никогда не бывает банальным!”.

Добавим в этой связи, что банальным никогда не был и Сталин. Народ-ная молва полна свидетельств на сей счет и, в частности, приводит такой слу-чай. Поскрёбышев – помощник Сталина – докладывает, что актер Геловани, который будет играть роль вождя в фильме “Падение Берлина”, просит раз-решения пожить на сталинской даче в Сочи, чтобы быстрее войти в роль. “Хо-чет быстрее войти в роль? – переспросил вождь. – А не лучше ли ему начать с Туруханска?”. Туруханск – место самой северной ссылки Сталина. Все просьбы после такого ответа отпали, хотя формально отказа не было.

Сравнение двенадцатое. Сталина упрекают в дружбе с Гитлером. Более того, в Польше прямо говорят, что именно эта дружба привела к развязыванию Второй мировой войны, о чем в присутствии В. В. Путина недвусмысленно за-явил и польский премьер Д. Туск во время торжеств на Вестерплатте 1 сентяб-

ря 2009 года: для нас, мол, главное заключается в том, что через неделю после подписания московского договора от 23 августа 1939 года немцы начали боевые действия. Но в дружбе с вождём рейха Пилсудский опередил Сталина более чем на пять лет, найдя с ним точки соприкосновения в самое трудное для фюрера время. В январе 1934 года, после того как Германия ушла с международной конференции по вопросам разоружения и оказалась в дипломатической изоляции, именно Комендант Польши пошёл на подписание с Гитлером декларации о ненападении, что и позволило рейху изоляцию прорвать.

Такое замирение с Германией вызвало настоящий шок в Европе. Как написал Станислав Жерко в статье “1939 – правды и неправды” (журнал “Политика”, 7 сентября 2009 г.), за границей стали открыто рассуждать, какой ценой это достигнуто. Итальянский вице-министр иностранных дел Фульвио Сувич в глаза говорил польскому послу, что Польша что-то дала Германии за отказ от ревизии границ. В западной прессе тогда появились утверждения, что помимо официального текста декларации существует и тайный протокол, а швейцарские и французские газеты даже опубликовали его текст. Наличие таких протоколов категорически отрицается в современной Польше, но это уже воспринимается с изрядной долей скепсиса, так как все помнят советское отрицание тайных приложений к договору Риббентропа–Молотова.

Очень неоднозначную реакцию вызвала декларация и в самой Польше. Весьма видные политики – генералы В. Сикорский, Ю. Галлер, экс-премьеры М. Ратай, И. Падеревский – прямо называли польского министра иностранных дел Ю. Бека немецким агентом.

В исторических публикациях о польско-германском соглашении 1934 года есть указания на то, что Юзеф Бек действительно был инициатором его появления. Более того, утверждается, что здесь злую шутку сыграла обидчивость Бека и самого Коменданта. Осенью 1933 года Бек с официальным визитом посещал Францию. Однако там ему было нанесено личное оскорбление: французский министр иностранных дел Жозеф Поль-Бонкур не приехал на вокзал встречать своего польского коллегу, хотя это предусматривалось дипломатическим протоколом. В аффекте Бек с одобрения Пилсудского поручил польскому послу в Германии Липскому изложить Гитлеру неофициальное предложение подписать декларацию о ненападении.

В то же самое время не понравился польскому руководству и ещё один французский политический укол. Приехавшему в Париж доверенному лицу Пилсудского, его бывшему личному адъютанту, генералу Веняве-Длугошовскому, который по поручению своего шефа зондировал позицию Франции по отношению к Германии на случай польско-немецкого конфликта, французы открыто намекнули на слабость высшего польского военного командования. Надо полагать, основания для такого суждения у них были. Ведь тот же маршал Рыдз-Смиглы – одна из ключевых фигур в польском военном истеблишменте, польский верховный главнокомандующий с 1935-го по 1939 год – учился в Краковской академии искусств и никакого систематического военного образования, кроме курсов офицеров запаса в австрийской армии и офицерских курсов в Стрелецком союзе, не имел. Не менее известный польский военный и политический деятель Владислав Сикорский, который в ходе советско-польской войны командовал армией, после её окончания был военным министром, премьер-министром, а во время Второй мировой войны возглавил польское правительство, окончил факультет строительства дорог и мостов Львовского политехнического института. Его военной школой тоже были только курсы офицеров запаса во время срочной службы в австрийской армии, на которые, кстати, он пошёл добровольно, что гарантировало ему получение статуса офицера запаса. По ступенькам сугубо военной карьеры Сикорский стал продвигаться уже в Польской военной организации и в польских легионах, созданных Пилсудским во время Первой мировой войны под эгидой Австрии. Генерал Казимир Соснковский, который на посту верховного главнокомандующего в 1943 году сменил погибшего в авиакатастрофе Сикорского, учился в Львовском политехническом институте и готовился стать архитектором. Диплом получить не успел, так как началась Первая мировая война.

В словах французов по адресу высших польских военных самолюбивый Комендант мог усмотреть шпильку и в свой адрес. Ведь сам он, став “Первым маршалом Польши”, тоже “академиев не заканчивал”, как и генералиссимус Сталин, с той только разницей, что в Польше военные способности Пилсуд-

ского никто под сомнение не ставил раньше, не ставит и теперь, чего не скажешь об отношении к Сталину в России. В 2010 году в Польше во время празднования 90-летия “чуда на Висле” многожды подчёркивалось, что соединения Красной Армии летом 1920 года были разбиты благодаря именно “военному гению Пилсудского”. В России же продолжают повторять пущенную Хрущёвым байку о том, что Сталин управлял своими армиями исключительно по глобусу, а в год 65-летия Великой Победы заявили, что он к той Победе и вовсе никакого отношения не имеет, так как народ поверг врага вопреки тиранившему его Сталину. Более того, Верховного главнокомандующего и во все называли преступником. Правда, юрист, единолично сформулировавший такой “приговор”, не пояснил, как с этим быть нынешним российским гражданам. То ли смотреть на ту Победу, как на не совсем чистую, поскольку к ней причастен Сталин. То ли в самих себе видеть некую ущербность, так как, воленс-ноленс, все мы вышли из той Победы, даже те, кто выносит ей приговоры. И Европа живёт теперь благодаря ей.

Но вернёмся к началу дружбы Пилсудского с Гитлером.

Скорее всего, будучи изощренным политиком, Комендант Речи Посполитой руководствовался все-таки более основательными соображениями, чем сиюминутный личный каприз или обида любимчика Бека, когда шёл на такой непопулярный шаг, каким в глазах европейского общественного мнения тогда было сближение с гитлеровской Германией. Уместно напомнить, что в странах Европы, победивших в Первой мировой войне, особенно Франции и Англии, в то время понимали неизбежность повторения конфликта и даже каких-то уступок немцам, поскольку уж очень унижительными для них были условия Версальского мира, подведшие черту под четырёхлетней борьбой за передел мира в 1914–1918 годах. Французский маршал Фердинанд Фош уже в 1919 году откровенно назвал Версальский договор не миром, а перемирием на двадцать лет. Как потом оказалось, продолжительность срока прекращения огня была предугадана весьма точно. Уинстон Черчилль тоже считал Первую мировую лишь началом большой тридцатилетней войны в Европе.

Первая попытка создать блок центральных европейских государств для противодействия возможным реваншистским устремлениям Германии была сделана ещё в самом начале двадцатых годов минувшего века. Тогда предполагалось, что в блок войдут Польша, Чехословакия, Румыния, Югославия, и он дополнит союз Польши и Франции, на первых порах тоже имевший антигерманскую направленность. Но блок не получился из-за позиции Чехословакии, которая не хотела связываться с Польшей, имевшей постоянные трения с Советским Союзом. Да и в самой Речи Посполитой та идея не встретила понимания ни в парламенте, ни в партиях.

Впоследствии стала доминировать другая идея: каждый в Европе возжелал обеспечить свою безопасность за счет уступок со стороны другого. На такой точке зрения – пусть уступят другие – стоял и Юзеф Пилсудский. В этом смысле весьма интересны воспоминания польского военного историка полковника Яна Цяловича, участника легионов Пилсудского в Первой мировой войне, в межвоенное время долго служившего в штабе верховного главнокомандующего Речи Посполитой маршала Рыдз-Смиглы, а потом воевавшего в частях генерала Сикорского на западе. В 1971 году он издал в Польше книгу “От Костюшко до Сикорского”. В этой книге Цялович напоминает: маршал решил исходить из того, что есть возможность ослабить напряженность в отношениях с Германией и подтолкнуть её к признанию границы с Польшей без территориальных уступок со стороны Польши. Комендант всерьёз полагал, что они могут быть сделаны за счет Австрии. Еще в 1933 году, писал Цялович, он говорил, что готов продать аншлюс Австрии за хорошую цену. Правда, авторство этой “цены” принадлежало не самому Пилсудскому. Такую идею еще в 1917 году выдвинул другой польский политик националистического толка – Роман Дмовский, весьма близкий к маршалу. Он полагал, что ценой включения Австрии в состав Германии должно стать присоединение части Восточной Пруссии к Польше. Идея получила довольно широкое распространение в политических кругах межвоенной Польши. Такой, например, авторитетный в то время политик, как князь Евстафий Сапега, открыто повторял её при любом удобном случае.

Приняв этот постулат за основу при выстраивании польско-немецких отношений, Пилсудский взял курс на уход из-под опеки Франции, с которой еще в 1921 году был заключен союзнический договор. Говоря другими слова-

ми, он решил проводить свою внешнюю политику без оглядки на главную польскую союзницу в Европе, дав ей понять, что он “сам с усами” во всех смыслах. Фактически тогда маршал демонстративно повернулся спиной к Парижу, начав действовать на свой собственный страх и риск. Вполне возможно, что память и об этом решении сказалась на действиях французского правительства по отношению к атакованной Гитлером Польше в сентябре 1939 года. Французы прямо говорили полякам, что из-за их Данцига — так тогда называли Гданьск — им нет смысла вступать в большую войну. Призванный тогда в армию известный французский философ Жан Поль Сартр, отражая доминирующее мнение своих соотечественников, так и записал в дневнике: “Зачем нам эта война?!” . Весь Париж пел песенку “Ничего не хотим”. Популярный Морис Шевалье в польском мундире и в компании двух роскошных дам высмеивал “польских фраеров”, которые позволили убивать себя за какую-то автостраду, за какой-то коридор, в то время как на земле столько прекрасных женщин.

Чуть больше чем через полгода — весной 1940 года в Париже не пел никто, а лозунг “не желаем умирать” французы активно “реализовывали собственными ногами”. И реализовывали иногда настолько своеобразно, что марширующие по Франции немцы не скрывали удивления, когда во многих местах их встречали букетами цветов. А французский министр пропаганды в правительстве маршала Петэна объяснял соотечественникам, что поражения даже полезны, надо утешаться тем, что есть... Но это было потом, а в середине тридцатых на охлаждение Варшавы к Парижу французские политики реагировали довольно нервно. Да и не могло быть по-другому, ведь оно вносило серьезные коррективы в весь европейский политический пасьянс.

Поворот Пилсудского в сторону Гитлера вскоре после прихода фюрера к власти во многом проясняют суждения Цяловича и о том, как маршал оценивал нового германского канцлера. Поскольку Гитлер является австрийцем, а менталитет австрийцев сильно отличается от немецкого, то Пилсудский считал, что окружение Гитлера мало заражено пруссачеством, а потому не стоит приписывать ему слишком большой заинтересованности в ревизии восточных границ Германии, то есть границы с Польшей. Комендант полагал, что Гитлер долгое время будет занят как раз внутригерманскими проблемами, и это время будет работать на Речь Посполитую.

Всерьез учитывались и антисоветские настроения фюрера и его партии. Более того, Пилсудский считал, что именно на этой почве может произойти сближение Польши с Германией, ведь сам маршал страдал болезненным антисоветизмом и русофобией. Пилсудский, подчеркивает Ян Цялович в своей книге, утверждал, что приход Гитлера к власти и нацистское правительство куда менее опасны для Польши, нежели их предшественники в германском руководстве — социал-демократы. (Стоит вспомнить, что с таким же недоверием к социал-демократам Германии относился и Сталин, впрочем, неприязнь между социалистами и коммунистами была характерна для всей Европы, о чем теперь редко вспоминают.) А ещё Пилсудский почему-то был уверен, что за фюрером не пойдёт армия, потому считал Гитлера временным явлением и не верил в устойчивость его режима.

Вот такие суждения и выводы были тогда положены в основу польской внешней политики. И сделаны они были несмотря на то, что уже через две недели после прихода к власти Гитлер в интервью британской газете “Санди экспресс” заявил: ситуация с “коридором” невыносима. Речь идет о том, что входившая в рейх Восточная Пруссия фактически являлась анклавом, не имеющим общих границ с остальной Германией, потому немецкое руководство требовало от Польши предоставления экстерриториального коридора-дороги для беспрепятственного сообщения с Кенигсбергом. Но если Германию к договоренности о ненападении в 1934 году подталкивала международная изоляция, замечает Цялович, то Польше показалось, что, добившись ее, она получит “чувство облегчения и безопасности” лет на десять, а также возможность вести более самостоятельную политику по отношению к Франции и соседям. На деле договор привел к охлаждению с Францией, вызвал недоверие на западе и откровенное беспокойство в СССР. Пилсудский по этому поводу не раз говорил: сидим на двух стульях, надо бы знать, с какого и когда упадем. Однако продолжал начатую линию.

Подчеркивает Цялович и еще одну важную деталь: **соглашение с Германией притупило в Польше бдительность всего народа, а властям дало**

иллюзию безопасности и преувеличенное мнение о собственной силе и их возможности играть роль руководителей великой державы. На самом же деле оно принесло выигрыш Германии. Ей удалось выйти из изоляции, до которой довел ее Гитлер, концентрировать силы против западных и юго-западных соседей, имея безопасный тыл на востоке. Через четыре-пять лет выигрыш вырисовался с полной очевидностью.

В наше время часто говорится, что польское предвоенное руководство на самом деле пыталось балансировать меж двух опасных соседей – Германией и СССР. Однако Станислав Жерко в “Политике” за 5 февраля 2009 года написал вполне откровенно: “Отношения с Москвой ухудшались из года в год, а в 1938 году достигли просто состояния холодной войны. Прямо противоположное имело место в отношениях с Берлином, в которых царил очень хорошая атмосфера. В Варшаву с визитами регулярно приезжали гитлеровские сановники. Кое-где даже высказывалось мнение, что Польша стала тайным союзником Рейха”. Среди важных гостей наиболее частыми были Геринг, Риббентроп, Франк – тот самый Франк, который после оккупации Польши гитлеровцами был назначен управлять генерал-губернаторством, включившим основную часть польских земель. Он сразу же заявил, что **поляки станут рабами у немцев, а значительную часть польской интеллигенции пустил в расход. Первыми эту трагическую судьбу осенью 1939 года разделили почти две сотни профессоров Краковского университета.**

Продолжая разговор о дружбе с Гитлером, нельзя не отметить, что в этом смысле у Пилсудского и его последователей в польском межвоенном руководстве были заслуги не только двустороннего, но и международного характера. И, похоже, что их куда больше, чем у Сталина. Стоит вспомнить хотя бы об идее так называемого “Восточного пакта”. Весной 1934 года, напоминает Ян Цялович, министр иностранных дел Франции Барту предложил договор, который подписали бы Франция, Германия, Польша, СССР, Чехословакия и прибалтийские государства и который бы гарантировал границы, существующие в Центральной Европе. Пилсудский выступил против, поскольку не хотел давать никаких гарантий границам южной соседки – Чехословакии. Кроме того, он никак не желал взаимодействовать с СССР. Усилиями Польши пакт был провален.

Второй раз, в 1935 году, эту идею выдвинул преемник убитого югославскими уставами Барту – Лаваль. Однако и на этот раз Польша выступила против неё. Но уже вместе с Германией. По мнению Яна Цяловича, как раз 1935 год и стал годом начала катастрофы для Европы. С этого времени Гитлер начал свой марш от успеха к успеху.

После смерти Пилсудского в 1935 году министр иностранных дел Польши полковник Бек продолжил линию, начатую маршалом. Впечатление от предвоенной польской внешней политики весьма образно сформулировал американский журналист Д. Фуллер: “Вполне можно застраховать пороховой завод, если на нем соблюдаются правила безопасности, однако страховать завод, полный сумасшедших, немного опасно”. Рассекреченные документы советской внешней разведки содержат и копию донесения своему правительству британского посла Кенарда в Польше в канун мюнхенского сговора. Кенард сообщал: “Польша будет действовать в русле германской политики”. А вот о чём напомнил Станислав Жерко: “...Предъявление Праге ультиматума с требованием уступить Тешинскую область под угрозой военного нападения было воспринято мировым общественным мнением как копирование Польшей германских методов. Заголовок в шведской газете “Dagens Nyheter” (от 4 октября 1938 года) “Подражатели Германии” относится к разряду наиболее сдержанных. Практически везде использовалось сравнение с шакалом, бросающимся на жертву, которому до этого нанес смертельный удар гораздо более сильный хищник. Британский комментатор писал: “Если сейчас Гитлер нападет на Польшу, я прокричу “Sieg heil!””. Была масса подобных мнений. В том же месяце французский посол в Варшаве Леон Ноель направил своему начальству докладную записку, в которой призывал сократить обязательства перед Польшей, поскольку она выступает на стороне противников Франции. Польше грозила изоляция. Станислав Жерко констатирует: **позиция Польши была на руку Рейху, и “неоднократно германская сторона за это благодарил поляков”.**

Упрямые факты свидетельствуют, что для благодарностей были веские основания. Чехословакия для Гитлера стала весьма важным приобретением.

Ведь состоявшийся на полгода раньше аншлюс Австрии, а точнее – поход вермахта на австрийскую столицу, показал, что германская армия не готова к войне. Как пишет в журнале “Дружба народов” (№ 9 за 2008 год) российский публицист и историк Игорь Шумейко, опубликовавший в этом издании статью “Масса грехов”, дороги до Вены были забиты вышедшей из строя немецкой техникой. Несмотря на хорошие условия для движения, большая часть танков остановилась из-за неисправностей. То же случилось и с самоходной артиллерией. Фюрер разъярился и обвинил во всём генералов, но те так и ответили: “Армия не готова к большому конфликту”. Более того, фельдмаршалы, генералы, дипломаты и высшие государственные чиновники рейха стали готовить свержение Гитлера, фельдмаршал Вицлебен уже репетировал захват рейхсканцелярии. Даже СС, пишет Шумейко, тогда занял выжидательную позицию. В Берлине перестали отдавать приветствие “Хайль!”. Так продолжалось два месяца, и только “Мюнхенский саммит”, как признались сами заговорщики перед казнью в 1944 году, уберёт Гитлера.

Спасительной жертвой стала Чехословакия, которая была отдана на заклание, хотя она имела армию, по численности мало уступавшую немецкой, а по качеству вооружения куда как превосходившую ее. Чехословакия в то время была мировым лидером по производству и экспорту вооружений. Заводы “Шкоды” У. Черчилль называл вторым по значению арсеналом Европы. А были ещё предприятия “ЧДК-Прага”. Кроме того, Чехословакия имела великолепные горные фортификационные сооружения на границе с Германией в Судетах, которые своей основательностью даже превосходили линию Мажино и линию Зигфрида. “Часть этих укреплений была неприступна, – пишет Шумейко, – часть требовала полугодового штурма”. Те из них, что расположены в районе Карловых Вар, осмотрел и сам Гитлер в компании генерала Рейхенау, после чего сказал, как отрезал: “Прочность бетона не играет никакой роли, если слаба сила воли”.

К созданию того оборонительного вала, кстати, имел прямое отношение и наш земляк, уроженец Витебска Сергей Николаевич Войцеховский, который, повоевав во время гражданской войны на стороне Колчака – командующим армией, группой войск и даже главнокомандующим Восточным фронтом, в эмиграции поступил на службу в чехословацкую армию. Перед мюнхенским сговором он был уже генералом армии и министром обороны Чехословакии и настойчиво рекомендовал оказать немцам военное сопротивление. Но не был услышан. А жаль, поскольку впоследствии гитлеровский фельдмаршал Кейтель признавался: “Мы были необычно рады тому, что дело не дошло до военной операции, поскольку... наших наступательных средств было недостаточно для штурма пограничных сооружений Чехословакии. С чисто военной точки зрения у нас не было средств для атаки, которая разбилась бы, как волна, о волнолом пограничных укреплений в Судетах”. Так что, вполне возможно, приветствие “Хайль!” перестало бы звучать в Германии еще в 1938 году.

Подчеркивает такую вероятность и чешский публицист Йозеф Трешняк, статью которого 27 января 2009 года перепечатал польский журнал “Впрост”: “Оккупация Чехии в марте 1939 года и возникновение словацкого государства стало причиной быстрого поражения польских войск в первый месяц Второй мировой войны. Немцы при нападении на Польшу использовали чешские тяжелые танки, орудия и пулеметы, а к нацистской атаке на Польшу присоединилась и Словакия”. Кстати, статья Йозефа Трешняка помещена в польском журнале под заголовком “Потерянный шанс. Как польско-чехословацкий союз мог изменить ход кризиса и Второй мировой войны”. Заканчивается она такими словами: “Совместный чешско-польский фронт обороны от Гитлера имел шансы на победу – бок о бок с миллионной польской армией сражалась бы как минимум полуторамиллионная чешская армия. Вероятно, что под натиском этого союза в сентябре 1939 года нацисты должны были отступить. Возможно, немецкий вермахт осуществил бы переворот, который, как показывает в своих записках Уинстон Черчилль, готовился за год до начала войны”.

Ликвидировав Чехословакию, Гитлер получил массу военного снаряжения, достаточного для вооружения 40 дивизий. Российский ученый Г. Л. Розанов в книге “Сталин–Гитлер. Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений 1939–1941 гг.” приводит весьма впечатляющие цифры: **гитлеровцы захватили в Чехословакии свыше 1,5 тысячи самолетов, несколько тысяч орудий, свыше 43 тысяч пулеметов, один милли-**

ард патронов, три миллиона снарядов. Тогда рейх смог пополнить свои бронетанковые силы несколькими сотнями лучших на то время в Европе танков и сразу же заказать на чешских заводах еще почти полтысячи. Это чешскими танками была раздавлена не только Польша, но и также Франция, Бельгия, Голландия, Дания, Норвегия, Люксембург. Это они приперли английские дивизии к побережью у Дюнкерка в 1940 году. Они были наиболее боеспособными машинами и во время атаки на Советский Союз, а тогда их в вермахте насчитывалось уже свыше 800.

В советское время из-за социалистической солидарности и политкорректности об этом не упоминалось, потому и сокрушается ныне известный московский литератор Лев Аннинский: знал бы я, сколько танков, сделанных на чешских заводах, дошло до Москвы и Сталинграда в 1941–1943 гг., смог бы ответить, зачем советские танки дошли до Праги в 1968 году. К словам Льва Аннинского мы имеем полное право добавить, что на пути к Москве и Сталинграду чешские танки, уже помеченные немецким крестом, “нанесли визиты” в Минск и многие другие белорусские города. Вряд ли немцы обошлись без них и во время трехнедельного штурма Могилева, а затем Смоленска. Наши ветераны-танкисты вспоминают, что это были лучшие танки в вермахте в первую половину войны, и когда их удавалось захватить, на них пересаживались командиры советских танковых батальонов и полков, поскольку из башен чешских танков куда лучшим был обзор поля боя.

Чехословацкий военно-промышленный комплекс, а это десятки металлургических заводов и электротехнических предприятий, более сотни шахт, свыше 400 химических фабрик, без сбоев работал на нужды вермахта всю войну, дав ему примерно четыре тысячи танков и самоходных артиллерийских установок, большое количество тяжелых грузовиков, не говоря уже о пушках, бомбах, пулемётах... Не менее важным для Гитлера было и то, что раздавленная Чехословакия уже не могла при ином ходе событий стать местом базирования для советских самолетов, откуда они легко достигали бы пределов рейха. О том, что этот момент был весьма важным в военном раскладе и обязательно присутствовал в политических расчетах, свидетельствует то, что Н. Чемберлен перед отлётом из Мюнхена — уже после подписания пакта — еще раз имел беседу с Гитлером, в ходе которой отметил: “Для нападения на Советский Союз у вас достаточно самолётов, тем более, что уже нет опасности базирования советских самолётов на чехословацких аэродромах”.

Такой была реальная цена “мюнхенского презента”, в пожаловании которого Гитлеру активно участвовала Польша. И если говорят, что подписи под мюнхенским пактом, поставленные британским и французским лидерами Чемберленом и Даладьё, — это каинова печать, то справедливо будет добавить, что густоты чернилам, которые использовались при подписании и “припечатывании” тех страниц, добавили польские политики.

Сама же Польша, присоединив к себе принадлежавшую Чехословакии Тешинскую Силезию, на самом деле “получила” ещё кое-что весьма существенное. После оккупации гитлеровцами Праги и всей Чехии, создания марионеточной Словакии и обострения отношений с Германией она оказалась в окружении почти по всему периметру своих рубежей: на севере и западе — предъявивший ультиматум рейх, на юге — его протекторат Чехия и Моравия и марионеточная Словакия, на востоке — ненавистный СССР, на северо-востоке — совсем не дружественная Литва. Оставался небольшой участок границы с Румынией, которым впоследствии и пришлось воспользоваться руководству Польши, покидая собственную страну в сентябре 1939 года. Однако даже “дружественные румыны” это руководство под давлением немцев интернировали.

Оккупация гитлеровцами Чехии, справедливо подчеркнул Ян Цялович, означала нечто большее, чем исчезновение одного из государств: она со всей очевидностью засвидетельствовала, что ситуация в Европе неуклонно движется к войне. Это поняли в большинстве европейских столиц. Кроме Варшавы. Потому, когда спохватившаяся Великобритания предложила вместе с Францией, СССР и Польшей всё-таки дать гарантии всем европейским государствам, то и “эта инициатива сошла на нет из-за позиции Польши”. Так был упущен последний шанс уберечь мир, констатирует историк и формулирует еще одну весьма важную мысль: после этого в Лондоне, Москве, Берлине принимались другие решения.

Не трудно сделать вывод, что это были решения, уже не учитывавшие интересов Польши. Есть основания отнести к ним и договор Риббентропа—Молотова. Ведь после ультиматума Гитлера, предъявленного Польше в конце марта 1939 года, о предоставлении коридора в Восточную Пруссию, передаче Германии Данцига и согласовании своей внешней политики с политикой Рейха, СССР дважды протягивал Варшаве руку. Сразу после денонсации Гитлером германо-польской конвенции о военном сотрудничестве, о чём было объявлено в апреле 1939 года, первый заместитель наркома иностранных дел СССР Владимир Потёмкин по поручению наркома В. М. Молотова 11 мая специально приехал в Варшаву, встретился с министром иностранных дел Польши Ю. Беком и заявил, что СССР не откажет в помощи Польше, если она того пожелает. Но уже на следующий день посол Польши в Москве Гжибовский посетил Молотова и сказал, что Польша не считает возможным заключение пакта с СССР, так как такой пакт угрожает её независимости. Несмотря на это, 25 мая советский полпред в Варшаве Николай Шаронов еще раз подтвердил готовность Советского Союза оказать военную помощь польскому государству, но предложение вновь было отвергнуто. Так что Польша на самом деле тоже подталкивала Сталина к принятию “уже других решений”, одним из которых стал договор, подписанный в Москве 23 августа 1939 года.

В современной Польше пактом Риббентропа—Молотова усиленно пытаются заслонить все ошибки Коменданта и птенцов из его гнезда, действия которых базировались не на трезвой оценке реалий, а на неприязни к соседям, “на которых не повезло”, и стремлении поживиться за их счет.

Так и не поняв, что очередной жертвой назначена сама Польша, Речь Посполитая упорно играла против соседей. Перед самым расчленением Чехословакии польские структуры тесно координировали свою деятельность с судетскими немцами, польские спецслужбы засылали на территорию соседнего государства диверсионные группы. Но есть основания утверждать, что координация присутствовала и на более высоких уровнях, и по другим основаниям. И не только по поводу соседей, поскольку с Чехословакией и СССР руководителям Польши “все было ясно” давно, и смена позиции не предусматривалась. Еще 14 января 1938 года в беседе с Ю. Беком фюрер заявил, что чешское государство сохранить невозможно, и польский министр, как следует из польского официального отчета, горячо поддержал эту идею (“Документы и материалы кануна второй мировой войны: ноябрь 1937—1938 гг.”. Политиздат, 1948.).

Варшавский еженедельник “Не” в № 27 за 2009 год опубликовал хронику польско-немецкой дружбы под заголовком “С Гитлером под руку”. В ней говорится, что 1 октября 1938 года рейхсминистр иностранных дел Германии Риббентроп через польского посла в Берлине Леона Липского информировал польское руководство, что “немецкое правительство: 1. В случае польско-чешского вооруженного конфликта займёт по отношению к Польше благожелательную позицию; 2. В случае конфликта польско-советского пойдет значительно дальше благожелательности”.

Однако та хроника свидетельствует, что польско-немецкое взаимопонимание базировалось не только на ненависти к СССР и Чехословакии. Один из её абзацев, касающийся Судетского кризиса, гласит: “20 сентября. В Оберзальцберге Гитлер два часа разговаривает с польским послом Леоном Липским. Информировует о решении немедленно присоединить к Рейху территории, населенные в 1918 году преимущественно немцами, путем плевбисцита или вооруженной акции. Липский представляет польские требования: Тешинский и Фриштасский уезды с некоторыми уточнениями, главным образом в районе Богумина, должны отойти к Польше. Выражает поддержку венгерским требованиям, прежде всего касающимся передачи Венгрии Закарпатской Руси. Беседа о расчленении Чехословакии идёт в духе полной дружбы. Затрагиваются и другие вопросы. Гитлер сообщил, между прочим, что вместе с Польшей, Венгрией и Румынией предлагает решение еврейского вопроса путём переселения евреев в колонии. Липский информировал Бека: “На этот пункт я сказал ему, что если он найдет решение этого вопроса, мы поставим ему красивый памятник в Варшаве”.

Но и до Мюнхена у Польши с Германией было полное взаимопонимание в международных вопросах. В 1936 году Польша выступила против введения санкций в отношении оккупировавшей Абиссинию Италии, заявив устами сво-

его министра иностранных дел полковника Бека, что такого государства, как Абиссиния, не существует. В 1938-м даже полусловом не осудила Германию за аншлюс Австрии. Потом пришло время совместного растерзания Чехословакии. Поворот Польши в сторону сотрудничества с рейхом, сделанный Пилсудским, был настолько ценным для рейха, что **в 1935 году, когда умер Комендант, Гитлер лично приезжал в польское посольство выразить соболезнования, присутствовал на траурной мессе. На самих похоронах за катафалком в первом ряду соболезнующих вышагивал Геринг. В 1939 году, когда Краков был оккупирован нацистами, у могилы Пилсудского был выставлен немецкий почётный караул.** Это вряд ли слабее тоста за здоровье Гитлера, предложенного Сталиным на банкете после подписания договора Риббентропа–Молотова.

Пилсудский похоронен в Кракове на Вавеле – священном для каждого поляка холме, на котором покоятся короли, наиболее выдающиеся деятели национального движения. **На его могиле установлены яшмовые колонны. Они остались от разрушенного в Варшаве православного кафедрального собора Александра Невского.** Эти колонны – их было 16 – подарил собору последний русский царь Николай Второй. Они составляли основу интерьера храма. А стены и своды украшали мозаики, выполненные под руководством выдающегося русского художника В. М. Васнецова. Самая большая мозаика “О тебе радуется” занимала 1000 квадратных метров. Поляки ломали собор шесть лет: с 1920 по 1926 год. От мозаик почти ничего не осталось. Яшмовые колонны пригодились для надгробия первому маршалу.

Современная пресса любит вспоминать, что после сентябрьского похода Красной Армии в 1939 году министр иностранных дел СССР В. М. Молотов назвал Польшу уродливым детищем Версальского мира. Однако стоит напомнить, что именно так – уродливым созданием – Ю. Пилсудский называл Чехословакию. В польском журнале “Впрост” за 2 ноября 2009 года публицист Дариуш Балишевский напомнил сородичам, что когда после сговора в Мюнхене польские войска вторглись в чехословацкие пределы, министр иностранных дел Польши Юзеф Бек в своей ноте сделал следующее “обоснование”: “Чехословацкую республику рассматриваем как искусственное образование, противоречащее потребностям и правам народов Центральной Европы”. Скорее всего, Молотов, зная, конечно же, эти заявления, умышленно употребил именно польскую риторику, чтобы подчеркнуть: **вторая Речь Посполитая напоролась на то, за что сама боролась.**

Почитаемый во всем мире британский историк Бэзил Лиддел Гарт в своей книге “Вторая мировая война” указал, что до начала 1939 года Гитлер рассматривал Польшу в качестве младшего союзника при осуществлении своих территориальных устремлений на востоке. Можно не сомневаться, этот учёный знал, что говорил. Но все-таки время ещё ждет исследователя, который в полном объеме оценит вклад начатой Пилсудским польской политики в создание в Европе ситуации, приведшей к развязыванию Второй мировой войны. А заодно и польские метания тех времён, которые, несомненно, производили серьезное впечатление на западные столицы. Ведь опасения, что Польша может выступить на немецкой стороне, указывает историк и дипломат Ян Цехановский, были вполне реальными и особенно волновали Лондон, где в марте 1939 года и было заявлено о британских гарантиях безопасности для Польши в случае агрессии на неё со стороны Германии. Он прямо упрекает министра Бека в том, что тот не уловил главной сути тех гарантий: “Бек не понимал, что британские гарантии для Польши были попросту ничем не подкрепленными дипломатическими жестами. Он не уразумел также, что британцы дали нам эти гарантии в значительной степени потому, что опасались, как бы без них Польша не капитулировала перед требованиями Берлина и не перешла в лагерь стран Оси, что привело бы к полной смене расклада сил в Европе в пользу Третьего Рейха, ослабило бы позиции и престиж Великобритании...”.

Ян Цехановский возлагает вину именно на Бека, поскольку знает, что именно этот любимец Пилсудского играл определяющую роль в формулировании польской внешней политики. Сам Юзеф Бек получение британских гарантий считал главным своим дипломатическим достижением, хотя не все даже в польском руководстве разделяли такую точку зрения. В знак протеста против таких гарантий и вскоре после их объявления застрелился бывший премьер-министр Валерий Славек, один из тех, кто вместе с Пилсудским уча-

ствовал в нападении на почтовый поезд в Безданах 26 сентября 1908 года. Он исходил из того, что плотная привязка Польши к Великобритании неминуемо спихивает страну в пропасть войны с Германией. Тем более что британские дипломаты в Варшаве и не скрывали: максимум из того, чем может помочь полякам их правительство в случае войны с немцами, так это выделить денежный заём да подбросить кое-что из военного снаряжения, но ни о каком экспедиционном корпусе не могло быть и речи. Однако Бек упорно держался собственной линии. Даже за несколько месяцев до войны, видя, что его страна уже оказалась в вакууме между двумя заклятыми друзьями – Германией и СССР, он продолжал твердить: “Если Франция и Англия захотят возобновить переговоры с Россией, то пусть делают это... Что касается нас, то мы не будем им создавать препятствий, но сам я в этой опасной забаве участвовать не буду”.

Преувеличенное мнение о собственной значимости, о возможностях польской армии (наша кавалерия в несколько дней достигнет Берлина – в самый канун войны утверждал посол Речи Посполитой в Париже Юлиуш Лукасевич), а также полная уверенность в том, что западные союзники ни при каких условиях не оставят их страну один на один с её недругами, привели польских политиков к тому, что они и не заметили, как Польша стала разменной монетой в руках у тех, кого считала главным союзником и главной опорой – Великобританией. Не зря сказано, что к какой бы войне Англия ни готовилась, она сначала ищет союзника, которым можно пожертвовать. На сей раз драка предстояла очень большая, потому жертв потребовалось больше, чем одна Чехословакия.

Суть британских политических подходов на подступах ко Второй мировой изложил в своем дневнике заместитель министра иностранных дел Великобритании Александр Кадоган: “Мы должны стремиться к удержанию своих позиций в Западной Европе и в бассейне Средиземного моря. Нам надо отказать от забот в центральной и восточной Европе – пусть там обосновывается Германия, если сможет там найти свой Lebensraum”, то есть жизненное пространство. Говоря другими словами, Гитлера надо было направить на восток, это значит и на Польшу, так как обойти её на пути к границам СССР было невозможно.

Тем не менее, до сих пор многие политики в Польше считают ориентацию Бека на Англию единственно правильной. В мае 2009 года бывшие министры иностранных дел Польши Адам Даниэль Ротфельд и Владислав Бартошевский, а также депутат Европарламента Павел Залевский опубликовали в “Речи Посполитой” статью под заголовком “Человек, который говорил о чести”, в которой предложили назвать именем Бека одну из улиц Варшавы. Они тоже считают, что договоренность о взаимных гарантиях между Польшей и Великобританией, достигнутая 6 апреля 1939 года, стала “величайшим дипломатическим достижением Юзефа Бека”. Но есть в той статье и слова, приподнимающие занавес над неафишируемой целью предвоенного министра. Оказывается, он понимал, что его политика ведёт к неизбежному конфликту с Германией, но это не является его ошибкой, поскольку конфликт перерос в европейский пожар, а затем в мировую войну, которая стала главной гарантией тому, чтобы Польша не превратилась в шестнадцатую республику СССР. Весьма неожиданный, скажем так, вывод, если учесть, что **платой за такую “гарантию” стало 55 миллионов душ, в их числе шесть миллионов – польских граждан.**

И обоснован ли он? Вряд ли. Ведь Сталин хорошо знал историю пребывания поляков в составе России в XIX веке и понимал, что ничем иным, кроме Вандеи, Польша в СССР не станет. Скорее всего, он преследовал ту цель, о которой и говорил: в Польше нужно иметь дружественное к СССР руководство, ибо именно через Польшу в Россию всегда входили главные агрессоры. Не более того.

Неприятнь к русским брала верх над всем. В этом Бек следовал завету Пилсудского. Ведь, как писал Побуг-Малиновский, “Маршал для Бека был всем: источником всяких дел, мировоззрением, даже религией. Не было и не могло быть никакой дискуссии о том, о чём высказывал свое суждение маршал”. Остается добавить, что такие люди преобладали в предвоенной польской политической элите. Польские историки, тот же Томаш Наленч, иронизируют, что в межвоенное время в Речи Посполитой появилась “четвёртая бригада”, состоящая из тех, кто перешел на сторону маршала уже после май-

ского переворота – самая многочисленная и громче всех кричащая о своих заслугах. Она напоминает советский анекдот о том, сколько человек вместе с Лениным несло бревно на субботнике. В реальности те четыре бригады были фактической партией Пилсудского, которая держала власть до сентября 1939 года. Они открыто заявляли, что Польша “выросла из их кровавых жертв, потому руководить ей имеют право только они”. А это тоже близко суждениям Сталина, в которых он сравнивал партию с орденом меченосцев, которые, как известно, всегда оставались верными своему магистру.

Поляки яростно обвиняют Сталина в том, что из-за него Польша ещё в 1939 году лишилась “Кресув Восточных” – Западной Белоруссии и Западной Украины – и из Второй мировой войны вышла территориально меньшей, “ущупленной”, как выражаются политики за Бугом. При этом совершенно не берутся в расчет два весомых момента.

Во-первых, белорусы и украинцы не желали больше жить под польской опекой. И это зафиксировал не только сентябрь 1939 года, когда Красную Армию они встречали как освободительницу. Четырехлетняя война с гитлеровцами стала для белорусов испытанием, которое окончательно объединило и сплотило народ, утвердив его в решимости жить своей семьей и своей судьбой. **Уже ни при каких условиях они бы не согласились стать жителями польской “восточной окраины”.** Польские и белорусские представления о том, как дальше строить свою судьбу – вместе или раздельно, – окончательно разошлись, потому белорусские земли уже никак не могли больше войти в состав Польши. Да и украинцы, уверен, тоже соглашались с подобным суждением.

Во-вторых, совершенно забывается, что, если бы не усилия Сталина, то нынешняя Польша была бы еще меньшей. И значительно. В этом совсем не трудно убедиться, заглянув в материалы Потсдамской конференции, на которой решалась судьба Европы, устанавливались границы стран-победителей и побежденных. Вот слова тогдашнего британского премьера У. Черчилля: “Я так понимаю, что, согласно плану польского правительства, который поддерживается, как я понял, Советским правительством, одна четверть всех обрабатываемых земель Германии 1937 года будет отторгнута от нее...”. И далее: “Мы согласились компенсировать Польшу за счет Германии за ту территорию, которая отошла от неё к востоку от линии Керзона. Но одно должно уравновешивать другое. Сейчас Польша требует для себя гораздо больше, чем она отдает на востоке... Компенсация должна равняться потерям, иначе это не было бы хорошо и для самой Польши. Если, как говорил генералиссимус Сталин, немцы оставили земли к востоку и западу от Одера, то их следовало бы поощрить вернуться туда...”.

Но речь шла не только о плодородных землях и продовольственных проблемах, но и об угле. В частности, об угольном бассейне в Силезии. Нынешнем польском угольном бассейне. Здесь на стороне Черчилля был и американский президент Г. Трумэн: “Я думаю, что эта часть Германии, а именно угольный бассейн, должна считаться остающейся за Германией...”.

А Сталин гнул свое: “Что касается угля, то я должен сказать, что у поляков в старых границах был свой угольный бассейн, очень богатый. К этому угольному бассейну присоединился угольный бассейн Силезии, который находился у немцев. Работают там поляки. Мы не можем взять уголь, добытый поляками...”.

Обмен “любезностями” состоялся 22 июля 1945 года:

“Сталин. Тогда давайте уважим просьбу польского правительства.

Черчилль. Это предложение совершенно неприемлемо для британского правительства... Это не пойдет на благо Польши – иметь такую территорию. Это приведет к подрыву экономического положения Германии...”.

Кажется, в воспоминаниях В. Бережкова, бывшего переводчиком на той конференции, говорится, что Черчилль, аргументируя свою позицию, употреблял и более крепкие выражения. В частности, он говорил, что польский гусь, проглотив столь большой кусок, просто испустит дух от несварения желудка. Но вернемся к протоколу:

“Черчилль. Различие во взглядах между генералиссимусом и мною заключается в том, что британское правительство, хотя оно и допускает, что Польша должна увеличить свою территорию, не хочет идти так далеко, как это делает Советское правительство...”

Точка в этих дебатах была поставлена только на последнем заседании, состоявшемся 1 августа 1945 года. **Верх взяла линия Сталина. С того времени Польша имеет Вроцлав — до этого Бреслау, Щецин — Штеттин. А также Свиноуйсце — бывший Свинемюнде в составе Германии, так как Сталин всё-таки настоял на том, чтобы польская граница проходила “на несколько километров западнее” этого города. Интересно, помнят ли об этом жители Вроцлава, Щецина, Свиноуйсце? Кто-то скажет, что Сталин и здесь преследовал свои стратегические интересы. Не без этого, разумеется. У больших игроков всегда крупные ставки. Но Вроцлав, Щецин, Свиноуйсце и не только — все-таки польские.**

Однако “справедливости ради” надо сказать, что и у Пилсудского были заслуги перед Советской властью. Они тоже относятся к трудному для Советов времени. В ходе гражданской войны в России он категорически отказался взаимодействовать с генералом Деникиным, у которого, кстати, мать была полькой. О тех заслугах впоследствии сам Деникин подробно рассказал в своих записках “Очерки русской смуты”. Оказывается, “относясь лично с полным сочувствием к возрождению польского государства, я не считал неизбежные трудности русско-польских отношений непреодолимыми. И, во всяком случае, был твердо уверен, что ближайшие пути наши связаны неразрывно, так как судьба и Польши, и России находится в явной и роковой зависимости от долгоденствия советской власти”. Встав на такую точку зрения, командование Вооруженных Сил Юга России направило в Варшаву своего представителя полковника Долинского. Но от того долгое время просто не поступало никаких известий. Потом оказалось, что поляки обвинили полковника в недостаточной грамотности, из-за чего он не был признан в качестве полномочного представителя Деникина и даже “претерпел немало унижений”.

Наконец, в сентябре 1919 года в ставку белого командования прибыли военная и экономическая миссии, возглавляемые бывшим генералом русской службы Карницким и бывшим польским министром торговли и промышленности Иваницким. Сразу же по прибытии польских миссий в их честь в Таганроге 13 сентября был дан торжественный приём, который, как указывает Деникин, “носил характер торжественный и сердечный”. Сам командующий произнёс на приёме речь: “После долгих лет взаимного непонимания и междоусобной распри, после тяжёлых потрясений мировой войны и общей разрухи два братских славянских народа выходят на мировую арену в новых взаимоотношениях, основанных на торжестве государственных интересов и общности внешних противодействующих сил.

Я от души желаю, чтобы пути наши более не расходились.

Поднимаю бокал за возрождение Польши и за наш будущий кровный союз”.

Но Деникина ждало полное разочарование. Как он сам пишет, Карницкий не принял сердечного тона, и “его краткое ответное слово было так беспредметно и сухо, что на другой день он счёл нужным в официальном тексте для печати внести несколько учтивых фраз, чтобы не вызвать смущение в русской общественности”. А его заместитель — начальник штаба миссии — майор Пшездецкий еще во время приема “недоуменно спрашивал своего соседа по столу о “причинах” банкета и русского радушия: “Судя по речам, здесь чувствуют союзников. Но поляки еще не союзники, и быть может, они попали сюда по ошибке...”. Через несколько дней Пшездецкий опять выразил “сожаление”, что многие русские неверно поняли, будто между Югом России и Польшей заключен союз. И желая “рассеять создавшееся недоразумение”, просил довести это до сведения “высших чинов”. “Нам незачем бояться сговариваться из-за боязни большевиков, — говорил он. — Большевиков мы не боимся. Более сильной армии, чем у нас, теперь ни у кого нет. Мы можем двигаться вперед вполне самостоятельно. Назад мы не пойдём. Мы дошли до (своей) границы, теперь подходим к пределам русской земли и можем помочь вам. Но мы желаем знать заранее, что нам заплатят за нашу кровь, которую нам придется пролить за вас. Если у вас нет органа, желавшего с нами говорить по тем вопросам, которые нас волнуют, под тем предлогом, что он не авторитетен для решения вопросов о территории, то нам здесь нечего делать”.

Позднейшие события, пишет Деникин, показали, что именно Пшездецкий был выразителем истинных интересов и настроений польской власти. Миссия Карницкого настаивала на том, чтобы в состав Польши включить “Курляндию

с Балтийским побережьем, Литву, Белоруссию, Волынь". А земли "польского расселения" на польской карте простирались "к Киеву и Одессе". Дискуссии ни к чему не привели. Уезжая в Польшу, генерал Карницкий оправдывался "по поводу рокового бездействия польских войск на волыньском фронте" тем, что в Варшаве считают, будто Деникин не признает "независимости Польши" и, кроме того, не "имеет надлежащих полномочий".

Деникин написал письмо самому Пилсудскому. В нём, в частности, говорилось: "Восточная польская армия, успешно наступавшая против большевиков и петлюровцев, в дни, наиболее тяжкие для русских войск, вот уже около трёх месяцев прекратила наступление, дав возможность большевикам перебросить на мой фронт до 43 тысяч штыков и сабель. Большевики так уверены в пассивности польского фронта, что на киевском и черниговском направлении они уверенно и спокойно наступают тылом к нему". Предупреждал в этом письме Деникин и о том, что, добившись падения или ослабления вооружённых сил Юга России, большевики сконцентрируют свои силы против Польши. Но все его усилия были тщетны, так как "генерал Пилсудский объяснял отсутствие взаимодействия с русскими противобольшевистскими силами тем обстоятельством, что ему, "к сожалению, не с кем разговаривать", так как "и Колчак, и Деникин — реакционеры и империалисты".

Похоже, что неудачные переговоры с миссией генерала Карницкого и в целом несостоявшийся союз с Пилсудским надолго стали весьма болезненной темой для А. И. Деникина. Уже в 1937 году в Париже он выпустил пятнадцатистраничную брошюру под красноречивым названием "Кто спас советскую власть?". В ней цитируются слова из вышедших тогда же мемуаров одного из наиболее авторитетных польских генералов Януша Галлера: "Слишком быстрая ликвидация Деникина не соответствовала нашим интересам. Мы предпочли бы, чтобы его сопротивление продолжалось, чтобы он ещё некоторое время связывал советские силы. Я докладывал об этой ситуации Верховному вождю (Пилсудскому). Конечно же, дело шло не о действительной помощи Деникину, а о продлении его агонии".

Впоследствии, когда наступление из Крыма начал сменивший Деникина Врангель, Пилсудский тоже остановил продвижение своих полков на восточном фронте. Ведь оба этих белых генерала, по его мнению, исповедовали и проповедовали "единую и неделимую Россию". Зато в провозглашенном большевиками праве наций на самоопределение, в тучах политической пыли, поднятой гражданской войной в России, Комендант видел возможность рисовать собственные картины будущего. Он твердо был убежден, что отвоевать или выторговать у них на переговорах кое-что удастся. И не ошибся, хотя и получил меньше, чем желал. Ведь финал войны, которую теперь принято называть польско-советской, для белорусов мог быть куда более печальным, чем тот, который получился по Рижскому договору. В советское время об этом избегали говорить, но известно, что в начале 1920 года Совнарком заявлял правительству Польши о готовности уступить белорусские земли западнее городов Дисна, Полоцк, Борисов, Паричи — почти всю территорию нынешней Республики Беларусь. Короче говоря, предлагалось провести границу по той линии, до которой дошли марширующие на восток польские войска. Прими Пилсудский то предложение, могло не стать территории, необходимой для восстановления БССР. Но Пилсудский не согласился, поскольку хотелось большего, за что теперь белорусы могут сказать ему спасибо. Таким "подходом" к белорусским делам он подтвердил для нас обоснованность пословицы, гласящей, что нет худа без добра.

Главной мечтой Пилсудского было уничтожение России. Ещё в 1904 году он говорил, что Россия должна быть расчленена. Предлагал свои услуги японцам, для чего даже посетил Токио. Утверждал, что когда он возьмет Кремль, то прикажет написать на его стенах "Говорить по-русски запрещается!". Есть свидетельства, что такая мечта первого маршала Польши оказалась живучей. В декабре 1938 года — всего за несколько месяцев до гитлеровского ультиматума — II отдел польского генштаба подготовил доклад, в котором однозначно говорилось: **"Расчленение России лежит в основе польской политики на Востоке... Поэтому наша основная позиция будет сводиться к следующей формуле: кто будет принимать участие в разделе? Польша не должна оставаться пассивной в этот замечательный исторический момент... Главная цель — ослабление и раз-**

гром России”. (Выдержки из этого доклада были опубликованы в книге “Z dziejow stosunkow polsko-radzieckich. Studia i materialy. T. III. Warszawa. 1968.) Складывается впечатление, что даже из могилы Комендант продолжал выполнять свою руководящую роль в Польше.

Вполне возможно, что многими поляками маршал продолжает руководить и теперь. И в современной Польше для многих во всем не только виновата, но и должна быть виновата Россия. Публицист Игорь Янке в газете “Речь посполита” в апреле 2010 года с уверенностью утверждал: “Наша задача в Европейском Союзе... — показывать, насколько опасной может быть Россия”. Ему вторит известный в Польше историк Ян Новак, который уверен, что русские всегда должны оставаться плохими парнями. В 2009 году все та же “Речь посполита” опубликовала результаты одного из опросов, согласно которому преобладающее большинство поляков желало бы, чтобы Россия в будущем распалась, а ее жители покончили жизнь суицидом, о чем сообщала и московская пресса. Попробовал бы кто-нибудь нечто подобное сказать о поляках!

* * *

Сравнительный анализ жизни и деятельности двух маршалов можно было бы продолжить. Например, вспомнить, что в молодости оба писали стихи, полные высокой романтики, притом на весьма приличном уровне. Пилсудский в поэтической форме обращался к отцу даже перед этапом из Бутырки в Сибирь. А стихи молодого Иосифа Джугашвили, отмечал историк Н. Н. Яковлев в книге “Сталин: путь наверх”, публиковались в грузинской литературной газете “Иверия”, а также в сборнике лучших образцов грузинской словесности за 1907 год. Их высоко ценил Илья Чавчавадзе. О сходстве судьбы этих политиков свидетельствует и то великое множество художественных произведений разных жанров, посвященных им самим, а также то, что смерть обоих Иосифов стала настоящим потрясением для государств, которыми они руководили. Некоторые авторы утверждают, что Пилсудский был человеком, который сотворил себе государство. А разве Иосиф Виссарионович не создал Советский Союз?

Как бы то ни было, для нас, белорусов, ясно, что, победы дело Пилсудского — Беларуси не было бы. Потому главная речь в данном случае — о другом. О том, что оба Иосифа были политиками крупными, лишенными комплекса сомнений, действовавшими любыми методами, подходящими, по их мнению, для достижения поставленных целей. И в этом их важнейшее сходство. А в остальном они были антиподами и даже врагами.

История народов многообразна и многолика. Чем и пользуются нередко недобросовестные интерпретаторы, прежде всего политики и журналисты. Они выхватывают из прошлого своих (и чужих) народов события на потребу дня. Увы, обычно к этому трюку прибегают, чтобы рассорить народы. Из многовековой истории русско-польских отношений извлекают пресловутое “Катынское дело” — и русских объявляют “исконными врагами” Польши. Дошло до того, что и в братской для русских людей Беларуси в период краткого правления С. Шушкевича на свет было извлечено “знаменательное” событие — победа войск Великого княжества Литовского над московскими полками под Оршей в 1514 году.

Формально все вроде бы верно — и битву под Оршей, и Катынь из истории не вычеркнешь. Но в масштабе всеобщей истории восточного славянства эти события не играли ключевой роли. Достаточно сравнить их с грандиозной победой во Второй мировой войне, вклад в которую внесли и русские, и белорусы, и поляки. Одной этой величайшей в мировой истории победы достаточно, чтобы навеки сплотить славянские народы.

Историческое значение имела и совместная польско-литовско-белорусско-русская победа в Грюнвальдской битве над войсками Тевтонского ордена, представлявшими фактически все страны Европы. В этом году исполнилось 600 лет этого поистине эпохального события.

АЛЕКСАНДР И МАКСИМ АНДРЕЕВЫ

БИТВА

К 600-летию Грюнвальдской победы

В течение двух дней 8 и 9 декабря 1409 года в Бресте прошел тайный военный совет польского короля Владислава II Ягелло-Ягайло и великого князя Литовского Витовта. На совете был разработан детальный план решительного удара по Тевтонскому ордену, стремившемуся колонизировать славянские земли. Предусматривалось, что союзники объединят войска, захватят стратегическую инициативу, военные действия будут вестись на вражеской территории. План Великой войны был основан на объединении польского военного опыта с белорусско-литовской и татаро-монгольской тактикой и стратегией. Основной театр военных действий был выбран в Мазовии, в качестве главного объекта союзного удара была определена столица ордена — Мальборг. Решающая битва должна была состояться на территории Ордена, ее целью должно было стать уничтожение всех вооруженных сил тевтонов и последующее заключение выгодного мира с ослабленными крестоносцами.

По приказу Витовта в Княжестве прошла мобилизация, каждая волость должна была выставить по 300 воинов. Витовт также передал Ягелло “20 000 коп грошей” для подготовки к войне. Многие исследователи и военные историки назвали подготовку похода и само движение на Мальборг образцовым.

В мае 1410 года Витовт разослал приказ войскам, что война планировалась на пять недель – каждый прибывающий воин должен был иметь продовольствие на этот период. В Беловежской пуще началась большая охота на зубров, оленей, лосей, кабанов; мясо засаливали солью в сотни бочек. Припасы сплавлялись по Висле к польскому городу Плоцку. Всю весну Витовт готовил войска к походу, недалеко от Слонима он чудом отбил от немецкого диверсионного отряда, направленного великим маршалом Ордена для его ликвидации.

Витовт с войсками вышел из Трокского замка 3 июня, отправив вперед всю артиллерию. Белорусско-литовское-русское войско должно было собраться в конце июня недалеко от Гродно. Там собрались хоругви – полки из центральной Литвы, Жмуди, русских земель Великого княжества Литовского, татары хана Джелал-эд-Дина – воины шли из Полоцка, Смоленска, Орши, Лукомля, Друцка, Минска, Борисова, Логойска, Лиды, Гродно, Стародуба, Чечерска, Рогачева, Бобруйска, Слуцка, Клецка, Киева, Мозыря, Турова, Пинска, Кобрина, Бреста, Слонима, Волковыска. Войска Витовта пошли к Червенску, где должны были встретиться с воинами Ягелло. Польские хоругви собирались в Вальбоже – туда шли воины из Львова, Перемышля, Сандомира, Хелма, Люблина, Кракова, центральной Польши. 26 июня польские войска выступили из Вальбожа и через Сохачев двинулось к Червенску, где 3 июля соединились с хоругвями Витовта. Для этого польские войска переправились через Вислу, ширина которой здесь достигала полукилометра, по грандиозному понтонному мосту. Составные части моста были сплавлены к Червинску и собраны выше города в течение дня. По мосту прошли полки, артиллерия, обоз, после чего мост был разобран и сплавлен к Плоцку.

3 июля союзные войска двинулись к границам Тевтонского ордена, пройдя за день более тридцати километров. 5 июля Витовт разделил свои войска на хоругви – полки, раздав им особые штандарты. 6 июля был устроен смотр союзных войск, который принимали Ягелло и Витовт.

9 июля 1410 года союзные войска перешли границу Тевтонского ордена, взяв пограничную крепость Лаутенбург. 10 июля у реки Древенцы польские и литовско-белорусско-русские войска встретила армия Тевтонского ордена, стоявшая на укрепленной частоколами, засеками, артиллерией позиции. Орден в Великой войне выбрал оборонительную стратегию и решил дать сражение на орденской земле, чтобы подтолкнуть государства Западной Европы оказать более серьезную поддержку тевтонам, а Польшу и Великое княжество Литовское объявить агрессорами. 12 июля Ягелло и Витовт получили известие о вступлении в войну Венгрии на стороне Тевтонского ордена. Всякий раз, когда шла речь о борьбе против славян, венгры поддерживали немцев.

После короткого военного совета в ночь на 11 июля союзные войска не стали переправляться через реку Древенцу, отошли назад и фланговым маршем пошли к Сольдау. Войска Тевтонского ордена переместились к Танненбергу, чтобы перекрыть дорогу войскам Ягелло и Витовта. 12 июля союзные войска отдыхали, на следующий день взяли Дубровно-Гильденбург. В ночь на 15 июля 1410 года польские и литовско-белорусско-русские хоругви выступили к Грюнвальду. На рассвете разведка донесла Ягелло и Витовту, что у Грюнвальда стоит все войско крестоносцев.

Два огромных войска разделяла небольшая лощина, будущее поле боя, почти ровное, пересекала цепь невысоких холмов и небольших оврагов. Сражение должно было проходить на позиции, выбранной великим магистром Ульрихом фон Юнингеном. На поле размером в четыре квадратных километра, окаймленном лесом и болотистой поймой реки Марша, войска находились в треугольнике деревень Грюнвальд (Зеленый Лес), Танненберг (Еловый Лес) и Людвигсдорф (Людвиково).

На такой позиции окружить войска Тевтонского ордена было невозможно. Сама же рыцарская конница имела возможность зайти с флангов в тыл союзным войскам. Перед фронтом тевтонских рыцарей тайно были выкопаны “волчьи ямы” с вбитыми в дно острыми кольями; сами ямы были тщательно замаскированы. Попавшая в глубокие ямы союзная конница была бы расстреляна орденской артиллерией. Орденские войска стояли на невысоких холмах, и атакующие хоругви вынуждены были бы идти в бой снизу вверх, что уменьшало силу удара. Кроме этого, Ягелло и Витовту не было видно, какой резерв рыцари спрятали за холмами. У Тевтонского ордена была очень хорошая позиция.

Сложно определить точно, какое количество воинов с обеих сторон участвовало в сражении. В XV веке в армиях все подразделения имели знамена-хоругви: в шуме яростного боя никакие сигналы барабанов и труб не были слышны, и команды подавались движениями хоругвей. Отряды войск, имевшие знамена, также назывались хоругвями. Численность хоругви, аналога современного полка, могла колебаться от двухсот до двух тысяч воинов.

Хоругви-полки формировались по территориальному признаку. Их размер зависел от населенности города, выставлявшего воинов. Естественно, Полоцкая или Несвижская хоругвь значительно отличалась по количеству. От столичных городов – Вильно, Кракова, Троков – выставлялись по несколько хоругвей.

Для обмана и дезинформации противника враги часто искусственно увеличивали или уменьшали количество хоругвей, шатров, костров, создавая, например, видимость прихода большего пополнения. Поскольку войско Тевтонского ордена хотело, чтобы воины союзников первыми их атаковали, попав в “волчьи ямы” и под огонь артиллерии, оно вполне могло выставять меньшее количество знамен-хоругвей. В армиях средневековья всегда скрывали военную мощь полков, под знаменитую хоругвь могли поставить новобранцев или резервистов, отборные воины собирались под неизвестным знаменем, чтобы скрыть направление главного удара.

Считается, что в битве под Грюнвальдом участвовало 50 польских и 40 литовско-белорусско-русских хоругвей, а Тевтонский орден выставил только 50 хоругвей. Однако эту цифру называют только польские хронисты, определяя ее по числу рыцарских знамен, после битвы выставленных в Кракове. Витовт тоже выставлял захваченные орденские знамена-хоругви в Виленском замке, но количество их не известно.

Сами разгромленные крестоносцы позднее говорили, что союзных войск было полмиллиона, а своих рыцарей и кнехтов насчитывали до трехсот тысяч, из которых погибло 40 000 тевтонов. Немецкие хронисты называли 163 000 воинов союзных войск и 83 000 орденских войск. Назывались и цифры 100 000 союзных войск и 60 000 крестоносцев. Военные историки, рассчитывая количество сражавшихся из мобилизационных возможностей государств-противников, определяют войско Тевтонского ордена и союзников по 30 000 воинов каждое. В тевтонской армии были рыцари, оруженосцы, арбалетчики, хоругви и двор великого магистра, войска вассальных князей, “приглашенные” рыцари из Германии, Англии, Швейцарии, наемники из Европы. Из пятидесяти польских хоругвей семь были украинские, остальные чисто польские. На польской стороне были хоругви чехов, моравов. В войске Витовта было четыре литовских хоругви, около тысячи татар Джелал-эд-Дина, белорусские и русские хоругви. Фактически битва была столкновением Европы Западной с Восточной.

Войска крестоносцев построились в три линии, но затем, чтобы удлинить свой фронт до трех километров, перестроились в две линии – между деревнями Грюнвальд и Танненберг. Правым флангом из двадцати хоругвей командовал великий комтур Куно фон Лихтенштейн, левым, из пятнадцати хоругвей, руководил великий маршал Фридрих фон Валенрод. Резервом из шестнадцати хоругвей руководил великий магистр Ульрих фон Юнинген, находившийся на левом фланге. “Гостей-рыцарей”, прибывших из Европы, возглавляли Криштоф фон Герсдорф, Фридрих фон Бланкенштейн, Ганс фон Вальдов, Отто фон Ностиц. Пушки и арбалетчики стояли перед рыцарским фронтом.

Союзные войска построились в три боевые линии-гуфы с фронтом в два километра к югу от Грюнвальда. Первый гуф являлся авангардом, второй составляли главные силы, третий гуф являлся резервным. Впереди и по бокам боевого клина хоругвей стояли лучшие воины. На левом крыле встали поляки, на правом – воины Витовта, между ними – три смоленские хоругви.

Три часа войска стояли друг против друга, не начиная битвы. Крестоносцы ждали, находясь в выгодной позиции, а союзные войска не спешили их атаковать. Владислав Ягелло молился в походной часовне. После ночной грозы еще не высохла земля, и атаковать крестоносцев, стоявших пусть и не на высоких холмах, союзной коннице в грязи – было однозначно проиграть битву до её начала.

Когда солнце подошло к зениту, от орденских войск к Ягелло прибыли два герольда под орденским и папским знаменами. Они принесли два обнажен-

ных меча для вождей союзников. Это был рыцарский вызов, отказ от которого означал трусость. Герольды вонзили мечи в землю у ног польского короля – именно так вызывали на смертный бой: “Не прячьтесь в болото; если вам мало места, мы можем отойти”. Ягелло вышел к войскам и посвятил в рыцари около тысячи своих заслуженных воинов. Поляки запели свою старинную боевую песню. Бомбарды крестоносцев дали первый залп – Грюнвальдская битва началась.

По приказу Витовта татарская конница атаковала левый фланг рыцарского войска. Орденские арбалетчики открыли огонь, и бой начался по всей линии фронта.

Бомбарды Ордена выстрелили, но нанести большой урон стремительно скакавшим всадникам Джелал-эд-Дина не успели. Часть татарских конников провалилась в “волчьи ямы”, но остальные всадники, атаковавшие лавой – развернутым строем, обошли ямы, изрубили прислугу бомбард, лучников и столкнулись с первой линией крестоносцев.

Рыцари ордена, смеявшиеся над легкой татарской конницей, поперхнулись своим хохотом. Когда между противниками оставалось около двух десятков метров, татары одновременно бросили арканы, и почти весь первый ряд оруженосцев и предхоругвенных был вырван из строя и мгновенно перерезан скинувшимися с седел наездниками. Арканы вырвали и несколько штандартов, что вызвало яростный рев крестоносцев. Железная стена тевтонов качнулась вперед, началась контратака Ордена, которую, казалось, невозможно было остановить. Но воины Витовта остановили рыцарей – “и началась битва сначала между немцами и литовским войском, и большое количество воинов с обеих сторон погибло”. Легкая конница Витовта целый час рубилась с законными в железо рыцарями.

Железный строй хоругвей Тевтонского ордена прямым ударом прорвать и потом разгромить было практически невозможно. Витовт прекрасно знал стратегию и тактику крестоносцев – он решил провести имитацию отступления, согласовав этот маневр с поляками, отчаянно рубившимися с атаковавшими в лоб рыцарями, но не сдвинувшимися ни на шаг назад. Именно мнимое запланированное бегство воинов Витовта вскоре нарушило боевые порядки тяжело-вооруженных рыцарей, разорвало их, что и принесло победу героям Грюнвальда. Не стало секретом для Витовта и наличие большого рыцарского резерва, спрятанного за холмами – при объезде линий крестоносцев было заметно отсутствие некоторых немецких хоругвей, включая и большую орденскую.

Было необходимо, чтобы рыцари полностью втянулись в битву. На небольшой площади сгучилось множество воинов:

“Нога наступала на ногу, доспехи ударялись о доспехи, и копья направлялись в лица врагов. Наконец, когда копья были переломаны, шеренги с той и другой стороны и доспехи с доспехами настолько столкнулись, что производили под ударами мечей и секир, насаженных на древки, страшный грохот, который можно услышать от удара молота о наковальню, и люди бились, и кони давили людей. Литва смело на немцев с криками напирала, аж кони с коньями бок о бок терлись. Витовт там и сям появлялся, устраивая войско. Секлись врукопашную. Немецкое оружие побеждает, татары вместе с Литвой из луков их сдерживают. Грохот битвы было слышно за несколько миль. В этой сумятице было тяжело отличить храбрейших от трусливых, ведь все были перемешаны в толпе. И все стояли твердо, никто не отступал с места, пока не был сбит с коня или убит. Конники, стиснутые в толпе, секлись саблями, и тогда уже только одно личное мастерство брало верх”.

Две стены рыцарей яростно рубились друг с другом, поднимаясь на вал павших товарищей. Польские шеренги не отступали, стойко держался и центр войск Витовта. Крестоносцы ввели в бой вторую линию войск, и Витовт начал мнимое отступление. Остальные хоругви не прекращали отчаянного боя. Татарская конница оторвалась от противника и бросилась назад, в тыл, отступая к Любенскому озеру. Крестоносцы мощно ударили в правый фланг войск Витовта, на котором сложилась критическая ситуация. Великий князь Литовский закрыл брешь хоругвями третьей линии – резерва, но рыцари усилили натиск. Литовские, белорусские и русские полки стояли насмерть, потеряв половину воинов. Крайние хоругви правого фланга Витовта рассыпью бросились к обо-

зу, и несколько орденских хоругвей пошли вдогон. Выгнутая дуга войск Великого княжества Литовского держалась несмотря ни на что, отчаянно и яростно рубились польские хоругви и, наконец, крестоносцы совершили ту ошибку, которую так ждал Витовт. Почти уничтожив заслон героев Витовта, знавших, что им суждено погибнуть, тевтоны пошли в погоню за хоругвями, отходившими к обозу. Крестоносцы разорвали свои железные ряды, завязли в истребительном для них бое. В болотистой местности преимущества тяжеловооруженной конницы превратилось в ничто. Рыцари, уже начавшие грабить обоз, попытались вернуться назад, к своим хоругвям, но были окружены и вырублены – в плен никого не брали. Некоторые исследователи считали, что в обозе рыцарей ждала артиллерийская засада – “навели немцев на свои гарматы, а тут зараз з гармат дано огню, где сразу немцев килька тысяч полегло”. Позднее оставшийся в живых комтур Ордена писал: “И в новой битве враги могут специально организовать отход нескольких отрядов, чтобы привести к разрыву боевых порядков тяжелой конницы, как это произошло в “великой битве”.

На польском фланге крестоносцы сконцентрировали многие силы и ударили по королевским хоругвям, – именно там было поднято польское знамя с орлом. Штандарт был срублен, но сразу же поднят, битва в этом месте, куда стянул резервы и Ягелло, была ужасающей. Польские хоругви отбили атаку крестоносцев и начали окружение рыцарей. Именно сюда повел великий магистр Ульрих фон Юнинген резерв из шестнадцати хоругвей. Это был решающий момент битвы – Орден ввел в бой все свои силы, у него больше не было резервов. Ульрих фон Юнинген прорвал фронт и вышел в тыл польских хоругвей. В этот момент над полем битвы раздался яростный рев тысяч воинов, из последних сил сдерживавших натиск рыцарей: “Литва возвращается!” Витовт во главе вернувшихся от обоза своих хоругвей и польского резерва третьей линии ударил по прорвавшимся крестоносцам – на пятом часу великой битвы. Не отступившие польские хоругви начали уничтожение войск Валенрода, они обошли войско крестоносцев у Грюнвальда и ударили во фланг рыцарей Лихтенштейна. С другой стороны орденские войска били воины Витовта. Армия Тевтонского ордена была полностью окружена, ее оборона была прорвана во многих местах.

На Грюнвальдских холмах крестоносцы были загнаны в смертельный котел, окружены непробиваемой стеной хоругвей Ягелло и Витовта. Начался разгром Тевтонского ордена, буквально тонувшего в собственной крови. Никто из крестоносцев не просил пощады, рыцари умирали молча. Только несколько комтуров из Кульма побежали с поля боя. Великого магистра попытались вывести из боя, он воскликнул: “Не дай Бог, чтобы я оставил поле, на котором погибло столько храбрых!” Простой воин из хоругвей Витовта всадил рогатину в лицо великого магистра Тевтонского ордена.

Союзные войска разделяли рыцарей на небольшие группы, зажимали в кольца и уничтожали. Через шесть часов после своего начала Грюнвальдская битва закончилась полным разгромом Тевтонского ордена. Погибли великий магистр Ульрих фон Юнинген, Фридрих фон Валенрод, Куно фон Лихтенштейн, все руководство Ордена, почти все комтуры, войты и фогты. Вырвавшиеся из окружения рыцари попытались укрепиться в лагере – вагенбурге, – их перерезали за несколько минут. Из двухсот пятидесяти руководителей Ордена погибло двести. Из каждаых трех крестоносцев погибли двое. Римский папа Иоанн XXII в своей булле говорил о 18 000 убитых и 6 000 пленных крестоносцев. В войсках Витовта за всю “великую войну” погиб каждый второй воин. Потери поляков были очень велики.

Татарская конница тридцать километров преследовала остатки рыцарского войска. В обозе были взяты все бомбарды. Там же было найдено большое количество цепей и кандалов – рыцари готовились взять много новых рабов. Из войска Ордена спаслись только полторы тысячи человек, были взяты пятьдесят две орденских хоругви. Когда к ногам Великого князя Литовского сложили личные перстни тевтонских рыцарей, Витовт посмотрел на эту насыпь у своих ног и сказал: “Неужели тут лежит весь Орден?”

Ягелло приказал разбить в орденском вагенбурге все бочки с вином – красное вино смешалось с красной кровью погибших, залившей все многокилометровое поле битвы.

Польский хронист Ян Длугош, отец которого участвовал в “великой войне”, писал о Грюнвальдской битве в середине XV века:

“Во вторник, 15 июля, Владислав, король польский, пройдя две мили, между тем как вокруг горели вражеские селения, и, выйдя на поля селений Танненберга и Грюнвальда, которым предстояло прославиться битвой, велел расположить стоянку войска среди кустарника и рощ, которых было множество в той местности, и распорядился поместить на высоком холме над озером Любеком шатер часовни, чтобы прослушать богослужение, пока войско займется устройством стоянки.

Между тем прусский магистр Ульрих фон Юнинген уже достиг селения Грюнвальда, которое он затем прославил своим поражением, и находился неподалеку. Польский король Владислав упорно продолжал слушать богослужение и возносить молитвы; в это время все королевское войско, построенное по отрядам и знаменам — польское под командованием Зиндрама из Мошковиц, мечника краковского, литовское же под командованием великого князя Литовского Александра (Витовта. — **Авт.**), подошло с поразительной быстротой и встало боевым строем напротив врага, и тогда как польское войско заняло левое крыло, литовское держало правое.

Было известно, что польское войско имело в этой битве 50 знамен, которые мы называем хоругвями, составленных из известных и опытных рыцарей, кроме литовских хоругвей числом 40.

Лишь только зазвучали трубы, все королевское войско, потрясая копьями, ринулось в бой. Когда среди литовских, русских и татар закипела битва, литовское войско, не имея сил выдерживать вражеский натиск, оказалась в худшем положении и даже отошло на расстояние одного югера. Когда же крестоносцы стали теснить сильнее, оно было вынуждено снова и снова отступить и, наконец, обратилось в бегство.

В этом сражении русские рыцари Смоленской земли упорно сражались, стоя под тремя собственными знаменами, одни только не обратившись в бегство, и тем заслужили великую славу. Хотя под одним знаменем они были жестоко изрублены и знамя их было втоптанно в землю, однако в двух остальных отрядах они вышли победителями, сражаясь с величайшей храбростью, как подобало мужам и рыцарям, и, наконец, соединились с польскими войсками.

Между тем как крестоносцы стали напрягать все силы к победе, большое знамя польского короля Владислава с белым орлом под вражеским натиском рушится на землю. Однако весьма опытные и заслуженные рыцари, которые состояли при нем, тут же задержали его падение, знамя подняли и водрузили на место. Чтобы загладить это унижение и обиду, польские рыцари в яростном натиске бросаются на врагов, и всю ту вражескую силу, которая сошлась с ними в рукопашном бою, опрокинув, повергают на землю и сокрушают.

С подходом новых воинов борьба между войсками закипела с новой силой. Польские ряды под многими знаменами обрушиваются на стоявших под шестнадцатью знаменами врагов (к ним сбежались и другие уцелевшие из хоругвей, разбитых под другими знаменами) и сходятся с ними в смертельном бою. И хотя враги еще некоторое время оказывали сопротивление, однако, наконец, окруженные отовсюду, были повержены и раздавлены множеством королевских войск, почти все воины, сражавшиеся под шестнадцатью знаменами, были перебиты или взяты в плен.

Когда этот вражеский отряд был разбит и повержен, и стало известно, что в нем пали великий магистр Ульрих, маршалы Ордена, командоры и все виднейшие рыцари прусского войска, то остальная масса врагов повернула назад и, раз показав тыл, обратилась уже в явное бегство”.

Преследование остатков рыцарей вели только польские хоругви, у Витовтовых войск, очевидно, не было сил — слишком велики были потери. Рыцари, собравшиеся со всей Пруссии, закрылись в своей столице Мариенбурге-Мальборге. Не участвовавший в Грюнвальдской битве командор Тевтонского ордена Генрих фон Плауэн собрал в Мальборгском замке всех бежавших с поля битвы рыцарей и вызвал подкрепление из других орденов замков. Пять тысяч воинов гарнизона Мариенбурга стояли насмерть, и в конце сентября, после двухмесячной осады, Ягелло и Витовт увели свои войска домой. Осаде помешали эпидемия и недостаток продовольствия в союзных войсках. Генрих фон Плауэн осенью 1410 года разослал письма всем европейским монархам,

призывая христианскую Европу помочь Тевтонскому ордену, атакованному преступным польским королем, в войсках которого находилось “большое количество разных неверных – татар, еретиков, язычников, русинов, валахов, жмудинов и литовцев”.

Не участвовавший в Грюнвальдской битве Ливонский орден направил к Мальборгу двухтысячное войско – навстречу им вышли войска Витовта. До битвы не дошло – было подписано двухнедельное перемирие, и в начале сентября ливонцы вошли в осажденный Мальборг. Осада тут же была снята, первыми ушли войска Великого княжества Литовского, в конце сентября – польская армия. В то же время в южную Польшу вошли венгерские войска Сигизмунда Люксембургского. Начались переговоры Ягелло, Витовта и Генриха фон Плауэна, который в ноябре 1410 года был избран великим магистром Тевтонского ордена.

1 февраля 1411 года на острове реки Вислы у города Торна был подписан мирный договор между Польшей, Великим княжеством Литовским и Тевтонским орденом. По условиям мира пленные и завоеванные земли возвращались противникам. Польша вернула Добржинскую землю, Жмудь вернулась Витовту, правда, только в пожизненное владение. Все спорные проблемы выносились на суд римского папы. Перебежчикам объявлялась амнистия, восстанавливалась свобода торговли. Несмотря на скромные результаты Торнского мира, Тевтонский орден, выплачивавший победителям 100 000 коп чешских грошей в течение одного года, быстро начал приходить в упадок.

Нашествия крестоносцев на литовские и белорусские земли прекратились, больше народам Литвы, Беларуси, даже Польши не угрожало физическое уничтожение или онемечивание. Были открыты торговые пути через Балтийское море к торговым европейским городам.

Ягелло и Витовт впервые подписали мирный договор с крестоносцами как победители. С 1410 года рыцари из европейских стран начали менять свое отношение к Ордену. Во время “великой войны” земли Ордена были совершенно разорены, замки сожжены, лошади и скот уведены. Громадная контрибуция чуть ли не привела крестоносцев к финансовому краху, усиленному идеологическим кризисом. Ни о каком доминирующем значении Тевтонского ордена в Балтии речи больше не шло.

АЛЕКСАНДР ЧЕРНЯК

ТАЙНА ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

К 105-й годовщине революции 1905 года

Революция – коренной переворот в жизни общества, который приводит к смене отжившего общественного строя, утверждению нового, передает власть в другие руки. Сами революционные события – это результат действия различных, порой, казалось бы, совершенно несовместимых групп людей, социально-политических сил, преследующих свои собственные цели. Давно отвергнуто мнение, что революции совершает некая “голытьба”, нищие обездоленные люди. Они лишь орудие в руках грамотных, интеллигентных, порой довольно состоятельных представителей имущего класса, близкого к власти. Кстати, и сама власть – порой от неумения властвовать, а иногда в силу самообольщения и чванства, очень часто провоцирует взрыв народного негодования.

Корни первой русской революции уходят в середину XIX века. Попытка царя Александра II реформировать государственную власть в России, придав законодательные функции Государственному Совету – первому законосовещательному органу в Российской Империи, созданному еще по инициативе Сперанского в 1810 году, эта попытка не удалась – 1 марта 1881 года он был убит народовольцами. Новый император, его сын, Александр III затянул гайки. Началась ревизия либерального законодательства, резко ужесточились меры по охране общественного порядка. Для контроля за общественными настроениями учреждалось новое жандармское отделение по охране порядка, так называемая “охранка”. Существенно урезались права народного самоуправления. Николай II, вззошедший на престол после смерти своего отца Александра III, не на шутку забеспокоился – в стране росло недовольство властью, трон основательно зашатался. Назревала революция.

Революция назревала в стране, которая была, в основном, крестьянской с 97 миллионами человек сельского населения (а это – 77% от всего населения России), в ценовом выражении они давали более половины от всей производимой в стране продукции. Государственный бюджет за 1890–1900 гг. вырос вдвое и достиг 1500 млн руб. В стране числилось около полумиллиона богатых людей. Сюда входили собственники обширных земельных владений, крупные промышленники и коммерсанты, крупные биржевики и купцы, чи-

ЧЕРНЯК Александр Викентьевич – заместитель главного редактора журнала “Российская Федерация сегодня”. Окончил МГУ имени М. В. Ломоносова, Академию общественных наук. Работал в районной, областной, центральной печати, на радио, телевидении. Кроме практической журналистики занимается научной и педагогической работой. Доктор исторических наук, профессор, Заслуженный работник культуры РФ.

новничество и офицеры. Темпы пополнения класса имущих составляли примерно 5% в год. Здесь выделялось несколько десятков тысяч человек, чей совокупный доход превышал миллиард золотых рублей. В то же время основная масса населения пребывала в нищете. На одного помещика приходилось 2333 десятины земли, а на одно крестьянское хозяйство – не более 7 десятин. 5,6 млн крестьян не имели своих лошадей, инвентаря. В деревне появился сельский пролетариат (3,5 млн человек), который жил только наемным трудом (батрачеством).

Рабочий класс к началу XX века имел в своих рядах около 2,3 млн человек (всего 1,5% населения). Средний годовой заработок их колебался в зависимости от регионов и отраслей в среднем от 170 рублей (текстильщики) до 350 (обработка металла, электротехническая отрасль). Продолжительность рабочего дня – 10–14 часов. Действовала изощренная система штрафов, порой лишавшая рабочего заработка вообще.

Ко всем проблемам прибавилась новая беда – в 1901 году в России разразился неурожай. Деревня покатилась в нищету. В ряде районов голод унес жизни десятков тысяч человек. Страна зароптала. Ширились крестьянские выступления.

Но угроза царскому режиму исходила и от крупного капитала. Банкиры, фабриканты, заводчики требовали себе больших полномочий в соответствии со своими корпоративными интересами.

Все обострила начавшаяся в 1904 году русско-японская война, крайне неудачная для русской армии. Тревожные известия с Дальнего Востока будоражили общество. Ропот недовольства проник и в армию, ехать воевать в отдаленные края мало кому хотелось. Как видим, почва для революции накануне 1905 года созрела.

Роковая дата 9 января 1905 года стала той отправной точкой, с которой принято начинать отсчет событий первой русской революции. Но, обращаясь к этой дате, мы неизбежно сталкиваемся с загадкой одной роковой для русской истории личности – священником Георгием Аполлоновичем Гапоном. До сих пор нет ясного толкования и оценок действий этого человека. Герой ли он, всей душой пытавшийся служить народу, или, напротив, злодей, провокатор, агент охранки, подставивший под пули массы безвинных людей... Начнем издалека.

Он из крепкой крестьянской семьи, с Полтавщины. Учился в местном духовном училище, особым прилежанием не отличался, часто вступал в богословскую полемику со своими преподавателями и по окончании курса получил лишь диплом II степени да тройку по поведению, что закрыло перед Гапоном двери университета, где он намеревался продолжить образование. Первое время он подвизался мелким чиновником в Полтаве, потом принял сан священника, получил приход в кладбищенской церкви. Этому способствовал покровитель теперь уже отца Георгия епископ Илларион (Ющенков). Он же, видимо, рекомендовал Гапона для поступления в Духовную академию в Санкт-Петербурге, куда Гапон вскоре и направился. Однако для поступления в эту академию требовалось согласие самого обер-прокурора Святейшего Синода Константина Победоносцева. И Гапон побывал на приеме у этого высшего сановника Российской Империи, близкого самому царю. Каким образом рядовому батюшке, да еще имеющему плохие характеристики с места прежней учебы, удалось получить согласие Победоносцева – неизвестно, однако вскоре Гапон уже является учащимся Духовной академии.

Надо отметить, что отец Георгий умел располагать к себе людей. Высокий, красивый, черноволосый, с громким, раскатистым, хорошо поставленным голосом, он производил впечатление и на прихожан и на духовное начальство. На него обратили внимание. В 1900 году, еще обучаясь в Духовной академии, он становится главным священником Второго убежища Московско-Нарвского отделения общества попечения о бедных и больных детях (“Синий крест”), также законоучителем детского приюта для трудолюбия во имя Святой Ольги. Затем служит в Скорбященской церкви, что в Галерной гавани. А это рабочий, пролетарский район Петербурга, и приход отца Георгия – рабочие, забитые жизнью, нуждой, тяжким трудом люди. Ютящиеся по углам или живущие в трудовых казармах, где десятки семей были отделены друг от друга лишь ситцевыми занавесками, работающие за копейки на своих хозя-

ев, эти доведенные до отчаяния люди, многие еще совсем недавно крестьяне, несут свою нужду, свои заботы на исповедь к доброму батюшке, отцу Георгию. А ведь батюшка и сам из бедной украинской семьи, ему ли не понять их?.. И Гапон ревностно служит в своей церкви, совершает молебны, читает проповеди. В нем открылся редкий талант неистового проповедника. Духовные власти с опаской смотрят на ретивого батюшку и вскоре, придравшись к тому, что отец Георгий близко сошелся с одной своей воспитанницей девицей Александрой Уздалевой, его лишают сана священника и отчисляют из академии.

Но в дело вмешиваются иные силы.

Рост протестных настроений в рабочей среде давно заставляет серьезно беспокоиться полицейское начальство. Начальник Особого отдела Департамента полиции Сергей Васильевич Зубатов, человек неординарный, сам в молодости участвовавший в работе народовольческих кружков, но после перешедший на позиции “охранителей” имперской государственности, пытается обуздать рабочее движение, создать подконтрольные властям официальные рабочие профсоюзы. Эта политика получила впоследствии название политики “полицейского социализма”. Кто-то должен был возглавить такие организации, но кто?.. Тут полиция и вспомнила об опальном священнике.

Гапона не только восстановили в звании и дали место священника при доме предварительного заключения, что, кстати, приносило ему неплохой доход, но и предоставили возможность защитить диссертацию на степень кандидата богословия. Весной 1903 года, при явном нажиме со стороны Зубатова, Гапон направляет письмо министру финансов Сергею Юльевичу Витте, в котором просит содействия и выделения денег для создания рабочих кружков под названием “Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга”. На деньги охранного отделения Гапон снимает чайную с читальней на Выборгской стороне, ставшей одной из 11 отделений этого Собрания, которое к 1905 году насчитывало уже около 20 тысяч рабочих. По признанию большевиков, у Гапона, по крайней мере, в пять раз было больше рабочих, чем в их партии.

Выступая перед своими слушателями, Гапон страстно клеймил кровопийц-хозяев, при этом нахваливал “доброе царя”. Батюшка быстро прослыл радетелем за народное дело. Популярности прибавило ему и то, что он помогал нуждающимся рабочим не только словом, но и делом – выдавал вспомоществование, часто из своих личных денег. Бедных умерших хоронил даром, часть денег, получаемых с богатых похорон, отдавал бедствующим. Совершал яркие, запоминающиеся поступки. Один раз, при разговоре с босым бедняком, снял с себя сапоги и отдал их нищему... Это запоминается в народе. На батюшку стали смотреть, как на святого.

Третьего января 1905 года (17 января по новому стилю) хозяева Путиловского завода уволили несколько рабочих-смутьянов, членов вышеназванного Собрания рабочих – гапоновской организации. За них вступились товарищи по цеху – началась забастовка. Забастовка перекинулась и на другие крупные заводы столицы. Гапон на очередном собрании в читальне предложил идти с петицией к царю с просьбой улучшить их жизнь. Но не только это требование содержалось в петиции. По сути Гапоном был составлен развернутый документ широких социальных преобразований, который, будь он исполнен, менял всю систему взаимоотношений труда и капитала. Да, пожалуй, и сам политический строй в России. Сам по себе этот документ настолько интересен, что требуется привести его целиком, для лучшего понимания причин первой русской революции.

“Государь!

Мы, рабочие города С.-Петербурга, наши жены, дети и беспомощные старцы-родители пришли к тебе, государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся, как к рабам, которые должны терпеть свою горькую участь и молчать.

Мы и терпели, но нас толкают все дальше и дальше в омут нищеты, бесправия и невежества; нас душат деспотизм и произвол, и мы задыхаемся. Нет больше сил, государь! Настал предел терпению! Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук.

И вот мы бросили работу и заявили нашим хозяевам, что не начнем работать, пока они не исполнят наших требований. Мы немного просили: мы желаем только того, без чего жизнь — не жизнь, а каторга, вечная мука. Первая наша просьба была, чтобы наши хозяева вместе с нами обсуждали наши нужды, — но и в этом нам отказали; нам отказали в праве говорить о наших нуждах, находя, что такого права за нами не признает закон. Незаконными оказались также наши просьбы: уменьшить число рабочих часов до восьми в день, устанавливать цены на наши работы вместе с нами и с нашего согласия, рассматривать наши недоразумения с низшей администрацией завода, увеличить чернорабочим и женщинам плату за их труд до одного рубля в день, отменить сверхурочные работы, лечить нас внимательно и без оскорблений, устроить мастерские так, чтобы в них можно было работать, а не находить там смерть от страшных сквозняков, дождя и снега. Все оказалось, по мнению наших хозяев, противозаконно, всякая наша просьба — преступление, а наше желание улучшить наше положение — дерзость, оскорбительная для наших хозяев.

Государь! Нас здесь многие тысячи — и все это люди только по виду, только по наружности; в действительности же за нами, равно как и за всем русским народом, не признают ни одного человеческого права, ни даже права говорить, думать, собираться, обсуждать наши нужды, принимать меры к улучшению нашего положения. Всякого из нас, кто осмелится поднять голос в защиту интересов рабочего класса, — бросают в тюрьму, отправляют в ссылку. Карают, как за преступление, за доброе сердце, за отзывчивую душу. Пожалеть рабочего, забитого, бесправного, измученного человека — значит совершить тяжкое преступление! Государь! Разве это согласно с божескими законами, милостью которых ты царствуешь? И разве можно жить при таких законах? Не лучше ли умереть, — умереть всем нам, трудящимся людям всей России? Пусть живут и наслаждаются капиталисты и чиновники-казнокрады, грабители русского народа.

Вот что стоит пред нами, государь! И это-то нас и собрало к стенам твоего дворца. Тут мы ищем последнего спасения. Не откажи в помощи твоему народу, выведи его из могилы бесправия, нищеты и невежества, дай ему возможность самому вершить свою судьбу, сбрось с него невыносимый гнет чиновников. Разрушь стену между тобой и твоим народом, и пусть он правит страной вместе с тобой. Ведь ты поставлен на счастье народу, а это счастье чиновники вырывают у нас из рук; к нам оно не доходит, — мы получаем только горе и унижение! Взгляни без гнева, внимательно на наши просьбы: они направлены не к злу, а к добру, как для нас, так и для тебя, государь! Не дерзость в нас говорит, а сознание необходимости выхода из невыносимого для всех положения. Россия слишком велика, нужды ее слишком многообразны и многочисленны, чтобы одни чиновники могли управлять ею. Необходимо, чтобы сам народ помогал себе: ведь ему только и известны истинные его нужды. Не отталкивай же его помощи, прими ее!

Повели немедленно, сейчас же, призвать представителей земли русской от всех классов, от всех сословий. Пусть тут будет и капиталист, и рабочий, и чиновник, и священник, и доктор, и учитель, — пусть все, кто бы они ни были, изберут своих представителей. Пусть каждый будет равен и свободен в праве избрания, а для этого повели, чтобы выборы в учредительное собрание происходили при условии всеобщей, прямой, тайной и равной подачи голосов. Это самая главная наша просьба; в ней и на ней зиждется все. Это главный и единственный пластырь для наших больных ран, без которого эти раны вечно будут сочиться и быстро двигать нас к смерти.

Но одна мера все же не может излечить всех наших ран. Необходимы еще и другие, и мы прямо и открыто, как отцу, говорим тебе, государь, о них. Необходимы:

1. Меры против невежества и бесправия русского народа:

- 1) Свобода и неприкосновенность личности, свобода слова, печати, свобода собраний, свобода совести в деле религии.
- 2) Общее и обязательное народное образование на государственный счет.
- 3) Ответственность министров перед народом и гарантии законности управления.
- 4) Равенство пред законом всех без исключения.
- 5) Немедленное возвращение всех пострадавших за убеждения.
- 6) Отделение церкви от государства.

II. Меры против нищеты народа:

1) Отмена косвенных налогов и замена их прямым, прогрессивным и подоходным налогом.

2) Отмена выкупных платежей, дешевый кредит и постепенная передача земли народу.

III. Меры против гнета капитала над трудом:

1) Охрана труда законом. Отмена института фабричных инспекторов.

2) Свобода потребительно-производительных и профессиональных рабочих союзов.

3) 8-часовой рабочий день и нормировка сверхурочных работ.

4) Свобода борьбы труда с капиталом – немедленно.

5) Участие представителей рабочих в выработке законопроекта о государственном страховании рабочих.

6) Нормальная заработная плата – немедленно.

Вот, государь, наши главные нужды, с которыми мы пришли к тебе! Повели и поклянись исполнить их, и ты сделаешь Россию счастливой и славной, а имя свое запечатаешь в сердцах наших и наших потомков на вечные времена. А не повелишь, не отзовешься на нашу мольбу, – мы умрем здесь, на этой площади, пред твоим дворцом. Нам некуда больше идти и незачем! У нас только два пути: или к свободе и счастью, или в могилу. Укажи, государь, любой из них, мы пойдем по нему беспрекословно, хотя бы это и был путь к смерти. Пусть наша жизнь будет жертвой для исстрадавшейся России! Нам не жалко этой жертвы, мы охотно приносим ее!”

Да, согласитесь, если бы эти требования были приняты к исполнению, Россия стала бы иной и, возможно, избежала бы ужасов революций и гражданских войн.

Но события развивались иначе.

Власти попытались не допустить выступления. Узнав, что Гапон скрылся и шествие к царю будет, министр юстиции Муравьев, градоначальник Фуллон, у которого до этого с Гапоном были доверительные отношения, заволновались – что делать? Решили не допустить народ к Зимнему дворцу, а Гапона арестовать. Но сделать это было уже невозможно, отца Георгия окружала сильная рабочая охрана, в которой были замечены и боевики-эсеры, вооруженные и готовые на все.

Между тем Гапон 7 января посылает письмо Николаю II, в котором пишет: “Государь, боюсь, что твои министры не сказали всей правды о настоящем положении дел в столице...”, и просит принять петицию. Ответа не последовало. Власть стягивала к центру города войска...

Писатели М. Горький, Н. Аннинский и другие обратились к министру внутренних дел Святополк-Мирскому с просьбой предотвратить кровопролитие. Министр ответил, что от него ничего не зависит, вопрос решается наверху. Царь поручил руководить всем великим князьям, представителям дома Романовых Сергею Александровичу и Владимиру Александровичу и генералу Трепову. Министр скрыл от писателей, что в ночь на 8 января Николай II провел совещание с участием командира гвардейского корпуса князя Васильчикова, шефа корпуса жандармов Рыздзевского, градоначальника Фуллона и приказал не пропускать в центр города демонстрантов. Царь не отдавал приказа стрелять в рабочих, но представьте себе трехсоттысячное шествие и противостоящие им войска с заряженными винтовками в руках... Чем это могло закончиться?... Только кровью.

Воскресным утром 9 января (22 января по новому стилю) массы рабочих со своими женами, детьми, стариками стали скапливаться у Нарвской заставы, на Васильевском острове, на Петербургской и Выборгской сторонах. Вскоре колонны двинулись к Зимнему дворцу. Манифестанты несли портреты царя, иконы, хоругви... Далее читаем тогдашнюю прессу (“Правительственный вестник”, № 7, 1905 г.): “...Войска вынуждены были произвести залпы: на Шлисельбургском тракте, у Нарвских ворот, близ Троицкого моста, на 4-й линии и Малом проспекте Васильевского острова, у Александровского сада, на углу Невского проспекта и улицы Гоголя, у Полицейского моста и на Казанской площади. На 4-й линии Васильевского острова толпа устроила из проволок и досок три баррикады, на одной из которых прикрепила красный флаг, из окон соседних домов в войска были брошены камни...”

Даже из этих скупых строк ясно: стреляли по всему городу, патронов не жалели! По официальным данным в тот день погибло 130 человек. Но исследователи выдают другую цифру: “В больницы Петербурга было привезено 9 января 1216 убитых и свыше 5000 раненых. А сколько трупов попало в полицейские участки, а оттуда вывезены и зарыты в ямах?” — отмечает академик А. Воробьев. Давно уже история страны не знала ничего похожего. А Воробьев обращает внимание на меланхолическую запись Николая II в дневнике 9 января 1905 года: “Ясный морозный день. Было много дела и докладов. Завтракал с Фредерикс. Долго гулял. Со вчерашнего дня в Петербурге забастовали все заводы и фабрики. Из окрестностей вызваны войска для усиления гарнизона”. Полное спокойствие в душе государя. А ведь совершались события, которые роковым образом предопределили судьбу России, да и судьбу самого императора и его семьи.

И вот тут возникает вопрос — зачем Гапон, который понимал, конечно, что вести народ на войска смерти подобно, зачем он все же сделал это, под чьим влиянием он находился? В окружении Гапона в это время ярко выделяется фигура Пинхаса Моисеевича Рутенберга — социалиста-революционера, террориста, а также и земляка Гапона — тоже выходца с Полтавщины, из семьи богатого еврея. Он окончил Петербургский технологический институт, примыкал некоторое время к социал-демократам, затем переметнулся к эсерам. Женившись на православной женщине, формально крестился, правда, потом бежал из России; в синагоге Флоренции Пинхас выполнил средневековый обряд покаяния отступника — получил 39 ударов бичом и вернулся к вере отцов.

В 1904 году он уже в России и, устроившись на Путиловский завод, близко сошелся с отцом Георгием Гапоном, стал его ближайшим соратником, хотя устав “Собрания” запрещал принимать инородцев. Это Рутенберг всячески провоцировал рабочих на забастовку, опекал Гапона, подталкивал его на экстремистские действия. Как он сам утверждал впоследствии, это он переписал знаменитую петицию рабочих к царю. Но здесь, думается, провокатор явно лукавит — петиция написана рукой священника, это ясно каждому, кто прочитал ее текст, дело не в этом, а дело в том, что Рутенбергу нужно было, чтобы царь вышел к демонстрантам для принятия петиции, это был бы удобный случай для покушения. Потому и тесным кольцом окружили отца Георгия боевики-эсеры во время шествия 9 января, и это он, Рутенберг, уложил на землю Гапона, когда началась стрельба и погиб мальчик, несший фонарь, и старик с портретом Николая II. Таким образом Рутенберг “спас”, как от утверждал, руководителя рабочего движения и заслужил его полное доверие. Знал бы отец Георгий тогда, чем обернется для него это доверие к прожженному террористу и провокатору.

В подворотне одного из домов Рутенберг постриг Гапона, заранее позаботившись о ножницах (!), поменял священническую шубу на зипун и повел его прятать по своим знакомым. Сначала зашли на квартиру к Горькому, затем отправились в имение под Петербургом, а оттуда за границу. Рутенберг снабдил теперь уже расстриженного священника деньгами, иностранным паспортом. Гапон пошел через границу один. В решающий момент Рутенберг его бросил, и, оказавшись за границей, в Швейцарии, Гапон подался к социал-демократам, познакомился с Плехановым, с Лениным, даже вступил в Российскую социал-демократическую рабочую партию (РСДРП). Владимир Ильич Ленин живо заинтересовался этой колоритной фигурой, с большой заинтересованностью слушал Гапона, цитировал его в своих статьях. Неизвестно, как бы дальше сложилась судьба бывшего священника, возможно, он стал бы и большевиком, но тут в Швейцарии появился его злой гений Рутенберг и быстро сманил Гапона к эсерам. Георгий Аполлонович вступил в ряды этой партии террористов. “В присутствии товарищей (Чернов, Савинков, Азеф — хорошие “товарищи”), — пишет Рутенберг, — я объяснил ему обязанности, которые он берет на себя, вступая в партию”. После этого большевики заклеили Гапона позором.

У прекраснодушного бывшего священника была одна замечательная, но чисто маниловская, конечно, идея — объединить всех революционеров, вступающих за обновление России, в единую организацию и самому стать во главе ее. Но террористы-эсеры пытались использовать его для других целей. В течение всего 1905 года в России развивалась революционная борьба, и именно эсеры взялись за поставку оружия боевым организациям. Гапона втя-

нули в это темное дело. Судно с грузом оружия направилось к берегам России, но по каким-то причинам не доплыло. Вокруг Гапона стала складываться атмосфера подозрительности и недоверия, он неуютно почувствовал себя в эмигрантской среде и решил вернуться в Россию, к питерским рабочим, которые помнили своего батюшку-заступника и ждали его.

Чтобы легально вернуться в Россию, Гапону нужно было покаяться в своих грехах, неизбежно ему нужно было вновь обратиться к своим знакомым в полиции Санкт-Петербурга, которые когда-то поддерживали его, давали деньги на развитие рабочих кружков. Хотя не стоял уже на посту градоначальника Санкт-Петербурга его старый знакомый Фуллон, при содействии которого он открывал когда-то рабочие клубы и читальни и даже сфотографировался с ним вместе в окружении рабочих на одном из своих собраний, но многие влиятельные люди в охранном отделении помнили страстного проповедника, помнили, что он искренне когда-то пытался сотрудничать с властью. Ему поверили и вновь дали денег и предоставили возможность организовывать рабочих. Это не входило в планы эсеров. Гапону этими бесами был вынесен смертный приговор.

Историк, следователь МВД СССР и РФ по особо важным делам Э. Д. Хлысталов, основательно проанализировавший архивы охраны, утверждает, что фамилию Гапона среди тайных агентов царской охраны он не встречал. Нет ни одного документа, подтверждающего сотрудничество Гапона на поприще доносительства и осведомительства, нет никаких бумаг, подписанных священником. Все авторы, писавшие о Гапоне, ограничивались общими словами, фактами финансирования полицией рабочих кружков. Но от этих фактов Гапон не отказывался и сам. Да, получал деньги в Департаменте полиции, но тратил их на создание рабочих клубов, читален, наем помещений для благотворительных вечеров, помощь нуждающимся и т. п.

Однако для эсеров важен был сам факт сотрудничества Гапона с полицией. Этого было достаточно, чтобы обвинить его в измене и казнить. 28 марта 1906 года Рутенберг вызывает Гапона на встречу на пустующую дачу в Озерках – пригороде Санкт-Петербурга. Ничего не подозревающий бывший священник едет на свидание со своим “спасителем”. Но, оказавшись на даче, он подвергается нападению банды убийц во главе с Рутенбергом. Его силой засовывают в петлю, убийцы виснут на нем, и петля затягивается на шею человека, первым попытавшегося повести бедный люд России к свободе и счастью... Через некоторое время тело его находят повешенным на этой даче.

Так кто же все-таки виновен в трагедии 9 января? Непосредственный приказ о расстреле рабочих отдал министр внутренних дел Святополк-Мирский. Именно к такому выводу пришел и Николай II, уже 18 января отправивший его в отставку. “Это был первый министр внутренних дел за весь столетний период с момента учреждения этого министерства, ушедший в отставку без почетного титула или хотя бы ордена”, – замечает исследователь Ю. Житорчук. По мнению этого историка, Святополк-Мирский вольно или невольно стал участником заговора крупного капитала, который пошел на крайнюю меру – организацию политической провокации. Накануне события министр двора Мосолов, через своего начальника канцелярии, интересуется у Святополка-Мирского: арестован ли Гапон? Ему отвечают, что собираются арестовать его уже во время шествия. Однако во время самого шествия полицейские сами становятся в ряды демонстрантов, идут вместе с рабочими. Никто даже не пытается изолировать Гапона, остановить шествие. Неужели Рутенберг с группой своих эсеров так напугал полицию? Более того, жена Святополка-Мирского в своем дневнике после событий Кровавого воскресенья записывает: “Брешь пробита, и государь при всем своем нежелании изменить существующий строй, или если не он, то его заместитель должен будет это сделать”.

Так жизнями рабочих “пробивалась брешь” в теле государства Российского. Но при всем при том загадочная фигура отца Георгия Гапона – зачинщика и жертвы первой русской революции – не устает привлекать внимание историков и всех думающих людей в России. Он сам, его жизнь, деятельность, мечты и заблуждения, несбывшиеся надежды и грехи – это яркий, поучительный пример и предостережение для всех тех, кто раздувает ветер, не думая, что пожнет бурю.

НИКОЛАЙ РЫЖКОВ

СССР И ГЕРМАНИЯ: БИТВА ЭКОНОМИК

IV. ВОЙНА И ОБЩЕСТВО

Секрет нашей победы

Читатели имели возможность ознакомиться с работой советской экономики во время Великой Отечественной войны.

Сухие цифры из таблиц не могут, к сожалению, передать общее состояние нашего общества в тяжелейшие годы военного лихолетья. При всем уважении к военной технике и ее роли в войне нельзя не задуматься о том, что же двигало людьми, которые шли на заведомо смертный бой, что заставляло детей, подростков и женщин сутками стоять у станков или спускаться в шахты вместо ушедших на фронт мужчин? Кусок хлеба? Вряд ли! Да и хлеба было так мало!

В нашем обществе всегда существовали как бы невидимые нити, которые в военный период объединили народ, вдохнули в него чувства патриотизма, любви к своей Родине, своему краю, своей семье, готовность встать на защиту Отечества. Да, Вторая мировая война была войной моторов. Но ведь моторы были не только у нас — не менее мощные, особенно в первые два года войны, они имелись и у фашистской Германии. Но победили-то мы! И произошло это благодаря огромной силе духа советского народа и воли к победе.

Конечно, такие качества не возникают в одночасье, и было бы наивным думать, что может произойти мгновенная мобилизация духовных и нравственных сил. Они формируются на протяжении жизни поколений. Нужно время и реальные обстоятельства, чтобы общество услышало призыв и было готово к духовному порыву.

Немаловажным источником духовной крепости людей были лозунги и призывы, особенно в первые дни войны. 22 июня 1941 года руководством страны был выдвинут лозунг “Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!”. Все четыре года Великой Отечественной войны это был мобилирующий призыв к советским воинам, труженикам тыла, партизанам и подпольщикам на временно захваченной оккупантами советской территории. Этот призыв вдохновлял советский народ и армию на борьбу с фашизмом — злейшим и опаснейшим врагом Советского Союза и всего мира, вселял чувство уверенности в победе.

Окончание. Начало в № 10, 11 за 2010 год.

Огромное политико-идеологическое значение и сильное нравственно-эмоциональное воздействие имело выступление Председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина по радио 3 июля 1941 года.

Сталин начал свое выступление берущими за душу словами:

“Товарищи! Граждане!

Братья и сестры!

Бойцы нашей армии и флота!

К вам обращаюсь я, друзья мои!”.

Уже сами эти, казалось бы, простые слова вызывали невиданный энтузиазм у советских людей самых различных возрастов, национальностей, политических и религиозных взглядов, будь то на фронте, будь то в тылу. Слова Сталина заставили советских людей всё подчинить нуждам фронта, делу победы над германским фашизмом. Его выступление определило программу деятельности партии, правительства, народа и армии на весь период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

Войну против фашистской Германии Сталин назвал **Великой Отечественной войной Советского Союза**. Он сказал: “Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск”. Далее в своей речи он сообщил, что Государственный Комитет Обороны приступил к работе и призвал весь народ сплотиться вокруг Коммунистической партии и Советского правительства для самоотверженной поддержки Красной Армии и Флота, для разгрома врага, для победы.

Речь И. В. Сталина 3 июля 1941 года вызвала огромный энтузиазм, укрепила веру людей в неотвратимость перелома трагически сложившегося начала Великой Отечественной войны. Эта речь зажгла сердца борцов против фашизма в других странах и континентах. Безумная злоба и невежественная клевета некоторых “специалистов” по Второй мировой войне не могут и не заслонят огромного значения речи И. В. Сталина для понимания освободительного и бескомпромиссного характера Великой Отечественной войны Советского Союза.

Патриотизм народа явился мощной силой в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. И. В. Сталин развил идею советского патриотизма. Он показал, что советский патриотизм всенароден: объединяет социальные группы, из которых состоит советское общество, все нации, населяющие Советский Союз. Любовь народа к своей Родине соединилась с ненавистью к гитлеровскому фашизму. Он говорил: “Сила советского патриотизма состоит в том, что он имеет своей основой не расовые или националистические предрассудки, а глубокую преданность, верность народа своей советской Родине, братское содружество трудящихся всех наций нашей страны. В советском патриотизме гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза. Советский патриотизм не разъединяет, а, наоборот, сплачивает все нации и народности нашей страны в единую братскую семью. В этом надо видеть основы нерушимой и все больше крепнущей дружбы народов Советского Союза...”.

22 июня 1941 года мало кто из граждан СССР предполагал, что удар агрессора будет таким мощным, что враг станет столь стремительно продвигаться в глубь советской территории и что на их плечи ляжет непомерная ответственность за судьбу своей страны, за преодоление трагической ситуации первых серьезнейших поражений и отступлений.

С начала войны у людей происходила сложнейшая психологическая перестройка: рождалось высокое напряжение души, питаемое стремлением защитить Родину от нашествия иноземных захватчиков. Свидетельство тому — очереди добровольцев в военкоматах. Всего по стране заявления о вступлении в народное ополчение подали свыше 4 млн человек. Из добровольцев, отобранных для обучения, летом и осенью 1941 года было сформировано около 60 дивизий, 200 отдельных полков, большое количество истребительных батальонов, женских авиаполков и т. д. В боях участвовало 36 дивизий, в том числе 16 московских и 10 ленинградских. Через ополчение в действующую армию влилось около 2 млн человек.

Советское общество в период Великой Отечественной войны представляло собой совокупность общественных организаций, союзов и движений граждан, сплоченных идеей борьбы против угрозы, исходившей от гитлеровской

агрессии. Оно стало обществом в истинном смысле этого слова, несмотря на жесткий контроль со стороны государства.

Заложенные в основу общественных организаций демократические принципы пробивали себе дорогу в годы войны, они стали заметнее влиять на характер процессов в жизни страны. Перед лицом смертельной опасности, грозившей Отечеству, произошло определенное сближение “верхов” и “низов”. Война, потребовавшая невероятных физических и духовных сил, породила новое качество общественного самосознания: она раскрыла глубинные силы народа, пробудила у людей такие нравственные нормы и ценности, как бесстрашие, решимость преодолеть самые суровые испытания, самоотверженность, патриотизм не на словах, а на деле, высокую гражданскую ответственность за судьбу Родины.

Практически невозможно в рамках одной публикации дать исчерпывающую оценку основных действий общества в борьбе за судьбу своей Отчизны в тяжелейшие годы Великой войны. Можно с полной уверенностью сказать, что ни одна страна мира, ни один живущий в то время народ не испытал то, что перенесли советские люди, никто не испил такую горькую чашу, как мы.

Говоря о героизме наших воинов в годы Великой Отечественной войны, нельзя забывать и о подвиге тружеников военной промышленности. Неделями не выходя из цехов, живя впроголодь в тяжелейших бытовых условиях, эти люди с честью выполняли свой долг перед Родиной.

Учитывая сложившееся положение в предвоенный, и особенно в военный период, государство вынуждено было внести изменения в трудовое законодательство: были приняты решения по увеличению рабочего дня, отмене отпусков, возможности перехода с одного предприятия на другое и т. д.

Особо следует остановиться на системе снабжения населения в годы военной экономики. С учетом ограниченных ресурсов продуктов питания, особенно после потери территорий в европейской части страны в 1941–1942 годах, а также для гарантированного минимального обеспечения населения продуктами питания в стране до 10 ноября 1941 года повсеместно была введена карточная система. Это была вынужденная мера, на нее перешли многие воюющие государства.

При всех недостатках карточной системы – определенная уравниловка, снижение функции денежного обращения и т. д., – именно она спасла страну от массового голода и связанных с ним эпидемий. Люди мирились с этим, так как в противном случае для многих, особенно семей с детьми, наступила бы полная безысходность. Кстати, в США во время Второй мировой войны средний вес среднего американца увеличился на 70%. Вот такова мораль! По ленд-лизу платили долги, а о том, что от страшной чумы XX века – фашизма с его человеконенавистнической идеологией мир спасали русские изможденные подростки и женщины, – можно и забыть. Более того, теперь вбивается в головы подрастающего поколения мысль о том, что это они, американцы (со своим-то избыточным весом!), являются победителями во Второй мировой войне.

В предлагаемой читателям публикации автор также специально остановился на вопросе взаимоотношений церкви с государством в годы Великой Отечественной войны. Как известно, отношения между государством и Русской Православной Церковью (РПЦ), как и другими конфессиями, в довоенный период были драматичными. Перелом здесь произошел с первых дней войны. На протяжении отечественной истории РПЦ всегда вставала на сторону защитников Родины. Да и утраты и лишения тяжелого военного времени вызывали в народе религиозные настроения. По инициативе Сталина в 1943 году был воссоздан Патриархат РПЦ, который сыграл положительную роль в годы войны. Не остались в стороне и другие религиозные конфессии нашего государства.

И, наконец, о литературе в годы Великой войны. В этом разделе главы подробно говорится о ее роли, о писателях, поэтах и драматургах того времени. Ни в одной из воюющих стран ничего подобного не было. В нашей поэзии слышен был не маршевый барабан: в советских стихах и песнях прославлялась любовь к Родине, к своему краю, к девушке, к жене, к детям. Согласно же исследованиям немецких литературоведов, проведенных ими уже после войны, фашистские идеологи, в отличие от нас, обрушивали на головы своих граждан браваурные марши или пошленькие песенки на потребу солдатской массе.

Вот вам и ещё один ответ на вопрос – почему победили мы, а не отмобилизированный немец!

Труд в военное время.

Одной из центральных проблем развития военной экономики страны явилось обеспечение промышленности рабочей силой. В связи с мобилизацией в армию большого числа квалифицированных рабочих важно было изыскать новые пути для решения этой проблемы, организовать эффективную систему подготовки и переподготовки рабочих, их правильное распределение между отраслями народного хозяйства.

К числу первоочередных мер по обеспечению промышленности рабочей силой следует отнести принятый 26 июня 1940 года указ Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих предприятий и учреждений». Верховный Совет СССР 7 августа 1940 года на VII сессии ВС СССР первого созыва своим законом утвердил указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года.

Этим указом увеличивалась продолжительность рабочего дня рабочих и служащих во всех государственных, кооперативных и общественных предприятиях и учреждениях: с 7 до 8 часов – на предприятиях с семичасовым рабочим днем; с 6 до 7 часов – на работах с шестичасовым рабочим днем, за исключением профессий с вредными условиями труда по спискам, утвержденным СНК СССР; с 6 до 8 часов – для служащих учреждений; с 6 до 8 часов – для лиц, достигших 16 лет.

Согласно указу, рабочие и служащие, самовольно ушедшие из государственных, кооперативных и общественных предприятий и учреждений, предаются суду и по приговору народного суда подвергаются тюремному заключению сроком от 2-х до 4-х месяцев. Статьи об отмене судебной ответственности рабочих и служащих за самовольный уход с предприятий и учреждений и за прогул без уважительной причины были отменены Верховным Советом СССР только в 1956 и 1957 годах. Указ особо подчеркивал уголовную ответственность директоров заводов и начальников учреждений за невыполнение вышеупомянутых решений.

В день принятия указа Президиума Верховного Совета СССР Совет Народных Комиссаров СССР принял свое постановление о повышении норм выработки и снижении расценок в связи с переходом на восьмичасовой рабочий день. В нем без изменения сохранились существующие дневные тарифные ставки и месячные должностные оклады рабочих и служащих.

Для функционирования военной экономики был осуществлен целый комплекс мероприятий по максимальному использованию рабочей силы. Они в основном включали в себя:

- наиболее эффективное использование имеющихся кадров, перераспределение рабочей силы в пользу военной и тяжелой промышленности;
- введение обязательных сверхурочных работ продолжительностью от 1 до 3 часов и отмену очередных отпусков, что позволило дополнительно увеличить загрузку оборудования примерно на 30%;
- мобилизацию трудовых ресурсов страны главным образом за счет трудоспособного неработающего населения для работы на производстве, и в первую очередь в военной и тяжелой индустрии;
- закрепление необходимых кадров квалифицированных рабочих и специалистов в оборонной и тяжелой промышленности через бронирование, т. е. освобождение от призыва в Красную Армию на определенный срок;
- развертывание в широких размерах подготовки новых работников и повышение их квалификации непосредственно на предприятиях без отрыва от производства;
- подготовку квалифицированных рабочих в школах ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищах и их распределение по важнейшим отраслям промышленности;
- сохранение без существенного сокращения действующей накануне войны сети высших и средних специальных учебных заведений для воспроизводства инженерно-технических кадров;
- совершенствование организации труда и заработной платы, всемерную поддержку рабочего класса за повышение производительности труда, что позволило обеспечить рост военного производства при сокращении численности работников.

Все это полностью отвечало жизненным интересам страны и поэтому получило одобрение и поддержку советского народа.

Во время войны пополнение промышленности рабочей силой осуществлялось в основном за счет привлечения на предприятия женщин, не занятых общественным трудом, молодежи и подростков, мужчин, не пригодных к службе в армии по состоянию здоровья, включая инвалидов. Важную роль в разрешении проблемы рабочих кадров промышленности сыграл переход непосредственно на производство служащих административно-управленческого аппарата, а также работников торговли и общественного питания.

Война потребовала находить не только дополнительные источники рабочей силы, но и наиболее эффективные формы привлечения ее к труду. В первые месяцы войны широкое распространение получило движение советских патриотов – женщин-домохозяек, учащихся, студентов, пенсионеров – за переход на производство вместо рабочих, ушедших на фронт. Уже во второй половине 1941 года в работу включились 500 тыс. домохозяйек и 360 тыс. учащихся 8–10-х классов, что позволило частично ликвидировать возникшую в начале войны диспропорцию между производственными мощностями промышленности и наличной рабочей силой.

В стране была принята необходимая форма привлечения к труду – мобилизация трудоспособного населения, не занятого в общественном производстве. 13 февраля 1942 года был издан указ Президиума Верховного Совета СССР “О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и в строительстве”. Мобилизации подлежали мужчины от 16 до 55 лет и женщины от 16 до 45 лет из числа неработающих в государственных учреждениях и на предприятиях. Несколько позже действие этого указа было распространено на сельское население.

Для осуществления мобилизации рабочей силы и правильного распределения ее по отраслям народного хозяйства и районам страны по решению Политбюро ЦК ВКП(б) в июне 1941 года при Совнаркомом СССР был создан Комитет по распределению рабочей силы (позднее – Комитет по учету и распределению рабочей силы). С 1942 по июль 1945 года Комитетом и его органами на местах было привлечено на постоянную работу в промышленность, строительство и на транспорт 3 010 тыс. человек городского и сельского населения, в учебные заведения трудовых резервов было направлено 2 121 тыс. подростков. Трудовые ресурсы прежде всего направлялись в ведущие отрасли тяжелой промышленности и на оборонные предприятия.

Чтобы иметь более четкое представление о комплектовании оборонных предприятий в военные годы, полагаю целесообразным в качестве примера взять Уралмашзавод.

Все четыре военных года Уралмаш испытывал острейшую нужду в рабочих руках. Рабочих требовалось столько, что даже прибытие на завод тысяч эвакуированных из Ленинграда, Брянска и Сталинграда не спасало положения.

Резкий рост потребности в рабочих был связан прежде всего с возросшими масштабами производства. Вот почему широко стал использоваться труд женщин и подростков. Но и этого было недостаточно. С 1942 года одним из основных источников пополнения завода рабочими стала мобилизация по линии Народного комиссариата обороны. Это были мобилизованные в “трудармию” жители среднеазиатских республик, которых почему-то поголовно называли “узбеками”. С 1942 по 1944 год их было направлено на завод 15 805 человек (для сравнения: из ремесленных и фабрично-заводских училищ на завод были приняты за 1941–1945 годы 6431). Им, по-южному одетым, плохо знавшим русский язык, не очень грамотным, пришлось особенно трудно.

Война потребовала максимального включения в процесс материального производства женщин. Их удельный вес среди рабочих и служащих увеличился с 38,4% в 1940 году до 57,4% в 1944 году, в том числе в промышленности – соответственно с 41 до 52,9%.

Огромное значение в условиях войны имел приход миллионов молодых людей в различные отрасли народного хозяйства. На всех этапах предвоенного строительства молодежь активно в нем участвовала. Во время войны ее роль еще более возросла. Если в 1939 году на производстве было занято 6% юношей и девушек до 18 лет (по отношению к общей численности рабочих и служащих промышленности), то в 1942 году их удельный вес поднялся до 15%. К концу войны во многих отраслях промышленности молодые люди в возрасте до 25 лет составляли около половины всех рабочих и представляли на производстве большую силу. Так, в черной металлургии молодежь составляла

30% общего числа рабочих, в самолетостроении – 40, в производстве боеприпасов – 42, вооружения – 46, на заводах среднего машиностроения и в текстильной промышленности – 55%.

Несмотря на трудности военного времени, государство заботилось об облегчении труда подростков на производстве. Постановлением Совнаркома СССР в марте 1944 года для них был установлен подростковый возраст 16 лет, гарантированный день отдыха (один раз в неделю) и очередной отпуск (продолжительностью 12 рабочих дней).

В период Великой Отечественной войны особо важное значение приобрела проблема подготовки рабочих и повышения их квалификации. Это было обусловлено двумя основными причинами: необходимостью обучения профессиям квалифицированного труда огромного числа лиц, ранее не участвовавших в общественном производстве, и необходимостью обучения новым профессиям лиц, уже имевших производственную квалификацию, что определялось прежде всего переводом многих предприятий на выпуск военной продукции.

В условиях войны полностью сохранила свое значение подготовка новых квалифицированных рабочих и повышение квалификации всех рабочих. Профессиональное обучение кадров осуществлялось в стационарных учебных заведениях и без отрыва от производства.

Огромную роль в подготовке квалифицированных кадров сыграла система государственных трудовых резервов. Ремесленные и железнодорожные училища и школы ФЗО очень сильно пострадали от немецко-фашистских захватчиков. Однако общее число учебных заведений трудовых резервов и учащихся в них в годы войны значительно возросло по сравнению с довоенным временем. Об этом свидетельствуют следующие данные:

Год	Количество училищ и школ	Число учащихся, тыс.
1941	1550	602,0
1942	1129	445,1
1943	1737	608,2
1944	2132	652,2
1945	2587	683,4

Во время войны существенно изменились размещение и специализация школ и училищ трудовых резервов, быстрыми темпами увеличивалось количество учебных заведений трудовых резервов и контингенты учащихся в восточных районах страны.

Увеличение сети училищ и школ государственных трудовых резервов в восточных районах СССР в 1941–1943 гг.

	Количество школ и училищ		Увеличение числа учащихся (в 1943 г. по сравнению с 1940 г.), число раз
	1940 г.	1943 г.	
Свердловская область	45	103	3
Челябинская область	37	71	2,5
Пермская область	25	73	5
Чкаловская область	21	41	4
Татарская АССР	15	46	4
Куйбышевская область	31	51	2,5
Новосибирская область	26	94	7
Омская область	10	28	4
Казахская ССР	35	99	6
Всего	245	606	4

В военные годы в системе государственных трудовых резервов был создан новый тип учебных заведений. На основе постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 года в районах, освобожденных от немецкой оккупации, создавалось более 20 специальных ремесленных училищ по 400 человек в каждом со сроком обучения 4 года. Содержание их полностью осуществлялось за счет государства. В эти ремесленные училища принимали детей в возрасте 12–13 лет, оставшихся без родителей и имевших образование в объеме 4 классов начальной школы. За 4 года обучения в специальном ремесленном училище подростки получали общее семилетнее образование и производственную квалификацию.

Ремесленные и железнодорожные училища и школы ФЗО за 1941–1945 годы выпустили 2 480 тыс. молодых квалифицированных рабочих, в том числе по отдельным годам (в тыс.): 1941 г. – 439,5; 1942 г. – 569,1; 1943 г. – 597,8; 1944 г. – 416,4; 1945 г. – 457,5. За первые пять лет своего существования, в основном в период войны, система государственных трудовых резервов подготовила больше квалифицированных рабочих, чем школы ФЗО за все довоенные пятилетки. Она стала надежной формой планомерной подготовки квалифицированных рабочих кадров.

Тем не менее, несмотря на большое число квалифицированных рабочих, подготовленных в учебных заведениях государственных трудовых резервов, они не могли полностью обеспечить все потребности промышленности. Поэтому большинство квалифицированных рабочих кадров готовилось без отрыва от производства.

В военный период была существенно изменена подготовка квалифицированных рабочих без отрыва от производства. В условиях, когда состав рабочих обновлялся особенно быстро, необходимо было учитывать два главных требования к производственно-техническому обучению: массовость и краткосрочность. Основной формой подготовки новых кадров рабочих массовых квалификаций становится индивидуально-бригадное обучение, которое в годы войны обеспечило не менее 85% всей потребности в рабочей силе предприятий промышленности.

Большую роль в развитии индивидуально-бригадного обучения сыграли опытные производственники. Почин положил знатный токарь Уралмашзавода П. Спехов. Сущность его метода заключалась в том, что ученик работал по одному наряду со своим учителем, и учитель был заинтересован в том, чтобы ученик как можно скорее освоил специальность. В короткий срок П. Спехов обучил таким образом 30 рабочих. Почин П. Спехова получил широкое распространение на предприятиях страны.

Другой важной проблемой было обеспечение промышленности инженерно-техническими кадрами. Для успешного развития военной экономики и восстановления народного хозяйства освобожденных районов необходимо было большое число специалистов высшей и средней квалификации. Для этого пришлось значительную часть мужчин – инженерно-технических работников – освободить от призыва в армию и закрепить (забронировать) за производством.

Война затормозила рост и затруднила деятельность высших и средних специальных учебных заведений. Немецко-фашистские захватчики причинили огромный материальный ущерб вузам и техникумам во временно оккупированных районах страны. Они полностью или частично разрушили около 2 тыс. высших и средних специальных учебных заведений, в том числе 334 вуза, в которых обучалось 233 тыс. студентов.

Уничтожение гитлеровскими оккупантами многих вузов и техникумов, эвакуация части учебных заведений на Восток, мобилизация большей части студентов и преподавателей, ухудшение учебного оборудования привели к значительному сокращению сети высших и средних учебных заведений и контингента учащихся. В 1942/43 учебном году сеть высших учебных заведений сократилась по сравнению с довоенным периодом на 44%, а сеть средних специальных учебных заведений – почти на 48%; число учащихся уменьшилось соответственно на 72 и 68%.

В 1942 году, несмотря на острую необходимость направления материальных и финансовых ресурсов на удовлетворение нужд фронта, были приняты меры для восстановления сети высших и средних учебных заведений, количества учащихся и улучшения их материального положения. В результате со

второй половины войны стала восстанавливаться сеть вузов и средних специальных учебных заведений и численность обучающихся в них. В 1945/46 учебном году сеть высших учебных заведений составляла 96% к довоенному 1940/41 учебному году, контингенты учащихся составляли соответственно 90 и 103%.

Высшие и средние специальные учебные заведения в 1940/41–1945/46 учебных годах по СССР

Год	Число высших учебных	Численность студентов, тыс.	Число средних специальных учебных	Численность учащихся, тыс.
1940/41	817	811,7	3773	975,3
1941/42	503	312,9	1 950	415,1
1942/43	460	227,4	1 694	315,6
1943/44	522	325,7	—	577,3
1944/45	717	442,6	2759	954,4
1945/46	789	730,2	3 169	1 008,0

В период Великой Отечественной войны большое значение приобрело совершенствование организации труда в народном хозяйстве. С первых дней войны развернулось социалистическое соревнование под лозунгом “Работай за себя и за ушедшего на фронт!”. В промышленности находили все более широкое распространение стахановские методы труда, обеспечивавшие экономии времени, более полное использование оборудования.

При выполнении особо важных и срочных заданий мобилизующую роль играли такие формы коллективной стахановской работы, как фронтовые вахты, фронтовые недели и декады. Инициаторами фронтовых вахт выступили новаторы Магнитогорского металлургического комбината. Коллектив третьего мартеновского цеха в первый же день такой вахты выполнил план на 124% и дал пять скоростных плавок. Фронтовые стахановские вахты, недели и декады способствовали выявлению и реализации производственных резервов, повышению производительности труда.

Трудовой героизм в тылу не уступал героизму на фронте. Когда нужно было выполнять срочные военные заказы, рабочие, техники и инженеры сутками не выходили из цехов, спали и ели у станков. Объединенные единой волей, единым порывом, рабочие и инженерно-технические работники оказались способными совершить подвиг в тылу, равного которому еще не знала история. И это явилось одним из решающих источников победы СССР в годы Великой Отечественной войны.

Советское правительство высоко оценило трудовой подвиг народа. За годы войны 198 940 человек были награждены орденами и медалями за самоотверженный труд, в том числе 202 было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Свыше 16 млн трудящихся были награждены медалями “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”.

Только в условиях борьбы за сохранение своего Отечества возможен такой массовый трудовой героизм, такая самоотверженность и готовность преодолеть любые трудности во имя Родины.

Снабжение населения в годы военной экономики

В начале войны крупные зерновые районы были оккупированы, а производство и заготовки сельскохозяйственных продуктов сократились. В связи с этим население, как и Красная Армия, получало продовольствие, и прежде всего хлеб, главным образом из государственных резервов, созданных в довоенные годы. Использование этих резервов позволило в значительной степени преодолеть трудности военного времени и бесперебойно снабжать хлебом население и Вооруженные Силы страны.

В годы войны производство продукции пищевой промышленности значительно сократилось.

**Продукция пищевой промышленности СССР
в 1940 и 1945 годах (в млн цент.)**

Продукция	1940 г.	1945 г.	1945 г. к 1940 г. (в %)
Мука	287,9	145,8	51
Хлеб и хлебобулочные изделия	239,9	109,9	46
Крупа	16,6	10,5	63
Макаронные изделия	3,2	2,4	75
Сахар-песок	21,5	4,7	22
Кондитерские изделия	7,9	2,1	27
Растительное масло	8,0	2,9	37
Животное масло и др. молочные продукты в пересчете на молоко	65	29	45
Сливочное масло	2,3	1,1	55
Сыр	0,42	0,25	59
Мясо	15,0	6,6	44
Колбасы и копчености	3,9	1,4	36
Рыба (улов)	13,9	11,1	80
Консервы (млн условных банок)	1 113	558	50

Как уже говорилось, необходимость удовлетворять нужды населения, хотя и в ограниченных размерах, потребовала введения нормированного снабжения рабочих и служащих. Введение карточной системы являлось вынужденной мерой. Переход к ней был осуществлен в основном с июля по октябрь 1941 года и в дальнейшем регулировался в зависимости от состояния ресурсов.

Вначале постановлением СНК СССР от 18 июля 1941 года была введена продажа по карточкам в Москве, Ленинграде и некоторых других городах и пригородных районах Московской и Ленинградской областей основных продуктов питания – хлебобулочных изделий, сахара, кондитерских изделий, жиров, мясопродуктов и рыбопродуктов. С 1 сентября 1941 года нормированное снабжение хлебом, сахаром и кондитерскими изделиями было установлено в 197 городах, рабочих поселках и поселках городского типа, а также во всех городах и рабочих поселках Донбасса, Свердловской, Челябинской, Тульской и некоторых других областей. К 10 ноября 1941 года карточная система снабжения населения охватила все без исключения города и рабочие поселки страны.

Людям, занятым тяжёлым физическим трудом, были установлены повышенные нормы питания. Детям и кормящим матерям – льготные. Работникам важных оборонительных отраслей – нормы питания, приближенные к фронтовым.

Население, снабжавшееся по карточкам, делилось в СССР на четыре категории:

- а) рабочие и приравненные к ним;
- б) служащие и приравненные к ним;
- в) иждивенцы и приравненные к ним;
- г) дети до 12 лет включительно.

Для работников оборонных предприятий была установлена норма снабжения хлебом от 650 до 1 000 граммов в день. К концу войны по ней снабжалось более 60% всех рабочих и инженерно-технических работников в городах.

Для некоторых категорий рабочих были установлены более высокие нормы по особому правительственному списку. Они распространялись на подземных рабочих на угольной и других отраслях, связанных с подземными работами; на литейщиков, стеклодувов и стекловаров, металлургов горячих цехов и др. Особо повышенные нормы на мясные продукты, жиры, крупу и макаронные изделия были в 2,5 раза выше обычных.

По обычной рабочей карточке (карточка для рабочих и ИТР промышленности, транспорта и связи) можно было получить в месяц (в килограммах): мясных и рыбных продуктов – 1,8; жиров – 0,4; крупы и макаронных изделий – 1,2. По особому списку – соответственно 2,2; 0,6; 1,5. Повышенные нормы – 3,2; 0,9; 2. Особо повышенные нормы – 4,5; 1; 3. Указанные нормы устанавливались специальными решениями правительства.

**Калорийность нормированных продуктов,
получаемых различными отраслями в 1 квартале 1945 г.
(Наркомтекстиль принят за 100%)**

Наркомуголь	160	Наркомчермет	139
Наркомтанкпром	150	Наркомсредмаш	127
Наркомбоеприпасов	146	Наркомстрой	126
Наркомнефть	146	Наркомтяжмаш	124
Наркомбумпром	124	Наркомлегпром	104
Наркомсудпром	123	Наркомтекстиль	100

Огромное внимание уделялось снабжению детей. По детским продовольственным карточкам товары отпускались в первую очередь и лучшего качества. Для детей в возрасте до 1 года выделялось специальное питание из молочных кухонь – молоко, жиры, манная крупа, рис, сахар и мука.

Ребятам в возрасте от одного до трех лет предоставлялось питание из детских пищевых станций. Питанием из молочных кухонь и пищевых станций в IV квартале 1942 года пользовалось 430 тыс. детей, в IV квартале 1945 года – 960 тыс. детей.

Полный рацион питания получали дети, находившиеся в яслях и детских садах. Так, на ребенка в яслях полагалось 900 г сахара в месяц при норме по карточке 400. При круглосуточном пребывании ребенка в детском саду на него расходовалось мяса 1,5 кг в месяц вместо 400 г по карточке. В яслях и детских садах находилось в годы войны 2 100–2 600 тыс. детей.

В школах всех городов и рабочих поселков были введены горячие завтраки. Дополнительно отпускались на школьника по 50 г хлеба и 10 г сахара к чаю в день. В 1942 году завтраки получали 4 млн школьников, в последующие годы их число значительно возросло.

Большое значение для поддержания здоровья детей имел вывоз их в пионерские лагеря, загородные детские сады, ясли, где они получали усиленное питание. В 1943 году было вывезено 1,5 млн детей, в 1944 году – 2,5 млн и в 1945 году – 3,6 млн.

Общая численность населения, находившаяся на снабжении продовольственными товарами, составляла (в млн человек):

в марте 1943 г.	– 50;	в сентябре 1946 г.	– 71, 87;
в марте 1944 г.	– 56,76;	в декабре 1946 г.	– 57, 02;
в марте 1945 г.	– 62,32;	в марте 1947 г.	– 55,84;
в декабре 1945 г.	– 65,43;	в декабре 1947 г.	– 54,48.

Основной формой торговли и снабжения населения в годы войны стала система закрытого распределения. Для снабжения рабочих оборонной и других ведущих отраслей промышленности были организованы отделы рабочего снабжения (орсы) при заводоуправлениях. К концу Отечественной войны (по данным на 1 августа 1945 года) в стране насчитывалось 7,6 тыс. орсов, в ведение которых были переданы из системы Наркомторга соответствующая торговая сеть и предприятия общественного питания. Численность населения, обслуживаемого орсами, составляла почти половину (48%) всех лиц, находившихся на централизованном снабжении.

Помимо централизованных фондов продовольствия, которые выделялись по государственным планам, орсы дополнительно снабжали рабочих, главным образом через предприятия общественного питания, продукцией своих подсобных хозяйств. Так, за счет продукции подсобных хозяйств орсов один трудящийся получал в 1943 году в среднем картофеля и овощей сверх централизованных фондов 84 кг, а в 1944 году – 119 кг. В некоторых же отраслях про-

мышленности количество картофеля и овощей из продукции подсобных хозяйств орсов, которое приходилось на одного трудящегося, было еще больше: в системе орсов черной и цветной металлургии – 182 кг, а в угольной промышленности – 220 кг.

Наряду с нормированным снабжением населения с 15 апреля 1944 года в Москве, а затем в Ленинграде, Киеве, Свердловске и других крупных городах была введена свободная продажа продовольственных, а в последующем и непродовольственных товаров по более высоким ценам – так называемая коммерческая торговля. К 1 января 1945 года было открыто 53 магазина, 70 ресторанов и 94 буфета для торговли по коммерческим ценам; к 1 января 1946 года сеть коммерческой торговли значительно увеличилась: в ней насчитывалось 200 магазинов, 129 палаток, 138 ресторанов, 382 буфета.

Множественность цен и спекулятивная перепродажа части нормированных товаров подрывали устойчивость советского рубля. Но коммерческая торговля играла в годы войны и положительную экономическую роль, будучи одним из средств регулирования соотношения спроса и предложения в условиях значительного отставания объема рыночных фондов от платежеспособного спроса населения.

Предоставляя возможность рабочим и служащим наиболее высокооплачиваемых категорий приобретать некоторые товары по повышенным ценам, учитывающим соотношение денежной и товарной масс в стране, и улучшая тем самым снабжение этой группы населения, коммерческая торговля одновременно отвлекала часть платежеспособного спроса от колхозного рынка и благодаря этому способствовала снижению рыночных цен. По мере развития коммерческой торговли цены на товары в коммерческих магазинах постепенно снижались, что еще больше влияло на снижение цен неорганизованного рынка.

Широкое развитие огородничества как формы трудовой самостоятельности рабочих и служащих сыграло в годы Отечественной войны большую роль в улучшении продовольственного снабжения и удовлетворения потребностей населения в картофеле и овощах. Число людей, занимавшихся огородничеством, возросло с 5 млн человек в 1942 году до 18,6 млн человек в 1945 году, а площади под огородами расширились с 500 тыс. га в 1942 году до 1 626 тыс. га в 1945 году и составляли более 15% всей посевной площади в стране, используемой под посевы картофеля и овощебахчевых культур. Это было важным подспорьем в снабжении трудящихся и дополнительно обеспечило население большим количеством картофеля и овощей.

Картонная система снабжения населения промышленными и продовольственными товарами действовала в стране 6 лет.

14 декабря 1947 года вышло постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) “О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары”.

На этом закончился исторический этап, связанный с военной экономикой страны в годы Великой Отечественной войны.

Война и церковь

Тяжелое военное лихолетье, утраты и лишения оживили религиозные настроения в народе. Церковь заняла патриотическую позицию. Принципиальный поворот в идеологической эволюции заключался в сближении руководства страны с Русской Православной Церковью (РПЦ), органично связанной с национальной историей.

... 22 июня 1941 года, как только прозвучало выступление Молотова, пришедший с богослужения патриарший местоблюститель митрополит Сергей стал рассылать Послание “Пастырям и пасомым христианской Православной церкви”. В нем было сказано: “... Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени перед неправдой, голым насилием, принудить его пожертвовать благом и целостностью Родины, кровными заветами любви к своему Отечеству. Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божьей помощью и на сей раз он развеет фашист-

скую вражью силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что молили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге перед Родиной и верой и выходили победителями. Не посрамям же их славного имени и мы, православные, родные им по плоти и вере! Отечество защищается оружием и общим народным подвигом, общей готовностью послужить Отечеству в тяжкий час испытания всем, чем каждый может.

... Нам нужно помнить заповедь Христову: “Больше сея любви ничтоже иметь, да кто душу свою положит за друга своя”. Душу свою положит не только тот, кто будет убит на поле сражения за свой народ и его благо, но и всякий, кто жертвует собой или выгодой ради Родины”. Сергей далее говорил, что “негоже пастырям лишь посматривать на то, что кругом делается, малодушного не ободрить, огорченного не утешить, колеблющемуся не напомнить о долге и о воле Божией”. И уж если найдутся те, кто искушается “лукавыми соображениями насчет возможных выгод на той стороне границы, то это будет прямая измена Родине и своему пастырскому долгу, поскольку Церкви нужен пастырь, несущий свою службу истинно ради Иисуса, а не ради хлеба вкуса, как выразился Дмитрий Ростовский. Положим же души своя вместе с нашей паствой”.

Послание заканчивалось торжественно, высоко, жертвенно: “Церковь Христова благословляет православных на защиту священных границ нашей Родины. Господь нам дарует победу”.

Церковь активно включилась в борьбу с гитлеровскими захватчиками. Власть, стремясь сплотить всех для усиления борьбы с врагом, внесла серьезные коррективы в свою религиозную политику. С начала войны прекратились аресты священнослужителей и антирелигиозная пропаганда.

4 сентября 1943 года митрополит Сергей был принят Сталиным в Кремле, и состоялось решение о восстановлении патриархии. Намечено было открыть приходы, духовные учебные заведения, начать издание церковных книг, выбрать Патриарха. Из тюрем вскоре освободили многих священнослужителей, в том числе 11 архиереев. 8 сентября на Архиерейском соборе Патриархом Московским и Всея Руси был избран Сергей. Новоизбранный Патриарх обратился к христианам всего мира с призывом объединиться для окончательной победы над фашизмом. Это было началом активной международной деятельности Московской патриархии, на что и рассчитывал Сталин.

Был создан Совет по делам Русской Православной Церкви, который осуществлял контроль ее деятельности.

Изменение отношения власти к религии подняло дух той части населения, которая сохраняла веру в Бога. Так, еще в ходе переписи населения 1937 года “верующими признало себя 56,7% ответивших на вопрос”, т. е. 55,3 млн взрослого населения страны. Неверующих было насчитано 42,2 млн человек.

Церковь уже с первых дней войны определила лицо врага, указала на истоки грядущей победы, на перерастание народной войны в священную. Перед лицом всеобщей опасности Церковь призвала к национальному единению, к борьбе с захватчиками и агрессорами. Во всех православных храмах Советского Союза молились о победе русского народа, читалась особая молитва, составленная ещё во времена Отечественной войны 1812 года. И сотни тысяч православных людей дерзали, шли в бой и стояли насмерть.

Священнослужителей в те годы можно было увидеть на подготовке рубежей обороны. При храмах создавались санитарные пункты и убежища для престарелых и для бесприютных детей. Многие священники помогали партизанам, несли слово правды верующим.

В осадные октябрьские дни 1941 года Сергей обращается к московской пастве: “Не первый раз русский народ переживает иноплеменных, не первый раз ему принимать и огненное крещение для спасения родной земли!”. Силен враг, но и “Велик Бог земли русской”, – так воскликнул Мамай на Куликовом поле, разгромленный русским воинством. “Господь даст, придется повторить этот возглас теперешнему нашему врагу”. До Москвы, до Кремля оставалось едва ли полсотни километров, и тот призыв говорил о высоком мужестве и ответственности иерархов Церкви, об их исторической прозорливости.

В 1942 году, несмотря на военное положение и комендантский час, в Москве было разрешено празднование Пасхи, на которое в Богоявленский собор стянулись тысячи людей. И как было написано в книге тех дней, “это укрепил доверие людей к военным вождям”.

Великая Отечественная и литература

“Когда гремит оружие, музы молчат”, – это изречение, пришедшее к нам из Древнего Рима, абсолютно не относится к Отечественной войне. Печатное слово, и особенно поэтическое, явилось весомым и необходимым условием Победы.

Прошло 65 лет после Великой Победы, и наш народ стремится более глубоко вникнуть в жизнь государства того времени. Цель публикуемого материала – ответить лишь на некоторые вопросы. И, естественно, в разделе о жизни общества в период войны нельзя обойти вниманием роль литературы.

Общественность нашей страны всегда проявляла повышенный интерес к произведениям художественной литературы о Великой Отечественной войне. Каким путем шло ее развитие, какой след в памяти народов оставила литература 1941–1945 годов?

Накануне и в начале Второй мировой войны появлялось немало произведений, повествующих о героической истории русского народа, наполненных призывами к боевой готовности, бдительности. Идеалы патриотизма и гражданственности утверждали поэмы К. Симонова “Ледовое побоище” (1938), “Суворов” (1939), пьеса “Парень из нашего города” (1941), повесть В. Катаева “Я, сын трудового народа” (1937), В. Соловьева “Фельдмаршал Кутузов”, В. Иванова “Пархоменко” (1939), А. Новикова-Прибоя “Цусима” (1940) и т. д. Эти и другие произведения сыграли огромную роль в формировании патриотического воспитания поколений призывников 1941 года.

После нападения Германии на СССР проникновенные, страстные выступления писателей и журналистов, фильмы, песни, плакаты оказывали огромное эмоциональное воздействие на людей, поднимая их на борьбу с захватчиками.

Одним из ярких примеров является знаменитая песня А. В. Александрова на стихи В. И. Лебедева-Кумача “Священная война”. Справедливости ради следует сказать, что при исследовании поэзии военных лет был установлен следующий факт: до 15 октября 1941 года некоторые представители власти считали “Священную войну” чрезмерно трагичной, с первых строк обещающей “смертный бой”, а не близкое торжество победы. И лишь после того, как враг захватил 13 октября Калугу, а 14-го – Ржев и Калинин (Тверь), с 15 октября песня “Священная война” стала ежедневно звучать по Всесоюзному радио.

Духовная жизнь страны была подчинена главной цели – достижению победы над Германией. Неверно, однако, было бы рассматривать участие советских писателей (как и других деятелей культуры) в войне лишь через призму их взаимоотношений с системой политической пропаганды и массовой агитации. Российская интеллигенция шла в первых рядах идейного сопротивления с врагом не потому, что выполняла некий политический заказ, а прежде всего в силу того, что сама являлась частью воюющего народа. Глубокий патриотизм, тревога и ответственность за судьбу Родины, свойственные большинству ее представителей, вели писателей в ряды действующей армии. Более тысячи писателей, поэтов, журналистов побывали на фронте, около четырехсот из них погибли, 21 получили звание Героя Советского Союза.

Военными корреспондентами стали крупнейшие литературные таланты России: М. Шолохов, К. Симонов, А. Твардовский, А. Толстой, А. Фадеев, И. Эренбург, Б. Полевой, А. Платонов, А. Гайдар, М. Светлов, И. Андроников и другие.

Искренняя патриотическая публицистика обусловила популярность очерковой прозы, воспринимавшей повседневность военных будней. Многие из созданных советскими писателями и публицистами документальных рассказов и очерков представляют собой яркие образцы исторической правды и немалой художественной ценности.

Из записок и очерков военных корреспондентов родились многие произведения непреходящей художественной ценности. Среди них “Они сражались за Родину” М. Шолохова, “Взятие Великошумска” Л. Леонова, “Волоколамское шоссе” А. Бека, работы А. Фадеева и К. Федина. Разные по масштабу изображаемых событий, они показывают героизм рядовых и офицеров, глубокоую веру в необходимость посильного вклада в борьбу с захватчиками.

Героическая драма Симонова “Русские люди” (1942) стала одним из наиболее значительных драматургических произведений, созданных в годы войны. Летом 1942 года ее печатали в “Правде” рядом с важнейшими информационными материалами, она была издана в блокадном Ленинграде.

Между четырьмя поездками на фронт создавалась повесть К. Симонова “Дни и ночи” (1943–1944) – первое художественное произведение о защитниках Сталинграда, в котором правдиво показана суровая и героическая картина оборонительных боев за город. Повесть изобилует деталями, взятыми писателем непосредственно из жизни, ее герои имеют реальных прототипов.

Особой стала тема подвига защитников Ленинграда. “Февральский дневник” О. Берггольц в жестокие дни января–февраля 1942 года выразил надежду жителей Ленинграда на победу. Героическая стойкость воинов-защитников города на Неве и его жителей – основная тема стихов и прозы В. Инбер, пережившей тяжелые дни блокады. “Душа Ленинграда” (1942), “О Ленинградских детях” (1942), “О Ленинграде” (1943) – эти произведения получили широкий читательский отклик.

Жестокий и беспощадный характер оккупационного “нового порядка” будил в сознании людей мысль о том, что стрелять во вломившегося в твой дом врага – высшая справедливость. Почти полгода тяжелых отступлений заставили людей принять лозунг “Убей его!”, брошенный в знаменитом стихотворении К. Симонова (1942). Право советского человека на беспощадную борьбу с захватчиками утверждали Л. Леонов в пьесах “Нашествие” (1942) и “Ленушка” (1943), М. Шолохов в рассказе “Наука ненависти” (1942), В. Гроссман в очерке “Народ бессмертен” (1942).

Всенародную популярность и признание приобретали произведения, которые нельзя, строго говоря, отнести собственно к “батальной” литературе. Как никогда ранее оказалась востребованной поэзия: стихи печатали все газеты, начиная с “Правды”. Редактор “Красной звезды” вспоминал: “На фронте стихи пользуются всеобщей любовью. Их не только читают, заучивают и декламируют потом в землянках и блиндажах. Их сами фронтовики превращают в боевые песни, используя готовые популярные мотивы. И сами же порой пробуют сочинять стихи, пусть несовершенные, зато искренние, по-своему трогательные... Удивительное дело: завтра идти в смертельный бой, кругом льется кровь, погибают один за другим товарищи, друзья, а человек думает о стихах, читает их и, как может, сам сочиняет”.

Многие стихи и песни военных лет стали частью духовной жизни страны: “В землянке” (1941) А. Суркова, “Соловьи” (1942), “На солнечной поляночке” (1942) А. Фатьянова, “В лесу прифронтовом” (1942), “Огонек” (1942), “Враги сожгли родную хату” (1945) М. Исаковского, “Дороги” Л. Ошанина, “Темная ночь” В. Агатова. Эти стихи – сугубо лирические, война лишь опосредованно присутствует в них, на первом же плане – правда человеческих чувств и переживаний.

Широкую популярность на фронте и в тылу завоевали стихотворения К. Симонова “Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...”, “Родина”, “Майор привез мальчишку на лафете...”, “Атака”, “Открытое письмо”, поэма-баллада “Сын артиллериста” и другие. “Есть у Симонова стихи, которые солдаты и офицеры носят у себя на груди... – писал Н. Тихонов, – носят потому, что строки эти отвечают тому, что у них на сердце”. Сотни тысяч раз было переписано на фронте знаменитое “Жди меня, и я вернусь”. Высокий эмоциональный накал, обращение к сердцу каждого – эти достоинства поэтических произведений Симонова обеспечили им всенародное признание и любовь.

Говоря о военной поэзии, нельзя не задаться вопросом: почему именно этот жанр литературы смог приобрести такое значение для жизни страны? Полагаю, причина заключается в том, что она содержала в себе самой истинный и глубокий смысл Великой войны. Смысл, который не мог быть раскрыт во всей его глубине ни в газетах, ни в листовках, ни в радиопередачах.

В поэзии война предстает как натиск враждебной силы, стремящейся уничтожить наш мир. Поэзия была призвана защитить не только политическую независимость нашего государства, но и бытие народа во всех его проявлениях – города и деревни с их обликом и бытом, леса и степи, зверей и птиц, а главное – сохранить чувства любви и дружбы между людьми.

Недостижимой вершиной в поэтическом творчестве военного времени стала поэма А. Твардовского “Василий Тёркин” (1941–1945). Каждую новую главу сразу же печатали в газетах, издавали в виде отдельных брошюр. На передовой мгновенно полюбили “обыкновенного парня”, который не унывал ни в какой ситуации, не боялся ни холода, ни вражеских танков, мог пошутить и не робел перед начальством. Сам поэт подчеркивал, что работа над “Тёрки-

ным” дала ему “ощущение законности места художника в великой борьбе народа... чувство полной свободы обращения со стихом и словом”. Многие строки поэмы стали поговорками.

Отсутствие фальши в “Теркине” можно отнести и к большинству созданных в годы войны в СССР литературных произведений. Суровая трагическая реальность войны властно требовала правды, отметала халтуру, серость, неискренность. Разные по уровню художественного мастерства произведения поэтов и писателей раскрывали нравственное превосходство советского, русского человека над солдатом гитлеровской армии, утверждая право на беспощадную борьбу с захватчиками.

Если говорить о Германии, то в мировом исследовании военной литературы достаточно подробно освещены вопросы политики Третьего рейха в области культуры, организационные и идеологические методы воздействия нацистского режима на литературный процесс.

С одной стороны, в Германии были писатели, активно противостоявшие нацистской идеологии и политической практике, с другой – те, кто поставил свое перо на службу нацизму или занял пассивную гражданскую позицию.

В официальной нацистской литературе пропагандировались военные доблести германского воина, способность преодолеть любые препятствия и победить врага. Поощрялось также создание произведений, выдержанных в простонародном стиле. В них воспевалась “здоровая деревенская жизнь”, “благопристойные нравы”, романтизировалась “жизнь и работа на земле”, привязанность крестьянина к клочку своей земли, демонстрировалась “задушевная семейная идиллия”.

Было бы упрощением считать, что официальная литература “Третьего рейха” не отвечала культурным запросам значительной части населения Германии и не соответствовала немецкой культурной традиции. В годы войны художественные произведения, однако, постепенно вытеснялись массовыми популярно-пропагандистскими изданиями.

В 1941–1943 годах были закрыты немногие журналы и издательства, допускавшие оппозиционные выступления. Министерство пропаганды ежегодно публиковало списки рекомендованной для книготорговцев и библиотек литературы. Они включали произведения либо партийных функционеров и сотрудников министерства пропаганды, либо нацистских идеологов и пропагандистов, таких, как И. Геббельс, А. Розенберг, Р. Гесс, В. Даре, Х. Франк, О. Дитрих.

Немецкие литературные критики делают вывод, что в Германии во время войны не звучало ни одной лирической песни, популяризировались только боевые марши и “бытовые” песни, никак не связанные с войной.

Один выдающийся немецкий историк писал, уже после войны, о своих соотечественниках: “Они ничего не имели против создания великой германской империи, и в Германии не было почти никого, кто не был бы готов идти к этому, но “с того момента, когда русскому народу стали ясны намерения Гитлера, немецкой силе были противопоставлены силы русского народа. С этого момента был ясен исход: русские были сильнее, ... прежде всего потому, что для них решался вопрос жизни и смерти”.

И именно это, в конечном итоге, воплощено в поэзии военных лет – в песнях, посвященных не столько войне, сколько жизни во всей ее полноте: от родного дома до поющих соловьев, от любви к девушке или жене до желтого березового листа.

* * *

В послевоенный период на Западе, особенно во время “холодной войны”, сформировался целый отряд ниспровергателей нашей Победы. И, к сожалению, эти “специалисты по России” не одиноки. В последние два десятилетия в их хор включились визгливые голоса неофитов, прежде всего из Прибалтики и Украины. Им кажется, что, переписав на свой лад кое-какие страницы истории, можно выстроить прочную государственность. Дело даже доходит до труднообъяснимого цинизма, когда, к примеру, латвийские власти преследуют бывшего партизана Василия Кононова и при этом объявляют героями латвийских легионеров из “Ваффен-СС”. Когда в Эстонии сносят памятник Бронзовому солдату-освободителю и тут же открывают памятник эсэсовцам. И не

плевок ли это в адрес почти миллиона воинов, погибших за освобождение Украины, когда на государственном уровне делают национальными героями бандеровцев, замаранных тесным сотрудничеством с фашистами, и разрешают им проводить свои марши на главных площадях Киева? К этому уже давно отрететированному хору примкнул и вновь избранный спикер парламента и исполняющий обязанности президента Молдавии Михай Гимпу. Своим указом он объявил, что 28 июня в Молдавии объявляется “Днем советской оккупации”. Что-то у него, правда, не склеилось, но...

Следует напомнить руководителям этих ныне суверенных государств, да и всей общественности, что при освобождении Украины погибло 965 тыс. воинов Красной Армии, Латвии – 130 тыс., Литвы – 137 тыс., Эстонии – 67 тыс., Молдавии – 19 тыс. человек.

Великая Отечественная война для нас предельно чувствительная тема. На полях сражений шла “война народная”, “священная война”. Наш народ никогда не простит ни оправдания нацистов и их пособников, прямого или косвенного, ни очернительства участников антигитлеровской коалиции.

Девяносто процентов россиян на вопрос “Чем в тысячелетней российской истории вы гордитесь больше всего?” отвечают: “Победой в Великой Отечественной войне”. И это лучшее свидетельство непреходящей значимости нашей Победы.

Журнальная площадь, к сожалению, не позволяет редакции напечатать работу Н. И. Рыжкова в полном объёме. Пришлось опустить две части: “Ленд-лиз” и “Минерально-сырьевая база военной экономики”. Тем, кто захочет ознакомиться с полным текстом интереснейшей работы Н. И. Рыжкова, советуем приобрести его книгу “Экономика Советского Союза в годы Великой Отечественной войны” (Москва—Белгород, 2010).

КИРИЛЛ МЕЛЬНИК

ФЕНОМЕН САВИЦКОГО

Прошло восемь часов с момента двухчасового разговора с Михаилом Андреевичем – это незабываемое событие в жизни. Его взгляд – острый, орлиный, пронизывающий, одухотворенный. Его изложение мысли, работа слова – не хуже, чем у первоклассного писателя.

За эти два часа перед моим душевным взором прошла почти вся его жизнь. И после концлагеря это была борьба, жесточайшая схватка.

То ли Эккерман, то ли еще кто-то сказал о Гете, что в нем было величие. То же могу сказать о Михаиле Андреевиче.

Я спросил, что он думает о своей “коммунистической” живописи, он ответил: “Это суровый стиль”. Наверное, эти слова можно отнести ко всей его жизни – суровый стиль.

Запомнились его слова, что трагедию войны никто так и не выразил в живописи. Еще он сказал, что люди не просто воевали, а жертвовали собой.

Какое же это было чудо – слышать и видеть его жизнь, залитую внутренним светом. Я почувствовал, что в Савицком есть что-то такое, высокое, что вызывает любовь и успокаивает.

3 июня 2004 г.

Застал Михаила Андреевича за обедом. Аскетичный человек – довольствуется бутербродами, прямо около мольберта.

Разговор зашел о двух моих портретах. Глядя на один из них, он прежде всего спросил, кто она мне. И уточнял мой ответ, как будто чувствовал, что в пронизывающем взгляде девушки было нечто большее, чем просто внимание.

Мы подошли к мольберту, и разговор зашел о его картине (тройной портрет – Сталин, Рокоссовский, Жуков. Ангел в левой стороне картины держит над двумя маршалами венок, Сталин поодаль справа).

– Они сделали победу. Сталин – гений.

Он вспомнил высказывание Сталина: “От нищеты и разрухи до человека в космосе”. Первый космический полет был выполнен всего через восемь лет после смерти Сталина. Страна, которая дала Байконур, все-таки была под руководством Сталина.

Вспомнил, как на каком-то заседании или банкете он видел Сталина.

– Грузин, грузинского в нем было больше, чем это кажется на фотографиях. Нос длинный, как у вас (у меня, то есть; простите шутку).

– У меня не очень длинный.

Рассказал анекдот. Сталин говорит:

– Товарищ, если вы будете обижать товарища такую-то, то я вас повешу.

– За что, товарищ Сталин?

– За шею.

Затем я спросил:

- Чувствовалась тогда, когда вы видели Сталина, его мощь диктатора?
- Да, Сталин – гений.

Потом я показал свою последнюю трагедию “Так идут к звездам”. Он остановился на строчках: “Малое количество личностей – вот актуальная проблема славянского этноса”.

- Нет. Вы знакомы с наследием Лосева? – спросил он.
- Алексея Лосева? Да, конечно.
- Лосевские труды – гениальное творчество.

Потом вспомнил, как он послал письмо Лосеву с просьбой выслать фотографию, по которой затем написал портрет.

Затем перешли к теме Дали и Пикассо. Савицкий, бесспорно, осмысливал феномен этих людей, причины их всемирной славы. Будучи сам большой величиной, он наверняка невольно соотносил себя с ними. Про Дали сын Савицкого выразился: “Человек, имевший незаслуженную славу. Весь этот миф Дали – все пустой фарс”.

После слов Савицкого: “Дали создал о себе легенду”, я подумал, что Михаил Андреевич тоже создал о себе легенду, только подлинную легенду большого художника, а не фарс, как в случае с Дали, точнее, не он создавал легенду, а легенда окутывала его. Его духовная сила и благородство получили должное, иначе и быть не могло.

Про Пикассо Савицкий сказал просто:

- Пикассо – все-таки художник.

В конце беседы, после вопроса, есть ли у меня домашние животные, на что я ответил – кот, меня поразило, что у него в доме (отдельном доме) живет 14 собак. Любовь к животным, к живым существам, не приносящим ни боли, ни огорчения, ни пошлости и в то же время не дающим так остро чувствовать одиночество. Его автопортрет с собачонкой – в пальто, с высунувшейся мордочкой из прорези, – одно из лучших поздних произведений. Что-то невыразимо трогательное и в то же время благородное есть в этой паре – восьмидесятилетний художник и собачонка, пригретая на груди.

31 июля 2004 г.

Разговор начался с обсуждения моей работы “Вид Земли с космического полета”.

- С чего это вы такой темой занялись?

– Хочу роман про современную космонавтику написать, уже больше чем полгода занимаюсь этой темой. В науке это называется небесная механика. Решил воплотить в живописи.

– Живопись – это человеческие отношения и отношение художника к явлениям, космос же – область науки.

Суждение, похоже, верное: космос – это наименее человеческая из всего возможного область. Даже техника, включая самые фантастические формобразования, – все это все равно человеческое. А от мира астрономии и космологии веет леденящим холодом (слишком разные масштабы человека и космических явлений). Да, где-то Савицкий прав, но...

– Но фотография никогда не даст того, что я изобразил на полотне. Формально я организовал изображение, привел воздушные массы и свет в гармонию, так что эта картина принадлежит не только к области науки, но и человека. Во всяком случае, такое не часто увидишь. Да и никакой космический центр не вышлет мне такого качества и формата снимков.

После передал лист – “Размышление о “Партизанской мадонне” (Минской) Савицкого” следующего содержания.

Перед зрителем изображение на холсте – особое измерение, отличное от реальности и фотографического отображения, все здесь, как и во всяком большом творении живописи – символ, метафора, и само измерение “Партизанской мадонны” – это измерение войны. “Воздух” в картине не просто смесь азота, кислорода и угольной кислоты, а воздух войны, воздух сорок первого. Реальность мировой войны, прошедшая через чуткую душу художника. Картина – своего рода квинтэссенция жизни партизанской земли. Здесь все – от младенца до старца.

Если вы хотите понять, что чувствовали крестьяне летом сорок первого, то всмотритесь в это полотно. Жизнь, потревоженная громом надвигающейся мировой трагедии, и страшное волнение, приведшее в движение людей, – вот

что на полотне Савицкого. Красавица мать с прекрасным младенцем, напоминающие Богоматерь с Христом, под грозовым небом, под угрозой зверств и страданий — вот что доведено до крайнего напряжения в картине. Может быть, ни в каком другом полотне в истории живописи отвращение к войне не выражено с такой силой. Здесь именно не ужасы, не ярость и гнев войны, а словно звук сирены во время бомбежки, звук, пробирающий до мозга костей, после которого, возможно, будет все по-другому...

Всякий осведомленный человек сразу заметит, что картина перекликается со знаменитой “Сикстинской мадонной” Рафаэля. Думаю, это было своего рода дерзостью — писать “настолько схожую” с известным шедевром картину (и почти в таком же формате). Но картина удалась, и другой, лучшей, она и быть не могла. Это смелость и гордость, с которой Савицкий назвал крестьянку мадонной, старика-отца сравнил с папой римским, а мать — со святой Варварой.

Насчет самой живописи. Общая гармония цвета — восхитительна, соотношение теплых коричневых и телесных с холодными оттенками — великолепно, холодный оттенок тела женщины, румянец на лице — удивительны. Изображение складок одежд, земли и неба, как почти везде у Савицкого — полуреалистичное (чем-то напоминает Эль Греко). Одежда — не только складки, но и, так сказать, душевное волнение. Земля и небо тоже наполнены “живой вибрацией”. И именно этот “тревожный” стиль соответствует теме картины.

В 1978 году родилось подлинное чудо искусства. Тема матери, так сильно звучащая в темной атмосфере войны, — такого еще не было в живописи. Люди, которые знали Великую Отечественную войну, особенно крестьяне, по своему воспринимали это полотно, другое поколение смотрит на него холоднее, а люди, что будут жить через пять веков... Но и они поймут то, что изображено на этой картине.

— Как вам это показалось?

— Интересный анализ.

Причина создания “Минской мадонны” — случайность. Директор Белорусского государственного музея Елена Аладова как-то сказала Михаилу Андреевичу, что есть резная старинная рама...

— Ну, под эту раму я напишу картину, — ответил он.

Работа велась за закрытыми дверями (вспомнилось, что Шпенглер вешал во время работы над “Закатом Европы” табличку “В отъезде”).

Над словами Савицкого “Пишу полотно о всей партизанской земле” художники смеялись. В Беларуси картина не сразу была воспринята, и только на московской выставке ее по-настоящему оценили. Сделали какой-то плакат, где были репродукции картин, похожих на “Партизанскую мадонну”. На что скульптор Балашева сказала: “Мадонна Савицкого здесь гордо главенствует”. Но прежде была создана первая “Партизанская мадонна”, тоже одна из особенно дорогих для него картин, которая выставлялась сразу в Москве, где по поводу нее шептались: “Почему мадонна, почему с ребенком, зачем во время войны рожать?”

В картине есть стилистическое сходство с “Петроградской мадонной” Петрова-Водкина.

— Вы думали о ней?

— Эту картину я люблю. Особенного ничего в Петрове-Водкине не нахожу, а “Петроградскую мадонну” люблю.

Первая “Мадонна” осталась в Третьяковской галерее. Беларусь потеряла эту картину, как потеряла и “Поле”. А также не смогла достойно сохранить свою “Партизанскую мадонну”. Мне было больно смотреть на трещины (картину варварски крутили в свиток). И даже не подумали выставить в музее.

— Расскажите про “Витебские ворота” и “Поле”.

— “Витебские ворота” в Минске имели печальную историю, полотно даже заклеивали бумагой, из-за чего чуть не началось судебное разбирательство. Было время, когда картина валялась на полу, кто угодно мог продавить ее ногой, и только когда профессионал из России отвернул ее от стены и сказал: “Это же то, что нам надо”, — началась другая история этой картины. Ее отравили в Москву. Оттуда пришло письмо — мне назначали 80 тысяч рублей (в 1968 году за эти деньги можно было купить десять легковых автомобилей. — К. М.). Не верил глазам, цифру восемьдесят исправил на тридцать, но выслали восемьдесят. Рассчитался с поджимавшими долгами.

Интересно, как он работал над избранной темой. Что такое Витебские ворота, никто толком не знал. Все попытки узнать, где это и что это, оказались безуспешными. Витебские ворота были артерией для оккупированной территории. Люди, которые переходили через это место, слепли от тяжестей.

— Я решил, пусть это будет проход между двумя холмами, — говорил он.

“Витебские ворота”, думаю, — одно из лучших монументальных эпических творений Савицкого. Все здесь так красноречиво, что можно лишь молча наслаждаться полотном. Я же хочу лишь заметить, что солдаты, идущие поверх холмов, — это те самые солдаты, что слепли от усилий, а люди, идущие на зрителя, — это движение к жизни, к спасению, на лицах написана не радость спасения, а только надежда на жизнь, жажда жизни. Красное небо, темный холм позади заснеженной земли создают зловещее пространство, из которого выходят люди. После создания этой картины материальное положение Михаила Андреевича улучшилось — довольно поздно, ему было уже сорок пять. Это не случайная удача, а закономерность. Конечно, его живопись могла остаться и где-то приставленной к стенке. Могли бы не появиться нужные люди в нужный момент. Но верится, что все произошло так, как должно было быть.

Картина “Поле” на выставке в Москве стала главной.

— Что смотреть, что смотреть? Да, кроме Савицкого, и нечего смотреть, — говорили московские художники, а я сидел рядом и слушал, они-то в лицо меня не знали.

“Поле” — это монументальная симфония о главном потрясении XX столетия. В этой картине мысль Савицкого об освободительной войне достигла максимально обобщающей силы и не вышла за реалистическую систему, как в росписи. Внимательно посмотрите на это поле ржи. Да, ощущение большого открытого пространства. А рожь? Нет, в действительности поле ржи не такое, у Савицкого получилось “море”. Дело в том, что поле в картине гораздо больше обычного. Здесь целая степь. Рожь Савицкого, простирающаяся за горизонт — это все земли, по которым прошла “черная смерть”. А его темно-коричневое небо — это небо над всеми землями войны. Я хочу продолжить сравнение картины с симфонией. Два мертвых солдата как скорбное вступление, далее кульминация — бой, сцепление солдат самое яростное и неистовое — рукопашная схватка. Перед нами короткое, бешеное сцепление двух сил, которые через мгновение станут трупами, и далее тема картины уходит в метафизически черные силуэты солдат. И конечно, динамика картины как бы озвучивает слова: “Выталкиваем, выпихиваем эту грязь”. Вот она, речь живописи, свободно выражающая человеческую мысль. То, о чем здесь говорит художник, понятно всем — и русскому, и китайцу, и африканцу.

Вторая мировая война стала судьбой столетия и судьбой Савицкого. Его душа была не там, где сытно и спокойно, нет, его гравитация другая, она — в тех военных годах. Он создавал живопись — немую речь, немую историю, память прожитого, его кисть писала исповедь истории строго, о самом главном. В 1986 году мир облетела весть о Чернобыльской катастрофе. До конца ли нами осмыслен факт, свершившийся тогда? Пройдут века, облик мира изменится, но эти несколько сот километров так и останутся смертоносными.

Михаил Андреевич мне рассказал, что в момент взрыва он находился на даче. И сообщение принял чуть ли не как апокалиптическое знамение.

Прошло несколько лет, и эта черная страница славянской и всеобщей истории получила воплощение в его живописи. Так и должно было быть: сердце большого художника восприняло боль других людей, пропустило ее через себя, а рука создала полотно. Он не надеялся на большие деньги, которые так и не принесли эти картины, он, наверняка, предвидел, что обществу не захочется смотреть вместе с ним в зараженный Чернобыль, и все же написал серию больших полотен.

Наиболее собирательным и монументальным мне показался “Реквием” — песнь для уснувшей вечным сном земли. Как просто и человечно — спустились ангелы с неба, чтобы вспомнить тех, кто здесь жил, и поскорбеть о том, что здесь уже никогда не раздастся радостный человеческий голос. Мне это полотно кажется одним из самых прекрасных в цикле. Именно прекрасным. Это “потустороннее видение”. От полотна веет каким-то загробным покоем. А звезды вокруг ангелов — неземные огни с каким-то удивительно красивым свечением. С одной стороны, мы понимаем, — машинная техника, взорвав-

шийся ядерный реактор, облученные люди, а с другой – ангелы в белых одеждах, поющие скорбную песнь. Вот оно, чудо искусства.

В 1993 году Савицкий написал “Запретную зону”. Картина необычна для его стиля. Язык живописи должен был быть полуреалистичным, чтобы донести то, что хотел сказать мастер. Многозначительное название – “Запретная зона”. Это запретная, зараженная, недоступная смертным зона, с которой ангел подымается с невинными душами. Поднимаются в рай? Это видение завораживает, особенно ангел – белое с черным, смоляные волосы, крылья, платье и белые лик и ступни. Он с непередаваемой красотой наклонил голову, и кажется, что находится во сне и смотрит “невидящим взглядом”. Мазки фона создают впечатление подвижного, динамичного пространства. То, что показано в этой картине, находится за пределом, там – в запретной зоне.

К чуду искусства относится еще и то, что оно стереоскопически показывает то, что в реальности увидеть невозможно, в этом особенно преимущество живописи над фотографией. К душевно надломленной женщине (“Чернобыльская мадонна”) слетели два ангела и перекалывают на траурное ложе младенца – это не действительность, это мистерия, в которой только одна тема: смерть сына, молодости. Эта картина о всех детях, которых убила радиация, и об их матерях. Композиция лаконична и совершенна, четыре фигуры образуют круг, внимание троих сконцентрировано на младенце, мать словно помогает опустить его, и луна в окне – этот диск придает что-то особенное картине, он или как “остров чистых душ”, или как “мертвая планета”, но он здесь нужен.

Теперь о “Покинутых”. Кто-то сказал: “Я могу завидовать уму, деньгам, но не сердцу”. Посмотрите на “Покинутых”, на “Кротких” – полотна не ласкают взгляд, в них нет ничего, что могло бы особенно нравиться, но есть одно – незаменимое, существенное – сердце, в них видно сердце Савицкого. Настоящее человеколюбие – любовь не только к силе, к красоте, но и к немощной старости, к нищим и кротким. Или “Плач о земле”. Савицкий всей душой сочувствует этим простым людям, это понятно зрителю любой национальности. Если бы не было этого стога, этой гуманности, сострадания, картины недорого бы стоили. Чем-то жутким веет от “Покинутых”, люди идут из проклятой зоны со злобещим то ли солнцем, то ли луной – такая луна могла бы светить где-нибудь в Чистилище – и куда выходят старики? В безысходность. Савицкий остался самим собой – он не забыл о тех, кому хуже всех на земле. Преступите через преграду внешнего восприятия, и вы полюбите эти холодные, беспросветные полотна, но где живет неугасающая мысль об обездоленных, старых, кротких, покинутых, где теплится любовь человеческая.

Михаил Савицкий 1990–2000-х годов отличается от прежнего. Картины этого периода – это свое, отдельно стоящее созвездие, это картины со своим светом, цветом, своей линией и динамикой. Поздние, старческие произведения великих людей выглядят более тяжелыми, в них гораздо меньше внешней красоты и доступности. Вспомните последние квартеты Бетховена, скульптуры и рисунки старого Микеланджело, позднего Тициана или написанное незадолго до смерти “Искусство фуги” Баха. Почти во всех этих творениях, как и в позднем Савицком, есть какая-то сумеречная тоска перед приближающейся ночью, иногда благородная простота и спокойное величие. В чем ценность живописи? Живопись – это не просто изображение, чуть хуже фотографии, живопись – это материя, содержащая в себе духовную информацию. Пространство живописи – это пространство, одухотворенное человеком. В этом магия искусства. Никакая, даже самая совершенная фотография не даст того, что делал и делает на полотнах темными красками Михаил Савицкий. Бесконечное сострадание, широта чувства, успокоение в Боге – этим отмечены его поздние работы.

2 сентября 2004 г.

Идешь к Михаилу Андреевичу с легким сердцем, хочется вступить в круг его воспоминаний, размышлений, хочется услышать ответы на вопросы. Эта мастерская – отдельный, замкнутый мир, отстраненный от окружающей реальности, от “бытового сна” “средних” людей.

Михаил Андреевич лежит на диване.

– Проходите, садитесь, что-то с давлением.

Встает, садится. Здоровье часто подводило его, притом страшным образом. Он рассказал о своих обмороках; как-то это случилось в тамбуре поез-

да по дороге в Москву, как-то в присутственном месте, часто бывало, что он лежал какое-то время на полу в мастерской. Сын иногда звонит, проверяет его самочувствие.

– Вся жизнь сумасшедшая была и старость сумасшедшая.

– Seriously?

– Да, – кивает головой.

Смеемся.

– У меня тоже одна четверть сумасшедшая есть.

Напротив меня стоит холст “Размышление о смерти”.

– Давно вы его написали?

– Там раньше былая другая картина. Пришел как-то в крайне депрессивном состоянии в мастерскую, посмотрел на старое полотно и переписал. Буквально за два-три дня. Размышление о смерти, об убийстве человека, человеческие черепа пробивались и пробиваются по сей день.

Да, пробитый человеческий череп – что-то жуткое и противоестественное. Голова человека – носитель мироздания. Универсум, своеобразный центр Вселенной, и пробит. Михаил Андреевич добавил:

– Не понимаю, как можно так низко ставить человеческую жизнь, чтобы ее убивать? Эта картина об убийстве вообще, о самом тяжелом преступлении человека – уничтожении жизни. “Без вести пропавшие” – холст на эту же тему, он был написан всего за какую-то неделю.

– Там три ангела над трупами?

– Да, только это не ангелы, а три ипостаси Творца над горами трупов, над последствиями безумств человеческих.

“Без вести пропавшие” – это могущественное воплощение мысли. Тот редкий случай, когда тема звучит во всю свою силу. “Музыка” этой картины раздается со всей предельной мощью, хочется сравнить ее со звучанием бетховенского или вагнеровского симфонического оркестра. Когда я смотрю на репродукцию, просто застываю в изумлении перед масштабом замысла. Она о всех зверствах, творившихся в ХХ столетии, или нет, точнее сказать, о всех зверствах, творившихся под лунной. Тут самое божественное и самое “дьявольское” собрано воедино, полотно не имеет последнего, конечного смысла и истолкования. Скорее беззвучно поставлен вопрос – как, почему возникли эти горы трупов, как совместить этот факт с Троицей Божеством? Без вести пропавшие – сколько их было за тысячелетия истории? Да и сколько еще будет. “Горы” трупов и три ангела – Единые и Первоначальные – таково неразрешимое противоречие этого шедевра. В большом полотне с названием “Изгнанные за правду” присутствует та же Троица, превышающая человеческие фигуры. Три Ангела незримо сопровождают изгнанников. Обратите внимание, что измерение картины совершенно нереальное. Савицкий сказал, что настоящее искусство передает “законченное”, замкнутое бытие. “Ронданини” Микеланджело как была в XVI столетии, так и останется, и голова фараона как была обособленным “слепком” времени, жизни и духа Древнего Египта, так им и останется. Научные, философские открытия перекрывают друг друга, более или менее точно отображают явление, а великое искусство самодостаточно и покоится в самом себе. Добавлю, что искусство – это живая неразделимость и отображенный лик живой природы. “Изгнанные за правду” – также живая и неразделимая реальность, в основе которой лежит идея об изгнании, о выдворении на задворки справедливости. Я сейчас размышляю над тем, что за свою большую жизнь Михаилу Андреевичу столько пришлось встретить нелюбви, точнее, ненависти, столько озлобленности и травли.

Многие замечали, что Савицкий весьма тяжелый, сложный человек. Отстаивание своих идей, своего искусства, своего лица стоило больших усилий воли.

Он вспоминал, как ему чуть было не присудили Ленинскую премию. Интересно, что как только в комитете начала работать контрпрограмма, он сам от нее отказался.

– Если вы спорите, не уверены, если вы считаете, что мое искусство недостойно Ленинской премии, то не надо...

Только время есть главный критик искусства, время расставляет все на свои места и показывает, кто чего стоил. В разговоре он как-то заметил, что искусство всемирно известного гения Рембрандта было заново открыто где-то через столетие.

– Баха тоже забывали при жизни и тоже открыли где-то через столетие.
– А Пикассо через два-четыре столетия подешевеет. Должна появиться новая культовая фигура.

В конце разговора мы затронули тему – Вагнер и Ницше.

– Вагнер – великий композитор, я не знаю, почему его музыку втянули фашисты в свои игры. Почему решили, что он выразитель именно национального немецкого духа.

Вопрос об отношении Савицкого к Рихарду Вагнеру и Ницше вынашивался мной давно. Он признал по достоинству и величие Вагнера, и силу Ницше.

– “Так говорил Заратустра” – сильное произведение.

– Да, – подтвердил Михаил Андреевич, – несмотря на свои антихристианские “судороги”, Ницше создал сильную книгу.

Начали рассматривать фотографии с моих картин. Узнав на одной Мирский замок, он сказал:

– Я спас его.

После его настоятельной просьбы, обращенной то ли к Киселеву, то ли к Машерову, начались реставрационные работы.

5 октября 2004 г.

У Михаила Савицкого в этот день были посетители. Он попросил меня подождать в кабинете. Хочется сказать, что эта комната, предвещающая живописную мастерскую, несет в себе печать строгого разума, в таком кабинете себя уютно бы чувствовали и Гете, и Кант. Представьте себе книжный шкаф примерно пяти метров в длину и трех – в высоту, заполненный журналами, альбомами и монографиями по искусству. Объем знаний Савицкого в области изобразительного искусства пугающий, его зрительная память хранит впечатления от фантастического количества репродукций, картин, памятников архитектуры, уверен, что в сфере живописи нет ни одной области, где бы он был дилетантом, нет ни одной более-менее значительной персоналии, о которой бы он не знал.

Из соседней комнаты доносится голос Михаила Андреевича:

– А кто сейчас достоин рая? На этом полотне я написал тех, кто достоин рая.

Мне вдруг вспомнилось, что сказал восьмидесятилетний Микеланджело: “По благодати креста и Божьих мук я, Отче, жду, что удостоюсь рая”.

Посетители вышли, и мы начали с разговор о моей представленной картине “Айсберг”. Вышли на Рокуэлла Кента.

Михаил Андреевич сказал:

– Когда-то в Москве я видел выставку Кента. Она произвела мощное впечатление.

Я рассматриваю альбом Кента. В его живописи определенно присутствует какая-то своя музыка. Надо настроиться, чтобы слышать ее. Линии, массы, цвета создают звучание севера, это в себе сущее искусство, от которого отдает холодным воздухом Гренландии и Арктики. Вспоминается отрывок из рассказа Лондона “В дальнем краю”: “Величие окружающего страшило его. Оно было во всем, кроме его самого: в полном отсутствии ветра и движения, в необъятности снеговой пустыни, в высоте неба и глубине безмолвия”. Если суровая красота севера нашла свое воплощение в слове, то та же северная жизнь создавалась и под кистью Кента.

– Искусство Кента – это новое слово, поэтика Крайнего Севера в живописи, это было ново, – заключил Савицкий.

Что живопись и литература занимают главенствующее место в его жизни, это понятно. Он однажды заметил, что прочитал тысячи книг (согласитесь, внушительное количество), об объеме его домашней библиотеки я могу только догадываться. Иногда на столе я замечал ценнейшие книги (Гумбольдт, Бергсон, Византийский сатирический диалог), сегодня на столе я увидел статистику по преступности. Савицкий – это айсберг, подводная часть которого остается закрытой даже для самого внимательного взора.

Вернемся к разговору:

– Я не понимаю, – продолжил он, – почему музыка стала главенствующим видом искусства. Беда в том, что то, что называют популярной музыкой, по сути искусством не является. Создается впечатление, что массы никогда и не испытывали радости от высокой музыкальной культуры.

Пришли мысли о “качестве” человека как таковом. Вспомнился наш разговор о школе. Он заметил, что “качество” человека формируется в школе.

(Сам Савицкий приложил немало сил, чтобы изменить закослелую структуру образования, что, к сожалению, не получило продолжения.)

В этот день я спросил о его корнях.

— Никаких точных сведений о прадедах у меня нет, знаю только мнение, что моя фамилия идет от какого-то польского рыцаря Савицкоса. Вот и рыцарские качества от него, — шутит.

— Интересно ваше мнение по поводу одной проблемы... Два философа, дожившие до старости, Хосе Ортега-и-Гассет и Ницше написали схожие по духу суждения. Цитирую ницшевское: "... некогда люди, свершая круг своего существования, кто — гордо и мощно, кто — глубокомысленно, кто — полный сострадания и готовности помочь другим — все завещали потомству одно учение: наиболее прекрасна жизнь того, кто не печется о ней".

— То есть дурака?

И другое, ортеговское: "Правда, с каждым днем я все более склоняюсь к мысли, что утопично все, что ни делает человек. Он занят познанием, но ничего не познает до конца".

Он перебил:

— То, что говорил Христос, совершенно.

Я продолжил:

— "Он думает, что любит, но вскоре замечает, что не пошел дальше обещаний". И я добавлю, что вся земная, человеческая любовь обречена оставаться на каком-то усредненном уровне. Оба мыслителя сошлись в пессимизме относительно человека, вот этот упаднический вывод последнее время мне отравляет душу. Я прожил двадцать два года, но и за этот короткий срок мне пришлось убедиться, что созидательная, творческая деятельность встречала иногда скрытое, иногда явное противодействие, и я уверен, что и вы на протяжении всей жизни встречались с сопротивлением?

— Да, да, конечно, — громко выговорил Михаил Андреевич, — на протяжении всей жизни.

— Я имею в виду, что всегда существует какая-то болотная, тупая сила.

— Да, да.

— И если ей строго не противостоять, то она пожирает, причем эта слепая, деструктивная воля часто исходит от, казалось бы, образованных людей, культурных учреждений и т. д.

— И моя тактика борьбы была — забрасывать их всех картинами.

Он рассказал об одном эпизоде из жизни: как-то при Хрущеве его обвинили в идеологической диверсии. Дело дошло до ЦК. И вот идет заседание, приехал заведующий отделом культуры ЦК КПСС Шаура, собрались все наши крупные художники для обвинения. Столы около стен зала, Шаура напротив Савицкого, который на отдельном стуле (специально сел). Наши художники давай подбираться к нему, один выступил, второй, третий. И Шаура говорит, примерно так: "А в чем суть разговора? Каков, собственно, предмет разговора?" Савицкий:

— А можно мне ответить на это?

— Да.

— Вот эти господа сочли меня идеологическим диверсантом. И вот им нужен парашют, боятся спрыгнуть.

В зале несколько минут стоял смех. Шаура:

— Ну, ладно, пошутили, а теперь перейдем к делу.

Анекдот? Да. Но были времена, когда он жил в условиях, что называется, травли. Надо было иметь железную волю, чтобы не сломаться: его не любило большинство белорусских художников. Но он просто "забрасывал" всех их картинами. Или еще на эту тему: никогда у него не было трудовой книжки. И вот встал вопрос о пенсии. Он приходит в нужную инстанцию и выдвигает предложение назначить ему пенсию союзного значения.

— За мою прожитую жизнь, с моими званиями я могу считаться пенсионером союзного значения?

— Будьте довольны тем, что вы добились звания народного художника БССР и СССР.

Нет, настоящую его награду никто не заберет.

Хочется сравнить его с планетой. Он двигался по своей предустановленной орбите, история привносила в нее изменения, но не изменяла ее по существу. Да, Савицкий подобен огромной планете, и ничто не смогло изменить

его пути, итог его жизни колоссальный: 150 полотен – достойное количество для художника. Он как отдельная область возвышался и возвышается над перипетиями жизни, его императив – честь, свет разума и шедевр – никогда не отменялся.

Люди, его знающие, согласятся, что эту личность окружает особое силовое поле, которое кроме почтения внушает где-то и страх, как перед мощнейшим умственным механизмом (если так можно выразиться). К нему подходишь не просто как к человеку и не как к знаменитости, а как к Его Величеству Творцу искусства.

19 июня 2005 г.

Пришел к нему в обед. Договорились, что он мне покажет портрет Президента Александра Лукашенко. Он, сидя в кресле, читал Борхеса. Я снова поразился разнообразной литературе, лежащей на столе: от специальных трудов о школе конфуцианства и древнекитайской религиозной литературы до нашего современника И. Басецкого – на столе лежал его какой-то политический труд.

.....

После мы смотрели мой второй “Вид Земли из космоса”. Где Земля избражена в диаметре тридцати сантиметров. Он спросил:

– Так если бы я был в космическом корабле на расстоянии нескольких тысяч километров, она выглядела бы так?

– Да, я просматривал много фотографий. То, что здесь изображено, максимально точно передает правду, может быть, даже на лучшей американской фотографии все не так хорошо видно.

Он вспомнил, что знаком с двумя космонавтами – Владимиром Ковалёнком и Германом Титовым.

– Ну и как, отличаются они от простых смертных?

– Коваленок держится как простой человек. Титов выглядел строже.

– Небожитель? Я читал, что полеты, особенно длительные, по 1–2 месяца, сильно влияли на людей, во всяком случае, можно предположить, что, пробыв столько в космосе, человек будет по-другому смотреть на мир.

– Не знаю, может, это и было с Титовым.

После вспомнили о Лосеве. Точнее, начал я:

– А знаете, он то ли завещал, чтобы его отпели по христианскому обряду, то ли это исполнили без его просьбы, но это было. Отпели в церкви или дома со священником.

– Лосев был христианским человеком. Интересно, что, даже ослепнув под конец жизни, он продолжал работать.

– Он, наверное, диктовал, а жена или другой человек записывали?

– Да, диктовал, у него была феноменальная память. Знаете, после того, как в Москве увидели мой портрет Лосева, там он очень понравился. Лихачев тоже захотел себе портрет моей кисти. Но Лихачев был нестойкий человек.

– В каком смысле, физическом?

– Нет, в другом.

Потом Михаил Андреевич отметил, что сегодня праздник.

– Какой?

– А вы что, не христианин?

– Христианин, – и я показал свой серебряный медальон с отчеканенной Троицей.

– Очень красивая вещь. Так сегодня праздник Троицы, – сказал он. – Бог Отец был вначале, правильно? Тогда Сын кто?

– Отец – творец, но сказано, что и Сын был до сотворения земли.

– А Дух Святой кто? И в то же время Троица всеединая.

– Это загадка – лабиринт для человеческого ума, и не надо надеяться, что ее можно решить.

Я сказал:

– Вдумайтесь в слова: “Святой Дух – смысл всех времен вообще”. Я уже несколько дней подряд вспоминаю эти слова, кажется, Шпенглера. Интересно, что в Евангелии сказано: “И потому говорю вам: всякий грех и хула будут прощены, но хула на Духа Святого не будет прощена. Тот, кто скажет против Сына Человеческого, может быть прощен, тот же, кто скажет против Святого Духа, не будет прощен ни в этом веке, ни в следующем”.

Затем мы подошли к его мольберту. Рядом с ним стояла очень странная и необычная картина, формат где-то 100 на 120 см. Представьте себе черно-зеленое грозное небо, в центре черный овал 60 x 80 см, в овале распятие — Иисус Христос, слева чуть выше Его головы как бы белое солнце со свечением и внизу, над нижним краем картины, — то ли церковь, то ли монастырь.

— Это не просто страшно, в этом есть что-то вонзающееся, леденящее, — сказал я.

Я вспомнил один эпизод, я показывал книгу Рудольфа Штейнера и открыл ему главу с названием “Дух в стране духов после смерти”. Он прочитал, может быть, где-то с полстраницы, потом закрыл и сказал: “Это все бред, никто не знает, что там будет”. Конечно, он задумывается, что же там будет. И эта картина есть плод духовного состояния человека. Что он в нее вложил, какой смысл в этом черном овале, что значит это солнце или вход в Рай? Может быть, эта чернота вокруг Христа означает горечь и зло человека, человеческой жизни и всего человечества?

14 декабря 2008 г.

Михаил Андреевич признается:

— Видел сегодня ночью сон. Во сне события войны повторялись в точности до мельчайших деталей. Столько лет прошло, но все настолько точно, как в действительности. Это было около железнодорожной станции Мекензиевы горы, недалеко от Севастополя. Немцы заняли высоту, насыпь типа кургана, и расположили там пулеметчиков, и железнодорожный путь был таким образом перекрыт. Роте, в которой я состоял, был дан приказ взять высоту. Я запомнил строгий приказ: “Взять высоту”. Рота двинулась в бой, но подниматься вверх было невозможно, пулеметные очереди уничтожали все. Я заметил, что в некоторых местах до самой высоты есть ямы, в них можно спрятаться. У меня была винтовка и обрез, который я держал в правой руке, я очень метко стрелял. И решил для себя так: главное, беречь голову, туловище и руку, и во что бы то ни стало добраться до верха. И так, прячась в ямах, поднимался выше и выше. Высунуть из ямы, сделаю несколько выстрелов и назад, и вдруг замечаю, что пулеметные очереди закончились. Поднимаюсь выше и понимаю — приказ исполнен. Я на взятой высоте. Кричу русским, что я свой, эта битва выиграна. Потом ко мне подошел командир роты и сказал: “Ты не выполнил ни одного приказа”. Я ответил: “Я не мог его даже слышать, в том шуме невозможно было слышать даже собственный голос”. Командир злился дальше, но потом сказал: “Но ты взял высоту, и я должен представить тебя к награде, но с другой стороны, ты действовал не по приказам, и я должен тебя наказать, но я не сделаю ни того, ни другого”. И второй случай со времен, когда я воевал солдатом. Два случая наиболее сильно волновали меня в последующие годы. Это было на той же самой станции, на той же неделе. Немцы тогда заняли станцию. Я действовал не по приказам, весь был увешан гранатами. И решил ползком по рельсам, канавам и впадинам пробираться к немцам. Это было сложно, за местность следили. И вот ползу я, ползу, вдруг слышу громкий смех немцев в метрах десяти-двадцати, там стояла группа солдат, и я бросаю туда гранату, а сам скатываюсь подальше и — ползком назад. И вот до сих пор не могу вспоминать это без волнения, до сих пор совесть неспокойна. Там были простые люди, которых отправили на войну.

— Они пришли на чужую землю убивать.

— Да, конечно, мне объяснили, что я выполнил свой долг. Хотели представить к награде, но в этом случае я сам отказался. И до сих пор тот взрыв не дает мне покоя.

Маршал Жуков как-то заметил о войне: “Тяжкие были годы. Но какое это было и славное время! Человек, переживший однажды большое испытание, всю жизнь будет потом черпать силы в этой победе”. Да, конечно, но темнота войны от этого не становится менее страшной. И теперь ветераны просыпаются в холодном поту от страшных снов. И теперь считают убитых. Прошло пять лет войны, пять лет длился шок, но эта рана распространилась на десятилетия. Ветеранов, к сожалению, через какое-то время не останется, и живой человеческий голос уже не расскажет о смертоносном огне Великой Отечественной войны.

Когда статья была сдана в набор, из Минска пришла печальная весть: Михаил Андреевич Савицкий умер.

ВЛАДИМИР БОНДАРЕНКО

ПРОСТОДУШНЫЙ СИБИРСКИЙ МУДРЕЦ ЮРИЙ КЛЮЧНИКОВ

Мне кажется, поэт и прозаик, путешественник и мистик Юрий Ключников давно уже стал человеком-легендой. С одной стороны, о нем слышали многие, с другой стороны, кто он такой – увы, мало кто знает. Кто-то его считает чуть ли не диссидентом советских времен, кто-то духовным лидером в трудном освоении мистики Востока, кто-то причисляет его к яростным русским патриотам. И все в чем-то правы. Его биография похожа на карту гор Тибета, где Юрий Ключников побывал не один раз. Взлеты и падения, подъемы и спуски. И никакого пессимизма. Оптимизм – это уже его личная житейская философия. Потому и прожил уже 80 лет и не отчаялся.

*На чистый лист своих грядущих лет
Накладываю прошлого лекало,
Не за грехи себя казню я, нет, —
За каждый день, прожитый вполне.*

Юрий Михайлович Ключников – поэт, философ, публицист, путешественник, общественный деятель, творческая личность, на мой взгляд, явно недооцененная в отечественной литературе. Даже у себя на родине в Сибири. Хотя его творчество высоко ценили и Виктор Астафьев, и Вадим Кожинов, и Юрий Селезнев, и Станислав Золотцев, Валентин Сидоров и даже Евгений Евтушенко – люди, относящиеся к разным, нередко противоположным направлениям и литературным лагерям.

Родился Юрий Михайлович в 1930 году. Закончил филфак Томского университета, работал журналистом, редактором на радио, в студии кинохроники, издательстве. Один из первых в России обратил серьезное внимание на литературное наследие Николая Рериха. Хотя не стал ограничивать свои творческие интересы одной лишь этой темой и не пошел по пути превращения в проводника рериховских взглядов, сохранив самостоятельную позицию. Поэт и прозаик с глубокими мистическими корнями – в некотором смысле, я бы сравнил его личность и творчество с творчеством еще одного глубокого русского мистика, эмигранта-харбинца Альфреда Хейдока, о котором писал еще в советское время.

Юрий Ключников, живя в Новосибирске, никак не может считаться неким областным писателем. Да и сами названия его книг говорят за себя: “Мистический Пушкин”, “О назначении России”, “Благая весть Новой Эпохи” (всего

он автор десяти книг стихов и прозы, из которых я выделил бы поэтический сборник “Годовые кольца”, эзотерическую сказку “Поэт и Фея” и книгу очерков о своих путешествиях по Индии с подзаголовком “Странствия по Ариаварте”). Он уже 30 лет вместе с супругой руководит культурной организацией “Русский клуб” в Новосибирске. В советское время признанию его творчества мешала глубинная мистика его сочинений, “богоискательство”. В перестроечный период он со своим глубинно-объективным взглядом на мир и литературу тоже не вписался ни в один из идеологических лагерей – ни в левый, ни в правый. Этому особому, можно сказать – надличностному взгляду на жизнь не помешали все невзгоды, обрушившиеся на Ключникова в советское время.

Впрочем, об этом пишет автор в своих заметках “Безмолвие и лики”, завершающих его новую замечательную книгу “Лики русской культуры”. За одно предложение открыть на Алтае музей Николая Рериха, за попытку с группой энтузиастов самим построить этот музей его постарались исключить из партии, запретили заниматься идеологической работой, сняли с высокой должности в Западно-Сибирском книжном издательстве. Юрий Ключников не пал духом – он ушел в простые грузчики и проработал в этом качестве целых шесть лет.

“Результат нашей записки властям был весьма неадекватным. Стройку (музея Рериха. – **В. Б.**) не запретили, но за нас, строителей, крепко взялись партийные власти, особенно за членов КПСС. А таких, среди подписавших записку, было трое. Нас обвинили в идеализме, богоискательстве, отходе “от принципиальных положений марксистской философии”. Дело дошло до ЦК КПСС. Я же упирался, приходя на проработки с иконой во внутреннем кармане и словами молитвы в душе, которые твердил мысленно. Это помогало... В критическую минуту мое отчаянье вдруг сменилось хлынувшим откуда-то потоком радости. В сознании сама по себе возникла молитва “Господи, помилуй!”. И я вновь увидел голубые глаза Христа. Последний акт этой партийной драмы проходил в феврале 1982 года на бюро Советского райкома КПСС Новосибирска. Секретарь райкома доложил членам бюро суть дела и, глядя мне в глаза, сказал: “Мы возились с Вами почти три года, вы настаивали на том, что остаетесь на партийных позициях и лишь хотите дополнить их философией Рериха, называя ее не противоречащей марксизму-ленинизму. Классики марксизма этой философии оценки не дали, а вот Иисусу Христу дали и недвусмысленную. Скажите, Ключников, как вы относитесь к Иисусу Христу?”. На бюро повисла напряженная тишина. Я тоже почувствовал момент истины, отступить было некуда. И сказал: “Если бы современные руководители СССР хоть чуточку походили на Иисуса Христа, наша страна не оказалась бы в кризисной ситуации”. Секретарь стукнул ладонью по столу и закончил: “Ключников за три года ничего не понял. Предлагаю исключить из партии. Кто за?”. За были все. Не стану называть фамилий, ибо действующие лица этой истории живы-здоровы. Некоторые из них находятся на высоких должностях и даже помогают строить церкви...”.

Впору бы озлобиться – но Юрий Ключников открыт для прощения всех своих погромщиков, не допускает злобности в себе и в своей книге отчетливо видит не только минусы, но и огромные плюсы советской власти для России XX века. За что ему достается изрядно уже от либералов, пожелавших было пригреть опального в советские годы поэта.

Впрочем, он сам писал в своих стихах:

*Критик, не лови меня на слове,
что, мол, славлю сталинскую жуть.
У эпохи дьявольской на сломе
я слова охранные твержу.
Если вместо тихого прощенья
осуждаешь эхо прежних бурь,
приготовься, друг мой, к возвращенью
новых льдов и старых диктатур.
Не спеши направить злобный выстрел —
рикошет ударит под ребро...
Зло, конечно, все решает быстро,
но всегда задумчиво добро.*

Вот сам писатель с неспешной задумчивой добротой и сотворил свои “Лики русской культуры”. В этой книге он старается совсем по-шукшински не пропустить ничего прекрасного в русской литературе и культуре XX века. Он откровенно смотрит на всех своих героев радостными глазами. Из его очерков о великих русских писателях, композиторах, полководцах вырастает общий лик и жестокого, трагического, и великого, героического и идеально романтического столетия. Как ни стараются это столетие и его героев нынче перечеркнуть, удалить из истории русской литературы наши либеральные ненавистники, это у них не получается.

Знаковых, гениальных фигур в XX веке оказывается ничуть не меньше, чем в предыдущем пушкинско-достоевском девятнадцатом веке. Увы, но и сегодня сказать об этом громко, на всю страну не дозволяется. Наша интеллигенция боится признавать величие своих же отечественных русских гениев. И потому такие книги, как “Лики русской культуры” Юрия Ключникова, являются не просто закономерным итогом писательских раздумий, но и своеобразным подвигом русского патриота. Его книга – это некая эстафетная палочка нашим культурным наследникам, это переключка века двадцатого с веком двадцать первым, с новым, третьим тысячелетием. Юрий Ключников, говоря его же словами, описывает в своей книге отнюдь не символическую, а реальную когорту русских атлантов, которые держали и продолжают держать на своих плечах русское небо над землей, периодически проходящей жестокою, но необходимую чистку. Мне самому Юрий Ключников немного напоминает шукшинского “чудика”, умудрявшегося всю жизнь говорить свою правду и жить согласно своим законам. И в своих эссе и очерках, о ком бы он ни писал – об Александре Блоке, о Борисе Пастернаке, о Сергее Есенине, о Шолохове или Солженицыне, отталкиваясь от общепризнанного, он каждый раз находит и предлагает читателю свое личное понимание того или иного русского гения, преодолевая устоявшиеся литературоведческие табу.

Каждая глава предваряется стихами автора, посвященными своему герою. А заканчивается книга о русской культуре уже собственными размышлениями о прожитом и увиденном. Все, чем в своей многотрудной и многосложной жизни занимался Юрий Ключников, подходит под его же определение “умного делания”. И потому его размышления о русских поэтах и писателях XX века, о композиторах и мыслителях, о вождях России ничуть не похожи на простые литературоведческие или критические исследования, ибо за ними, как за видимой частью айсберга, кроется вся предыдущая жизнь неустанного умного делателя, его десятки экспедиций по Алтаю, путешествия в Индию и Непал, встречи с восточными мудрецами.

Но ошибется тот, кто с разбегу отнесет Юрия Ключникова к модным ныне оккультистам, к экзальтированным поклонникам индийских или тибетских учений. Свет русского Православия виден ему и на вершинах Гималаев, куда, кстати, он совершил целых шесть экспедиций... Юрий Ключников и в Индии ищет Россию (одна из его книг так и называется!), и в книгах восточных мудрецов видит связь с Иисусовой молитвой, с православным учением. Я согласен с ним, и тоже считаю: надо ли нам в своем постижении России закрываться от всего остального мира, не лучше ли и остальной мир приблизить к России? Тем более Восток нам всегда был близок. Мудрецы и поэты Востока Руми, Шанкарачарья, Миларепа, Лао Цзы, Конфуций только обогатили его, ключниковское, понимание духовных глубин Православия и желание вернуться на духовную родину, к русским истокам. Как Пушкину свободное владение французским языком только помогло стать непревзойденным мастером русского стиха. Соединяя в себе любовь к традициям и стремление к новизне, к новому опыту, писатель у всех своих героев видит подобное взаимопроникновение вечных истин и пророческих откровений, духовного и телесного, прошлого и будущего. И уже нет ни консерваторов, ни революционеров, есть дарованный Небом путь познания мира в себе и себя в мире. И в этом постижении жизни, в понимании России и русского опыта в чем-то равны Михаил Булгаков и Андрей Платонов, Михаил Шолохов и Александр Солженицын, Александр Блок и Николай Островский... Ибо все его герои – люди озарения. Это люди тонкой творческой энергии. При этом Юрий Ключников явно не любит пессимистов, ему гораздо ближе и интереснее духовно-героическое творческое начало. В его книгу, в целом посвященную деятелям русской культуры XX века, попали и два родоначальника русской культуры – Михаил Ломоносов

и Александр Пушкин, наш первый космист Константин Циолковский и герой великой русской победы маршал Георгий Жуков.

И все же главными героями, вокруг которых выстраивается вся мистическая, духовная концепция русской культуры XX века, стали Александр Блок, композитор Сергей Рахманинов, Михаил Булгаков, Борис Пастернак, Сергей Есенин, Николай Островский, Даниил Андреев, Михаил Шолохов, Александр Солженицын и Василий Шукшин... Кому-то будет не хватать Осипа Мандельштама или Николая Клюева, Андрея Платонова или Виктора Астафьева. Кто-то удивится включению в этот мистический ряд тонких мастеров Николая Островского. Кто-то посчитает лишним включение Даниила Андреева. Но это же не законченный список всех русских гениев XX века, это герои, близкие и необходимые самому автору для понимания русскости, русского характера и русской культуры. Юрий Ключников видит не внешние проявления набожности, а внутреннюю суть своего героя, и потому Николай Островский с его подвижничеством – для него более русский, православный тип личности, нежели какой-нибудь лицемерный чинуша, нынче суетливо крестящийся в храме. Он видит героев в тех, кто ставит заслон развалу страны, развалу культуры. Для него: “Жив Христос в священнике, который снял ясу и возглавил развалившийся колхоз. В предпринимателе, который дал клятву никогда не торговать водкой и сигаретами. В писателе, режиссере, артисте, которые не допускают в свою работу низость ни под каким видом. В ученом, которого зовут в Америку, но он продолжает трудиться в России. В самом обыкновенном человеке, не сдавшемся темным искушениям века...”. Его Россия – это не Россия чиновников и держиморд, а Россия народная, Россия богоносная. Россия творческая. За что он и подвергался самым натуральным репрессиям в брежневские годы – в 1979 году был обвинен в богоискательстве и после долгого административного разбирательства был уволен по идеологической статье из новосибирского издательства “Наука”, где работал редактором. Весь его немалый опыт учителя, директора средней школы, радиокорреспондента, главного редактора Новосибирского областного радио и Западно-Сибирской кинохроники был властями презрительно перечеркнут. Ни о какой работе на идеологическом фронте не могло быть и речи. Впрочем, надо отдать должное, это Юрия Ключникова не сломило, работа в течение нескольких лет грузчиком была для него не менее почетна, чем любая преподавательская или журналистская работа, да и стихи писать талантливому поэту тяжелый физический труд никак не мешал. Скорее, наоборот:

*Время выкинуло коленце —
И причалил я в поздний час
С полуострова “интеллигенция”
К континенту “рабочий класс”.*

Я в свое время в предисловии к сборнику “Годовые кольца” писал о поэтическом творчестве Юрия Михайловича: “Поэзия Юрия Ключникова – всегда моление о России. И чем трагичнее, драматичнее шла его жизнь, чем сильнее были гонения и репрессии со стороны властей, тем сокровеннее и преданнее звучали его стихи о родине, раздираемой противоречиями и раскалываемой междоусобицами. В России всегда было трудно поэтам воспевать Россию, еще труднее – молиться за нее.

*Россия, полумертвый витязь,
Не раз поправший смертью смерть,
Тебе завещано увидеть
Иные небеса и твердь.*

Его тревожные и порой трагичные стихи, его пейзажные лирические зарисовки и притчи, подчеркивающие давнюю связь поэта с Востоком, его любовные и сентиментальные сонеты, его романтические баллады, поэмы – чему бы и кому бы ни были посвящены, всегда обращены к России...”

Вот и среди своих героев в новой книге он ищет не диссидентов или обласканных властями творцов, а прежде всего тех, кто всем своим творчеством, всей жизнью, подвигами своими обращен к России и к русскому наро-

ду. А любимец ли это властей Михаил Шолохов или гонимый Александр Солженицын – вторично, не существенно.

Юрий Михайлович Ключников, несмотря на свой возраст, и сейчас силен и духовно, и физически, поэтому меня радует, что он и на историю XX века, трагического и напряженного для России, смотрит как на страну сильных людей, сильного духа, сильной судьбы. Его книга “Лики русской культуры” – не о слабой, умирающей, вечно страдающей, а о сильной, несмотря на все беды и трагедии, великой стране и ее великой культуре. Дочь Юрия Михайловича Марина Ключникова, журналист и писатель, пишет в статье о своем отце: “...В свои немалые годы он пишет зачастую по десять, а то и более, стихотворений в сутки – и так продолжается уже не одно десятилетие. И лирический поток только нарастает! Как такое возможно? Бог весть. Ну, кое-что объясняет тот факт, например, что в эти свои годы он отжимается 150 раз подряд – ежедневно, уже много лет подряд. Зимой часами гоняет на лыжах. Летом – ездит в горный Алтай, чтобы снова подняться на какую-нибудь из своих любимых вершин. Строен, подтянут и, по мнению друзей, похож на Дон Кихота – своего любимого героя. Да, пожалуй, похож. С одной поправкой: этот рыцарь – не Печального образа, а Радостного. Мой отец – человек по-настоящему веселый. Главная тема его творчества – радость. Он часто повторяет любимую формулу – радость есть особая мудрость...”

В авторском вступлении к книге “Белый остров” (2000 г.) Юрий Ключников четко сформулировал свое творческое кредо: “Слишком долго Тонкий и Божественный миры трактовались как нечто, не имеющее отношение к повседневной жизни или же как предмет заботы церкви. Мало кто отваживался выходить к Богу напрямую, минуя посредников”. Поэтому он старается и в героях своих тоже найти сплав Божественного и земного. Собственно, это не просто герои, а духовные, литературные наставники поэта и писателя, благодаря которым он никогда не терял силы духа. Не сравнивая по масштабу или по силе таланта автора книги с его героями, я откровенно вижу и общие, роднящие его с ними, черты. Разве он не бывал так же одинок, как и Михайло Ломоносов, посреди толпы разъяренных врагов? Но – не уступал Ломоносов, не уступал и Юрий Ключников. Разве он не вглядывался жадно в космос, подобно Константину Циолковскому? Конечно, как поэт, он видел нечто иное, чем мечтатель-технарь Циолковский, но оба живут с мечтой о русском Космосе всю свою жизнь. Так же, как и Василий Шукшин, он, будучи прирожденным интеллигентом, знатоком французского языка и русской философии начала XX века, не чурался своего народа, мог жить и работать в самой его гуще, делить с ним общую судьбу. Подобно Александру Блоку, он не боится никаких изменений в России, жадно прислушивается к новому, стараясь найти в грядущей жизни своего народа спасительные тенденции. И он мог бы сказать, как Блок:

*Узнаю тебя, жизнь, принимаю
И приветствую звоном щита...*

Для него, как и для Бориса Пастернака, две святыни были всегда неприкосновенны: Иисус Христос и Россия. Я понимаю его восторг перед иконописными руками Сергея Рахманинова: эти руки творили Божественную музыку, простую и мистическую русскую музыку. Он находил в себе силы, подобно Александру Солженицыну, отряхиваться от всех нападков на себя и на свое творчество, при этом не озлобляясь на мир, не кидаясь в объятия врагам России. Как и Николай Островский, он никогда не боялся никакого самого черного труда и любых испытаний и никогда не отступался от своих принципов. В Юрии Ключникове, несомненно, присутствуют черты русского подвижника, русского пассионария. Простодушный сибирский мудрец.

По сути, “Лики русской культуры” – это книга о мистическом дыхании современной России, о выработке новых духовных идеалов в народе, прошедшем сквозь горнило страданий. И как бы ни растлевал дьявол дух и плоть современной России, ее загадочная непостижимая улыбка героя, мудреца и ребенка – и есть наше истинное противоядие от этого дьявольского морока и тлена. Он – не вечен, как ночная тень. Россия же – вечна.

В последнее время “либеральный агитпроп”, центр которого сосредоточен на отечественном телевидении, взялся за разработку ключевых тем, связанных с отечественной историей — как советской, так и досоветской. Эта разработка воплотилась в серии проектов, направленных на пересмотр основных исторических вех России: “проект Иван Грозный”, “проект Григорий Распутин”, “проект Сталин”, “проект Советская цивилизация”, “проект Великая Отечественная война”. По существу, и сама программа “Суд времени”, идущая на петербургском канале, замыслена как суд над всей историей России, чему немало способствует и позиция “судьи” — Николая Сванидзе, больше напоминающего средневекового инквизитора, который, вопреки всем правилам судебной практики, регулярно позволяет себе иметь “личное мнение” сузубо либерального характера. Другое дело, что все попытки “осудить” советскую цивилизацию, советского человека как “антропологическую катастрофу”, индустриализацию и Великую Отечественную войну как предприятия, “не стоившие таких жертв”, были обречены на провал (что подтвердило и зрительское голосование) подобно тому, как с треском провалился “суд над КПСС” в 1992 году, ставший подлинным позорищем для либералов, захвативших власть.

К подобным “проектам” относится и так называемый “проект Есенин”, воплотившийся в телевизионном варианте в известном сериале, а в книжном — в “Биографии” поэта, вышедшей в серии “Вита Нова”. И фигура Есенина здесь крайне характерна как фигура, связующая дореволюционную Россию с революционной, сама собой обеспечивающая преемственность времен. В частности, это подтвердилось массовым рукописным распространением его поэзии в годы, когда больше ни один поэт не распространялся в списках в таком количестве, в том числе и в годы Великой Отечественной.

Вот почему редакция сочла необходимым разобрать данный плод “либерального агитпропа” в книжном воплощении.

СЕРГЕЙ КУНЯЕВ

ЕСЕНИН И “АЛЬФРЕДЫ”

За последнее время в нашей литературной жизни выделился один эпизод, волей-неволей обративший на себя внимание.

Кажется, давным-давно игнорируются или, во всяком случае, не принимаются в серьезное внимание многочисленными авторами различных книг отрицательные рецензии на их продукцию. Расслоение, точнее, распад литературного процесса стал точным отражением распада самого общества — ни до кого никому нет дела. Каждый сидит в своей скорлупе, которая представляется самым надежным убежищем даже не от мировых бурь и циклонов — от простого дуновения отечественного ветра. Никаким убежищем, естественно, эта скорлупа быть не может, но слишком соблазнительно считать ее некоей “броней”.

Нашлись, однако, авторы, которые сочли для себя возможным скинуть эту “броню” — и дать письменный ответ на рецензию, напечатанную в “Литературной газете”. Я имею в виду доктора филологических наук Олега Андершановича Лекманова и кандидата филологических наук Михаила Игоревича Свердлова, которым очень не понравился отзыв доктора филологических на-

ук Натальи Игоревны Шубниковой-Гусевой на их книгу “Сергей Есенин. Биография” (см. “Литературная газета”, 4 февраля 2009). Казалось бы, что страшного в отрицательном впечатлении, сложившемся у специалиста с многолетним стажем по изучению биографии и творчества Есенина? Вокруг имени поэта кипели еще и не такие баталии... Но именно в наше время полного равнодушия всех ко всем и всему ретивое авторов “Биографии” загорелось, и они решили не просто ответить – нет, решили поучить Шубникову-Гусеву, как надо писать отрицательные рецензии.

В этой истории есть, на первый взгляд, немало комического. И отдание должного тем, “кто хвалит книгу за научную добросовестность” (именно в этом ракурсе авторы оценивают свой собственный труд). И указание на то, что “когда специалист выносит какой-либо работе отрицательный вердикт, не выходя за пределы здравого смысла... с ним можно соглашаться или спорить. Но как реагировать на заявления вроде – “черная биография Есенина”? Разве что плечами пожать”, при том, что это “пожатие плечами” растянулось у авторов почти что на 10 страниц журнального текста (“Новое литературное обозрение”, № 99, 2009). Заодно получается, что автор отрицательной рецензии на “Биографию” “вышел за пределы здравого смысла” – и о чем тут тогда вообще может быть спор? Но вышел, видимо, не до конца, на что ему педантично указывают О. Лекманов и М. Свердлов: “Занятная логика – с одной стороны, клеймить книгу последними словами, а с другой – указывать на обычные, как у людей, “ошибки”, “натяжки”, отсутствие новизны. Сказав “А”, тогда уж надо было говорить “Б” – и строго придерживаться славной традиции погрома и проработки”.

Для начала – никаких “последних слов” в рецензии Н. Шубниковой-Гусевой я не обнаружил, полагаю, что их можно было отыскать, лишь распалив свое богатое воображение. Впрочем, собственную “натяжку” в данном случае, как видно, тут же поняли и сами авторы. И очень пожалели, что не состоялось ничего подобного в духе “славной традиции погрома и проработки”. Это было бы для них, судя по тональности и содержанию их последнего выступления в “НЛО”, подобием манны небесной. И не потребовалось бы упоминать об “ошибках” и “натяжках”, “обычных, как у людей”, заключая эти слова в стыдливые кавычки, намекая тем самым читателю, что на самом-то деле никаких “ошибок” и “натяжек” в “Биографии”, конечно же, нет, ибо главное достоинство книги – пресловутая “научная добросовестность”.

Впрочем, говорить об авторской добросовестности я бы лично поостерегся. Ибо комический эффект, который создают такого рода содержательные пируэты, начинается улетучиваться, когда мы подходим к чисто прокурорской формулировке, к которой наши “добросовестные” авторы сводят весь смысл своего ответа: “... Есть ли хоть какая-то логика в этой алогичной статье? К сожалению, есть: все здесь подчинено логике редукции, пытающейся свести сложный и противоречивый материал к простейшим утверждениям и элементарным антитезам. Тенденция такого рода критики – примитивизация на всех уровнях, и в отрицании, и в утверждении” (курсив авторов “ответа”. – С. К.). Написать подобное об авторе книг “Поэмы Есенина. От “Пророка” до “Черного человека”, “Сергей Есенин и Галина Бениславская”, о составителе многочисленных томов воспоминаний о поэте, фундаментально и добросовестно откомментированных – значит, потерять некоторое представление о реальности и самим впасть в дурную тенденцию ведения разговора по принципу: “А ты кто такая?” И сведение претензий исследователя к “Биографии” к примитивизации на всех уровнях – авторов, мягко говоря, не красит. Впрочем, в подобном пассаже нет никакой случайности. Подтверждением тому послужит разговор об этой самой “Биографии”, получившей весьма богатую прессу, в которой преваляировали апологетические отзывы – в силу чего реакция авторов на чуть ли не единственную отрицательную, правда, достаточно жесткую рецензию выглядит несколько странной. Но как мы увидим, повторюсь, совершенно не случайной.

* * *

Мимо этого толстенного, роскошно оформленного тома, в самом деле, трудно было пройти. Биография Сергея Есенина, написанная Олегом Лекмановым и Михаилом Свердловым, одна из писательских биографий, вышедших

в серии, изданной Санкт-Петербургским издательством “Вита Нова”, снабжена многочисленными ссылками на самые разнообразные источники, обширной библиографией и богатым “Указателем упоминаемых лиц”. Во всем ощущается солидность, источниковедческая оснащенность, фундаментальный подход к судьбе и творчеству поэта. Привлекла внимание и фраза из преамбулы “от авторов”: “Теми, кто пишет о поэте, чаще всего движет читательская любовь, а не филологическая любознательность. Вот почему в работах о поэте анализ сплошь и рядом вытесняется апологетическим пафосом. За редкими исключениями есениноведы не могут или не хотят дистанцироваться от Есенина: они стремятся, вольно или невольно, не столько к исследованию есенинской биографии, сколько к защите и восхвалению “рязанского соловья” (с. 7).

Прочитав подобное, сразу настраиваешься на то, что сами авторы руководствуются в своем подходе не любовью к поэту, а “филологической любознательностью”. Приступают к исследованию, руководствуясь “анализом”, а не “восхвалением”, ибо не ставят себе целью “во что бы то ни стало обелить (или очернить) поэта в глазах читателя” (с. 8). Подход похвальный, если не считать сущей мелочи. Трудно себе представить книгу о поэте (любом), которая пишется без “читательской любви” к нему. Настораживает и еле заметный проговор: в первую очередь авторы стараются “не обелить” Есенина – глагол “не очернить” следует уже потом, между делом, в скобках. Да и сразу же уточнить хотелось бы – кто из есениноведов, по мнению О. Лекманова и М. Свердлова, “вытеснял анализ апологетическим пафосом”?

Уже в самом конце своего многостраничного исследования авторы с легкостью в мыслях необыкновенной, упоминая о шестидесятилетии Есенина, которое “справлялось уже как юбилей в полном смысле слова советского поэта”, пишут: “Так начался длительный период сусального официального есениноведения, суть и дух которого идеально передает, например, цитата из юбилейной речи Сергея Михалкова 1975 года” (с. 579). Далее следует сама цитата – не Бог весть что “передающая”, но, очевидно, необходимая авторам, ибо содержит в себе понятия, определено им не нравящиеся: “Огромная душевная широта и любовь к родной земле”, “активный патриотизм”... Однако, если отвлекаться от индивидуальных вкусов и предпочтений и перейти к фактам – неизбежно придется задать вопрос: О. Лекманов и М. Свердлов в самом деле считают, что последующие годы были “длительным периодом сусального официального есениноведения”, в котором все появлявшиеся труды были выдержаны в тональности Сергея Михалкова? Может быть, именно клеймо “сусальности” стоит на книгах В. Г. Базанова, статьях В. В. Базанова, которые отсутствуют в приложенной к тому “избранной библиографии”, или статьях В. Вдовина, которые в ней упоминаются? Можно как угодно относиться к книге Аллы Марченко “Поэтический мир Есенина”, первое издание которой вышло в 1972 году (авторы предусмотрительно отмечают лишь переиздание 1989 года), но при всем желании невозможно узреть хоть малейший налет “сусальности” или “михалковщины” на этом исследовании. И это лишь первое, что вспоминается “с лету”.

Так в финале своего фолианта авторы фиксируют своеобразную “расчистку территории”, обозначая свой собственный приоритет. В начале же “беспристрастной” биографии О. Лекманов и М. Свердлов заранее оговаривают, что все восторги и инвективы передоверяют “мемуаристам и современному поэту критикам” (с. 8). Книга, в самом деле, большей своей частью состоит из цитат: критики и мемуаристы используются щедро, в объемных цитатах, ссылках и сносках, а авторы, кажется, лишь воспроизводят всю разноголосицу мнений и воспоминаний о поэте, сохраняя дистанцию. Дескать, вот вам мнение современника – а дальше думайте, как знаете, что тут правда, а что – нет.

Но в том-то и дело, что эта “отстраненность” лишь кажущаяся.

Среди мемуаристов, писавших о Есенине, большая часть людей едва ли понимала поэта, о чем недвусмысленно написала в свое время Анна Берзинь: “Мы видели, как он пьет, отводили его руку от стакана... а как он работает – не знали, даже не интересовались”. Для многих из них оказалась “не в указ” и хрестоматийная есенинская строчка: “Большое видится на расстоянии”. И “на расстоянии” писалось не меньше глупостей, чем “по горячим следам”.

Изображение поверхностью понятий поступков героя перемешалось со сплетнями, неотделимыми от фигуры любого более или менее известного человека. А уж когда речь идет о Есенине...

К миру и к людям он изначально шел открыто и честно, замыкался и грубил тогда, когда наталкивался на непонимание или, что чаще, нежелание понять, на человеческую тупость или злобу. Чистый и искренний от природы, — не мог замыкаться долго, снова готов был идти навстречу первому попавшемуся (“Все встречаю, все приемлю, рад и счастлив душу вынуть...”) — а в ответ...

Непросто даже прикинуть — какое количество “друзей”, приятелей, случайных знакомых паразитировало на есенинской откровенности, с упоением обсасывая тот или иной его неосторожный поступок, то ли иное брошенное сгоряча словцо. И сколько же мемуаров, опубликованных и оставшихся в стенах государственных архивов и в частных собраниях, родилось на этом зыбком неадекватном “фундаменте”, как на плавуне, качающемся под ногами.

Поэтому отбор мемуарного материала при написании книги о Есенине требует сам по себе чрезвычайной тщательности и предельной аккуратности. В противном случае авторы, соблазненные кажущейся легкостью использования всего возможного, что под рукой, могут угодить в непредусмотренную ловушку — пойти на поводу у пристрастных, подчас недалеких и не слишком умных современников, едва ли пользовавшихся на самом деле уважением самого поэта.

И может создаться поверхностное впечатление, что О. Лекманов и М. Свердлов пошли по этому пути, если следовать за ними, как за путеводителями по жизни Есенина, “ныряя” из цитаты в цитату, из сноски в сноску. Но стоит отойти на минимальное расстояние, как становится очевидно: все источники, все цитаты, все ссылки именно тщательно подобраны с одной — достаточно прозрачной — целью: разделить непреходимой гранью поэта и человека. С целью — “превознося” на словах первого (на самом деле это “превознесение” весьма сомнительного свойства, в чем мы еще убедимся), по возможности необратимо дискредитировать и унижить второго.

Дабы убедиться в этом — пройдемся по тексту представленной нам “Биографии”, по возможности не увязая в полемике по мелочам (хотя сплошь и рядом эти “мелочи” чрезвычайно значимы, при том, что пробрасываются как бы “вскользь”).

* * *

Занятная тональность всей книги задана уже в самом ее начале — в рассказе о детстве Есенина.

“... Попробуем не слишком поддаваться есенинскому обаянию и суммировать факты о детстве и юности поэта в том селе, где всю делали “шлюза” и напряженно ожидали постройки железной дороги. Где жители подписывались на журнал “Сельский хозяин”, информировавший своих читателей о способах “выпаивания телят”, “содержания и откармливания свиней”, разведения “каракульских овец”, “приготовления коровьяго кумыса и мн. др.” (тут же следует ссылка на “Рязанские губернские ведомости” от 8 ноября 1908 года. — С. К.). И где сам Сережа увлеченно играл в крокет, а школу проходил не столько “по заре и звездам”, сколько по прописям и учебникам” (с. 12).

И все дальнейшие факты “суммируются” на солидной дистанции не столько от “есенинского обаяния”, сколько от его поэзии, говорящей о мире, в котором жил Есенин, о его восприятии этого мира больше, чем любой набор фактов. Но уж если идти по “фактам”, то едва ли стоило небрежным жестом отмахиваться от есенинских автобиографий, где поэт описывает свои походы в ночное, бешеную скачку на лошади, подхлестнутой припадочным дядюшкой, хождения с бабкой Натальей Евтихиевной в монастырь под ее присказку: “Иди, иди, ягодка, Бог счастья даст”... Но самое главное все же в другом: нет ни малейшего противоречия между “школой” и “крюкетом” с одной стороны — и рязанской природой с другой.

Я не знаю, бывали когда-либо авторы “Биографии” в Константиново (внимательно читая их книгу, в этом можно всерьез усомниться) и что они там видели. Но мне представляется чрезвычайно существенным то, что они фактически игнорируют на протяжении всей своей книги мир русской природы в есенинской поэзии. И это отнюдь не случайно. Скверно зная живую природу или не зная ее вообще — писать о Есенине чрезвычайно затрудни-

тельно. Рискуешь пройти мимо наиболее существенных сторон его поэтического творчества.

(В том, что этот мир обрел зримые черты позднее, когда Есенин уехал из родного села в Москву, а позже – в Петроград – нет ничего удивительного. Отходя на расстояние, пространственное и временное от привычной, родимой и, может быть, даже приевшейся ойкумены, обретаешь ее заново, открываешь в ней многое из того, что не замечал раньше. Она входит в твою поэтическую вселенную, наполняясь теми красками и звуками в движущемся образе, какие не открывались в детстве и ранней юности).

Но от того, что чуждо тебе лично, проще всего отмахнуться, объявив строки: “О край разливов грозных и тихих вешних сил, здесь по заре и звездам я школу проходил” – “биографическим мифом” (с. 9). Вообще представление о живой природе и о жизненных реалиях, как таковых, у авторов книги, мягко говоря, весьма своеобразное.

Так, один из авторов – О. Лекманов – в комментарии к стихотворению В. Маяковского “Дачный случай” (“Новое литературное обозрение”, № 5, 2005), отталкиваясь от заметки А. Жолковского “Поэтика произвола и произвольность поэтики”, комментирует строки поэта (“Поляна – и ливень пуль на нее, огонь отзвенел и замер, лишь вздрагивало газеты рванье, как белое, рваное знамя”) следующим образом:

“Сам Жолковский совершенно справедливо замечает, что речь здесь, возможно, идет “о той самой “Комсомольской правде”, где появятся эти стихи... Он же пишет о том, что праздник, упоминаемый в пятой строке “Дачного случая”, “вероятно, Первомайский, учитывая дату публикации (30 июня)”... И далее добавляет свое “наблюдение” к “наблюдению” Жолковского, упоминая стихотворение Ивана Молчанова “Свидание” и ответ на него Маяковского (“Письмо к любимой Молчанова, брошенной им”): “Обратим внимание, что эту свою сатиру на Молчанова Маяковский счел необходимым поместить именно в “Комсомольской правде” (в номере от 4 октября 1927 года) – то есть в той же газете, где Молчанов опубликовал свое “Свидание”. Это, как кажется, может послужить дополнительным аргументом в пользу предположения Жолковского о “газеты рваньё” как о “Комсомольской правде”: какую газету в стихотворении изображаем или упоминаем, в такую и несем стихотворение печатать”.

Логика поистине фантастическая, и остается только робко спросить – следовал ли ей в жизни Маяковский... Во всяком случае, газета, в которую поэт и его приятели палили на даче как в мишень, превращается у Жолковского, а следом за ним и у Лекманова в “Комсомольскую правду” от 1 мая 1928 года, в которой тот же Молчанов опубликовал новое стихотворение “Весны”, то есть стреляла компания в строчки ненавистного “горлану, главарю” стихотворца... Но читаем в этом же стихотворении у Маяковского: “Цветов детвора обступает меня, так называемых – лютиков... Компания дальше в кашках пошла, револьвер остыл давно, пошла беседа, в меру пошла...” И вспоминаем о том, что ни лютики, ни кашки (т. е. клевер) не цветут в Подмосковье в начале мая. Цветение клевера приходится на конец означенного месяца, а цветение лютика – на середину июня. Обративший мое внимание на сущую комментаторскую нелепость старший научный сотрудник Государственного музея В. В. Маяковского Л. Селезнев сопроводил лекмановский комментарий ядовитым примечанием: “Полезно было бы О. Лекманову (а заодно и редакторам “НЛО”) 1 мая выехать в подмосковный лес и посмотреть: что же в это время там цветет... Маяковский, хотя и равнодушен был к природе, имел взгляд художника: зоркий и цепкий в деталях... А праздников (и новых и старых) в 1920-е годы, в летние месяцы, было предостаточно и без 1 мая. Но уж очень хочется редакции “НЛО” в очередной раз “открыть огонь” по советской эпохе”.

Про советскую эпоху мы еще поговорим уже непосредственно в связи с рассматриваемой есенинской биографией. А пока отметим, что не зря в этой “Биографии” отсутствует описание есенинского мира живой природы, и обратим внимание на занятный эпизод из жизни поэта, относящийся к бакинскому периоду.

О. Лекманов и М. Свердлов, цитируя фразы Есенина из письма Г. Бениславской (“... Я по дурости искупался в середине апреля в море при сильном ветре. Вот и получилось. Доктора пели на разный лад. Вплоть до скоротечной чахотки...”), делятся с читателем своими “подозрениями” в некоем присутст-

вующем “подвохе”: “...Странно: с какой стати Есенину вдруг вздумалось купаться в холодную, ветреную апрельскую погоду?” И находят соответствующий ответ: “Ситуацию проясняют малоизвестные воспоминания одного из бакинских знакомых Есенина —...Ф. Непряхина. По его свидетельству, в один из вечеров во время посещения нефтяных промыслов Биби-Эйбата поэт неожиданно подбежал к открытому резервуару, наполненному нефтью, и, чуть помедлив на самом краю, бросился вниз. Испуганные спутники Есенина бросились ему на помощь, вытащили, помогли в море смыть нефть. В результате этого случая поэт и оказался в Бакинской больнице им. Рогова с сильнейшей простудой...” (с. 518).

Эти воспоминания Ф. Непряхина (которого трудно назвать даже знакомым — он был лишь одним из членов бакинского литературного кружка, который несколько раз посетил поэт) о Есенине, плавающем в резервуаре с нефтью, были впервые напечатаны под заголовком “Поэт и нефть” в газете “Баку” в 1965 году. Больше никто из “спутников” не вспоминал ни о чем подобном, а непрыхинские писания никто не принял всерьез — в силу их абсолютной фантастичности, и лишь в нашу фантазмагорическую эпоху, когда любое вранье сойдет за неопровержимый факт (по принципу “нет дыма без огня”), они могли быть введены “в научный оборот” сначала в журнале “Русский язык и литература в Азербайджане”, а потом в рассматриваемом сочинении. (Кстати, тот же Непряхин в своем “мемуаре” отметил, что Есенин “провел не одну неделю в больнице”, тогда как хронология событий этого времени неопровержимо свидетельствует, что Есенин провел в ней максимум неделю). Сам Есенин, будучи таким позером и хвастуном, каким его рисуют О. Лекманов и М. Свердлов на протяжении всей книги, не преминул бы похвастаться подобным “подвигом”, но суть в другом: неужели О. Лекманов и М. Свердлов всерьез полагают, что подобное “купание” могло иметь место в действительности, и что его последствием могла быть лишь “сильнейшая простуда”? Или они считают, что это то же самое, что омыть нефтью лицо и руки, как порой поступают нефтяники?

А под этот “факт” уже подводится “солидная идейная база”: это “второе крещение” поэта “означает... может быть, черное крещение смертью” (с. 519).

Концептуальность “жизненного пути” и “возможного конца” в наличии. А что в основе? Фантазия литературного неудачника, обозначающего свою “близость” через некую явленную жизненную “экстравагантность”?

Ладно, отойдем от “жизни” и переключимся на “литературу”, в области которой, как кажется, авторы чувствуют себя более уверенно. Разделить, впрочем, “жизнь” и “литературу” нам до конца так и не удастся, да это и невозможно в принципе. Но любопытную, однако, операцию в этой области “разделения” пытаются проделать наши авторы.

* * *

Прежде всего, они чрезвычайно увлечены процессом “разоблачения” своего героя, “срывания” с него “всех и всяческих масок”, во всяком случае там, где эти маски им видятся.

“Александр Никитич еще мог бы сказать о себе горделивыми есенинскими строчками:

*У меня отец крестьянин,
Ну а я крестьянский сын.*

(“Мелколесье. Степь и дали...”)

А вот его сын Сергей — уже нет” (с. 12).

И каковы же основания у авторов для подобного утверждения? Что Александр Никитич Есенин “в деревне... бывал лишь наездами” (с. 12)? Во-первых, это неправда — он приезжал из города и жил подолгу в Константиново. Крестьянский труд, действительно, был ему тяжек, Татьяна Федоровна, мать поэта, зарабатывала деньги на жизнь то в Москве, то в Рязани — но происхождение у Есенина именно крестьянское, о чем поэт с гордостью говорил не только в стихах. “Я сын крестьянина”, — так он начал свою очередную авто-

биографию, и сомневаться в этом до сего дня ни у кого не было оснований. А уж о воспитании в семье бабки и деда, живших именно сельским трудом, и говорить нечего.

И уж тем паче, при более или менее объективном разговоре о детстве Есенина, невозможно было бы не упомянуть о бабушке Аграфене Панкратьевне, слышавшей в Костантинове одаренной песельницей, плачущей и вопленицей... У нее-то, очевидно, и брал Сергей свои первые "поэтические уроки". Не случайно, как вспоминала сестра поэта Екатерина, "он хорошо ее помнил, но никогда не произносил ее имя". Видимо, память о ней долго саднила в душе юноши.

"В силу понятных причин спустя десятилетия мемуаристы на все лады расписывали его чудесные дарования, проявившиеся в самых различных областях" (с. 15).

Хотелось бы, чтобы авторы указали на эти самые "понятные причины", ибо без них фраза повисает в воздухе и остается "тонкий намек на некие толстые обстоятельства", а, точнее, непонятно на что. Какие опять же основания у Лекманова и Свердлова не верить мемуаристам, писавшим, что Есенин в деревне был среди ребят "первый заводила", что был мастак "половить утят", да и утверждению самого Есенина, что в лазании по деревьям "из мальчишек никто не мог со мной тягаться" (с. 15–16) ? У авторов есть свидетельства противоположного? Какие? Чьи? Не худо бы привести их, прежде чем бросать туманные, ни к чему не обязывающие фразы "с подколочкой": дескать, "не так все было".

Этот зуд разоблачительства играет с авторами настолько дурную шутку, что они даже не замечают анекдотичности своих же собственных утверждений. "Стихи начал писать, подражая частушкам", – свидетельствует Есенин в автобиографии 1923 года. А восемью годами раньше в одной из первых автобиографий поэт точно указал на первоначальный исток своего творчества: "К стихам расположили песни, которые я слышал кругом себя, а отец мой даже слагал их". О частушках, сочиняемых Есениным, вспоминает и А. Зимины, его частушки приводят по памяти Николай Сардановский, Николай Титов... Из них из всех авторы отбирают лишь Зимину, "уличают" ее в том, что она "родилась через пять лет после событий, которые описывает" (с. 17). И получается, что Есенин не частушки сочинял про белобрысого попа Гаврилу и помещика Кулакова, а бессмыслицу "тина-мясина", запомненную Клавдием Воронцовым.

К чему все это? Да к тому, – подводят наши авторы, – что не такой уж и одаренный мальчик-то в детстве был, как о нем написано... Знаем-с, знаем-с... "Легенду о необыкновенно рано пробудившихся в мальчике творческих способностях отнюдь не подтверждает следующий печальный факт из биографии двенадцатилетнего Сереги-монаха: в третьем классе училища он просидел два года" (с. 18). А то, что причина сего печального факта – неумное поведение и баловство, а отнюдь не "тупоумие", на которое явно намекают авторы, – об этом, естественно, лучше умолчать. Замять. Для ясности. Так же как, упомянув о похвальном листе по окончании Константиновского четырехклассного училища и отметив (с той же "разоблачительской" ноткой), что "похвальные листы получили все ученики, окончившие четыре класса" (с. 18), умолчать о том, что трое из всех (и в эту тройцу входил Есенин) были награждены особой премией – рекомендацией для поступления в Спас-Клепиковскую учительскую школу или Рязанское духовное училище.

М-да... Начнешь вот так читать книгу – и увязнешь на первой же главе в передержках, многозначительных недосказанностях, искажениях фактов – и все неявно, "в пробор", между делом... Явственно ощущая совершенно антиесенинскую тональность всего сочинения, соответственно, к следующим страницам переходишь уже с предощущением очередных передергиваний, "разоблачений", а также ссылок на безусловно "правдивых", с точки зрения авторов, мемуаристов.

* * *

Перенесемся ближе к середине этого внушительного тома и вспомним (с неизбежностью) об одном из таких мемуаристов – об Анатолии Мариенгофе, "Роман без вранья" которого стал одним из фундаментальных "кирпичей" в

основании “Биографии”. Заранее упреждая все возможные упреки, авторы делают необходимую преамбулу: “... Само название подсказывает: чтобы произвести требуемый парадоксальный эффект, этот “роман” непременно должен был строго, “без вранья”, следовать фактам... именно поэтому никто из недоброжелателей Мариенгофа (с момента публикации произведения и до сего дня) так и не смог уличить его во лжи. Сложнее – с обвинениями в “искажениях” и карикатурности. Мариенгоф действительно играет с фактами, меняя освещение, ракурс, риторический акцент для подтверждения своих пристрастных тезисов – и при этом не жалеет ни друзей, ни врагов, ни живых, ни мертвых... Любое одностороннее прокурорское суждение о мариенгофском “романе” неизбежно бьет мимо цели. И вот почему: не только в названии, но и в основе всей книги главное – парадокс, игра контрастами и противоречиями. “Роман без вранья” – текст с двойным дном: самолюбование автора здесь постоянно переходит в самоиронию, а очернительские ирония, напротив, служат контрастом для высокой темы...” (с. 218–219).

Даже эпизод, связанный с судьбой доцента Московского университета Н. Шварца, который, по Мариенгофу, застрелился после жестокого есенинского разгрома шварцевского “Евангелия от Иуды”, а на самом деле отравился кокаином вне всякой связи с этим разгромом, по мнению авторов, “по сути ничего не меняет” (с. 218). Было бы любопытно разобрать еще пару эпизодов “навскидку” из упомянутого “Романа” и подумать – “меняет” ли что-либо в нашем восприятии мариенгофской книги этот поверхностный анализ.

Эпизод первый:

“Как-то, не дочитав стихотворения, он схватил со стола тяжелую пивную кружку и опустил ее на голову Ивана Приблудного – своего верного Лепорелло. Повод был настолько мал, что даже не остался в памяти. Обливающегося кровью Приблудного увезли в больницу.

У кого-то вырвалось:

– А вдруг умрет?

Не поморщив носа, Есенин сказал:

– Меньше будет одной собакой!”

С Приблудным Есенин познакомился осенью 1923 года, уже после того, как разорвал всякие отношения с Мариенгофом. В одной компании они не встречались, и свидетелем никакой подобной сцены Мариенгоф быть не мог. Но самое интересное другое: никто больше, кроме автора “Романа без вранья”, не вспоминает об этом эпизоде. Остается лишь предположить совершенно клиническую сцену: встречались трое – Есенин, Мариенгоф и Приблудный, – а в больницу Приблудного доставлял лишь Мариенгоф... Но в таком случае – у кого это вырвалось: “А вдруг умрет?” У самого Мариенгофа?

Дальше – больше. Подобный эпизод в принципе не мог развиваться без участия милиции. Копии протоколов пребывания Есенина в милицейских отделениях, слава Богу, сохранились. Тщетно искать в них описание подобной сцены. И уж во всяком случае невеста, а потом и жена Приблудного Наталья Милонова не могла бы не знать о случившемся. Но в записанных за нею воспоминаниях не сообщается ни о чем, даже отдаленно похожем на сцену из “Романа”.

Эпизод второй:

“Из всей литературы наименее по душе была нам – литература военного комиссариата...”

Зажмурили глаза, а вести стали ползти через уши.

С перепугу Есенин побежал к комиссару цирков – Нине Сергеевне Рукавишниковой, жене поэта.

Циркачи были освобождены от обязанности и чести с винтовкой в руках защищать республику.

Рукавишникова предложила Есенину выезжать верхом на коне и читать какую-то стихотворную ерунду, сопровождающую пантомиму.

Три дня Есенин гарцевал, а я с приятельницами встречал и провожал его громовыми овациями.

Четвертое выступление было менее удачным.

У цирковой клячи защеколало в ноздре, и она так мотнула головой, что Есенин, попрыгавший к ее спокойному нраву, от неожиданности вылетел из седла и, описав в воздухе головокружительное сальто-мортале, растянулся на желтой арене.

– Уж лучше голову сложу в честном бою, – сказал он Нине Сергеевне. С обоюдного согласия полугодовой контракт был расторгнут”.

Оставим в стороне отсутствие неумолимого факта – воспоминаний “приятельниц”, других “циркачей” и вообще очевидцев этой забавной сцены... Если бы подобный “цирк со звездами” имел место в реальности – будьте уверены: хоть одна, хоть две газеты того времени дали бы если не красочный репортаж, то содержательную заметку о происшедшем. Ни одна выходка имажинистов без внимания прессы или работников органов внутренних дел не обходилась. Уж в мемуарах потом описывались самые ничтожные “подвиги”... А что касается Есенина – да тут мимо бы никто не прошел!

И интересное, однако, отношение власти к дезертирам! Да если бы на самом деле призыв в действующую армию в условиях гражданской войны грозил имажинистам – никакой “цирк” бы не помог. Дезертиров попросту, не заморачиваясь, ставили к стенке, не составляя никаких протоколов, не заводя никаких номерных “уголовных дел”... Так что “в честном бою” – оставляем на совести Мариенгофа.

Свидетель у нас опять же один – наш мемуарист. Впрочем, свидетель фальшивый. И подтверждение тому – эпизод из воспоминаний его же друга и соратника Вадима Шершеневича, которые называются “Великолепный очевидец”.

“Долгие годы Рукавишников был женат на какой-то брюнетке, купеческой дочери из Одессы. Жил с ней недружно и оборванно. Позже она стала комиссаром цирков, и Рукавишников выступал несколько раз в цирке: читал стихи с лошади. Конечно, свалился”.

Кажется, ясно. Проще всего приписать историю с одним персонажем – “для пушечного впечатления” – другому, да еще и страху нагнать... Дескать – во как жили! У-ю-юй!

Страха, на самом деле, хватало. Но не сочиненного Мариенгофом, а вполне реального, жизненного.

И возможные ссылки О. Лекманова и М. Свердлова на “художественное воображение” писателя здесь не проходят. Они сами выбили этот “kozyрь” из своих собственных рук, в очередной раз “уличая” Есенина:

“Позже, как бы отвечая на вопрос, где он был во время Февральской революции, Есенин сочинит немало по-хлестаковски вдохновенных легенд. Так, в поэме “Анна Снегина” он заговорит от имени фронтовика-дезертира, измученного войной “за чей-то чужой интерес” (с. 140).

И далее, цитируя строки из поэмы – сцену встречи героя и Анны после гибели ее мужа, – тут же соотносят историю героини с историей прототипа: опять все на самом деле было не так!

“Поскольку у реальной Лидии Кашиной не было мужа-белогвардейца (да и вообще не было мужа – с Николаем Кашиным Лидия Ивановна была в фактическом разводе с 1916 года), ее взаимоотношения с Есениным развивались в совершенно ином ключе” (с. 197).

Можно подумать, что писал Есенин на лиро-эпическую поэму, а мемуар о своей жизни. Можно подумать, что Лекманов и Свердлов не понимают разницы между автором поэмы и ее героем. Понимают прекрасно! Но – лукавят.

Больше об “Анне Снегиной” не будет в “Биографии” ни слова. Этот поэтический шедевр, одно из главных произведений Есенина последнего периода его жизни – прокатился мимо авторов, “как по паркету”, пользуясь выражением одного мемуариста, который словно ослеп и ослеп, когда Есенин читал ему свое только-только завершённое произведение.

...Естественнее всего было бы, конечно, заключить, что клиническое вранье Мариенгофа попросту исключает возможность ссылки на него мало-мальски добросовестными исследователями, тем более что многие “персонажи” его “Романа” отказались общаться с автором после выхода книги, о чем наши биографы прекрасно знают, но, естественно, не упоминают. Однако не так все просто на самом деле ни с этим “Романом”, ни с “враньем”, в нем содержащемся.

Дело в том, что первый вариант книги под заголовком “О Сергее Есенине. (Воспоминания)” вышел по горячим следам гибели поэта в 1926 году. Сцены, описанные в этой тоненькой книжечке, посвященные истории создания поэмы “Кобыльи корабли”, “Сорокоуст”, стихотворения “По-осеннему кычет сова...”, вызвали доброжелательный интерес у читателей и критиков и не

спровоцировали никакой отрицательной реакции. Во всяком случае, книжка Мариенгофа в общем потоке “литературы о Есенине” в тот год была отмечена, и отмечена в целом положительно.

А дальше произошло следующее. Видя, каким успехом пользуются на рынке л ю б ы е книги о только что погибшем поэте, как сметаются с прилавков наравне со сборниками разнообразных воспоминаний, книжками Ивана Розанова и Софьи Виноградской низкопробные брошюры Алексея Крученых, Мариенгоф включил свою деловую вставку, которой не единожды восторгаются на протяжении “Биографии” М. Свердлов и О. Лекманов. В мемуаристе заговорил опытный делец – и Мариенгоф прекрасно понял, на что клюнет публика: на соответствующий образ Есенина в контексте жизни литературной богемы конца 1910-х – начала 1920-х годов, написанный пером “лучшего друга”. Здесь уже было не до совести, не до истины, не до уважительного отношения к современнику. “Налетай, торопись, покупай живопись!” В ход пошло все: Есенин, падающий с лошади; Есенин, разбивающий голову Ивану Приблудному; Есенин, заставляющий мемуариста “вытереть носы” цветам на ковре; хлещущая с утра водку Изадора Дункан (ирландка по происхождению, она всегда предпочитала произносить свое имя в ирландском звучании – так мы и будем поступать в дальнейшем); Клюев, сбегавший из Москвы по получении сапог, шитых за счет Есенина... А самое главное – в ход пошел тот образ поэта и человека, который идеально совпал с образом, нарисованным Львом Сосновским в статье “Развенчайте хулиганство!”, а потом – Николаем Бухаринным в “Злых заметках”. Деловой интерес (за три года разошлись три издания книги, объемом в несколько раз превышающей предыдущие “Воспоминания”) сопровождала политическая конъюнктура.

Уже одно это соображение могло бы остудить пыл авторов, в самых красивых словах оценивающих “Роман без вранья”. При том, что другого писателя, позволившего себе в мемуарной книге изрядную долю “художественного воображения” и не слишком тепло пишущего о Есенине, они характеризуют как “завистливого Пимена Карпова” и утверждают, что тот “в мемуарах Есенина охаял” (с. 99). Неизмеримо большее охаивание Есенина Мариенгофом превозносится, ибо мариевский “Роман” для наших биографов – незаменимый источник информации.

Так же, как и другая книга, без цитат из которой они не в состоянии представить себе главу “Иван-царевич и Жар-птица: Сергей Есенин в погоне за мировой славой”, посвященную заграничному путешествию поэта. Речь идет о мемуарах Мэри Дести “Нерассказанная история”.

Подходцы (по другому не скажешь) к нужным цитатам весьма своеобразные.

“Кульминацией есенинского пьянства, всевозможных маний и фобий стали два самых громких скандала заграничного периода: первый случился в Нью-Йорке, в Бронксе, незадолго до отъезда из США, второй – в фешенебельном отеле “Крийон” сразу по прибытии во французскую столицу” (с. 457).

Далее следует большая цитата из Вениамина Левина, посвященная скандалу в Бронксе (цитата, предусмотрительно усеченная авторами “Биографии” – и об этом еще будет разговор), – и сразу, без паузы, переход к парижскому отелю “Крийон” – с соответствующей цитатой из Дести о том, как якобы “в номер вломилась шестеро полицейских и забрали мсье в полицию, после того как он пригрозил убить их и переломать в комнате всю мебель, высадил туалетный столик и кушетку в окно”... Наши авторы, приняв все на веру, не моргнув глазом, делают свои глобальные выводы:

“... Поэт не только производил впечатление маленького ребенка, уже не отвечающего за свои поступки, – после американского турне он, по воспоминаниям Адамовича, “был жалок, измучен, он был насмерть подстрелен”.

И поэтому никого не удивляли его дальнейшие поступки.

Предательство? Поэт совершил его с детской улыбкой. Что Есенин говорил в своих интервью, в то время как Айседора всеми силами выгораживала его, виновника громких скандалов на двух континентах: дескать, он был на фронте, три раза, да еще и контужен, терпел неслыханные муки во время революции – и при этом еще он “чудесный гений”? Есенин, оказавшись в Берлине один, без Айседоры, обвинял ее в пьянстве и стал жаловаться газетчикам на то, какой адской была их супружеская жизнь...

Воровство? После разгрома номера в отеле “Крийон”, когда Есенина забрали в полицию, Дункан обнаружила в его портфеле припрятанные им две тысячи долларов. “Господи, Мэри, — воскликнула она, открыв портфель, — неужели я вскормила змею на своей груди? Нет, не верю, бедный Сережа. Я уверена, что он и сам не знал, что делал” (с. 459—460).

Естественный вопрос — можно ли верить Дести? — авторы упреждают коротеньким примечанием: “О достоверности этих сведений, сообщаемых Дести, см.: McVay G. Isadora and Esenin. P. 156” (с. 460).

Я могу себе представить не слишком искушенного и не знающего в существенных подробностях биографию Есенина читателя, который возьмет в руки книгу О. Лекманова и М. Свердлова и будет ошеломлен, если не раздавлен, обилием цитат, ссылок на мемуарные источники, что, естественно, создаст впечатление абсолютной информированности авторов, а также несомненности информации, ими выплескиваемой. Посему разобратся стоит по существу.

Прежде всего: откуда авторы взяли “детскую улыбку”? Их собственное “художественное воображение” подсказало? Или это тоже свидетельство “научной добросовестности”?

Далее: невозможно, обратившись к первоисточникам, не заметить, насколько оригинально Изадора “выгораживала” своего супруга. Чего стоит хотя бы заголовок в парижском издании газеты “Chicago Tribune”:

“Он сумасшедший”, — вот приговор Айседоры беглецу-мужу”.

В-третьих: выдавать, как стопроцентно надежный источник информации, без каких-либо комментариев, — продукцию американских газетчиков, способных все что угодно досочинить и придать всему “нужный” ракурс?.. В подобную наивность наших биографов я, извините, не верю. И мое недоверие имеет под собой все основания: уж больно интересно они сами обращаются с цитируемым документом.

Приводят заявление Есенина из газеты “The New York World”: “Я был дурак... Я женился на Дункан ради ее денег и возможности попутешествовать” (с. 460). После чего цитата “аккуратно” обрывается и перед глазами читателя предстает образ безнадежно испорченного альфонса. Но дело в том, что, при всей тенденциозности заметок о Есенине и Дункан, эти газетные материалы в самом деле могут послужить богатым источником для понимания того, в каком душевном состоянии находился Есенин в финале своего заграничного “турне”. Поэтому приведем данную цитату в более полном виде:

“Сергей Есенин, муж Изадоры Дункан, остановившийся в Берлине на пути в Россию, выплеснул поток русской искренности и открытости. Молодому поэту надоел его брак, надоели жены, Америка и все на свете, кроме искусства, найти которое можно только в Москве.

Когда разговор зашел о его темпераментной жене, его нападки стали еще более резкими, и у него вырвались такие слова:

“Я не буду жить с ней даже за все деньги, какие есть в Америке. Как только я приеду в Москву, я подам на развод. Я был дураком. Я женился на Дункан ради ее денег и возможности попутешествовать. Но удовольствия от путешествия я не получил. Я увидел, что Америка — страна, где не уважают искусство, где господствует один тупой материализм. Американцы думают, что они замечательный народ, потому что они богаты, но я предпочитаю бедность в России”.

Вырисовывается несколько иная картина, не правда ли? И в данном контексте резкие слова о Дункан уже воспринимаются, как выплеск раздражения, причины которого неизмеримо более существенны, чем представляется в процессе чтения главы “Иван-царевич и Жар-птица”. Так что никакое “предательство” тут ни при чем... Кстати сказать, многие слова и поступки Есенина, если угодно, “симметричны” многим словам и поступкам самой Изадоры Дункан. Так, она заявила Службе международных новостей:

“Я никогда особенно не верила в брак, а теперь я верю в него меньше, чем когда-либо... Я вышла замуж за Сергея лишь для того, чтобы помочь ему получить американский паспорт. Он гений, а брак между артистическими натурами невозможен... Вы знаете, некоторые русские не уживаются в другой стране. В этом была трагедия Нижинского. Сергей — такой же”.

А что касается скандала в отеле “Крийон”, то это был своего рода “ответ” Есенина на разгром, который в припадке ревности учинила Дункан в Берлине в пансионе на Уландштрассе, разгром, красочное описание которого оставила Наталья Крандиевская-Толстая — его авторы приводят в своей книге на с. 448.

Но у скандала в “Крийоне” была гораздо более существенная подоплека.

Есенин все заграничное путешествие мучился от невозможности писать — он нигде не мог найти уединения. И тем не менее при том чудовищном режиме, который ему устроила Изадора, он умудрялся-таки работать над стихами, которые потом вошли в цикл “Москва кабацкая”, над первым вариантом “Черного человека” и — самое главное — над “Страной негодяев”, замысел которой возник еще в России. Первая публикация сцены “Экспресс № 5” снабжена датой “14 февраля 1923 года”, а местом написания указан Нью-Йорк. Составители 3-го тома “Летописи жизни и творчества С. А. Есенина” справедливо полагают, что “возможно, начав этот фрагмент в Нью-Йорке, Есенин продолжал работу над ним на пути в Европу вплоть до приезда в Париж”. Это косвенно подтверждают буквальные совпадения слов Есенина, обращенных позже к Софье Толстой, о нью-йоркской бирже (“Это страшнее, чем быть окруженным стаей волков”) со словами Дункан прессе: “Я потеряла четыре месяца жизни на поездку в Америку. Это была мука. К моему мужу в Америке относились хуже, чем когда-либо в России. Американцы похожи на стаю волков... Америку основала шайка бандитов, авантюристы, пуритане и первопроходцы. Теперь всем заправляют бандиты... Американцы сделают что угодно за деньги. Они продадут свои души, своих матерей и своих отцов. Америка больше не моя родина...” Тональность и смысл ее слов во многом совпадают с тональностью и смыслом монолога Никандра Рассветова из указанной сцены “Страны негодяев”. И эту сцену, Есенин, очевидно, дописывал именно 14 февраля, остановившись в “Крийоне”. Слишком много значила эта работа для поэта, если, вынужденный не по своей воле оторваться от нее в очередной раз, он буквально пришел в бешенство.

Так что за свои поступки Есенин отвечал прекрасно. Во всяком случае, причина их вполне понятна сведущему и не ангажированному человеку. И ни о каком “маленьком ребенке” с притворной жалостью говорить не приходится.

И уж тем более очевидна причина скандала в Бронксе в компании еврейских литераторов и журналистов. Авторы “Биографии”, начав цитировать воспоминания Вениамина Левина со слов “... Схватил ее так, что ткань затрещала, и с матерной бранью не отпускал...” и вплоть до криков поэта “Распинайте меня, распинайте меня!.. Жиды, жиды, жиды проклятые!” (с. 457. При последних репликах Левин не присутствовал, он выписал их со слов Мани-Лейба, проверить подлинность которых не представляется возможным) — опять же аккуратно опустили весь предшествующий текст, который один по сути и объясняет причину случившегося.

“Есенин сразу почувствовал, что попал на зрелище... Какие-то незнакомые мужские фигуры окружили Изадору... Она улыбалась всем мило и радостно. Сразу же пошли по рукам стаканы с дешевым вином, и винные пары с запахом человеческого тела скоро смешались. Я слышал фразочки некоторых дам:

— Старуха-то, старуха-то ревнует!..

Это говорилось по-еврейски, с наивной простотой рабочего народа, к которому они принадлежали, и говорили это об Изадоре: это она была “старуха” среди них, лет на десять старше, но главное, милостью Божьей великая артистка, и ей нужно было досадить. При всем обществе Рашель обняла Есенина за шею и говорила ему что-то на очень плохом русском языке. Всем было ясно, что все это лишь игра в богему, совершенно невинная, но просто неразумная. Но в той бездуховной атмосфере, в какой это имело место, иначе и быть не могло...”

Хуже атмосферы для чтения стихов придумать было невозможно. И все же Есенин уступил просьбам и начал читать первую сцену именно из “Страны негодяев”:

З а м а р а ш к и н:

Слушай, Чекистов!..

С каких это пор

Ты стал иностранец?

Я знаю, что ты

Настоящий жид.

Ругаешься ты, как ярославский вор.

Фамилия твоя Лейбман,
И черт с тобой, что ты жил
За границей. . .
Все равно в Могилеве твой дом.

Ч е к и с т о в :

Ха-ха!
Ты обозвал меня жидом?
Нет, Замарашкин!
Я гражданин из Веймара
И приехал сюда не как еврей,
А как обладающий даром
Укрощать дураков и зверей.
Я ругаюсь и буду упорно
Проклинать вас хоть тысячи лет,
Потому что. . .
Потому что хочу в уборную,
А уборных в России нет.
Странный и смешной вы народ!
Жили весь век свой нищими
И строили храмы Божие. . .
Да я б их давным-давно
Перестроил в места отхожие.
Ха-ха!
Что скажешь, Замарашкин?
Ну?
Или тебе обидно,
Что ругают твою страну?
Бедный! Бедный Замарашкин. . .

З а м а р а ш к и н

Черт-те что ты городишь, Чекистов!

Посыл был абсолютно по адресу — по адресу собравшихся еврейских трюкистов, обосновавшихся в Америке, — с четким одновременным отсылком к отечественным “чекистовым” и главному прототипу “комиссара железнодорожной линии” — кровавому наркомвоенмору. Перечитывая ныне этот диалог, ловишь себя на мысли о настоящем пророчестве поэта — не только в области исторических реалий, но и в отношении будущих персонажей: слишком узнаваемы реплики “комиссара” в устах иных нынешних политических деятелей. “Или тебе обидно, что ругают твою страну? Бедный, бедный Замарашкин. . .”

А тогда — тогда собравшиеся все прекрасно поняли и отреагировали на “оскорбление” своего кумира соответственно. “Оказавшись в стороне от четы Есениных, я услышал, как стоявший у камина человек среднего роста в черном пиджаке повторил несколько раз Файнбергу, угощавшему вином из бутылки:

— Подлейте ему, подлейте еще. . .

Позже я узнал этого человека, автора нескольких пьес и романов — ему хотелось увидеть Есенина в разгоряченном состоянии. . .” Своего эта компания в конце концов добилась: “И огромная неожиданная толпа, которая пришла глазеть на них, и невозможность высказать все, что хотелось, и вольное обращение мужнин с его Изадорой, и такое же обращение женщин с ним самим, а главное — вино. . .” Вино все же было не главным — оно лишь сыграло роль спускового крючка. Главным было отношение окружающих, что, наконец, и подтвердил Вениамин Левин, говоря о последствиях происшедшего скандала: “Назавтра во многих американских газетах появились статьи с описанием скандального поведения русского поэта-большевика, “избивавшего свою жену-американку, знаменитую танцовщицу Дункан”. Все было как будто правдой и в то же время неправдой. Есенин был представлен “антисемитом и большевиком”. . . Стало ясно, что в частном доме поэта Мани-Лейба на “вечеринке поэтов” присутствовали представители печати — они-то и предали

“гласности” всю эту пьяную историю...” Любой наш современник, зная нравы и отечественной, и зарубежной “желтой прессы”, может подтвердить: ничего с тех пор не изменилось.

Но у авторов “Биографии” свое, “добросовестное”, видение ситуации: “Впрочем, продажность западной прессы здесь ни при чем. Просто постепенно, и именно в Америке, есенинские скандалы приобретали все более неконтролируемый, клинический характер – американские газетчики и не думали этого скрывать” (с. 456).

Из всего левинского описания “вечеринки” О. Лекманов и М. Свердлов используют лишь картину непосредственного скандала, в результате чего необратимо искажается вся причинно-следственная связь. Точнее, она даже не искажается – просто конкретная сцена изымается из своего естественного контекста, после чего уже нетрудно представить поэта, одержимого “демонами неврастении и шизофрении”, “всевозможными маниями и фобиями”. Но самое главное: причины происшедшего – сцены из “Страны негодяев” – как будто нет в природе. Разговор об этом произведении у авторов “Биографии” отсутствует как таковой – лишь название драматической поэмы единственный раз упоминается в более чем шестистотстраничном томе.

Указание Н. Шубниковой-Гусевой на эту, с позволения сказать, “лакуну” вызвало у наших авторов какую-то совершенно неадекватную реакцию: “Ну а в связи со “Страной негодяев” (и другими поздними опытами вроде “Песни о великом походе” и “Поэмы о ЗБ”) напомним: наша книга не относится к жанру “жизнь и творчество”, требующему монографического разбора всех крупных произведений поэта. “Биография” гораздо свободнее в выборе, оставляя возможность не останавливаться на неудачных или тупиковых (по нашему мнению) произведениях”.

Уже одно это признание ставит крест на всех разговорах о “добросовестности” разбираемой книги. Прежде всего: “Страну негодяев” невозможно ставить в один ряд с “Песней о великом походе” и “Поэмой о ЗБ” – и это подтвердит любой более-менее квалифицированный литературовед. Далее: одно из центральных произведений поэта, – пьеса, каждая строчка которой и сегодня буквально жжёт пальцы, – не может быть столь снобистски проигнорировано, тем более, что сам Есенин работал над ним до последнего дня, и уже по определению не мог считать его своей “неудачей”. Кстати, не худо бы выяснить, куда сами авторы относят “Страну негодяев”: к “неудаче” или к “тупику”? Все же здесь есть существенная разница. И если это, по их мнению, “тупик”, то о какой “добросовестности” можно вообще говорить?

Но – попытаемся. Дальше. Всё о той же добросовестности. О которой, судя по всему, должна свидетельствовать цитационная и ссылочная дотошность М. Свердлова и О. Лекманова. Вы еще не забыли обвинение Есенина в воровстве, когда представляется самый, по мнению биографов, надежный “свидетель” сего деяния – Мэри Дести, свидетельство которой должен был подкрепить (“см.”) английский исследователь Гордон Маквэй? Осуществляем действие “см.” – открываем соответствующую страницу книги Гордона Маквэя “Isadora and Esenin” в ожидании найти еще одно свидетельство другого человека, полицейский протокол, в конце концов, газетное сообщение со ссылкой на еще одного-двух свидетелей... Не обнаруживаем ничего подобного. Маквэй ссылается на ту же Мэри Дести, то есть попросту верит ей на слово.

Кто же такая Мэри Дести? И вот тут добросовестнее всего, на мой взгляд, привести мнение, как мне представляется в данном случае, достаточно компетентного человека, ссылающегося на современников той, отдаленной от нас эпохи.

В 1995 году в русском переводе вышла в свет книга Ирмы Дункан и Аллана Росс Макдугалла “Русские дни Айседоры Дункан и ее последние годы во Франции” (она многозначительно отсутствует в “избранной библиографии” к книге О. Лекманова и М. Свердлова, хотя в тексте они дважды приводят цитаты из нее – то есть с самой книгой наши биографы знакомы). Ожидать знания и понимания личности и поэзии Есенина от авторов не приходится – и здесь к ним не может быть никаких претензий (страницы, посвященные Есенину, преимущественно заполнены цитатами из того же Анатолия Мариенгофа), но портрет Изадоры, написанный ими, представляет собой большой интерес. Книгу предваряет вступление переводчика Г. Г. Лахути, в котором написано буквально следующее:

“Велика литература об Айседоре Дункан на английском языке. Однако “советский период” ее жизни и там освещен недостаточно полно, а во многих источниках изобилует неточностями и даже “развесистой клюквой”. Особенно это относится к вышедшей в 1929 году в Нью-Йорке книге Мэри Дести “Нерассказанная история. Жизнь Айседоры Дункан в 1921–1927 гг.”. Женщина ограниченная и склонная к безудержной рекламе и фантазированию, занимавшая в течение недолгого времени скромную должность компаньонки при Айседоре, она написала свою версию последних лет ее жизни, прямо-таки переполненную недостоверными и полумифическими историями. По Дести выходит, что она сама танцевала ничуть не хуже Айседоры и оставила это занятие, только чтобы не вызывать ревности и зависти последней; что вообще танцевать босиком придумала она; что Айседора хотела и чуть ли не завещала ей свою неоконченную автобиографию; что ей, Дести, был устроен триумфальный прием в московской школе Дункан, куда она зашла во время своего краткого визита в Москву после смерти Айседоры, причем все ученицы якобы уверяли, что она похожа на Айседору, и смотрели на нее с обожанием. Все эти утверждения являются абсурдным вымыслом, а последнее вызвало дружный хохот очевидцев визита в школу учениц Ирмы – уже упоминавшейся Е. В. Терентьевой и Е. Н. Федоровской. Даже американское турне Ирмы с ученицами устроил, оказывается, не Сол Юрок, а опять же вездесущая Мэри! Телеграмму, посланную Айседоре в Ялту из Москвы Галиной Бениславской, она приписывает С. А. Толстой... и т. д. и т. д.

И вот эту книгу, единодушно признанную недостоверной и ни разу по этой причине не переиздававшуюся на Западе, Издательство политической литературы в Москве (ныне издательство “Республика”) выпустило в 1992 году тиражом в 100 тысяч экземпляров под одной обложкой с третьим за последние два года переизданием книги А. Дункан “Моя жизнь”... Айседора не успела написать ни о России, ни о Есенине, и ее собственный текст в сборнике доходит только до ее намерения поехать в Россию в 1921 году. Пребывание же ее в России и отношения с Есениным даны только в более чем вольном пересказе Дести... Она воспроизводит по памяти устные рассказы Айседоры, приукрашивая их своими домыслами, так что получается “испорченный телефон”...

Можно ли верить данному человеку вообще, даже там, где он выставляет себя “живым свидетелем” или “очевидцем”? Ссылаться в каком бы то ни было контексте на этот “испорченный телефон”, на эту безудержную лгунью и фальсификаторшу – значит, потерять к себе всякое уважение, как к исследователю. Но, похоже, наши авторы своими ссылками преследовали вполне определенную цель.

... Волей-неволей хочется отойти на полшага в сторону и провести небольшую, достаточно отдаленную аналогию... Во втором томе “Записок об Анне Ахматовой” Лидии Чуковской приведена забавная сцена. Анна Андреевна слушает цитируемую ей “внутреннюю рецензию” некоего Ложечко: “Ритм обыкновенный, рифма нормальная, поэтика на среднем уровне”... У Ахматовой искажается лицо, следует удар кулаком по столу, а вслед за ударом – красноречивая реплика:

– Это бандит! Это бандитизм!

Обрадованная ахматовской реакцией Чуковская пишет, что “Ложечко надо лишить права рецензировать рукописи за эту одну-единственную фразу”.

Я вспомнил эту несколько комичную сцену, в которой реакция двух писательниц на достаточно безобидного, безграмотного рецензента может показаться несколько неадекватной... И подумал о том, что приемы, применяемые О. Лекмановым и М. Свердловым, могут вполне быть квалифицированы с этой точки зрения как если не литературный бандитизм, то как ярко выраженное литературное жульничество.

* * *

Неустанное “разоблачение” Есенина авторами “Биографии” их самих заводят в безнадежный тупик. Честно говоря, читая иные пассажи книги, проникаешься невольным чувством жалости к биографам, чувством, смешанным с ощущением какого-то трагикомизма происходящего.

“Не только поэтика символизма, но и символистская концепция жизнестроительства уже оказывает существенное воздействие на молодого Есенина. Едва ли не впервые он всерьез задумывается о своем внешнем облике: теперь он хочет выглядеть *поэтом деревенской Руси*” (с. 55). Далее, со ссылками опять же на многочисленных мемуаристов, рисуется картина есенинского переодевания из “коричневого костюма” не то в “подержанную деревенскую поддевку”, не то в “крестьянскую рубашку” (с. 55–56). Здесь естественнее всего было бы вспомнить, что инициатором “костюмированного переодевания” Есенина был Сергей Городецкий – сам неустанный стилизатор и “жизнестроитель”... Но наших авторов не проведешь. В их интерпретации есенинская “стратегия” начинается аж в 1914 году.

“О том, что все эти переодевания были не случайными, а входили в продуманную есенинскую стратегию поиска своего образа, непровержимо свидетельствуют строки из письма Есенина к Марии Бальзамовой от 29 декабря 1914 года. Это юношеское письмо выглядит тем не менее как прозаический набросок к предсмертному есенинскому “Черному человеку”. Прямо называя своим жизненным руководителем поэта-символиста Федора Сологуба, Есенин с удивительной откровенностью, хоть и несколько рисуясь, обнажает перед Бальзамовой едва ли не основное свойство собственной личности: отсутствие подлинного нравственного стержня, позволяющее примерить на себя любые маски в стремлении во что бы то ни стало полнее и эффективнее выявить разнообразные грани своего таланта...” Далее следует цитата из письма, не оставляющая сама по себе камня на камне от этих глубокомысленных умозаключений: “Мое я – это позор личности, – пишет Есенин Бальзамовой. – Я выдохся, изолгался и, можно даже с успехом говорить, похоронил или продаю душу черту, и все за талант. Если я поймаю и буду обладать намеченным мною талантом, то он будет у самого подлого и ничтожного человека – у меня ... /.../”

*Хулу над миром я поставлю
И соблазняя — соблазню.*

Эта сологубовщина – мой девиз” (с. 56–57).

Думаешь с горьким смехом: да кто из нас в юности, неизбежно рисуясь, не писал подобных писем?! При чем здесь “Черный человек”? Тянуть к нему канат от этого юношеского письма – значит, безбожно фальсифицировать всю есенинскую творческую эволюцию. Цитировать, что “эта сологубовщина – мой девиз”, и комментировать эту цитату фразой “прямо называя своим жизненным руководителем поэта-символиста Федора Сологуба” – значит, не видеть или не желать видеть злой иронии Есенина над самим же Сологубом... И тут же следует тактический ход биографов: шаг вперед – два шага назад. “Не нужно, впрочем, забывать, что и к этому признанию следует отнестись с определенной осторожностью, как к о ч е р е д н о м у (выделено мной. – С. К.) есенинскому актерскому монологу” ... Дескать, мы – не мы и лошадь не наша, понимайте, как знаете. А далее – еще одна оговорка, указывающая на “органичные” есенинские черты, “неизменно притягивающие к Есенину союзников и просто сочувствующих” (с. 57).

Только что значат все эти отступления и оговорки по сравнению с главным тезисом, подчеркнутым, можно сказать, жирной чертой: “отсутствие подлинного нравственного стержня”? Тем более что в “ответе” Н. Шубниковой-Гусевой авторы настаивают на нем, как на одном из “китов”, на которых базируется их “Биография”. “Есенин – “профессиональный шармер” – одна из основных тем книги”. Неправда – это побочная тема, оттеняющая четыре основных: “сила есенинской поэзии”, “обаяние его личности” “отсутствие у него нравственного стержня”, “трагедия поэта”...” При том, что сами же приводят в книге текст письма Есенина к Анне Сардановской от июля 1916 года, в котором содержатся следующие, никак не комментируемые авторами строки: “Прости, если груб был с тобой, это напускное, ведь главное-то стержень, о котором ты хочешь маленькое, но имеешь представление” (с. 128).

Между прочим, содержание эти строки отталкиваются от строк письма Александра Блока Сергею Есенину от 22 апреля 1915 года: “...Путь Вам, может быть, предстоит не короткий, и, чтобы с него не сбиться, надо не торо-

питься, не нервничать. За каждый шаг свой рано или поздно придется дать ответ, а шагать теперь трудно, в литературе, пожалуй, всего труднее. Я все это не для прописи Вам хочу сказать, а от души; сам знаю, как трудно ходить, чтобы ветер не унес и чтобы болото не затянуло. . .” Это письмо Блока авторы приводят, опять же никак не комментируя, на с. 86, а на с. 370, “вспомнив” (их слова!) “улыбку больного умирающего Блока”, квалифицируют ее как свидетельство того, что “вывод сделан: Есенин уже за “недозволенной чертой”, его уже “затянуло болото”. . . И нет ни малейшего понимания (или аккуратно создается видимость этого “непонимания”), что в предсмертии 1921 года Блок уже отстранился от всего, прощаясь этой улыбкой со всей земной юдолью.

Итак, если слушать наших биографов, Есенин – человек, лишенный нравственного стержня. При этом чудовищный славолюб и, если угодно, гениальный стратег в выстраивании своего пути ради добычи этой самой славы (интересно, как одно может совмещаться с другим: стратег без твердого внутреннего стержня – не стратег). Доходит в полном смысле этого слова до анекдота. “Трудно предположить, что Есенин к началу марта 1915 года ничего не знал о клюевских контактах с Блоком: судьбой Клюева он, без сомнения, интересовался живо и ревниво” (с. 66). Где доказательства, где фактические подтверждения такого, если угодно, глобального стратегического сценария по проникновению в дом Блока следом за Клюевым? Одно-единственное: перефразировка строк Клюева в письме к Александру Ширяевцу. При том, что о знакомстве Есенина со стихами Клюева до есенинского приезда в Петроград писали не один десяток раз, на протяжении многих лет, не делая, естественно, из этого общеизвестного факта никаких смехотворных выводов. А то можно подумать, что Есенин какими-то таинственными путями вызнавал “тайну” переписки Блока и Клюева, добывал сведения об их встречах через третьих лиц и подстраивал под узнанное свои “славолюбивые” планы.

Скажите, утрирую? А вы перечитайте еще раз эту замечательную фразу О. Лекманова и М. Свердлова (или кого-то одного из них) и скажите – какой можно извлечь из нее смысл?

А что касается “поэтики символизма”, то никто никогда не отрицал, что на первых порах Есенин испытал сильное влияние Блока – и сам писал о “благом косноязычии символизма” (хотя влияние Клюева было неизмеримо сильнее). . . Только не стоит здесь тенденциозно смещать акценты и – не стоит ли прислушаться к тому же Есенину, говорившему впоследствии:

“... Я этот “символизм” еще в школе мальчишкой постиг. И знаешь откуда? Из Библии. Школу я кончал церковноприходскую (на самом деле учительскую – но в ней преподавались закон Божий, церковная общая и русская история, церковное пение и, между прочим, как отдельный предмет – история раскола. – С. К.), и нас там этой Библией как кашей кормили. И какая прекрасная книжища, если ее глазами поэта прочесть! Мне понравилось, что там все так громадно и ни на что другое в жизни не похоже. Было мне лет двенадцать – и я все думал: вот бы стать пророком и говорить такие слова, чтобы было и страшно, и непонятно, и за душу брало. Я из Исайи целые страницы наизусть знал. Вот откуда мой “символизм”. Он у меня своим горбом нажит”.

А что касается общения со старшими символистами, то не следовало бы передергивать, утверждая, что “статьей Гиппиус о себе в “Голосе жизни” Есенин тогда явно гордился” (с. 79), и, цитируя Рюрика Ивнева, писавшего, что Мережковский и Гиппиус были “очарованы и покорены есенинской музой”, заключать, что якобы “это очарование, без сомнения, было взаимным” (с. 80). Никакой “очарованности” Есениным нет ни в статье Гиппиус, ни в ее позднейших воспоминаниях о нем. Что касается Есенина, то его дарственная надпись “гиппиусихе” “Доброй, но проборчивой. . .”, цитируемая биографами – не более чем знак дистанционного уважения к старшей и не противоречит по сути его словам, запомненным Владимиром Чернявским: “Глупая статья. Она меня, как вещь, ощупывает”. Не стоило ли привести здесь красноречивую цитату из письма Есенина к Н. Ливкину от 12 августа 1916 года: “Я знал, что перепечатка стихов немного нечестность, но в то время я голодал, как может быть, никогда, мне приходилось питаться на 3–2 коп. Тогда, когда вдруг около меня поднялся шум, когда мерещковские, гиппиус и Философов открыли мне свое чистилище и начали трубить обо мне, разве я, ночующий в ночлежке по вокзалам, не мог не перепечатать стихи, уже употр/ебленные/? Я был горд в своем скитании, то, что мне предлагали, я отпихивал. Я имел право просто

взять любого из них за горло, и взять просто сколько мне нужно из их кошельков. Но я презирал их и с деньгами, и с всем, что в них есть, и считал поганым прикоснуться до них. Поэтому решил перепечатать просто стихи старые, которые для них все равно были неизвестны. Это было в их глазах, или могло быть, тоже некоторым воровством, но в моих ничуть...” Именно эти обстоятельства жизни Есенина в Петрограде авторы “Биографии” блистательно проигнорировали. И уж тем более не стоило им придумывать несуществующего: “Имея на руках рекомендательные письма от Городецкого, Мурашева и Мережковских, Есенин предпринял стремительный рейд по редакциям петроградских литературных журналов и газет” (с. 80). Где, хотелось бы знать, эти “рекомендательные письма от... Мережковских”? Существуют ли они вообще? Их не было и быть не могло.

* * *

Авторы прилагают массу усилий, дабы представить Есенина вечным актером, меняющем на протяжении всей своей жизни маски и амплуа. “Есенин взялся играть сразу несколько поэтических ролей, но никакую не превратил в целостный образ” (с. 50). “К роли пролетарского поэта-трибуна Есенина подталкивала прежде всего работа у Сытина” (там же). “Образ поэта-крестьянина, ненавистника города, певца сельских радостей и сельских невзгод с особым усердием отыгрывается Есениным в 1913–1915 годах” (с. 51). “К этому времени Есенин окончательно выбрал для себя амплуа крестьянского самородка, интуитивно заговорившего на языке младосимволистов, отбросив другие, полусыгранные в Москве роли” (с. 61). “...Избрав определенный стиль поведения со своими новыми друзьями, Есенин продолжал отчасти лукавить...” (с. 83). “...Есенин, верный своему обычаю, и в этот период стремился не ограничивать себя единственной, пусть и на “ура” воспринимаемой ролью” (с. 94). Само собой, в ранних стихах Есенина они обнаруживают “лубочное псевдославянское стилизаторство” (с. 108), но не явно, а по принципу контраста: дескать, этого “стилизаторства” уже не было в стихотворении “Лисица”. А раньше, в предыдущих стихотворениях – где они его нашли?

И далее – в том же духе: “Еще не выйдя полностью из роли *Ивана-царевича*, Есенин принялся работать над своим новым образом, заимствованным, впрочем, все из того же “народного” репертуара, только не из сказки, а из разбойничьей песни. Поздней зимой и ранней весной 1916 года поэт впервые основательно примерил на себя маску *ухаря-разбойника*” (с. 119). К слову сказать, стихотворение “В том краю, где желтая крапива...”, цитируемое на этой же странице, было написано в 1915-м, и речь здесь в применении к Есенину должна была идти не о “смене масок”, а о духовной и душевной, внутренней эволюции, о расширении творческого мира, об овладении новым жизненным материалом – и это процесс органичный и мучительный одновременно. Но наши биографы знают этого не хотят и дуют в свою дуду: “Он словно пробовал на язык броские бодлеровские характеристики “падаль и гниль”, которым скоро предстояло прочно войти в есенинский поэтический обиход” (с. 128). Насколько прочно? Сколько раз эти слова повторяются в есенинских стихах? И неужели поэт не имел о них понятия без всякого Бодлера? “...Есенин не высказывал никакого неудовольствия или протеста в связи со своей ролью обласканного двором “поэта-самородка” (с. 139). Неужели? А как быть с письмом М. Мурашеву: “...Клюев со мной не поехал, и я не знаю, для какого он вида затаскивал меня в свою политику”? Проще всего сделать вид, что неизвестно, о какой политике речь – а ведь здесь завязывается самый сложный и драматичнейший узел, в котором скручиваются интересы и княгини Елизаветы Федоровны, и полковника Ломана, и князя Путятина... Но до реальной истории, до окружающей Есенина жизни авторам нет никакого дела. “Ведь как раз Есенин начиная с марта 1917 года будет настойчиво добиваться, чтобы его воспринимали в бунтарском ореоле” (с. 144).

И так, по сути, до конца книги. И, конечно, разговор о “революционном Есенине” не может обойтись без мемуарной статьи Ходасевича. То, что религиозный пафос Есенина был органически сопряжен с религиозным пафосом самой революции, для наших биографов – тайна за семью замками. Проще всего все объяснить Ходасевичем: “Говорить о *христианстве* Есенина было бы

рискованно. У него христианство не содержание, а форма, и употребление христианской терминологии приближается к литературному приему” (с. 157). “Но возникает вопрос, — комментируют Лекманов и Свердлов, — а не является ли “формой” и не “приближается” ли “к литературному приему” также и есенинский языческий, мужицкий миф?” А дальше — великолепный проговор: “Об этом многое, наверное, могли бы поведать филологи формальной школы, вооружившись своими излюбленными терминами, такими как “мотивировка”, “искусство как прием”, “обострение материала”. Увы, формалисты явно недооценили внутреннего поэта: кто только не вдохновлял их на смелые концепции, вплоть до есенинского эпигона Василия Казина, но никак не сам Есенин” (с. 158). Да потому и “не оценили”, потому и “не поведали”, что он оказался этим книжным людям, более всего склонным заниматься “изучением не столько литературы как таковой, сколько вырастающей на ее почве литературной моды” (В. В. Кожин), не по зубам. Они понимали, в отличие от Свердлова и Лекманова (“А ведь именно Есенину парадоксы опоязовцев были бы как раз впору, в его творчестве и биографии они могли бы найти замечательное — и вовсе не тривиальное — подтверждение современности формального метода” — с. 159), что их инструментарий здесь окажется бессилён. Попробовали бы подойти они с ним к той же “Инонии” — тектоническому сдвигу в есенинском мироощущении, попробовали бы проанализировать эту вещь в контексте глубинной полемики с клюевской “Песнью Солнценовца”... Проще всего опять же “разоблачить” поэта, как это делают наши биографы: “В своем письме Есенин с яростью оспаривает значение Клюева, с пояснением: “Говорю Вам это не из ущемления “первенством” Солнценовца и моим “созвучно вторит...” (с. 173). Цитата обрывается, и читатель “Биографии” уже не в состоянии прочесть следующую: “...а из истинной обиды за Слово, которое не золотится, а проклевывается из самого себя птенцом...” Ибо речь идет о самозарождении того Слова, что “было у Бога и было Бог”, и сходит в новый мир, когда “прежнее небо и прежняя земля миновали”... Что до этого нашим авторам! У них свое: “...Гораздо труднее поверить этой оговорке, чем той гиперболе, с которой начинается “Инония”... Не “мы... подходим”, а “я пришел”, настало не “наше время”, а “мое” — вот под каким знаменем отныне ведет Есенин свою литературную борьбу” (с. 173). А вы поверьте, господа хорошие! Может, что и откроется!

Представлять дело таким образом, что “революция была необходима Есенину как поэту для “борьбы за литературную власть” и создания “нужной писательской атмосферы” (с. 159), значит необратимо исказить и путь Есенина, и суть самой эпохи, в которую он жил. То есть подменяет живую реальность искусственной субреальностью. Неоценимый, конечно, здесь материал для наших биографов — приключения имажинистов. Если предыдущий текст лишь “раскручивался”, то в “главе седьмой” он начинает “лететь”. Литературной борьбой, литературными счетами подменяется все. Нет ни гражданской войны, ни голода, ни мятежей, ни крестьянского восстания на Тамбовщине, ни переживания Есениным всего происходящего. А есть “Есенин-щеголь, Есенин-остроумец и Есенин-плут”, который даже “в этих ампулах... всякий раз оставался вторым” (с. 241). То, что не славы он добивался, если опять же перейти от “жизни” к “поэзии”, а еще большего “раздвигания зрения над словом”, совершенствования воплощения тайны мира в слове (“слову с тайной не обняться” — вот что было настоящей причиной его “тоски”) — авторы знать не хотят. И уже не приходится удивляться, что в “Сорокоусте” “добросовестных” биографов “поражает... даже не столько “непечатность” крепких выражений, сколько их внезапность и немотивированная агрессивность” (с. 247). Жизнь самой России того времени для них просто не существует — как тут не сделать вывод о “немотивированности” ругательств, по которым в начальных строках авторы аккуратно проходятся, оставляя весь смысл этой небольшой трагической поэмы “за кадром”... Кстати, могли бы сопоставить цитируемые строчки “Вы, любители песенных блох, не хотите ль пососать у мерина” с посвящением “Сорокоуста” Мариенгофу, который в этом контексте и оказывается “любителем песенных блох”... Тут хочешь, не хочешь, а вспомнишь написанное о Есенине Юрием Домбровским:

“... Я бы близко не подпускал к нему некоторых его друзей, этих чудовищных снобов, которые, одурев от тщеславия, солнце хотели заменить клизмой с розовым лекарством, между “мочой” и “зарей” ставили знак равенства и

выдавали это за внутреннюю покорность творческому закону... Так нагло, так хамски изъяснялись перед всем миром — и это когда! Надо бы драть нещадно за уши тех, кто в тяжелые часы Родины с милой непосредственностью предлагается хохмочкам и высасывает из пальца новые формы”.

Но у наших авторов Есенин никак не выделяется из сообщества “чудовищных снобов”, более того, начальные строки “Сорокоуста” на с. 247 тут же сопоставляются с отвратнейшей “продукцией” Шершеневича, которую я просто не хочу цитировать... Сам же Есенин, оказывается, “начинает браниться с ходу без видимого повода” (с. 248). Надо же, какой хулиган! Значит, туда ему и дорога... “Хулиганство Есенина, таким образом, выламывалось из практики тогдашнего литературного эпатажа: оно было до того “подлинным” (кавычки хороши, не правда ли? — С. К.), до того “черноземным”, что ассоциировалось с хроникой происшествия и милицейским протоколом” (там же). И нет ни поездки Есенина в Ташкент, ни его встреч и бесед с Александром Ширяевцем, ни принципиальнейшего письма к Иванову-Разумнику от мая 1921 года. Есть многостраничные рассуждения о том, чем имажинисты отличались от футуристов, и, само собой разумеется, нет никакого разговора о статье “Быт и искусство”, которую, очевидно, авторы считают то ли “неудачей”, то ли “тупиком”. А к месту было бы процитировать:

“У собратьев моих нет чувства родины во всем широком смысле этого слова, поэтому у них так и не согласовано все. Поэтому они так и любят тот диссонанс, который впитали в себя с удушливыми парами шутовского кривляния ради самого кривляния”.

Или это тоже “немотивированная агрессивность”?

Там же, где речь заходит о “Пугачеве”, мы сталкиваемся, в общем-то, с ожидаемым:

“Есенинская драма — это апофеоз театрализованного стиха. Подобно Маяковскому с его трагедией, Есенин мог бы назвать “Пугачева” своим именем, но и без этого здесь в одном лице соединились — автор, герой, актер” (с. 352).

На все подобные “глубокомысленные” и “добросовестные” умозаключения ответил сам Есенин еще при жизни в разговоре с Владимиром Кирилловым:

“Я сказал, что Пугачев говорит на имажинистском наречии и что Пугачев — это сам Есенин. Есенин обиделся и сказал: — Ты ничего не понимаешь, это действительно революционная вещь. — Говорил он очень характерно, подчеркивая слова замедлением их произношения”. Подчеркивал — революционность мировоззренческую, поэтическую, театральную. И ясно дал понять, что не нацеплял он на себя в этой трагедии никаких “масок” и не подменял героев собой.

Ну да наших биографов не проведешь! Весь пафос их биографического сочинения в том, что не Есенин владел своим талантом, а талант владел им, “человеком без стержня”, и влек его за собой в пропасть — к милицейскому протоколу и дальше: “. . . С каждым годом есенинская внутренняя природа, ну-тро, все больше будет подражать его стихам, все ближе будет к их “нервическому вывиху”, к их “висельному” пафосу...” (с. 372).

Ничего удивительного и в том, как Лекманов и Свердлов подают историю с “делом четырех поэтов”. Само собой разумеется, главный виновник происшедшего — Клюев, а главные свидетельницы — Галина Бениславская и Анна Назарова. Впрочем, “вспышка есенинского антисемитизма была инициирована общением не только с Клюевым, но и с другими крестьянскими поэтами” (с. 480). Об этом же писал в своей мемуарной книге “Все, что помню о Есенине” и Матвей Ройзман, на которого авторы многократно ссылаются на протяжении “Биографии” и чей мемуар в свое время подвергся жесткому, основательному и доказательному разгрому со стороны В. В. Базанова (“Свидетельство очевидца и память истории”, “Русская литература” № 1, 1976) за те же передергивания, ложь и элементарное дремучее невежество.

“Некоторые защитники репутации Есенина совершенно напрасно пытаются представить Родкина лжецом и доказать, что никакой антисемитской подоплеки в деле четырех поэтов не было...” (с. 482). Положим даже, что была — но в чем ее причина? В “нашептываниях” Клюева? Интересно — кто кому и что “нашептывал” в рабочей, крестьянской, интеллигентской, духовной среде в этот же период, когда в ГПУ пачками, томами, ящиками стекались доносы

“о проявлениях антисемитизма”?.. С минимальным, очевидно, числом подобных донесений авторы могли бы ознакомиться, открыв один из сборников серии “Неизвестная Россия”. Как мог бы ознакомиться с ними и Валерий Шубинский, охарактеризовавший в своей статье “Битва мифов” (“Новое литературное обозрение” № 1, 2008) “Биографию”, как “не просто лучшую биографию Есенина, но, возможно, лучшее из того, что вообще было написано о поэте”. Нашей биографии, вышедшей в серии ЖЗЛ к тому времени пятью изданиями (не считая других выпусков), он посвятил две колонки журнального текста, из которых одна – целиком о “еврейском вопросе” (как заклинито!), да еще с утверждением: “Разумеется, “дело четырех поэтов”... вырастает чуть ли не в главный эпизод есенинской биографии” (сущее вранье! “Делу четырех поэтов” уделено в общей сложности с описаниями всех последствий 14 страниц из 70, составляющих одну главу из двенадцати – “Роковой вопрос”, то есть 14 из 590 страниц всей книги). Более того, намеки Шубинского приобретают весьма интересные оттенки, чуть ли не на грани криминальных: “Для Куняевых, в силу их собственных взглядов, невозможно объяснить слова Есенина: “... зачем в русскую литературу лезут еврейские и другие национальные литераторы, в то время когда мы, русские литераторы, зная лучший язык и быт своего народа, можем правильно отражать революционный опыт” – проявлением случайного настроения, а нетрезвые крики про “жидов” – симптомом душевной болезни. Для них это сознательная (и правильная) и идеологическая демонстрация”. Прежде всего, для нас это “дело” было эпизодом, который существует не сам по себе, а в контексте времени, в атмосфере эпохи, в прямой связи с происходящими событиями – от беседы Есенина с Троцким в Кремле и до раскрытия “заговора русских фашистов” во главе с Алексеем Ганиным. Исторического контекста, ни в данном случае, как мы убедились, ни в других не существует ни для Лекманова со Свердловым, ни для Шубинского. Проще всего списать происшедшее на “случайное настроение” и “душевную болезнь”*.

Между прочим, наши “добросовестные” биографы могли бы повнимательнее отнестись к воспоминаниям Анны Назаровой, которая начинает свои описания с мучений, испытанных при тщетных попытках получить для Есенина хотя бы одну комнату в это же время в Москве – как постоянную жилплощадь. “... Зачислить в очередь на ноябрь”. Я была в сентябре. Я начала воз-

* К вопросу о квалификации самого Шубинского. В статье “Битва мифов” он раздаёт безоговорочные оценки не только книгам о Есенине, но и книгам, посвящённым Николаю Клюеву, в контексте рассуждений об исследовательской традиции или “анти-традиции” (в литературе о Есенине – он убеждён – сложилась “анти-традиция”, порождённая “ненужной “народной” славой”)... Сам же взялся писать предисловие к “Избранному” Клюева, вышедшему в издательстве “ОГИ” в 2009 году. И что же мы в нём читаем? “Чем, собственно, занимался поэт до 23-летнего возраста, когда началась его литературная деятельность, толком неизвестно”. 23 года Клюеву исполнилось в 1907-м, первая публикация относится к 1904 году и, начиная с 1905-го, основные вехи клюевской биографии уже давно стали достоянием исследователей. Елена Добролюбова превращается у Шубинского в “Елизавету”. Вопреки утверждению нашего “знатока”, Брихничев не печатал статьи “Новый Хлестаков” ни в какой “Новой жизни” (которую Шубинский, очевидно, перепутал с “Новой землёй”), а распространял в списках по рукам. “Рождество избы” “знаток” лёгким движением пера (или “мыши”) превращает в некое “Рождение избы”. Не делал Клюев ничего, “чтобы избежать призыва” на 1-ую мировую войну – он был освобождён по состоянию здоровья. Никогда не ходил он “в сермяге” и не принадлежал ни к каким фантастическим “поэтам-модернистам из крестьян”. Не “учил” Клюев Есенина “циничным приёмам”, и не была Елизавета Феодоровна “настоятельница” Марфо-Мариинской обители. В РКП Клюев вступил не “в 1917 году”, а годом позже. Не “коллекционировал” он “областные слова” – языком, на котором писал стихи, владел с младенческих лет, ибо слышал вокруг себя эту живописную речь ежедневно. Нет у Клюева книги “Земля и поле” – есть книга “Изба и поле”. На странице 8 предисловия “знаток” вообще путает Клюева с Кузминым, а дальше сообщает о наличии поэмы “Повесть о великой матери” (на самом деле – “Песнь о великой матери”). Надо было умудриться не заметить имени Сергея Клычкова в стихотворении “Клеветникам искусства” и каким-то чудодейственным образом обнаружить клюевские публикации в “Известиях” и “Новом мире”, где поэту якобы “удалось напечатать халтурные “Стихи из колхоза”...” Во-первых, эти стихи – не халтура, во-вторых – напечатаны они были в журнале “Земля советская”. Колпашево невозможно назвать “деревней”, как это делает Шубинский... В общем, наш “эксперт” из “НЛО”, написав сие предисловие фактически “левой ногой”, сел в такую лужу, что, думается, потерял моральное право на какие-либо оценки историко-литературных трудов в будущем.

ражать и доказывать, что до ноября Е/сенин/ умрет от такой жизни. Сторговались на октябрь. Заплатила 100 т/ысяч/ и ушла. Прошел октябрь, и на все мои запросы, очень частые, получала один ответ: нет площади. А в это время в этом же районе — я знала 3-х лиц, получивших прекрасные комнаты, а нуждавшихся в них в 100 раз меньше, чем Е/сенин/. Но... они были “ответственные работники”, и для них площадь нашлась...”

Галина Бениславская сделала на полях приписку, что двумя из этих трех были некто Сергеев и Марцелл Рабинович, один из есенинских прихлебательей этого тяжелого полугода по возвращении поэта в Москву, пивший и гужевавшийся в компании за его счет... Можно только представить себе реакцию Есенина: для Рабиновича в Москве есть жилплощадь, а для него, русского поэта — нет (так и не было до конца жизни). Всего этого для Лекманова и Свердлова попросту нет в природе (хотя пишут “Биографию”, а не книгу, специально посвященную поэзии), также как не существует для них ключевых слов Есенина этого времени, сохраненных Галиной Бениславской: “Поймите, в моем доме не я хозяин, в мой дом я должен стучаться, и мне не открывают... Это им не простится, за это им отомстят. Пусть я буду жертвой, я должен быть жертвой за всех, за всех, кого не пускают. Не пускают, не хотят, ну так посмотрим. За меня все обозлятся. Это вам не фунт изюма. К-а-к еще обозлятся. А мы все злые, вы не знаете, как мы злы, если нам обижают. Не тронь, а то плохо будет. Буду кричать, буду, везде буду. Посадят — пусть сажают — еще хуже будет. Мы всегда ждем и терпим долго. Но не трожь. Не надо”. Это что — тоже “фобия” и “неврастения”? Или “мания преследования”? Или “притворство”? Или “поза”? Или — “прием”?

* * *

Справедливости ради надо сказать, что временами авторы меняют тон, словно забывая обо всех “масках” и “амплуа”, и начинают воздавать Есенину должное по-настоящему. “В Есенине удивительным образом сочетались почвенность (“песенно-есенинное” — “коренное”, “родовое”) и крылатость (“амурно-лировое” — “моцартовская стихия”); “балалаечник” на самом-то деле был русским Орфеем” (с. 345). “Есенин был одним из немногих в XX веке чистых лириков. В его стихах оживает слово “песнь”, восстанавливается исконное единство музыки и слова. Своей завораживающей властью над слушателями — прежде всего над слушателями, а затем над читателями — он напоминает мифологических “певцов”. От погруженности Есенина в эту древнюю стихию лиризма — отмеченная уже первыми рецензентами “слитность звука и значения” в его стихах, отсюда же — поражавшее современников есенинское единство песни и судьбы” (с. 585). Читаешь это — и непонятно, как относиться к данным высоким словесам. Как к притворству ради кажущейся “объективности”? Или авторы так думают на самом деле, и тогда им не остается ничего другого, как вышвырнуть вон из книги все страницы, заполненные описанием есенинского “притворства” и есенинских “амплуа” (и в поэзии, и в жизни)? Как совмещается одно с другим?

Самое интересное, что наши биографы, словно опытные мичуринцы, нашли способ “совмещения”. Как им показалось, они отыскали к Есенину самый надежный ключ, который на поверку скорее напоминает воровскую отмычку. “Ключом к тому периоду биографии Есенина, о котором пойдет речь в этой и следующей главах (речь идет о 1923–1925 годах. — С. К.), может послужить метафора, положенная в основу повести Р. Л. Стивенсона “Странная история доктора Джекила и мистера Хайда”... В мемуарах о Есенине, относящихся к 1923–1925 годам, многократно запечатлено почти волшебное превращение из “доктора Джекила” в “мистера Хайда” (с. 463–464).

При этом авторы, как на первоисточник, ссылаются на воспоминания А. Ветлугина, который, будучи прямым человеческим антиподом Есенина (о чем свидетельствует его письмо к поэту, написанное в 1923 году — и об этом письме в “Биографии” также ни слова!), неудачно пытается рассуждать о “развосьмерении личности, раздесятировании личности”, бросает свою “тему” и тут же перескакивает к другой: “Но в приложении к Есенину приходится говорить не столько о “Джекиле и Гайде”, сколько о предсмертном кошмаре Глеба Успенского”. И этот “кошмар” не имеет к Есенину никакого отношения.

Просто Ветлугин делал попытку раскрыть человеческий образ того, с кем общался на протяжении довольно продолжительного времени – но тщетно.

Никакой “тщеты” наши биографы здесь не испытывают. “Джекил и Хайд” путешествуют по дальнейшим страницам “Биографии” с завидным постоянством: где гениальный поэт – там “Джекил”, где “неврастеник”, “алкоголик”, “человек без нравственного стержня” – там “Хайд”. Уникальная способность Есенина в мгновение ока сбрасывать с себя “мрачную тень”, его удивительная внутренняя пластичность, умение гениально сыграть перед озлобленным, завистливым, ничего не понимающим “сообществом” безвольное существо, одурманенное алкогольными парами (при том, что алкоголь, действительно, временами употреблялся для сброса ежедневного адского внутреннего напряжения, единственная разрядка которого была в творческом процессе – и это оказывало свое губительное действие в силу определенных природных свойств есенинского организма) – все это, вместе взятое, представляющее собой сложный, многослойный, многодонный психологический портрет героя “Биографии”, оказывается нашим авторам не по зубам. Аналогией “Джекил-Хайд”, призванной разделить непреходимой чертой поэта и человека, авторы фактически расписываются в собственном бессилии, пытаются рассуждать о некоем “трагическом двойничестве” поэта. Здесь как раз в пору отнестись к ним самим упрек в “примитивизации на всех уровнях” – и человеческом и поэтическом, и историческом – который они попытались предьявить Н. И. Шубниковой-Гусевой.

Тем более что эта аналогия взята ими на самом деле не у А. Ветлугина, у которого она дана “в проброс”. На этой аналогии попытался выписать основательный портрет Павла Антокольского Василий Бетаки в книге “Русская поэзия за 30 лет, 1956–1986” (Orange, 1987). Но то, что было плохо применимо даже к Антокольскому, естественно, оказалось совершенно неприменимым к Есенину.

* * *

Само собой разумеется, что тайна гибели Есенина не является для О. Лекманова и М. Свердлова никакой тайной: все совершенно очевидно – самоубийство. “Ни в одном из хоть сколько-нибудь заслуживающих серьезного внимания свежих откликов на самоубийство Есенина, опубликованных в Советском Союзе и за рубежом в 1925 году, тема насильственной смерти поэта не поднималась: столь очевидными всем современникам, осведомленным и неосведомленным, представлялись главные обстоятельства есенинской гибели. Но и потом, вплоть до второй половины 1980-х годов, не только в советской подцензурной, но и в западной свободной печати о насильственном устранении Есенина никто не заговаривал” (с. 550). После столь категорического утверждения далее следует не менее категорическое: **“Почему заказ на убийство поэта был сделан лишь спустя шестьдесят лет после смерти Есенина, в горбачевскую эпоху? Потому что именно в те годы вышел на поверхность миф о заговоре против русского народа”** (там же. Здесь и далее выделено мной. – С. К.).

Интересно, кто “в горбачевскую эпоху” делал этот “заказ” – может быть, авторы знают и при случае назовут имя “заказчика”? Что понимают они под словами “миф о заговоре против русского народа”? Никакого “заговора”, соответственно, не было ни на протяжении всего XX века, ни на протяжении предыдущей истории? И ничего не вышло “на поверхность” ни в 1920-е, ни в 1930-е, ни в 1940-е годы? Какая-то странная, алогичная “логика”... А что касается “осведомленных и неосведомленных современников”, которым “все представлялось очевидным”: откуда ноты страха и недоумения в письме Ивана Касаткина к Ивану Вольнову: “У меня масса догадок о его конце. И ни одного реального. Тьма!” ... Откуда несогласие с официальной версией у Сергея Клычкова: “Я тут же по свежим следам обследовал сам это дело. Я нашел тогда человека, который вернулся в смежный с Есениным номер в 3 часа ночи... А Сергей не мог убить себя, не мог!” (по воспоминаниям Виктора Ардова)? Не правда ли, интересно? Особенно интересным может оказаться пока несуществующий ответ на вопрос: кто же этот таинственный человек, имени которого так и не назвал Клычков?

Теперь насчет того, что “в западной свободной печати о насильственном устранении Есенина никто не заговаривал”. Очевидно, авторы “Биографии”

не знакомы с книгой Михаила Бойкова “Люди советской тюрьмы”, изданной в Буэнос-Айресе в издательстве “Сеятель” в 1957 году. Среди многочисленных описаний хождений автора по мукам в застенках пятигорского и ставропольского НКВД есть и такой эпизод: в ставропольской тюрьме М. Бойков попадает в камеру “настоящих” — то есть настоящих “врагов народа”, теми или иными способами боровшихся против советской власти, теми, кто знал, за что они сидят, и пощады не ждавших. Среди “настоящих” были и так называемые “есенинцы”.

“Из всех “настоящих” наиболее симпатичны мне двое молодых русских ребят: Витя и Саша. Оба студенты второго курса Ставропольского педагогического института. Арестованы всего лишь две недели тому назад, и розовая свежесть их щек только слегка тронута сероватой тюремной желтизной, а юношеская бодрость и горячность не подавлена апатией и медленно-ленивым ступением заключенных.

Они дети кадровых рабочих местного маслобойного завода и бывших красных партизан гражданской войны, но советскую власть ненавидят, а своих отцов не любят.

— За что? — спросил я их.

— А за то, что эта проклятая власть вместе с нашими батьками довела до смерти Сережу, — ответил Витя.

— Какого?

— Есенина, — дополнил его ответ Саша.

— Но при чем здесь ваши отцы? — удивился я.

— Ну, как же. Они воевали за власть убийц Сережи, — сказал Саша.

— На свою голову, — бросил Витя...

В институте он руководил одним подпольным литературным кружком, а Саша был его ближайшим другом и помощником. Более 30 юношей и девушек, тайком от других студентов и своих родителей, изучали жизнь и творчество своего любимого поэта. Заучивали наизусть и декламировали его стихи и сами писали “под Есенина”. На тайных “читках” по квартирам и на прогулках в пригородных лесах горячо спорили о нем, искали и в большинстве случаев находили ответы на до того не разрешенные ими вопросы его жизни и творчества. Один из вопросов, больше всего вызывавший споры, ни никак не могли разрешить: покончил самоубийством или убит Сергей Есенин?

Некоторые приводили факты, подтверждающие самоубийство поэта, другие фактами же опровергали их и заявляли:

— Энкаведисты могут подделать любой факт.

День за днем накапливался в кружке антисоветский “литературный динамит” и, наконец, взорвался.

Преподаватель литературы, коммунист, читая на втором курсе института лекцию о Владимире Маяковском, помянул Есенина весьма недобрыми словами.

— Не позорьте нашего любимого поэта! — вскочил с места возмущенный Витя.

— Долой клеветников! — крикнул Саша.

Их поддержали “есенинцы”, которых в аудитории было десятка полтора. К последователям и последовательницам погибшего поэта присоединились и несколько студентов, не состоявших в кружке. Багровея от натуги, преподаватель литературы старался перекричать протестующую молодежь:

— Прекратите бунт! Или я вызову НКВД! Это антисоветская агитация!

— Агитация будет впереди! Вот слушайте, — подбежал к нему Саша и начал декламировать свое стихотворение, посвященное Есенину:

— Нас тоска твоя нынче гложет,
Как тебе, всем нам жить невесело.
Ты дошел до веревки, Сережа!..
А быть может, тебя повесили?..

Эти “контрреволюционные” слова привели в ужас преподавателя-коммуниста, и он, громко икнув от страха, выбежал из аудитории. Студенты и студентки, забаррикадовав столами входную дверь, продол-

жали “бунтовать”: демонстративно читали антисоветские стихи Есенина и свои, посвященные ему.

Через полчаса к педагогическому институту подкатило несколько “черных воронок”. Энкаведисты, взломав дверь, ворвались в аудиторию и всех находившихся там арестовали. Под прицелом винтовок их сковывали наручниками попарно, избивая при этом рукоятками наганов, отводили к автомобилям и вталкивали внутрь огромных черных кузовов...

Перед самым концом “ежовщины” Витя и Саша были расстреляны, а все остальные “есенинцы” приговорены к большим срокам заключения в концлагерях”.

Это к вопросу о том, как (утверждают наши биографы) “в мифологическом сознании по любому поводу разыгрывается борьба между силами света и тьмы” (с. 553). Можно подумать, что она вообще не разыгрывается в самой жизни! К ее “розыгрышу” авторы на протяжении всей книги прикасались не один десяток раз, но даже не попытались сделать надлежащие выводы. Не говоря уже о том, как “аккуратно” используются ими цитаты из буквально “кричащих” материалов. “. . .”Комсомольская правда”... продолжила и еще ужесточила курс на вытеснение Есенина из советской литературы, начатый статьями Сосновского. . . Как это часто случалось и раньше и будет случаться впоследствии, методы поверженного идеологического противника легко брались на вооружение и использовались даже тогда, когда само его имя становилось неудобным для упоминания”, – так биографы комментируют выдержку из статьи Д. Бухарцева “Где Хавронья” (с. 573). В этой статье, между прочим, за 10 лет до ареста “есенинцев”, которых описывает М. Бойков, автор “Комсомолки” описывал диспут о “есенинщине” в клубе 2-го МГУ и выступление на нем студента географического факультета Беркова. Выдержки из его выступления на самом диспуте и на другом собрании (опять “ненужные жизненные реалии”) наши биографы проигнорировали, а они – самое интересное, что есть в этой статье.

“Занимайтесь в “Комсомольской правде”, – иронизировал Берков, – китайскими делами и оставьте литературу в покое”.

Знал ведь, что говорил, молодой человек – и дело ведь говорил. Видел он собственными глазами этих грозных комсомольцев, потрясавших текстами Бухарина и Сосновского (прекрасно в 1927 году упоминаемого, без малейших “неудобств”), чей художественный вкус по сути ничем не отличался от художественного вкуса заурядного нэпмана.

Но Бухарцев продолжал свое:

“Нэпман тоже хочет жить. Он хочет усладиться патриархами Кончаловского, религиозными концертами, “Днями Турбиных” и, черт возьми, литературой. . . Но они не только обороняются, они и наступают. . .

Сам Берков проявляет себя не только на поприще литературной критики, он занимается общественно-бытовыми вопросами. Берков является на собрание комсомольской ячейки, где преподносит блестящий совет в области борьбы с антисемитизмом.

– Пусть, – говорит он, – евреи-комсомольцы и евреи-партийцы не выступают нигде и не проявляют себя, тогда и пропадет антисемитизм.

Этот совет не слишком оригинален. Еще в царское время черносотенные губернаторы во время волны еврейских погромов вызывали к себе “почтенных евреев” и предлагали им повлиять на еврейскую молодежь, чтобы она не “мешалась” в революцию. Этот чисто черносотенный шовинистический сюжет, нисколько не подновленный даже, преподносит советский студент.

Борьба с “есенинщиной” должна послужить стержнем для идейной борьбы честного советского студенчества со всеми видами и способами контрбандного проникновения ростков враждебной идеологии”.

Честно говоря, хотелось бы узнать о дальнейшей судьбе неведомого мне Беркова, трезво, основательно и точно, судя даже по этому “отчету”, выступавшему на диспутах, тем паче что был он такой не один.

. . . Этот принцип – игнорирование всей неудобной им фактологии – авторы “Биографии” с особой энергией задействуют в последних главах книги. Тщетно было бы ожидать от них, цитирующих отдельные отрывки в других местах из сцены последней встречи Есенина с А. Тарасовым-Родионовым, изложения или дословного приведения реплик Есенина о телеграмме Каменева

Великому Князю Михаилу, якобы хранившейся у поэта. Тщетно было бы в обилии приводимых цитат обнаружить добросовестно воспроизведенные реальные нестыковки в фактических обстоятельствах трагедии, никак не работающие на версию самоубийства. Тщетно ожидать хотя бы самой элементарной добросовестности.

Так, не доверяя Георгию Устинову, утверждавшему, что Есенин в последний день “был совершенно трезв”, авторы приводят, как контрцитату, свидетельство Лазаря Бермана, “посетившего поэта в этот же день несколько раньше” (с. 538): “Вдоль окна тянется длинный стол, в беспорядке уставленный разными закусками, графинчиками и бутылками... В комнате множество народа, совершенно для меня чуждого. Большинство расхаживало по комнате, тут и там образуя отдельные группы и переговариваясь. А на тахте, лицом кверху, лежал хозяин собрания Сережа Есенин в своем прежнем ангельском облики. Только печатью усталости было отмечено его лицо. Погасшая папироса была зажата в зубах. Он спал”.

Вся логика авторов рушится, словно карточный домик, если мы обратимся к хорошо известному им тексту дневника Иннокентия Оксенова, из которого следует, что Берман посетил поэта совсем не “несколько раньше” Устинова, а позже всех остальных известных нам поименно гостей: “Из разговоров трудно понять, как провел Есенин свой последний день. Слухи такие: будто он был трезв, Эрлих ушел от него в 8 ч., но вечером у него был Берман, видевший Есенина пьяным”. То есть Берман пришел тогда, когда в номере не было ни Устинова, ни Эрлиха, ни кого-либо еще из знакомых ему людей, зато в номере было полно “народа чуждого”. Своеобразным и жутким подтверждением происходившего может послужить свидетельство Николая Клюева, рассказавшего обо всем художнику Николаю Минху по горячим следам, в отличие от Бермана, написавшего свои воспоминания через много десятилетий.

“... – Вечером накануне его смерти меня точно кто толкнул к нему. Пошел я к нему в гостиницу. В “Англетер” этот. Гляжу, в номере дружки его сидят. На столе коньяки, закуски. На полу хлеб, салфетки валяются. Кого-то, видать, мутило. В свином хлеву чище! Ох, думаю, зря пришел! Дружки его увидели меня и, как жеребцы, заржали: “Кутя пришел! Кутя!” Я их спрашиваю: “Сереженька-то где?” А они толкать меня в дверь зачали. “Иди, – говорят, – старик! Иди! Он ушел и придет не скоро. Баба его увела”.

А на кровати, смотрю, вроде человек лежит. Одеялом с головой укрыт. Храпит вроде. Я хотел было глянуть, кто это, да они меня не допустили. Взащей вытолкали... А наутро слышу: Сереженька повесился!..”

Все это происходило в номере Есенина 27 декабря после 8 часов вечера, после ухода Эрлиха – вплоть до 11 вечера, когда раздался телефонный звонок в квартире коменданта “Англетера” Назарова с известием, что с его постояльцем “несчастье”, как рассказывала в конце 1980-х годов его вдова – Антонина Львовна Назарова (может, и ей был сделан соответствующий “заказ”?)... А какой “заказ” был сделан Клюеву, которого попросту не допустила пирующая компания к лежащему, укрытому с головой Есенину (был ли он еще жив в эти минуты? И слышал Клюев “храп” или предсмертный хрип?)... И что могло бы произойти с самим Клюевым, если бы он все-таки поднял пальто с головы друга?.. И кого же это так “мутило”, у кого не выдержали нервы? А самое главное – кто они, пришедшие тем роковым вечером в 5-й номер “Англетера”, чьих имен мы не знаем по сей день?

Похоже, не только отвечать на эти вопросы – даже ставить их себе наши “добросовестные” биографы не намерены.

В отличие от Константина Азадовского, который, отнюдь не являясь сторонником версии насильственного лишения Есенина жизни чужой рукой, тем не менее ставил в предисловии к мемуарам Нины Гариной (“Звезда” № 9, 1995) ряд вопросов, связанных с супругами Устиновыми, далеко не “очевидного” характера. “Именно Устинов и его жена – единственные реальные очевидцы! (уже из слов Клюева мы знаем, что это не так! – **С. К.**) – сделали, в сущности, невозможным любое криминальное расследование, ограничив свои показания и воспоминания о случившемся 6-ю или 7-ю часами вечера и теми утренними часами, когда в гостинице появился Эрлих – посторонний, ни о чем не подозревающий “свидетель”, в присутствии которого было всего естественней позвать коменданта и войти в 5-й номер. (Оба они к тому времени уже знали или догадывались о развязке.) ... Нет, Устинов, по существу, не

лжет, но явно недоговаривает, ничего не сообщая о том, что естественно ожидалось бы в такой связи: как узнал он о самоубийстве, какими были его первые действия, кто извлекал Есенина из петли... Почему? Разве он, профессиональный литератор, был не в состоянии дописать еще несколько строк? И еще вопрос: почему понадобилось привлечь к этому Елизавету Алексеевну Устинову?.. Воспоминания Устинова и его жены близки не только по содержанию, но и – как видится – стилистически. Так можно ли поручиться, что Елизавета Алексеевна писала самостоятельно, что ее воспоминания не отредактированы Георгием Устиновым или, по крайней мере, не согласованы с ним?.. Так кто же все-таки первым вошел в 5-й номер “Англетера” (имеется в виду утро 28 декабря. – С. К.) – Елизавета Устинова с Эрлихом?.. Или Георгий Устинов с Назаровым? Откуда мог “вернуться” Устинов к 11 часам утра? Со службы? Но в его печатных воспоминаниях нет ничего подобного... А может быть, задача Устиновых в том и состояла, чтобы затеменить дело? Сказать что-то, не прояснив ничего?! Упомянуть о частностях (не слишком заботясь даже о том, чтобы они совпадали), но умолчать о главном – о ночных обстоятельствах? Если цель их была такова, то они, бесспорно, ее достигли”.

Как-то даже нехорошо получается. Константин Азадовский числится “научным редактором” рассматриваемой “Биографии”. По ходу дела возникает вопрос – как же ее “редактировал”? И откуда такое пренебрежительное отношение авторов к одной из самых содержательных работ своего “редактора” – “Последняя ночь”? Я не случайно привел эту пространную выписку из публикации Азадовского, на труды которого не единожды ссылаются М. Свердлов и О. Лекманов и именно по публикации исследователя в “Звезде” приводят цитату из Лазаря Бермана. Но ни на один из этих вопросов, заданных Азадовским, они даже не пытаются ответить и, естественно, полностью игнорируют его в “Эпilogue”, где с лихостью необыкновенной разделяются с другими авторами, якобы работавшими под таинственный “заказ”, смешивая в одну кучу серьезных исследователей с несерьезными дилетантами и не гнушаясь прямой фальсификацией: “Гневно клеймил “лицемерие и звериную сущность большевистских мани-лейб” и Сергей Каширин, автор по-своему захватывающей книги “Черная нелюдь. Легенда и документы об убийстве Сергея Есенина”. Более осторожные и утонченные сторонники *версии* об убийстве Есенина, например Станислав и Сергей Куняевы, предпочитали высказываться аккуратнее. Но и их с головой выдавал выбор на роль руководителя заговора против Есенина “зловещей фигуры Лейбы Бронштейна-Троцкого” (по чеканной характеристике Сергея Каширина)” (с. 553–554). Вообще-то говоря, интереснейшее положение, в котором приходится отвечать за чужую цитату, за цитату автора, книги которого ты не знаешь и которого в глаза не видел... Но тут момент еще более любопытный.

Как говорил в таких случаях Александр Солженицын: “Назовите страницы, лгуны!” Мы поступим деликатнее и попросту спросим наших “добросовестных”: где, на какой странице главы “Последние дни” нашей книги “Сергей Есенин” фигурирует Лев Троцкий как “руководитель заговора против Есенина”? Будь у нас документальные доказательства подобного утверждения – мы бы не преминули их привести. А так – подскажем “добросовестным” фальсификаторам: Троцкий упоминается в этой главе как отец своего сына Льва, увлечению которым “дала волю” Галина Бениславская; как фигурант письма Максима Горького Бухарину; как тот, кого заменил Фрунзе на посту наркомвоенмора; как персонаж стихотворения Пимена Карпова “История дурака”; в цитируемых А. Тарасовым-Родионовым словах Есенина: “Я очень люблю Троцкого, хотя он кое-что пишет очень неверно...” (и иную газету с писаниями Троцкого Есенин вполне мог скомкать и кинуть себе под ноги, например, номер “Правды” со статьей “Искусство революции и социалистическое искусство”); как участник закрытого заседания Исполкома Коминтерна 13 декабря 1926 года; и, наконец, упоминается “нежная по тону и совершенно крокодильская по сути поминальная статья Троцкого, который объявил Есенина не соответствующим “эпичной, катастрофичной эпохе” как бы со слезой в голосе”. Менять характеристику этой статьи у меня нет ни малейших оснований.

... На самом деле, воюя с многочисленными “есенинцами” в “Эпilogue”, наши биографы попадают в парадоксальный, невольный, но совершенно логично выстроенный ими самими капкан. Пылая праведным (и абсолютно справедливым!) гневом по адресу романа В. Безрукова “История одного

убийства” и телесериала, снятого на его основе, они сами не замечают, как их собственная “Биография” чем дальше движется к финалу, тем все больше сближается с этим самым телесериалом. Иная идеологическая направленность, противоположный подход ко многим эпизодам есенинской биографии и к концу есенинской жизни – все это отступает перед главным, тем, в чем и просматривается сходство. “Именно “алкоголик” и “праздный гуляка”, да еще в донельзя утрированном, карикатурном виде, навязан народу в сериале “Есенин” (с. 560), – пишут Лекманов и Свердлов, и здесь они совершенно правы. Но чем от этого “алкоголика” и “гуляки праздного” по сути отличается их “человек без нравственного стержня”, меняющий одно амплуа за другим, не покидающий, по мысли авторов, своей воображаемой “сцены”? Чем отличается от него все тот же “Биографический” алкоголик, предатель, вор, спекулянт кишмишем (пожили бы сами, господа хорошие, в то время, когда, чтобы с волками жить – надо было, поистине, по-волчьи выть!), неврастеник, одержимый “фобиями”, у которого “хайдовское” упоение собственными пороками” чередовалось “с “джекиловскими” короткими просветлениями” (с. 503), при том, что – “Орфей”? Да, по сути, ничем. Вот такая цена игры не Есенина, а наших авторов в “Джекила” и “Хайда”.

Само собой разумеется, что о бытовании поэзии Есенина, казалось, отесненного на далекую литературную периферию, в годы Великой Отечественной у авторов – ни слова. Ни слова о том, как поэзия Есенина помогала жить и сражаться (тому – масса свидетельств), как она возбуждала чувство Родины в мальчишках, защищавших Россию и советскую власть, ничуть не в меньшей степени, чем в мальчишках, возненавидевших эту власть “за убийство Сережи”. Вообще эта тема – посмертное существование Есенина и его поэзии в России с 1925 по 1955 год – отдельная тема, которую “биографы” “обузили” годами борьбы с “есенинщиной” – да и там не смогли толком разобраться.

А что касается гибели поэта... “Мы знаем место, день, час его последней дуэли, знаем высоту солнца над горизонтом, температуру воздуха, направление ветра, знаем размер отверстия, которое проделала пуля в его черном сюртуке. Но на каждом шагу нам приходится признавать, что мы не знаем ничего”. Так писала Серена Витале о последней дуэли Пушкина, о дуэли, которой посвящены десятки книг и сотни исследований. Достаточно в этом контексте бросить беглый взгляд на последние дни Есенина, чтобы признать: об этой трагедии мы до сих пор не знаем **вообще ничего**.

* * *

“Известен приговор Ахматовой: “Я не понимаю, почему так раздули его. В нем ничего нет – совсем небольшой поэт. /.../ Пошлость. Ни одной мысли не видно...” На эти слова Анны Ахматовой, записанные Павлом Лукницким и процитированные в финале своего объемистого тома, авторы считают нужным возразить: “Но о “небольшом поэте” не спорили бы на поэтическом Олимпе так горячо” (с. 585), приводя далее высокие слова Маяковского, Мандельштама, Пастернака, Ходасевича, – как бы “объединяясь” с ними и соблюдая при этом необходимую “объективность”.

Которая на самом деле не стоит ломаного гроша, в чем не трудно убедиться, обратившись к воспоминаниям той же Ахматовой о Есенине, записанным Александром Ломаном в 1964 году (с тем отношением Ахматовой к Есенину, зафиксированным Лукницким, Анна Андреевна вообще отказалась бы разговаривать о столь “ничтожном” для нее поэте). При этом сама проверила запись и не нашла в ней никаких искажений. Об этих воспоминаниях наши “добросовестные” опять же молчат “в тряпочку”.

“Мне он становился понятнее, – рассказывала Ахматова. – Его широко печатали, его стихи я встречала почти во всех толстых журналах и больше всего в “Красной нови”. О нем много писали, к сожалению, и много такого, что тяжело было читать – его пытались учить жить и работать, и это звучало так, как будто было только два пути – (в машинописи пропущена фраза на французском языке. – С. К.), а он явно искал свой путь – третий – и пел о жизни на шестой части земли с названием кратким “Русь”... В нем действительно было много нового. Он рассказывал о своей поездке за рубеж. Из рассказа

стало особенно ясно, насколько он русский. Его не вырвешь из полей и рощ... Не вырвешь и из новой России, и мне кажется, потому, что он, как и все мы, увидел, что

*Новый свет горит
Другого поколения у хижин.*

А ведь увидеть — значит понять. А это определяло путь, по которому идти...

В процессе чтения “Биографии” меня не оставляла мысль, что я уже встречался с чем-то подобным, во всяком случае, очень похожим. Как будто читаю книгу, а в памяти возникает некий литературный персонаж из совершенно “другой оперы”, поступающий определенным образом.

И я вспомнил. У замечательного детского писателя Радия Погодина есть рассказ, который называется “Альфред”. Сюжет его прост и непритязателен. В деревню Светлый Бор под Ленинградом съезжаются на лето маленькие горожане. Деревня живет своей жизнью по своим внутренним законам. Один из таких неписанных законов, который свято блюдут даже последние деревенские оторвы, что “кражу яблок не считали воровством”, — неприкосновенность сада деда Улана, ветерана еще 1-й мировой войны, истинного возраста которого никто не знал. Этот закон непререкаем и для гостей из города — но только не для “Альфреда”, который переступает запретную черту, за что оказывается нещадно бит деревенскими.

“Альфред” — имя нарицательное. Так в рассказе поначалу называют всех, приехавших горожан. Рассказчик сообщает, что многие к концу лета из “альфредов” превращаются в сущих деревенских “васек”, но тот — так и остался “альфредом”. И дело здесь не в месте рождения и не в социальном статусе, а в отношении к тому, что человек видит вокруг себя.

“Альфред, наверно, не понимал такой красоты. Задень она его — все повернулось бы совершенно по-другому. Альфред, наверно, никогда не видел, как цветут яблони. Словно сотни птиц уселись на ветки, помахивая белыми крыльями” (цитирую по памяти).

И чем дальше я читал книгу О. Лекманова и М. Свердлова, тем больше приходил к мысли, что эта биография Сергея Есенина написана двумя “альфредами”, которым просто не дано ни понять, ни прочувствовать того, с чем они имеют дело. Потому и взялись писать этот фолиант “без читательской любви”, с одной лишь “филологической любознательностью”, неизбежно обрекая свою книгу на литературоведческую маргинальность. Потому им и нет дела до истории России рокового слома эпох и до судьбы поэта в контексте этого сумасшедшего времени. Потому-то поступки Есенина изымаются ими из истинного контекста — и взамен создается ложный, в котором личность поэта изменяется до полной неузнаваемости, несмотря на обилие “документальных ссылок”, призванных подкрепить авторское видение.

Меня не смущают многочисленные восторженные рецензии на этот труд. Потому что я знаю: т а к о г о Есенина народ не примет, и не полюбит, и не посчитает его своим. “Свой” Есенин для всех и для каждого в отдельности — тот, кто в самые роковые дни, в самую кровавую смуту воплощал в себе и в своем уникальном творческом мире суть русского человека, который помогал оставаться русскими — последующим поколениям, уже после своей трагической гибели.

И в этом — его великая непреходящая миссия и в наше время, и в грядущие эпохи, что наступят после полного краха нынешней, уже выедающей себя изнутри, “цивилизации потребления”.

ВАЛЕНТИН СВИНИННИКОВ

БЕСЦЕНЕН ОПЫТ КЕДРОГРАДА

В декабре отпраздновал бы свое 50-летие Кедроград... Уже полвека... А кажется, было это только вчера. Летело над страной крылатое слово “Кедроград” – и тысячи романтиков откликнулись, устремились в глухую тайгу на Горный Алтай не “покорять природу”, а помогать ей. Увы, многие разочаровались довольно скоро. Но не все...

Название Кедроград придумал замечательный писатель, которого читатели “Нашего современника” знают хорошо. Это он, Владимир Чивилихин, на страницах журнала публиковал – со второй книги! – свой замечательный роман-эссе “Память”. Точнее, фрагменты из него, но касающиеся самой важной в те дни для исторической памяти народа даты: приближавшегося 600-летия битвы на Поле Куликовом. Как всегда в таких случаях, в нашей прессе, тогда еще “скрыто-либеральной”, но уже готовившей грядущую “перестройку”, плавно перешедшую в прямую измену и распад единого могучего государства, взметнулся вихрь публикаций на тему, каким “благоденствием для России было татаро-монгольское иго”. И дороги-то строили, и перепись населения провели, и вообще – “придите править нами, у нас порядка нет”, как высмеивал А. К. Толстой сторонников норманистов в бессмертной “Истории России от Гостомысла до Тимашева”. Только с переменной вектора западного на восточный. И, конечно, масла в огонь подливали исследования Льва Гумилева – как-никак ученый, серьезный. Против него-то и выступил Владимир Чивилихин, приводя в своей “Памяти” свидетельства других историков. Археологические раскопки убедительно доказывали, что в тех временных пластах земли на месте десятков русских городов – только угли пожарищ. Это следы того кровавого устрашающего нашествия, который Лев Гумилев обозначил всего лишь как “карательный поход” ордынцев...

Чивилихинская “Память” звала читателя в глубины родной истории, открывала, в частности, доселе неизвестные страницы героической обороны Козельска, не зря названного монголами “злым городом”. В ярких картинах и глубоких рассуждениях показывал писатель и мастерство наших пращуров использовать особенности родной природы, чтобы превратить малый город в настоящую крепость, и мужество защитников, которых могли взять только обманом, выманив из-за неприступных стен.

И сколько же тогда малоизвестных читателю имен ввел в оборот Владимир Чивилихин, о скольких открытиях рассказал, которые раздвигали исторические горизонты страны на тысячелетия!.. Помогали ему в этом... читатели с их взволнованными, заинтересованными откликами. Многие их письма Владимир Алексеевич прямо вводил в текст книги. Традиция эта продолжается: и Станислав Юрьевич Куняев оживленную переписку с читателем ведет,

и Александр Иванович Казинцев получил немало откликов на свой “Дневник современника”, стоило лишь обратиться напрямую...

А как не вспомнить в этот год с его жарким летом и разгулом пожаров на огромных пространствах Центральной России повесть Владимира Чивилихина “Елки-моталки”! Он ведь не просто героическую и умную работу “крылатых пожарных”, десантников, оберегавших леса России, показал. Он ярко, выпукло представил два противоположных отношения к жизни: работников на земле, готовых спасти от огня даже и гнездо глухарки с ее только появившимися на свет птенцами, – и потребителей-паразитов, вроде “интеллигентного” горожанина Евксентьевского. Таких “тунеядцев” тогда “ссылали” в таежные места на “перековку”. И я помню, как вдруг пришли в запустенье привычные в наших сибирских краях избушки-зимовья, где любой путник всегда мог найти запас дров, соль, спички, но и обязан был после ночевки возобновить по возможности эти запасы – для других...

Но не менее славен Владимир Чивилихин и своими тревожными, как набат, очерками в защиту природы. Он защищал и “Голубое око Сибири” – озеро Байкал, и наши южные черноземы, на которые надвигались суховеями Алешковские пески, и чистоту воздуха наших городов. А самые значительные его природоохранные публикации связаны именно с Кедрогоградом. Думаю, без его мощной поддержки в центральной печати, особенно в “Комсомольской правде”, могла бы и не состояться эта экологическая эпопея.

А начиналась она в Ленинградской лесотехнической академии, где студент-сибиряк со старинным именем Фотий-Фотей Шипунов (впрочем, в академии его знали как Сергея) “заразил” группу энтузиастов своей Мечтой (именно так, с большой буквы). Мечтой хозяйствовать в лесах в соответствии только с законами Природы! Более всего подходил для этой цели именно кедр. Наш, русский, сибирский кедр, который, в отличие, например, от ливанского, давал воистину хлебные плоды. Кедр, если его не губил преждевременно лесной пожар или, всего вернее, сам человек, мог 700–800 лет плодоносить и давать до двух миллионов шишек с чудо-зернами, в которых жирность больше, чем в любых других орехах, вплоть до грецких. Примечательная деталь: именно по кедрочам Сибири держали наши казаки-землепроходцы путь к Великому океану! Кедровники выбирали для стоянок и острожков, потому что хлеб ведь если и посеешь, дождешься ли урожая. А кедр – хлебное дерево. И золотое: на миллионы золотых рублей вывозили кедровое масло Сибири в Австралию, Новую Зеландию, Америку до революции. Нам и сейчас не помешало бы...

Символической стала организованная нами с кедрогоградцем Виталием Парфёновым посадка кедров в Свято-Троицкой Сергиевой лавре на рубеже тысячелетий в 2001 году. Сажая тогда свой кедр, Святейший Патриарх Алексей II сказал примерно следующее: лавра стоит на Русской Земле уже почти 700 лет, и кедр плодоносить может 700–800 лет; сажая кедр в лавре, вон на сколько лет заглядываем мы в будущее России!

Сибиряк Шипунов знал о кедре и многое другое. Об этом подробно и ярко рассказал Владимир Чивилихин в одном из очерков. Без того, чтобы полакомиться кедровыми орешками, и соболь приплоту не даст. Кедр всю таежную живность кормит. Именно в кедровых лесах находит покой марал в ту пору, когда наливаются алой кровью его рога-панты: ни гнус, ни ветры сюда не проникают. Смола кедра не только канифоль для смычковых инструментов дает, но и живицу, затягивающую любые раны. Вообще, брать от кедра только древесину – преступление перед природой.

Вот и надумали студенты: после выпуска поедем коллективом, в котором самые разные специалисты нацелены на одно – комплексно, по науке хозяйствовать в лесу и брать лишь столько, чтобы природа могла с лихвой восстановить. Чивилихин поддерживал их всей силой своего могучего таланта и писательского авторитета. Но... столкнулись-то энтузиасты с системой, которая науку если и признавала на словах, то и отвергала из-за сиюминутных интересов. “Стране нужен лес! Много леса длястроек, для восстановления разрушенного после войны хозяйства!” И попробуй возразить на это руководителям, которые призваны оберегать и развивать лесные богатства, но премии и ордена получали за выполнение и перевыполнение планов лесозаготовок. А что могло в этом смысле сравниться с “кубатурнистым” кедром?!

История Кедрогограда обстоятельно, на строго научной основе воссоздана последним из четырех побратимов-кедрогоградцев Виталием Феодосьевичем

Парфеновым в книге “Лесной бастион”. Книге, удостоенной премии Союза писателей России по разделу публицистики имени Э. Володина, а также Золотой медали Петровской академии науки и искусств. Знал Чивилихин, кому буквально за месяц до смерти передать свой кедровградский архив и завещать: “Пиши. Никто, кроме тебя, этого не сделает”. Так что Кедровград, загубленный в итоге чиновниками и превращенный в обыкновенный лесхоз, живет в слове. Оставил он след и в лесной науке: более двадцати диссертаций, кандидатских и докторских, защищено на его опыте. Ведь энтузиасты-кедровградцы умудрились, при всех палках в их колеса, вывести хозяйство в рентабельные! Что особенно кололо глаза на фоне остальных, планово-убыточных. Хотя тогда, при плановой системе, это было почти невозможным: выполнишь план – тебе его на будущее автоматически повышают, с высоким процентом. А кедр может в один год сыпануть сразу на три “плана”, зато в другой, а то и два-три года подряд, на один прежний не наскребешь. Вот тогда и вырвали сопутствующие отрасли экспериментального хозяйства: охота, получение живицы и т. п.

Почему важно вспомнить юбилей Кедровграда (полвека назад это экспериментальное комплексное хозяйство было наконец узаконено и приступило к работе)? Потому что эти люди, “богатыри, кованные из чистой стали”, говоря словами А. Герцена, обогнали свое время на десятилетия, прокладывая путь к новому, ныне всепланетному экологическому мышлению.

И не случайно один из них – Виталий Феодосиевич Парфенов возглавлял природоохранный департамент в правительстве России, участвовал в составе российской делегации в работе Конференции ООН по устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро. Этот саммит, собравший более 170 стран, принял очень важные документы, подписанные главами государств, в том числе президентом России Б. Н. Ельциным. Колоссальной важности факт: был признан тупиковым путь развития того технического прогресса, которым двигаются развитые страны. Тупиковым, потому что хищническое использование и истощение природных богатств на планете Земля грозит всеобщей гибелью. Причем отходы и вредные выбросы достаются всем землянам, а “сливки” – “золотому миллиарду”.

В эти юбилейные дни хочется низко поклониться каждому из четырех побратимов, поклявшихся в верности Кедровграду: и Шипунову, и Чивилихину, и Телегину, и Парфенову. Фотей раньше других понял, что гибель Кедровграда неизбежна и пытался перевести его под крыло научных учреждений. Не получилось, как не получилось из него директора-хозяйственника. И он покинул свое детище, работал помощником у академика А. Л. Яншина, написал книгу о монастырях России, документальную повесть “Великая замятня” (опубликованную в журнале “Наш современник”), а также изумительную, на 24-х страницах, брошюру о будущем России, предисловие к которой предпослал митрополит Виталий, иерарх Русской Зарубежной Православной Церкви. И похоронен-то Шипунов в Оптиной пустыни – честь, которой не всякий мирянин может быть удостоен...

О Чивилихине скажу еще лишь, что бороздил океан корабль с его именем на борту, что носит его имя одна из малых планет, что его память свято берегут сибиряки, открыв на его “малой родине” в Минусинске музей...

Николай Телегин, помогал Кедровграду, чем мог, с министерских высот. Он способствовал тому, чтобы именно Чивилихин представлял страну на одном из первых экологических саммитов в Швеции. В итоге получились интереснейшие экологические размышления “Шведские остановки”, вошедшие в книгу “По городам и весям”, удостоенную Государственной премии РСФСР. А Николай Телегин и умер, как в бою, во время острого выступления в министерстве...

Виталий Парфенов уходил из жизни последним из них. Чего стоило ему написать свой “Лесной бастион”, знают лишь несколько близких людей. Работу над книгой прерывал инсульт. А разве легко заново переживать все злоключения на пути к великой Мечте?! Достаточно напомнить, что однажды ему пришлось по сибирскому снежному бездорожью трижды за неделю преодолеть 70 километров, чтобы получить возможность связаться с Москвой и рассказать, как буквально травят Кедровград. Над его территорией распылили тогда ядохимикаты, припасенные чуть ли не для всей тайги. Распылили под предлогом, что паводок может унести эту отраву в притоки Бии и Катунь. Фотей Шипунов, тогда директор хозяйства, сказал своему главному инженеру

и комсоргу: “Виталий, Москва требует немедленно предоставить документы. Я бросить хозяйство не могу. А кроме нас с тобой никто из ребят тайгой сейчас не пройдет. Решай сам!”.

...Спасло тогда Виталия чудо. Он окончательно выбился из сил уже совсем рядом с трассой. Его смог заметить только чуткий глаз алтайца-водителя, проезжавшего мимо грузовика. Тогда кожа на его ногах снималась чулком. А в Москве ни одна клиника не бралась лечить живого мертвеца – не портить же статистику. Невозможное сделать возможным смог только авторитет писателя Чивилихина! Он и потом уговорил Виталия на перевод в столицу: “Здесь ты будешь полезнее делу Кедрогграда!” А министр лесного хозяйства потом выговаривал Чивилихину: “Ты кого рекомендовал? Он уже одиннадцать месяцев не выходит из больницы”...

Виталий отплатил потом всей своей самоотверженной службой, своим гражданским мужеством в отстаивании Природы. Это он, будучи уже секретарем парткома министерства, добился, чтобы фильм Ф. Шипунова “Волга в беде” увидели сотрудники министерства. Потом это сказало при решении злополучного вопроса о переброске вод северных рек в Каспийское море. (А показ этого документального фильма в зале “Правды” для журналистов пробивал Борис Миронов, тогда еще чуть ли не стажер “Правды”, это уж при Ельцине он стал “опальным министром печати”). Рассказал Виталий Парфенов в книге “Из рати подвижников” и о гражданском мужестве великого ученого, академика Александра Леонидовича Яншина, поставившего на карту весь свой авторитет в самый важный момент, когда решался в Совмине РСФСР вопрос о переброске вод северных рек на юг. Тогда первому заместителю Председателя Совета Министров РСФСР Ермину, собственно, нужно было только придать законность решению, принятому уже в Политбюро ЦК партии, согласованному на всех уровнях, включая Госплан СССР. А могущественное тогда министерство, второе после министерства обороны по бюджету и наличию техники, могло не только реки повернуть вспять, но и горы свернуть. После знаменательного выступления Яншина, тогда вице-президента АН СССР, Ермин придумал (наверное, рискуя собственной карьерой) замечательный ход: завернуть готовый документ... на доработку. Было выиграно время. А тут поднялись стеной и писатели России. Журнал “Наш современник” провел тогда “круглый стол”, где мнение подавляющего большинства участников – авторитетнейших ученых и писателей было единым: не подвергать родную природу столь безответственным экспериментам. И высокое партийное начальство вынуждено было согласиться с ними.

Спросите, при чем тут Кедрогград? Так ведь на примере его борьбы и выковывалось, получало общественное признание новое отношение к экологии – продолжение традиции, начатой “Русским лесом” Леонида Леонова, а еще раньше трудами ученых В. Докучаева, В. Вернадского. Уж как добивали Кедрогград, преследуя “этот детский сад” за малейшие сбои в выполнении планов, переселяя с обжитого места в другие края, где все приходилось начинать заново! Добили, в конце концов, превратив в рядовой лесхоз...

Виталий Парфенов, последний из побратимов-кедрогградцев, умер 1 сентября 2009 года. До последних дней сражался он за родную природу – теперь уже с новым, куда более страшным олигархическим режимом. В “Лесном бастионе” рассказал он, как загублена была росчерком чиновного пера некоего В. Юмашева, тогда руководителя Администрации президента России, идея устойчивого развития для страны, разработанная в духе “Декларации Рио”. Тогда документ, подготовленный видными учеными, стал бы неодолимой преградой для олигархов, стремившихся приватизировать богатства земных недр страны. Его и отправили “на доработку” и утопили в чиновных недрах. А для того, чтобы на следующем саммите в Йоханнесбурге отчитаться перед мировой общественностью и “сохранить лицо” России, собрали группу других ученых, которые изобразили нечто вроде протокола о намерениях, ни к чему не обязывающих. А пока время шло, олигархи получили то, что желали... Кстати, даже доклад академика Коптюга о саммите в Рио-де-Жанейро и его решениях был от широкой общественности скрыт – уж больно не вязались они с разгулом “дикого рынка” в России 90-х годов.

Помню, как удивлялись лесные ученые неожиданному всплеску внимания высшего руководства страны к лесным делам в январе 2007 года. Как? Наши леса уходят за рубеж по цене “кругляка”, по 4 доллара за кубометр, а на них,

после глубокой переработки, накручивают до 100 долларов! Почему-то вдруг на российских границах, по ту сторону, выросли деревообрабатывающие предприятия, и не только на Востоке... Да ведь об этом столько раз информация “наверх” уходила — и что?

Мы с Виталием Феодосьевичем только переглядывались. Накануне в журнале “Александр и К^о” была опубликована наша с ним беседа на эту тему. Примеры приводились хитро. Например, такой: в Ленинградской области по одним документам весь заготовленный лес ушел на свои стройки и нужды, по другим, не менее авторитетным, таможенным, он практически весь уходит... в соседнюю Финляндию. Где и леса на душу населения меньше, чем у нас, но свой-то лес финны берегут, поставляя нам прекрасную бумагу и мебель из нашего же сырья! Вероятно, “питерским” на глаза эта беседа попалась. Кроме наших скромных “каналов”, могли и “не питерские” подсунуть пред светлы очи — в пику. Как бы то ни было, но и пошлины на поставку леса подняли, и проблемой глубокой его переработки озаботились. Финны даже, обидевшись, стали чинить препятствия вступлению России в ВТО.

Кедроград... Как хорошо было бы возродить этот опыт, наладить хозяйствование по законам Природы, а не в духе призывов “не ждать милостей” от неё! И не только в кедровниках, и не только в лесах. Вот и засуха этого года показала — она не страшна тем, кто обрабатывал почву так, как курганский кудесник Мальцев. А леса — это же “легкие” планеты! И если бы люди знали, какими “кавернами” они уже пробиты по всей Земле... Только леса Бразилии, почти недоступные еще для рыночных хищников из-за многоводья, да наши “бореальные” (северные) леса Сибири щедро снабжают кислородом планету. Предрекают, что будущие войны на Земле вовсе не из-за нефти или газа будут — нехватка обыкновенной питьевой воды гораздо страшнее. А чем дышать будем, когда и наш “лесной бастион” оскудеет? Нет, бесценен опыт Кедрограда...

В октябре этого года ушел из жизни журналист, писатель и публицист Вячеслав Валентинович Морозов, бывший сотрудник нашей редакции. Русский человек, родившийся на Алтае, прошедший армейскую службу в десантных частях, впоследствии журналист, не раз бывавший в горячих точках, он был патриотом, оправдавшим это высокое имя и своей жизнью, и своим творчеством. Предлагаем вниманию читателей его последний очерк, написанный им незадолго до смерти. Примечательно, что он посвящен землякам, с которыми Вячеслав Морозов никогда не прерывал живой связи.

ВЯЧЕСЛАВ МОРОЗОВ

“САМОЕ СВЯТОЕ, ЧТО У НАС ОСТАЛОСЬ”

Писатели Алтая – Великой Победе

Русские — не люди, это какие-то стальные существа. Они никогда не устают и не боятся огня.

Из дневника немецкого лейтенанта, убитого под Сталинградом.

Прочитаны две прекрасные книги, посвященные 65-летию Победы нашего народа в Великой Отечественной войне: поэтическая антология поэтов Алтая “Обратный отсчет” и том документальных очерков “Неизвестный Алтай. Лихолетье войны” известного журналиста Анатолия Муравлева. Считаю, что они — достойная, запечатленная в Слове память и искренняя благодарность как ушедшим, так и живым — фронтовикам, труженикам тыла.

Признаюсь честно: последнее словосочетание всегда вызывало у меня некую неприязнь — видимо, от довления-доминирования слова “тыл”, где не стреляют, не гибнут в боевых схватках, не закрывают телами вражеские амбразуры, а трудятся, как и в мирное, невоенное время, — пусть и во славу грядущей Победы... Когда не столь давним Указом Президента России тружеников тыла приравнивали к фронтовикам и блокадникам, душа немного успокоилась. Есть героизм порыва, а есть героизм тяжкой и долгой самоотдачи, когда и результатов его сразу не видно, и в итоге неведомо — сколь велик был твой личный вклад в общее дело.

В предисловии к поэтической антологии редколлегия уведомляет читателя, что “выбирали не авторов, а написанные в разное время талантливые стихотворения, объединенные одной темой — ужасы и страдания, поражения и

победы в Великой Отечественной войне”. В книге нет разделов, но условно они существуют:

- стихи о войне поэтов-фронтовиков;
- стихи труженников тыла;
- стихи “детей военного времени”, ожидавших отцов с фронта;
- стихи послевоенные – самых разных поколений;
- святой день – День Победы, от 1945 года до наших дней.

Анатолий Муравлев, как опытный журналист, разбивает книгу на три рубрики: “Ратники”, “Вдали от фронта”, “Память”. Нельзя не заметить эту объединенную темой войны совсем не случайную “перекличку” содержания двух книг: она органически переплетается и с судьбой страны, и с нашими судьбами, и с памятью наших потомков.

В стихах о войне разные поэты вольно-неволью “сбиваются” на уже использованные образы – и, как я понимаю, вовсе не от поэтического бессилия, а от массовой схожести мироощущения, за что их трудно укорить. Например, стихи Александра Гусева:

*Мы потому не носим ордена,
Что это дело вовсе не простое,
Что нас и так преследует война
И первый бой нам не дает покоя.*

Или “Ветераны” Геннадия Володина:

*Каждый день убить их может
В них живущая война.*

Сразу вспоминаются более растиражированные и более афористичные строки Юрия Левитанского:

*Я не участвую в войне,
Война участвует во мне.*

Концовка стихотворения “Отец” Ольги Заевой:

*И кроме всех заслуженных наград
Носил в себе осколки до кончины,
Считал себя виновным без причины
За то, что жив и что пришел назад.*

Александр Твардовский (60-е годы):

*Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
Что все они, кто старше, кто моложе,
Остались там.
И не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь.
Речь не о том.
Но все же, все же, все же...*

На то он и классик, что на десятилетия вперед сумел выразить общее горькое ощущение оставшихся в живых победителей. И горечь эту, непоправимую порой, не скрашивает даже радость победы. Оказывается, время-то лечит, но далеко не все. (“И вся война от Волги до рейхстага нахлынула опять издалека”, – М. Борисов). Как сын фронтовика смею утверждать, что и в память нашего поколения отцы даже в коротких незатейливых рассказах сумели невольно запечатлеть это сложное и порой трудно объяснимое чувство. Возможно, это и есть то, что называется генной памятью...

*Моя тревога вечная и совесть —
Седой сержант Синявинских болот.
(Борис Капустин)*

*Война, война...
О ней, о невеселой,
И нынче боль сжимается в словах.
И нынче плачут по сгоревшим селам,
И детский крик звенит в ушах.
(Сергей Ключников)*

Стихи поэтов, прошедших фронтовое пекло, легко угадываемы даже по отдельным строчкам-мозочкам, маленьким деталям фронтового обихода, неподдельности и достоверности в описании мгновений картины боя, сложнейшей и бесконечной гаммы ощущений человека на войне. Одна из таких ярких подборок – стихи недавно ушедшего от нас Героя Советского Союза Михаила Борисова. “Прикрывая матушку-пехоту, сами выживали невзначай” – такое не придумаешь за письменным столом, такие строчки выдыхаются сами...

*У него — две беляньки прядки,
У меня — застывший в крике рот...
Двое нас на две сорокапятки.
Он и я — весь уцелевший взвод.*

Поневоле вспомнишь и героическую военную биографию автора, и бессмертный суворовский афоризм: “Побеждают не пушками и ружьями, а духом и умением”. К стыду своему, признаюсь, что только из этого сборника узнал, что давний мой знакомый Михаил Борисов – родом с Алтая, хотя при встречах в Союзе писателей обменивались: “Здравствуй, дядя Миша!” – “Привет, земля!” Царствие небесное Герою-фронтовику и прекрасному поэту!

Потрясающе по глубине чувств и поэтической достоверности цикл стихотворений о встречах возвратившихся с войны солдат: “Окна” Владимира Соколова, “Шел по улице солдат”, “Плясали бабы” Николая Черкасова, “День Победы” Дмитрия Шарбарина, “Весна сорок пятого” Владимира Косарецкого, “Надежда” Идалии Шевцовой, “Сладкий пряник” Геннадия Панова, “Дядя Коля” Василия Нечупаева...

Книга очерков Анатолия Муравлева – пособие от беспамятства и тем, кто в 70-е годы настойчиво предлагал отменить празднование Дня Победы: мол, это укор мирной нынче немецкой нации (“забывая”, что великий для всех нас день называется Днем Победы над фашистской Германией, а не над немецким народом; “забывая” и то, что воевала против нас практически **вся** Европа и что к концу войны возникла не “антинемецкая”, а антигитлеровская коалиция), и тем, кто пока еще по слогам складывает слово “ма-ма”, и их грядущим потомкам. Эта книга – о гигантском вкладе в дело Победы далекого от линии фронта Алтая. И сама книга очерков – несомненный вклад в символическую, но вполне реальную Книгу Памяти. Пятьдесят полновесных и полноценных очерков вошли в сборник. Нет нужды говорить о каждом из них – пересказывать то, что уже написано сочно, лаконично, доступным языком для любого читающего. Требуется отметить скрупулезный подход как к теме, так и к каждой отдельной работе: взялся искать – скреби до донышка... Особая ценность для читателя – четкая авторская позиция и отсутствие какой-либо лакировки.

“Патриотическое воспитание, на мой взгляд, и сейчас в основном ведется по старым лекалам. Только встречи с ветеранами по естественным причинам проводятся реже, а чествование фронтовиков скукожилось до нескольких майских дней. По-прежнему требуют большего внимания к себе вдовы ветеранов, тыловики и дети войны – люди, которые также сполна познали лихолетье. Слабо просматриваются параллели с нынешней российской армией. Замерла поисковая работа. Телевидение устранилось от показа жизни страны, сосредоточившись, в основном, на так называемых звездах, мелких скандалах, пошлом юморе да вымученных сериалах”.

Кто-то не согласен с автором? – Пишите письма.

Из другого очерка:

“Ветеранов очень волнует: когда уйдет их поколение – кто будет героем дня? – Олигархи, обворовавшие страну? Звезды шоу-бизнеса, зачастую несущие в массы низменные чувства, а не высокую российскую и мировую культуру? Писатели, режиссеры, актеры, которые порой воплощают в книгах и фильмах моральных уродов? Политики, беззастенчиво приватизировавшие власть для того, чтобы богатые стали еще богаче, а бедные – еще бедней?”

Или все же героями нашего времени должны стать люди, болеющие за судьбу страны, делающие все, чтобы ее жителям жилось хоть чуточку лучше. И таких людей очень много, намного больше, чем тех, кого интересует лишь собственное благополучие, а не судьба страны. Первыми в ряду тех, кто противостоит бездуховности, являются люди, уничтожившие фашизм. Ветераны, принесшие победу в той войне – это самое святое, что у нас осталось”.

Собственное благополучие и судьба страны – отнюдь не противопоставление. Еще в VI веке до Рождества Христова древний философ Симонид Кеосский молвил: “Человеку для полного счастья не хватает славного Отечества”.

Удачным решением составителя книги можно считать обилие разысканных фотографий – безмолвных, но красноречивых свидетельств времени. Вот седоусый, лысый, весь в медалях фронтовик среди школьников. А теперь посмотрите, каким бравым парнем был он в сорок первом – чуть постарше вас, сегодняшних! Да такой же, как и вы! Лишь одежда иная – по времени и по сезону. Лишь судьба ему выпала более страшная, чем вам. Такая ненавязчивая “подсказка” роднит, сближает поколения, народ, нацию.

“Неизвестный Алтай” – название вроде бы претенциозное: этого вы не знали, а я, Анатолий Муравлев, сейчас вам поведаю... Нет, книга имеет полное право на такое название: очень многое автор сумел не только разыскать и привести в стройную систему изложения и в сжатом виде подать на “читательский стол”. Спасибо тебе, Анатолий Степанович, из твоей работы я действительно узнал много нового для себя и неизвестного ранее.

Личное пожелание в конце этого отзыва о двух замечательных книгах. Как хотелось бы, чтоб они находились в каждой районной и сельской (а еще лучше – школьной) библиотеке Алтая, чтобы по ним педагоги могли воспитывать в душах своих подопечных и неподдельный патриотизм, и любовь и гордость за свою “малую Родину”, и человечность, и благодарную память об ушедших.

ГЕОРГИЙ КАРЕЛИН

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА 20-х ГОДОВ В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Несколько выходных дней, официально связанных поводом государственного праздника Дня народного единства, позволили поразмышлять над терминами “народ”, “единство народа”. Однозначных их определений нет. А праздник есть. Поэтому появилось желание осмыслить проблему через призму понятий “историческое сознание”, “историческая память”, “социальная память”.

Что нас вообще заставляет осознавать прошлое, искать сегодня ответы на вопросы: что случилось с российским народом почти столетие назад, почему нас захватывает проблема собственного прошлого? Вероятно, речь может идти об изменении исторического сознания или исторического понимания, благодаря которому нам становится известно о существовании прошлого, частью которого мы себя осознаем сегодня. Благодаря историческому сознанию прошлое становится реальностью, в определенной степени осознается частью нас самих.

В моих размышлениях по обозначенному поводу помогли две новые книги, посвященные эпохе глубокого социального катаклизма: 1) Гражданская война в России: энциклопедия катастрофы. М.: Сибирский цирюльник. 2010. – 400 с.; 2) Алешкин П. Ф. Васильев Ю. А. Крестьянская война в России в условиях политики военного коммунизма и ее последствий (1918–1922 гг.). М.: Голос-Пресс, 2010. – 576 с. Основной субъект событий исторической катастрофы (а как иначе называть Гражданскую войну или ее часть – крестьянскую войну?) – народ, российский народ, основную часть которого в то время составляло крестьянство (80% всего населения страны).

Составитель и ответственный редактор Энциклопедии Гражданской войны Дмитрий Володихин в предисловии подчеркнул: особое внимание редакции проекта привлекла тема крестьянских восстаний в начале 1920-х годов, по его выражению, “войны после войны”. Авторы статей в энциклопедии Петр Алешкин и Юрий Васильев в своей монографии предложили определение “крестьянская война”. Гражданская война между “красными” и “белыми”, порожденная революцией 1917 г., заслонила собой не менее ожесточенный “внутренний фронт” Гражданской войны – крестьянскую войну 1918–1922 гг. против политики “военного коммунизма”.

Именно политика военного коммунизма породила крупномасштабную войну и воспроизводила протестные явления на всей территории страны. В период создания мифологем лингвистическое окончание *-щина* в новых неологизмах было призвано сформировать отрицательную оценку протестных явлений в общественном мнении: так появились “антоновщина”, “махновщина”,

“мироновщина”, “сапожковщина” и др. Однако сегодня вполне уместно употребление приведенных терминов в качестве знаковых феноменов, обозначающих реальные социальные явления.

Вхождение в новый мир в России после 1917 года означало отказ от прежнего мира. Забвение явилось условием обретения новой идентичности. Подобные исторические преобразования всегда сопровождаются в народе ощущениями тяжелой и невосполнимой потери, упадка культуры и безнадежной дезориентации. В этом смысле такие исторические испытания являются, безусловно, травматическими. Но в таких ситуациях последствия травматического опыта часто оказываются гораздо более драматичными: например, в новой реальности Гражданской войны в России люди теряли себя, безвозвратно утрачивалась прежняя идентичность, и на смену ей приходила новая – историческая и культурная.

Травму подобного рода социальная группа (общество, народ) будет всегда носить с собой. Новая идентичность во многом конституируется травмой от потери прежней идентичности – и именно в этом во многом заключается ее содержание. Наступает осознание, что утраченное невозможно вернуть. Коллективная идентичность современного российского общества представляет собой совокупность шрамов в российской душе. Их никогда нельзя будет изгладить полностью, они вызывают в народе длительную и нескончаемую боль. Благодаря этой боли российская цивилизация постоянно помнит об “утраченных мирах”, от которых она была вынуждена отказаться и которые никогда уже не вернуться к ней.

АЛЕКСАНДР КАЗИНЦЕВ

ЖИВОЙ

Ученый нашего времени глазами современников. Сборник статей о Р. И. Нигматулине. М., 2010.

Крайне редко увенчанному титулами академическому ученому удастся сохранить человеческое обаяние и живость характера. Роберту Нигматулину это удалось. О чем свидетельствует книга, выпущенная почитателями и учениками к его 70-летию.

Роберт Исхандерович один из самых бесспорных авторитетов в современной науке. Причем сразу в нескольких областях: механике, физике, экономике. Он яркий публицист, смело высказывающий свое мнение по наиболее злободневным вопросам. Удачливый политик, с первого захода прошедший в Государственную Думу. Выдающийся организатор науки, с чистого листа создавший Институт механики Сибирского отделения АН в Тюмени, поднявший авторитет Академии наук Башкортостана, в последние годы возглавляющий знаменитый Институт океанологии. Всего не перечислить.

Да и не надо: об этом говорят коллеги и ученики Роберта Нигматулина, чьи отзывы – восторженные, благодарные, проникновенные – собраны в книге. И все-таки нельзя не отметить поразительную разносторонность научных интересов и самой личности Р. И. Нигматулина. Историки науки называют такой тип ученых “возрожденческим”. В России они выходили на сцену истории в периоды кардинальных перемен. Будь то XVIII столетие, именуемое “веком титанов” (М. В. Ломоносов, А. Т. Болотов), или XX век – тут список длиннее, да и имена у всех на слуху.

Для того чтобы как можно полнее представить столь многообразную и плодотворную деятельность, потребовалось собрать множество свидетельств. Академик С. С. Григорян пишет о Нигматулине прежде всего как о механике. Патриарх экономической науки академик Л. И. Абалкин – о Нигматулине-экономисте. Академик А. Л. Яншин – о Нигматулине-организаторе. Многочисленные ученики Роберта Исхандеровича, ставшие ныне крупными учеными, с благодарностью вспоминают уроки подлинно творческого подхода к исследованиям, преподанные Учителем. Зарубежные коллеги говорят о вкладе Нигматулина в мировую науку. Из многочисленных отзывов приведу лишь один: “Проф. Нигматулин объединяет в себе необычайную техническую интуицию и здравый смысл с изощренным математическим умом. На уровень его достижений выходит лишь горстка людей во всем мире” (Андреа Просперетти, профессор механики Университета Джона Гопкинса).

Тем показательнее совпадения в оценке деятельности и личности Р. И. Нигматулина. Выделю два момента. Во-первых, человеческие качества. Тут все единодушны: “пассионарный характер” (В. А. Вахитов), “энергия, бьющая через край” (акад. В. А. Левин), “высочайшая интеллектуальность и образованность” (акад. В. И. Осипов), “образ глубокого, умного, талантливого человека” (депутат Госдумы Б. Л. Резник).

Некоторые авторы выдвигают человеческие качества Роберта Исхандеровича на первое место, ставя их перед его выдающимися научными заслу-

гами. Б. В. Куксенко, пронесший дружбу с Нигматулиным через всю жизнь, пишет: “Конечно, мне известно, что Роберт был президент Академии наук Башкортостана и является членом Президиума Большой Академии, был директором больших академических институтов, да и сейчас он — директор, но почему-то все эти обстоятельства кажутся менее важными, чем ощущение интересного человека рядом”.

Я склонен согласиться с этим запальчивым утверждением. Неравнодушные, человеческая увлеченность, страстность выделяют Нигматулина не только среди руководителей академической науки, но и среди администраторов высшего ранга, и среди политических лидеров.

Обаяние Роберта Искандеровича я испытал на себе. Он первым подошел ко мне на встрече почетных выпускников Московского университета и сказал немало лестных слов о журнале “Наш современник”. Откликнувшись на мое приглашение, вскоре приехал в редакцию и предложил серию статей, которые сразу же сделали его одним из знаменитых авторов издания, славного именами В. Распутина и Ю. Бондарева, А. Зиновьева и С. Глазьева, В. Кожина и А. Панарина.

Второе качество, отмеченное многими, патриотизм — он не так часто встречается в среде российской элиты. Патриотизм Нигматулина — результат глубоко осознанного, в какой-то мере самоотверженного выбора. Он равно отверг искушения комфортного космополитизма, лишившего нашу страну многих видных ученых, и соблазн местечкового национализма (а ведь, как вспоминают биографы академика, его прадед боялся отпустить сына в Уфу — как бы он не женился на русской!). Возглавив Академию наук Башкортостана в период “парада суверенитетов”, Нигматулин никогда не пытался разыграть карту “титულიной нации”, хотя его род накрепко укоренен в башкирской земле. Точно так же, получив профессорскую кафедру в американском университете, он и попытки не сделал зацепиться за “кисельные” заокеанские берега.

Нигматулин неизменно верен своей стране. По словам его душевного друга Михаила Яковлева, знающего Роберта Искандеровича как никто другой, он “истинный патриот России, что не мешает ему быть и патриотом своей малой родины — Башкирии”. Вклад академика в развитие башкирской науки неоценим. Но эта многоплановая, поражающая своим размахом работа поднимает авторитет российской науки в целом, укрепляет могущество всей Державы.

Свидетельства, собранные в этом издании, столь ярки и органичны, что кажется, будто книга сложилась сама собой. Но я как профессиональный редактор знаю: подобное “саморазвитие” является итогом колоссальной подготовительной работы.

Этот нелегкий труд взяла на себя молодая журналистка Халима Каримова. Она тщательно изучила архивы, прослеживая судьбы нескольких поколений рода Нигматулиных. Собрала и обобщила публикации, посвященные Роберту Искандеровичу. Обратилась к коллегам и ученикам академика с просьбой написать о нем, а затем бережно отредактировала тексты. Зачастую ей приходилось самой записывать рассказы.

Получилась обстоятельная, достоверная и — хочу особо подчеркнуть — живая книга, посвященная Роберту Искандеровичу. “Роберт человек такого калибра, что писать дешевый восторженный панегирик очень не хотелось”, — отметил один из авторов.

Действительно, перед нами не панегирик, а увлекательный рассказ о необыкновенно талантливом и обаятельном человеке.

**В издательстве “Наш современник” вышла книга
АЛЕКСАНДРА КАЗИНЦЕВА “ВОЗВРАЩЕНИЕ МАСС”**

Книга состоит из четырех частей, посвященных массовым движениям Европы и мусульманского мира, новым моделям народовластия в Латинской Америке, протестным движениям в России. Автор использует огромное количество фактических данных и материалов, многие из которых не доступны широкой публике.

Издание можно приобрести в редакции журнала или заказать по почте. Цена в редакции — 100 руб., с пересылкой — 160 руб. Для оформления почтовой доставки деньги следует перевести на адрес редакции: 127051, Москва, Цветной бульвар, д. 32, стр.2, Редакция журнала “Наш современник”, Казинцеву А. И.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Исполнилось 75 лет видному русскому писателю Сергею Николаевичу ЕСИНУ. Его роман “Имитатор” (1985) стал событием литературной жизни и навсегда привлек читательское внимание к автору, столь смело и честно сказавшему об общественной опасности появления целой череды имитаторов — в искусстве, науке, политике. И шире — об опасности духовных подмен, что было особенно своевременно в канун наступления эпохи подмен в конце 80-х.

Смелость и независимость позиций Сергей Николаевич демонстрировал не раз. Так, в период повсеместных поношений “красного проекта” он издал роман “Ленин. Смерть титана” (2002).

С “Нашим современником” Сергей Есин связан с начала 90-х, когда он опубликовал в журнале резкую антилиберальную повесть “Стоящая при дверях” (№ 4, 1992). Вскоре после этого он вошел в Общественный совет журнала. Внимание специалистов и интерес читателей неизменно вызывают публикации на наших страницах его “Дневника ректора” (с 1992-го по 2006 год С. Есин был ректором Литературного института).

Поздравляя нашего товарища, желаем Сергею Николаевичу здоровья, долголетия и его “фирменного” язвительного вдохновения!

.....

Исполнилось 60 лет талантливому русскому критику и публицисту Вадиму Валерьевичу Дементьеву. Многие произведения В. Дементьева посвящены родному для него Вологодскому краю — “Земля русского преображения”, “Отчина и дедина. Свет малой родины”, “Слово о полку Белозерском”, “Дом Спаса. Вологодские каменные Кижы”, “Вологда и вологжане”.

Редакция “Нашего современника” не раз публиковала его поэтические рассказы о своей малой родине. В наших планах новые публикации дорогого для нас автора.

С днем рождения, дорогой Вадим Валерьевич!

В издательстве ВАХАЗАР (Москва) и ИГАМ (Белград)
выходит в свет
литературно-художественный альманах
с параллельным текстом на сербском и русском языках

СРПСКО-РУСКИ КРУГ

СЕРБСКО-РУССКИЙ КРУГ

В выпуске на 2010/2011 год:

ИЗ СЕРБСКОГО ЭПОСА:

ПОЭЗИЯ Федора Тютчева, Йована Йовановича-Змая,
Алексы Шантича, Матии Бечковича, Душана Радовича,
Валерия Латынина, Дафинки Станевой

ПРОЗА Иво Андрича

ДРАМА Радована Караджича

ОЧЕРКИ Предрага Пипера, Любинко Раденковича

Представление альманаха состоится
в Государственном музее В. В. Маяковского
(Москва, Лубянский проезд 3/6)

3 февраля 2011 года в 19.00

В редакции альманаха можно приобрести

АНТОЛОГИЮ СЕРБСКОЙ ПОЭЗИИ в трех томах
и книги двуязычной

СЕРБСКО-РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

(Радован Караджич, Витомир Николич, Бранислав Црнчевич,
Джорджо Сладое, Благое Бакович, Райко Петров-Ного,
Любица Милетич, Стеван Раичкович, Мирьяна Булатович)

srb-rus-krug@narod.ru

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2010 ГОД

ПРОЗА

- АНТИПИН Андрей. **Теплоход “Благовещенск”**. Рассказ (№ 7)
- БАДАК Алесь. **Побег на край дождя**. Рассказ (№ 12)
- БАЙБОРОДИН Анатолий. **Дворник**. Рассказ (№ 3)
- БЕЛОЗЕРОВ Андрей. **Сын**. Рассказ (№ 8)
- БЕСЕДИН Николай. **День Флота**. Рассказ (№ 10)
- БУДАКОВ Виктор. **Гранаты на земляничной поляне**. Рассказ (№ 5)
- ВОРОНЦОВ Андрей. **Человек в зеленых очках**. Рассказ (№ 1)
- ВУЛЬФОВ Алексей. **Сторожка**. Повесть (№ 2)
- ГАЛАКТИОНОВА Вера. **Спящие от печали**. Повесть (№ 3–4)
- GERMAN Сергей. **Дорога с войны**. Рассказы (№ 11)
- ЕВСЕЕНКО Иван. **Битва**. Рассказ (№ 5)
- ЖАРНИКОВА Елена. **Путем разведки**. Рассказы (№ 11)
- ЗИГАНШИН Камиль. **Боцман**. Повесть (№ 4)
- ИВАНОВ Александр. **Канувший род**. Рассказ (№ 12)
- ИВЕНШЕВ Николай. **Рубиновая прорубь**. Рассказы (№ 10)
- ИГУМНОВ Дмитрий. **Ночной разговор**. Рассказы (№ 3)
- ИСАЕВ Валерий. **Барс** (№ 6)
- КАРЫШЕВ Альберт. **Печники и кровельщики**. Рассказ (№ 10)
- КИЛЯКОВ Василий. **Капитал**. Рассказ (№ 7)
- КОЗЛОВА Елена. **Над обрывом плакала гармонь**. Рассказ (№ 11)
- КОСТЮЧЕНКО Наталья. **Две половинки любви**. Рассказ (№ 12)
- КУЗНЕЦОВ Евгений. **Русские**. Рассказы (№ 11)
- ЛЕВАНОВИЧ Леонид. **Сериал**. Рассказ (№ 12)
- ЛЕОНОВ Юрий. **На краю Мещеры**. Зарисовки (№ 7)
- ЛИХАНОВ Альберт. **Джордж из Динкиджаза**. Повесть (№ 9)
- ЛОМКОВСКИЙ Александр. **Любимый гриб**. Рассказ (№ 9)
- ЛУГИНОВ Николай. **Восхождение**. Повесть-притча (№ 6)
- МАРЧУК Георгий. **Марточка**. Рассказы (№ 12)
- МАСЛОВ Валерий. **Дачный роман**. Рассказ (№ 2)
- МИХЕЕНКОВ Сергей. **Солдатские истории** (№ 5)
- МИШНЕВ Станислав. **Купавы**. Рассказ (№ 1)
- МУХАМАДИЕВ Ринат. **Свои люди**. Рассказ (№ 8)
- ОСМОНКУЛОВ Жапарали. **Подснежники из Пишпека**. Рассказы (№ 2)
- ПАДЕРИН Геннадий. **Рядовой Матрена**. Рассказ (№ 9)
- ПОПОВ Алексей. **Странный человек**. Рассказ (№ 11)
- ПОПОВ Михаил. **Капитанская дочь**. Роман (№ 1–2)
- ПРОНСКИЙ Владимир. **Листопад**. Рассказ (№ 8)
- ПРОХАНОВ Александр. **Стеклодув**. Роман (№ 8)
- РУЛЕВ Сергей. **Подвал**. Рассказ (№ 11)
- САВИЦКИЙ Алесь. **Лесная пристань**. Роман (№ 4–5)
- САЛАМАХА Владимир. **Лица и лик**. Повесть (№ 12)
- СМОРОДИНЫ Анна и Константин. **Рыбалка**. Рассказ (№ 9)
- СОКОЛОВ Александр. **Заброшенный колодец**. Рассказ (№ 2)
- СПИЧАК Григорий. **Тринадцатый вагон**. Рассказы (№ 11)
- СТАРОДЫМОВ Николай. **Судьба офицера**. Отрывок из романа (№ 2)
- СТОЛПОВСКИЙ Петр. **Всех обхитрил**. Рассказы (№ 11)
- ТКАЧЕВ Василь. **Дорога**. Рассказ (№ 12)
- УБОГИЙ Юрий. **Молитва**. Повесть (№ 10)
- УЛЬЯНОВ Александр. **Неприкаянные души**. Рассказ (№ 11)
- ФУФЛЫГИН Александр. **Юлечка уехала**. Рассказ (№ 7)
- ЧЕРНОВА Анастасия. **За стеной**. Рассказ (№ 7)
- ЧИКАРНЕЕВА Виктория. **Улыбайся!** Рассказ (№ 7)
- ШАКИМОВ Булат. **Односельчане**. Рассказы (№ 7)
- ШИШАЕВ Борис. **Старость кота Тимофея**. Рассказ (№ 6)
- ЩЕПОТКИН Вячеслав. **Казнь С. Разина**. Рассказ (№ 3); **Холера**. Рассказ (№ 7)

ПОЭЗИЯ

- АВРУТИН Анатолий. **То ли родина, то ли печаль** (№ 12)
- АЛЕШКОВ Николай. **Такой простор, что душу ломит...** (№ 4)
- АРТЮХОВ Евгений. **Умытая кровью страна** (№ 2)
- БОВДУНОВ Александр. **Нация, Родина, девочка Русь** (№ 10)

- БРОНШТЕЙН Виктор. **“Свою печаль не-су...”** (№ 6)
- БРЮХОВЕЦКИЙ Виктор. **Не сужу, да не буду судимым** (№ 7)
- БУРМИСТРОВ Борис. **Наши пути бесконечны – иди!** (№ 1)
- БУШИН Владимир. **Мое время** (№ 5)
- ВАСИЛЬЕВ Ярослав. **Мы будем сурово и праведно жить...** (№ 8)
- ВОРОТНИН Юрий. **Две линии – жизни и смерти** (№ 8)
- ГОРБОВСКИЙ Глеб. **Я в жизнь вошел, как в лес дремучий...** (№ 10)
- ГРИЩЕНКО Николай. **Среди заснеженных полей...** (№ 1)
- ДАГАНОВ Абдулла. **Льется песня, тревожно звеня...** (№ 12)
- ЕГОРОВА Наталья. **О жизни той, что пела и светила...** (№ 3)
- ЕРОФЕЕВА-ТВЕРСКАЯ Валентина. **Запах весенних костров** (№ 3)
- ИЩЕНКО Наталья. **Киммерийские напевы** (№ 8)
- КАРАБИНСКАЯ Инга. **Нитка следов до самого поворота...** (№ 11)
- КИСЕЛЕВ Георгий. **Что ж я не скурвился?** (№ 12)
- КЛЮЧНИКОВ Юрий. **Воспоминание** (№ 12)
- КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО Тамара. **Светились яблони в саду** (№ 12)
- КУРДАКОВ Евгений. **Псы Актеона** (№ 3)
- ЛАПШИН Виктор. **Ангельски мы жили...** (№ 2); **Землю уже с высоты озираю...** (№ 5)
- ЛАТЫНИН Валерий. **Родова** (№ 2)
- ЛЕЙКО Татьяна. **На русском костяке** (№ 12)
- ЛОГВИНОВ Андрей (протоиерей). **Мне по сердцу та простота...** (№ 5)
- ЛОЩИЦ Юрий. **Наш Севастополь** (№ 6)
- МАКАРОВ Владимир. **Бессмертный шум берез...** (№ 9)
- МАЛИНИН Олег. **Страна революций** (№ 10)
- МАРТЫНОВА Елизавета. **Книга степи** (№ 10)
- МАТВЕЕВА Новелла. **Эта картина была и осталась – моей...** (№ 1)
- МИЗГУЛИН Дмитрий. **Услышь движенье зимних вод** (№ 9)
- МИРОШНИЧЕНКО Надежда. **Я боюсь тебя потерять** (№ 11)
- МОРОЗОВ Геннадий. **Абрамовский угор** (№ 2)
- НЕДОСЕКОВ Илья. **Ты стала мне сердцем, Россия** (№ 10)
- НЕЖДАНОВ Владимир. **Весною дышащий простор** (№ 4)
- ОБЪЕДКОВ Анатолий. **И жизнь, как небо, глубока...** (№ 11)
- ОРЛОВ Борис. **“Над перископом белый ангел вьется”...** (№ 7)
- ОСИПОВ Владимир. **Свитки памяти** (№ 2)
- ПАШКОВ Геннадий. **Утренняя поэма** (№ 12)
- ПЕРЕВЕРЗИН Иван. **Мы рождены, чтоб песней жить...** (№ 7)
- ПЕРМИНОВ Юрий. **Небесным радуюсь дарам** (№ 1); **Мне делить с народом нечего...** (№ 8)
- ПОДЛУЗСКИЙ Владимир. **Прощай, натруженная песня** (№ 11)
- ПОЛИКАНИНА Валентина. **Над Белой Русью белые снега...** (№ 12)
- ПОПОВ Андрей. **Ах, Родина! Грядущее в тумане...** (№ 11)
- ПОШЕХОНОВ Александр. **Куда я зову** (№ 2)
- СКАРЛЫГИН Геннадий. **Родные места** (№ 8)
- СКИФ Владимир. **Мы сами выбрали судьбу** (№ 2); **Чтоб задышала русская земля** (№ 9)
- СМИРНОВ Лев. **А Родина все нам прощает...** (№ 6)
- СОРОКИН Валентин. **Скоро боль в груди моей растает...** (№ 4)
- СУВОРОВ Александр. **Выхожу в открытое пространство...** (№ 11)
- ТРОФИМОВ Михаил. **По своей Руси хожу** (№ 3)
- ФИЛАТОВ Сергей. **Истоки** (№ 2)
- ФИЛАТОВА Людмила. **Две правды уживаются на свете...** (№ 3)
- ФОКИН Валерий. **Отшумят над родиной метели...** (№ 9)
- ХАРИС Ренат. **Выставка Победы – 1975** (№ 5)
- ХАРЛАМПУЕВА Наталья. **Жизнь – великая река...** (№ 8)
- ЧИКАНОВА Любовь. **Без боли прощая** (№ 10)
- ШАМСУТДИНОВА Марина. **Пора нам выходить из резервации...** (№ 10)
- ШАЦКОВ Андрей. **Возвращение к себе** (№ 12)
- ЭРАСТОВ Евгений. **Постою над открытой бездной** (№ 7)
- ЯГОДИНЦЕВА Нина. **Россия моя, Россия...** (№ 9)
- ЯШИНА Инэль. **Дети войны** (№ 5)

ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА:

- АРБЕКОВ Юрий (№ 6)
- БАЛАШОВ Владимир (№ 4)
- БАШКИРОВ Семен (№ 11)
- БАШЛАКОВ Михась (№ 12)
- БЕЗГОДОВ Дмитрий (№ 11)
- БОКОВ Виктор (№ 5)
- БОРОВИКОВА Раиса (№ 12)
- ГАЛКИН Всеволод (№ 5)
- ГОРЯЧЕВ Валерий (№ 6)
- ГУСАРОВ Михаил (№ 4)
- ДЕНИСОВ Владимир (№ 4)
- ДИНАБУРГСКИЙ Валентин (№ 5)
- ДЬЯЧКОВ Александр (№ 10)
- ЕВСЕЕВА Светлана (№ 12)

ЕГОРОВ Александр (№ 4)
ЕРМАШКЕВИЧ Бронислав (№ 12)
ЕРШОВ Максим (№ 10)
ЗЛОТНИКОВА Ольга (№ 12)
ЗНОБИЩЕВА Мария (№ 10)
ИГОНИНА Мария (№ 11)
КАНАВЩИКОВ Андрей (№ 4)
КАШИНА Александра (№ 10)
КОВЯЗИН Юрий (№ 4)
КОЗЫРЕВА Екатерина (№ 6)
КОЛОКОЛЬНИКОВ Иван (№ 10)
КОМАР Ирина (№ 6)
КОРНИЛОВ Владимир (№ 4)
КОРОБЕЙНИКОВА Алевтина (№ 6)
КОШКИНА Елена (№ 12)
ЛЕВШУН Любовь (№ 12)
ЛУКША Валентин (№ 12)
ЛУКЬЯНОВ Игорь (№ 6)
МАЗЛУМЯН Крикор (№ 4; № 6)
МАЛЬЦЕВА Галина (№ 10)
МАРТЕМЬЯНОВ Владимир (№ 6)
МЕТЛИЦКИЙ Микола (№ 12)
МИКУШЕВИЧ Владимир (№ 6)
МУТИН Валерий (№ 6)
НИКИПОРЧИК Алла (№ 12)
ПАЛИЕВСКИЙ Михаил (№ 4)
ПЕРЕПОН Евгения (№ 11)
ПОЗДНЯКОВ Михаил (№ 12)
ПОЛЕЕС Елизавета (№ 12)
ПОЛЯКОВА Лидия (№ 4; № 6)
ПОПОВ Василий (№ 10)
ПОПОВ Сергей (№ 5)
РАДИОНЧИК Дмитрий (№ 12)
РАХМАНОВА Оксана (№ 4)
РЯСКИН Алексей (№ 10)
САВИЦКИЙ Виталий (№ 12)
САВОСТИН Николай (№ 5)
САЛТУК Олег (№ 12)
САРАНЧИН Рамиль (№ 6)
СВЕРДЛОВ Борис (№ 6)
СЕРГЕЕВА Ирена (№ 6)
СИРОТИН Дмитрий (№ 11)
СКОРИК Владимир (№ 5)
СКРЯБИНА Ольга (№ 11)
СНЕГИРЕВА Дарья (№ 11)
СТИКИНА Наталья (№ 11)
СУРНИНА Ирина (№ 10)
ФИЛАТОВ Сергей (№ 4)
ФИРСОВА Ксения (№ 4)
ХМАРА Ольга (№ 11)
ХРЕНОВ Юрий (№ 4)
ЧУЛКОВ Лев (№ 5)
ШЕВЧЕНКО Людмила (№ 12)
ШЕМЕТОВА Ольга (№ 10)
ШЕМЯКИНА Мария (№ 12)

ДНЕВНИК СОВРЕМЕННОГО

КАЗИНЦЕВ Александр.
Испытание (№ 2);
Поезд убирается в тупик (№ 7–11)

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

“И снова Катень...” (*Предисловие В. Илюхина*) (№ 11)
АЛЕКСЕЙЧИК Яков. **Маршал и маршалек** (№ 12)
АНДРЕЕВЫ Александр и Максим. **Битва** (№ 12)
АРТАМОНОВ Анатолий. **“Всегда сверяю свои действия с будущим”** *Беседа Ст. Ю. Куняева с губернатором Калужской области* (№ 10)
АРЦИБАШЕВ Александр. **Не угасай, Тимониха** (№ 7); **Проблемы и суждения** (№ 10)
БАДОВ Валерий. **Ябеды американскому дядюшке** (№ 4)
ГАНИЧЕВ Валерий. **Из Санаксарского монастыря...** (№ 1)
ГЛАЗЬБЕВ Сергей. **О стратегии развития** (№ 1)
ГОДИН Юрий. **Союзное государство – сказка для взрослых** (№ 12)
ГУСЕВ Геннадий. **Кавказский пленник** (№ 8)
ДАНИЛОВ Михаил. **Прозрение...** (№ 8)
ДЕЛЯГИН Михаил. **Что должен сказать России ее президент** (№ 4); **Между прогрессом и варварством** (№ 9)
ДЕНИСОВ Владимир. **Качканар – достоинство России** (№ 6)
ДОЛГИНИН Евгений. **Саяно-Шушенская ГЭС: размышления после аварии** (№ 8)
ДЯТЛОВ Сергей. **Православные основы русской экономики** (№ 4)
ЕМЕЛЬЯНОВ Юрий. **Как у нас пытались украсть Победу** (№ 5); **Посрамление футурологов** (№ 9)
ЗАЛИХАНОВ Михаил. **Терроризм не ходит в одиночку** (№ 9)
ЗЮГАНОВ Геннадий. **На переломе** (№ 1)
КАЗАКОВ Михаил. **Прошлое больше тебя не догонит?** (№ 6)
КАРА-МУРЗА Сергей. **Разрушение культуры** (№ 2)
КИРВЕЛЬ Чеслав. **Регионализация мира и восточное славянство** (№ 12)
КЛЮЧНИКОВ Борис. **Международные факторы стратегии Победы** (№ 5); **ООН – или мировое правительство Фининтерна** (№ 10)
КЛЮЧНИКОВ Юрий. **Маршал Жуков. Уроки, заветы, надежды** (№ 5)
КОНЯЕВ Николай. **Инвентарный номер ДРЖ-2093** (№ 4)
КОСТЫРЧЕНКО Геннадий. **“Еврейский Крым”**: спекуляции на мираже (№ 6)
КРИШТАПОВИЧ Лев. **Зачем нам чужая история, когда у нас есть своя?** (№ 12)

КРУПИН Владимир. **О назначении писателя в России** (№ 10)
КУНЯЕВ Станислав. **Жрецы и жертвы Холокоста** (№ 1–7; № 9–10)
ЛЕМЕСШЕВ Михаил. **“С родной земли – умри, не сходи!”** (№ 3)
МАЛИНОВСКИЙ Александр. **Дом над Волгой** (№ 10)
МЕДВЕДЕВ Рой. Александр **Лукашенко как политический лидер** (№ 12)
МЕЛЬНИК Кирилл. **Феномен Савицкого** (№ 12)
МЯЛО Ксения. **Точка разъединения** (№ 5); **За горизонтом нулевых** (№ 9)
НИГМАТУЛИН Роберт, НИГМАТУЛИН Булат. **Кризис и модернизация России** (№ 3)
ОВЧИНСКИЙ Владимир. **“Черный ящик” войны с терроризмом** (№ 11)
ОВЧИНСКИЙ Владимир. **Криминал и кризис** (№ 6–7)
От Победы к развалу (Беседы Александра ЗИНОВЬЕВА с Виктором КОЖЕМЯКО) (№ 5)
ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ Сергей. **Грозный царь: известный и неведомый...** (№ 4)
ПЕСТОВА Наталья. **Мать в семье создает мир. Беседа со схимонахиней Марией** (№ 4)
ПРОЛЕСКОВСКИЙ Олег, КРИШТАПОВИЧ Лев. **Национальная гордость белорусского народа** (№ 5)
РАЙСКИЙ Николай. **Польша. Война с Россией и судьба пленных** (№ 9)
РАСПУТИН Валентин. **Что у них за душой? Беседа с журналистом Виктором Кожемяко** (№ 6)
РОДИН Владимир. **Германия: левый марш и правый поворот** (№ 2)
Родом из СССР. Воспоминания о Б. В. ПОПОВЕ (№ 6)
РЫЖКОВ Николай. **“Савченко – руководитель от Бога”** (№ 4); **СССР и Германия: битва экономик** (№ 10–12)
СВЕРДЛОВА Ольга. **А счастье было так возможно!** (№ 3)
СЕВАСТЬЯНОВ Александр. **“Мечтатели” рейха и русские мальчики** (№ 5)
СЕМАНОВ Сергей. **Быть русским достойно есть** (№ 1); **Австрийские уроки для русских** (№ 8)
СТРУКОВА Марина. **“Великим нациям не прощают”** (№ 10)
ТЕТЕКИН Вячеслав. **На южноафриканском направлении** (№ 8)
УБОГИЙ Андрей. **Хайре! – Радуйся!** (№ 9)
ФЕДЧЕНКО Наталья. **Не верь написанному...** (№ 8)
ФЛОРЕНСКИЙ Павел. **Нафталий Френкель** (№ 7)

ФОМИН Сергей. **Потери и приобретения во Второй мировой войне** (№ 1)
ФУРСОВ Андрей. **Опричнина – воспоминание о будущем?** (№ 8)
ФУРСОВ Леонид. **Церковь и государство в судьбах обездоленных** (№ 4)
ЦАРЬКОВ Григорий. **Своя вершина** (№ 3)
ЧЕРНЯК Александр. **Тайна первой революции** (№ 12)
ШАПОВАЛОВ Владислав. **Заветное** (№ 11)
ШВЕД Владислав. **Вновь о Катыни** (№ 2)
ШЕСТУН игумен Георгий. **Место мужчины во вселенской иерархии** (№ 4)
ШИШОВА Татьяна. **Образ матери в современной культуре** (№ 3); **Какую личность формирует “Программа 2100”?** (№ 8)
ШУРТАКОВ Семен. **Любит ли Бог троицу** (№ 7)

ПАТРИОТИКА

КАЗИНЦЕВ Александр. **Живой** (№ 12)
КАРЕЛИН Георгий. **Крестьянская война 20-х годов в современных исследованиях** (№ 12)
МОРОЗОВ Вячеслав. **“Самое святое, что у нас осталось”** (№ 12)
СВИНИННИКОВ Валентин. **Бесценен опыт Кедрогора** (№ 12)
ШИШКИН Евгений. **Бунт и смирение** (№ 2)

ПАМЯТЬ

АБРАМЫЧЕВ Алексей. **Правда о забытой войне** (№ 6)
КУЗНЕЦОВ о. Виктор. **4 октября. Расстрел** (№ 10)
КУНЯЕВ Сергей. **“Ты, жгучий отпрыск Аввакума...”** (№ 2; № 3; № 6; № 7; № 9; № 10)
КУНЯЕВ Станислав. **Крушение великой иллюзии** (№ 11)
ОРЛОВ Даль. **Воспоминания “действующего лица”** (№ 1)
ПОЗДНЯКОВ Владимир. **Советник в Канадагаре** (№ 2)
СЕМЕНОВ Владимир. **Пропавший герой** (№ 4)
СЕРГУНЕНКОВ Борис. **Пушкинские ключи** (№ 2)
СИДОРЕНКО Галина. **Мирные годы, военные годы...** (№ 3)
ЧАЛЫЙ Петр. **Зимний листопад** (№ 10)
ШАХОВА Нинель. **19 августа 1991...** (№ 8)

КРИТИКА

- БАЖЕНОВА Александра. **“...За пазухой у отческого края”** (№ 3); **Поиск единства славян, единства русских корней** (№ 10)
- БОНДАРЕНКО Владимир. **Простодушный сибирский мудрец Юрий Ключников** (№ 12)
- ВОРОНЦОВ Андрей. **Метод Собакевича** (№ 8)
- ГАВРИЛОВ Валентин. **Угроза гибели “экологии культуры”**. Проблемы музея-заповедника С. А. Есенина (№ 11)
- ГАНИЧЕВ Валерий. **Народный писатель (О Василии Белове)** (№ 11)
- ГЛАДЫШЕВА Софья. **“Но боль моя острой день ото дня...”** (№ 5)
- ГРЕЧАНИК Ирина. **Остаться самим собой** (№ 8)
- ГРИГОРЬЕВА Ольга. **“По указке петь не буду средю...”** (№ 1)
- ГУМИНСКИЙ Виктор. **Непрерывность жизни духа** (№ 10)
- КАЗАРКИН Александр. **Возвращение Георгия Гребенщикова** (№ 8)
- КИРИЛЛОВ Илья. **Кукушки и карлики** (№ 4)
- КОНДРАТЬЕВ Иван. **Русский бард Александр Харчиков** (№ 1)
- КОНОНОВ Владимир. **“Веленью Божию, о муза, будь послушна...”** (№ 6)
- КОТОВСКОВ Владлен. **Молодые гости Шолохова** (№ 5)
- КРЕЙДИЧ Нина. **Читая письма Чайковского** (№ 9)
- КРИЖАНОВСКИЙ Николай. **Необъяснимые правила прозы** (№ 8)
- КУНЯЕВ Сергей. **Есенин и “альфреды”** (№ 12)
- МИХАЙЛОВ Олег. **Слово о друге** (№ 1)
- НЕБОЛЬСИН Сергей. **Ясная Поляна в 1950 году** (№ 11)
- НЕВЕРОВ Владимир. **В полуармейском походном одеянии** (№ 5)
- ОРЕХАНОВА Галина. **А. П. Чехов на русской сцене** (№ 1)
- ПАВЛОВ Юрий. **“Кризис и другие” С. Кургиняна. Фантазии на литературно-политические темы** (№ 1)
- ПЕРЕСТОРНИН Николай. **Роду-племени крестьянского** (№ 8)
- ПЛАСТОВА Татьяна. **Поэтика правды** (№ 1)
- ПОТАПОВА Альбина. **Николай Рубцов на нижегородской земле** (№ 1)
- РАДЕЧКО Петр. **Не постигнет ли Есенина участь Беранже?** (№ 10)
- РАЗУМИХИН Александр. **Отцы и дети в “Накануне”** (№ 8)
- РЕТЕЮМ Анна. **“Воздушный замок атомного взрыва”** (№ 2)

- РУМЯНЦЕВ Андрей. **“Нет, жизнь меня не обделила...”** (№ 6)
- СВЕНЦИЦКИЙ о. Валентин. **Куда уехал Лев Толстой? С предисловием С. В. Черткова** (№ 11)
- СЕМАНОВ Сергей. **Михаил Шолохов и православие** (№ 5)
- СУББОТИН Сергей. **Служение** (№ 6)
- ТЯПУГИНА Наталья. **Человеку положено знать не все** (№ 1)
- УГРЮМОВ Иван. **Леонид Абрамыч сражается с черепахами** (№ 7)
- УРНОВ Дмитрий. **На противоположной прямой, или памяти профессора Симмонса** (№ 11)
- ЩЕЛОКОВ Иван. **“И дороги иные, и приметы не те...”** (№ 6)

СРЕДИ РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ

- ПЕТРОВА Марина. **“Ищите и обрящите...”** (№ 3); **“Певец просторов и света...”** (№ 8)
- РОГОВ Анатолий. **Гори, гори ясно** (№ 1)

ПИСЬМО В НОМЕР

- Накануне **“ювенальной” катастрофы** (№ 4)
- Открытое письмо директору Государственного архива РФ Мироненко С. В. (№ 3)
- Письмо президента Республики Беларусь Александра ЛУКАШЕНКО (№ 7)
- ТЮЛЕНЕВ Игорь. **Реплика по поводу бывших...** (№ 1)

КНИЖНЫЙ РАЗВАЛ

- ВОРОНЦОВ Андрей. **“Лучше быть виноватым, но честным”** (№ 4)
- ГУМИНСКИЙ Владимир. **Диалог с ангелом** (№ 4); **Тобольский конек** (№ 7)
- ЗОТОВ Станислав. **Существует ли окончательная правда о гражданской войне** (№ 2); **“Уповаю на воскресение...”** (№ 5)
- МАСЛЕННИКОВА Наталья. **Родная речь** (№ 4)
- ФИЛИППОВА Вера. **“Кудрявой строкой не греша!”** (№ 3)
- ЯГОДИНЦЕВА Нина. **Сибирский изборник** (№ 3)

ПАМЯТИ ДРУГА

- Слово прощания (№ 2)

МОЗАИКА ВОЙНЫ

БЕССОНОВА Надежда. **Хранившие любовь** (№ 6)
БОРМОТКИН Николай. **Ленинградские рассказы** (№ 2)
ЛАПКО Федор. **Солдаты 41-го** (№ 7)
Стихи читателей (№ 6)
ФЕДОРОВ Михаил. **Там земля пропитана кровью...** (№ 9)
ШЕРЕМЕТЬЕВ Борис. **Русский Иван в Трептов-парке** (№ 6)

СВЕТ РАЗУМА

КРУПИН Владимир. **Там, где прошли стопы Его** (№ 4)

Трибуна

КУНЯЕВ Станислав. **“Спасибо Джорджу Соросу” – “Спасибо “Нашему современнику”** (№ 5)

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

ИВАНОВ Всеволод. **Забутые страницы: сибирский период 1915–1919 гг.** (№ 6)

СЛОВО ЧИТАТЕЛЯ

Отстаивая русские ценности (№ 5)
“Начать своими руками обустроить Россию” (№ 9)
Лебеди над Непрядвой (№ 9)

ПАРНАС СМЕЕТСЯ

БАСТРИКОВ Юрий, КАШИРИН Сергей, САЛИМОВ Марсель, ХРОМОВ Юрий (№ 7)
ТРАХИМЕНКО Сергей. **Свобода слова** (№ 12)

МИР КОЖИНОВА

Армавирские чтения (№ 7)
НЕБОЛЬСИН Сергей. **О России, в которой мы живем** (№ 7)
ПАРПАРА Анатолий. **Вадим Кожин и “Москва”** (№ 7)
ШАПОВАЛОВ Михаил. **“Ты даже тенью знаменит...”** (№ 7)

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ МЫСЛИ

КОНДРАТЕНКО Алексей. **Автор “России и Европы”** (№ 11)

НАША МОСКВА

РУГА Владимир, КОКОРЕВ Андрей. **Развлечения** (№ 11)
Творческие итоги года (№ 1)

НАШИ ЮБИЛЯРЫ (№ 10)

Годовое содержание (№ 12)

.....
Информируем читателей, что в номерах 1–12 за 2010 год редакцией реализованы разработанные ею социально значимые проекты “Священная война” и “Россия, Русь, храни себя, храни” (проза, поэзия, публицистика, литературная критика).

Выпуск проекта осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.